А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ПЕСТИ ТОМАХ

под общеи редакцией

ДЕМЬЯНА БЕДНОГО, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, П. Н. САКУЛИНА, В. И. СОЛОВЬЕВА, П. Е. ЩЕГОЛЕВА

вступительная статья А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ГОС ДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО москва 1930 ленинград

А. С. ПУШКИН

том третий ПОЭМЫ, ДРАМЫ

РЕДАКЦИЯ

С. М. БОНДИ, Б. В. ТОМАШЕВСКОГО и П. Е. ЩЕГОЛЕВА

СТАТЬЯ Н. С. ЖИУКИНА

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ КРАСНАЯ НИВА НА 1930 ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО москва 1930 ленинград

ОТПЕЧАТАНО В типографии имени т. Скворцова-Степавова «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», Москва, 37, Страстная пл., в количестве 65.000 вкземпляров. Главлит А 66545 ваказ № 568.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Поэмы и драматические произведения, входящие в состав третьего тома, расположены в порядке хронологическом; в первый отдел включаются произведения, появившиеся при жизни Пушкина или дошедшие в сравнительно обработанном виде, во второй отдел — отрывки и планы. В приложениях даются наиболее значительные разночтения к произведениям первого отдела.

Над установкой текста работали: С. М. Бонди (неоконченная поэма о Тазите, Русалка, отрывки и планы незаконченных драматических произведений), В. А. Мануйлов (Граф Нулин), Ю. Г. Оксман (план пьесы о папессе Иоанне), Б. В. Томашевский (Гаврилиада, Домик в Коломне, Анджело, Борис Годунов), П. Е. Щеголев (Руслан и Людмила, Кавказский пленник, Братья разбойники, Бахчисарайский фонтан, Цыганы, Полтава, Медный всадник, Скупой рыцарь, Моцарт и Сальери, Каменный Гость, Пир во время чумы).

Редакция текста и переводов всех встречающихся в произведениях Пушкина слов, фраз и отрывков на иностранных языках, выполнена проф. А. А. Смирновым.

При изучении подлинных рукописей неоконченной поэмы о Тазите, которая появилась в печати после смерти Пушкина и печаталась во всех изданиях под заголовком «Галуб», с полной достоверностью выяснилось:
1) что заголовок в черновых рукописях отсутствует и дан редактором посмертного издания Жуковским и 2) что Пушкин писал не Галуб, а Гасуб. Академик Н. Я. Марр в ответ на обращение к нему высказался за то, что подлинная пушкинская транскрипция восточного имени находит лингвистическое оправдание, и потому общая редакция сочла возможным и необходимым восстановить лодлинное пушкинское правописание и печатать не Галуб, а Гасуб.

Демьян Бедный А.В.Луначарский П.Н.Сакулин В.И.Соловьев П.Е.Щеголев

КАК РАБОТАЛ ПУШКИН.

«Поэзия,— писал Пушкин, — бывает исключительною страстью немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни»... («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова». 1825 г.). Жизнь самого Пушкина, «все впечатленья бытия» были поглощены этой «страстью немногих». О поэтическом творчестве, вдохновении поэта Пушкин говорит в своих стихах как о некой одержимости, особого рода недуге, сладком забвении, в часы которого возникают поэтические образы и слова обретают гармонию:

Какой-то демон обладал Моими играми, досугом, За мной повсюду он летал Мне звуки дивные шептал — И тяжким, пламенным недугом Была полна моя глава: В ней грезы чудные рождались, В размеры стройные стекались Мои послушные слова И звонкой рифмой замыкались.

«Поэт», пока его не требует «к священной жертве Аполлон», как все, погружен в житейские заботы, и его «душа вкушает хладный сон», ио лишь только до чуткого слуха поэта коснется «божественный глагол»,—

Душа поэта встрепенется, Как пробудившийся орел...

И, охваченный «недугом поэзии», поэт, «дикий и суровый», бежит-

И звуков, и смятенья полн, На берега пустынных волн, В широкошумные дубровы...

Ибо там, в глуши, в уединении — «звучнее голос лирный, живее творческие сны».

Когда Пушкин говорит в стихах о «недуге вдохновенья», о «божественном глаголе», «Аполлоне» и пр., он — во власти традиционных поэтических образов своей эпохи, своего класса. Идущие от античной повзии, образы эти, давно утратившие свое первоначальное, религиозное значение, но еще сохранившиеся в поэтическом словаре, были для Пушкина лишь символами. Этими символами, живыми в поэтическом обиходе, он выражал свои переживания поэта. Поэтические высказывания Пушкина подтверждаются и его теоретическими соображениями и биографическими данными.

Пушкин никогда не искал вдохновения. «Искать вдохновения, — писал он, — всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: вдохновения не сыщешь: оно само должно найти поэта». На языке стихов это ощущение пришедшего вдохновения Пушкин и называет, пользуясь традиционным обра-

зом, «божественным глаголом», призывающим поэта к «священной жертве»

древнему богу поэзии, Аполлону, т.-е. — к поэтическому творчеству.
В заметке «О вдохновении и восторге» (1824 г.) Пушкин говорит: «Критик смешивает вдохновение с восторгом. Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, сдедственно и объяснению оных. Влохновение нужно в геометоии, как и в поэзии. Восторг исключает спокойствие — необходимое условие прекрасного, Восторг не предполагает силы ума, располагающего частями в отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следовательно не в силах произвесть истинное, великое совершенство».

Заметка Пушкина, как это было отмечено еще П. В. Анненковым и позднее подробно развито Н. К. Козминым, направлена против традиционного, архаического взгляда на исключительную, «божественную» роль вдохновения. (По определению Державина, вдохновение — «не что иное есть, как живое ощущение, дар неба, луч божества. Поэт, в полном упоении чувств своих разгораяся свышним оным пламенем или, скорее сказать, воображением, приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце... В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения; оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений»). «Пушкин, — пишет Н. Козмин, - наоборот, был глубоко убежден в неизбежном участии разума в том чрезвычайном подъеме духовных сил, который именуется вдохновением, — и в этом случае поэт являлся последователем рационалистов XVIII века. Вдохновение нераздельно с деятельностью разума, что отражается в гениальном плане художника, — заявлял Вольтер... Работа ума, то длительная, ровная, то повышенная, но беспоерывная, терпеливая, есть, по словам Бюффона, первый признак гения, чаще других навещаемого вдохновением»

Поэт Чарский, изображенный Пушкиным в «Египетских ночах», подобно Пушкину, «вел жизнь самую рассеянную; торчал на всех балах, объедался на всех дипломатических обедах и на всяком званом вечере был так же неизбежен, как Резановское мороженое. Однако ж, он был поэт, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая дрянь (так называл он вдохновение), Чарский запирался в своем кабинете и писал

с утра до поздней ночи».

«Чувствую, что дурь на меня находит, я и в коляске сочиняю» — писал Пушкин в одном из своих писем к жене (1833 г.), определяя вдохновение, как Чарский, весьма прозаически. И, как Чарский, он, когда на него находила «дурь», искал уединения, спокойствия.

«Почуяв рифмы», Пушкин стремился покинуть город с его «забо-

тами суетного света», спешил уехать в деревню, -

На берега пустынных волн, В широкошумные дубровы.

Там, в «строгом уединении» протекали творческие часы поэта. «Ты не можешь себе вообразить,—писал Пушкин жене из с. Михайловского (в сентябре 1835 г.), - как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится». <u>И</u> — в письме из с. Болдина (к П. А. Плетневу, 9-го сент. 1830 г.): «Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать... Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь, да степь, соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помещает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов».

Осень для Пушкина обычно бывала временем творчески плодотворным. В письме к Плетневу (31 авг. 1830 г.) оно писал: «Осень подходит. Это-любимое мое время-здоровье мое обыкновенно крепнет-пора моих

литературных трудов настает».

 $^{^1}$ Примеч. Н. К. Козмина в IX т. соч Пушкина, изд. Академии Наук СССР, Л. 1929. стр. 27 — 33; 925 — 928.

«Писать стихи любил он преимущественно осенью,—вспоминал Плетнев. Тогда он до такой степени чувствовал себя расположенным к этому занятию, что и из Петербурга в половине сентября нарочно уезжал в деревню, где оставался до половины декабря. Редко не успевал он тогда оканчивать всего, что у него заготовлено было в течение года. Теплую и сухую осень называл он негодною, потому что не имел твердости отказываться от лишней рассеянности. Туманов, сереньких тучек, продолжительных дождей ждал он, как своего вдохновения».

«Для вдохновения нужно сердечное спокойствие», — говорил Пушкин. Заботы («житейское волненье») всегда мешали его творчеству. Так, осенью 1835 г., озабоченный своими материальными делами, он в письмах из Михайловского, все время жалуется жене на беспокойство, мешающее ему всецело отдаться творческому труду. «Я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет... Писать книги для денег (т.-е. без вдохновения, не в силу внутренней потребности.—Н. А.), видит бог не могу... Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду». (Письмо от 21 сентября.) И через четыре дня о том же: «Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки, а все потому, что не спокоен». И еще: «Утром дела не делаю, а так из пустова в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю». (Конец сентября, 1835 г.). Начав работать в таком состоянии беспокойства, Пушкин, недовольный своим трудом, пишет (Плетневу в октябре 1835 г.): «... такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валяю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен».

Итак, непременным условием плодотворного творчества для Пушкина было: спокойствие и вдохновение, которое у него неразрывно связано с трудом. Кроме пристрастия к дождливой осени, которая удерживала его в комнате над рукописями, никаких особенных причуд, свойственных иным писателям, у Пушкина не было. «Иметь простую комнату для литературных занятий, — пишет его биограф 2, — было у него даже потребностью таланта и условием производительности. Он не любил картин в своем кабинете, и голая серенькая комната давала ему больше вдохновения, чем роскошный кабинет с встампами, статуями и богатой мебелью, кото-

рые обыкновенно развлекали его».

Когда вдохновение «находило» его, Пушкин писал быстро, беглым почерком занося на бумагу мелькающие образы, свободно льющиеся стихи («В размеры стройные стекались мои послушные слова...»), иногда торопясь записать одни рифмы, как скрепы еще не возникнувшего стиха. Всечисленные исправления и перечеркивания в рукописях Пушкина, самый почерк его, стремительный, решительный и быстрый, множество недописанных из-за поспешности слов, — все это говорит о переизбытке образов, мыслей и созвучий, о непрерывном звучании мгновенно возникавших стихов, которые перо едва успевало заносить на бумагу и которые поэт столь же быстро и стремительно зачеркивал, еще не решив, какие слова выбрать, чтобы полнее выразить то, что мелькало в его воображении, когда «мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы легкие навстречу им бегут, и пальцы просятся к перу, перо к бумаге...» Иногда мысль поэта в творческой взволнованности, отклоняясь от основной темы, как река, меняя русло, текла в сторону; основной текст черновой рукописи прерывался набросками других стихов, заметками. Как в альбоме Онегина, в тетрадях Пушкина —

Среди бессвязного маранья Мелькали мысли, примечанья, Портреты, буквы, имена И думы тайной письмена.

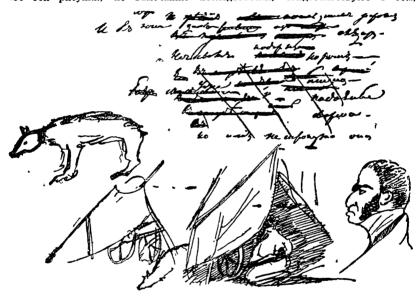
¹ Соч. и переписка П А. Плетнева, т. І, П. 1885, стр. 375.

² П. В. Анненков, Материалы для биогр. Пушкина. СПБ, 1855, стр. 117.

В черновике «Полтавы», которую Пушкий написал исключительно быстро (по выражению Анненкова, «под действие постоянного неизменного вдохновения»), можно видеть, как мысль поэта, отклоняясь от основного потока, идет боковым ходом. В начале поэмы, рисуя повтический образ Марии, Пушкин, не находя нужных ему слов и выражений, перечеркивает только-что написанные стихи, заменяет их другими и слова восстанавливает зачеркнутое. «Как-будто удивленный этой досадной остановкой на одном лице,—замечает Анненков — он вдруг покидает его и под стихами о Марии начинает писать совсем другое:

Оифма — звучная подруга Вдохновенного досуга, Вдохновенного труда, Ты умолкла, улетела Изменила навсегда! и т. д.

Творческое волнение Пушкина («И звуков, и смятенья поли...») отражено и в беглых рисунках, которыми испещрены страницы его рукописей. «И эти рисунки.—по замечанию исследователя,—свидетельствуют о том.

Рисунки Пушкина к поэме «Цыганс» (Рукописн. отд. Публичн. библ. СССР им. Ленина.).

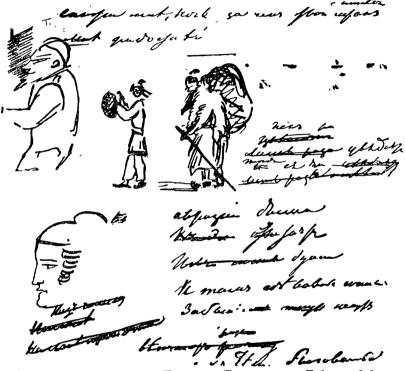
что поэт конкретно осязал и видел образы, которые ему рисовало его воображение, и в значительной степени объясняют конкретность и ясность пушкинского творчества». Поэт, не находя слов для выражения мелькающих перед ним образов, закреплял их в рисунках, таких же быстрых, стремительных и твердых, как его почерк, и столь же выразительных, как его стихи. По очень верным наблюдениям А. М. Эфроса, посвятившего рисункам Пушкина специальное исследование, рисунок в пушкинских рукописях «появлялся в творческих паузах, в малых перерывах стихописания, в минуты критической остановки, во время коротких накоплений

 $^{^1}$ Анненков. Материалы, стр. 201 — 202. ^{2} М. Л. Гофман. Пушкин. Психология творчества. Париж, 1928, стр. 59.

или разрядов поэтической энергии». Когда стихи возникали легко и свободно, когда перо записывало нужные слова, рисунки отсутствовали:

Пишу, и сердце не тоскует, Перо, забывшись, не рисует Близ неоконченных стихов Ни женских ножек, ни голов.

Но лишь только течение стиха замедлялось, и перо начинало все чаще и чаще перечеркивать «неоконченные стихи», тотчас же вта творческая пауза заполнялась рисунками, — появлялись росчерки, профили, фигуры, возникавшие по ассоциации, находившиеся в той или иной связи с перечеркнутыми стихами; нередко связь этих рисунков с поэтическими

Рисунки Пушкина к поэме «Цыгане» (Рукописн. отд. Публичн. библ. СССР им. Ленина).

замыслами, ясная для Пушкина, для нас остается загадочной. Иногда, прежде чем возникли даже первоначальные наброски стихов, перо Пушкина уже рисовало мелькавшие перед ним образы будущего творения; иногда рисунки возникали одновременно с набросками планов и программ залуманных поэм, драм, художественной прозы. Так, поэме «Цыгане», начало которой находится между черновыми строфами II и III гл. «Евгения Онегина», предшествует программа (в квадратных скобках — зачеркнутос Пушкиным):

«[старик] [дева] Алеко и Марианна ² [утро, медведь, исповедь] [разговор] признание, убийство, изгнание».

 $^{^{1}}$ А. М. Эфрос. Рисунки Пушкина. — «Русск. Совр.», 1924, № 2. ^{2} В поэме — Земфира.

Тут же Пушкин набросал рисунки: среди них — фигура с бубном; на следующей странице — опять рисунки: медведь и два шатра; в шатре цыганка кормит грудью ребенка. Лаконически записывая план будущей поэмы, поэт уже ясно видел ее центральные образы, весь фон, на котором развертывается ее действие, и его перо твердыми линиями набрасывало эти «цыганские» рисунки, являющиеся графическим дополнением к плану поэмы.

Творческое волнение, вдохновение у Пушкина было неразрывно связано с трудом, но труд его был, как он сам определил, «вдохновенным». В цитированной выше заметке «О вдохновении» Пушкин говорит о необходимости постоянного труда, «без коего нет истинно великого». О неразрывности вдохновения, труда и размышления свидетельствует каждая строка его черновых рукописей. «Рукописи Пушкина, — пишет Я. Грот, — служат красноречивыми документами его необыкновенного трудолюбия. По бесчисленным поправкам в его произведениях можно судить, как не легко он удовлетворялся тем, что выходило из-под пера его, как шло к нему самому название взыскательный художник..., каких, наконец, усилий стоило ему то совершенство формы, та ровность отделки, которых он достигал во всех своих стихах». 1

Рукописи Пушкина, отражая все состояние его «вдохновенного труда»,

вводят нас в лабораторию творчества поэта.

Еще первый биограф Пушкина заметил, что его тетради «составляют драгоценный материал для истории происхождения его поэм и стихотворений... Если бы нам не передали люди, коротко чнавшие Пушкина, его обычной деятельности мысли, его многоразличных чтений и всегдашних умственных занятий, то черновые тетради поэта открыли бы нам тайну и помимо их свидетельств. Исполненные заметок, мыслей, выписок из иностранных писателей, они представляют самую верную картину его уединенного кабинетного труда. Рядом с строками для памяти и будущих соображений стоят в них начатые стихотворения, конченные в другом месте, прерванные отрывками из поэм и черновыми письмами... С первого раза останавливают тут внимание сильные помарки в стихах. Почти на каждой странице их присутствуещь, так сказать, в середине самого процесса творчества...» 2

«По рукописям Пушкина — говорит В. Я. Брюсов, — мы можем следить, как постепенно вырастали в нем те образы, которые поражают, пленяют нас в его произведениях, а попутно видим бесконечное богатство других образов и мыслей, которым не суждено было воплотиться в законеченном поэтическом создании. Мы как бы присутствуем в лаборатории гения, который при нас совершает чудо превращения неясного контура в совершенную художественную картину, темного намека — в глубокую бли-

стающую мысль»

Процесс творчества Пушкина (говорим о его работе над стихами), по наблюдениям над рукописями, имеет несколько стадий. Первая—черновик, которому для больших произведений обычно предшествует план, программа; впрочем, планы предшествуют иногда и отдельными строфами (об этом сказано ниже). В черновике, точнее в первом черновом наброске, который у Пушкина, по выражению Б. В. Томашевского, «носит характер стенограммы творческого процесса», закреплена первая мысль, фразы, еще не оформившиеся метрически, не сложившиеся в стих. Пушкин думал с пером в руке и записывал «слова прежде, чем они сложились в фразу, прежде, чем сочетались в стих». Записывая свободно текущие, но еще не вполне оформленные стихи, Пушкин тут же одни слова зачеркивал и заменял другими, торопился на полях рукописи занеёти варианты, восстанавливал зачеркнутое, иногда снова то или иное восстановленное слово зачеркивал, не успевая заменить его новым, — так до тех пор, пока в этом первом черновике не слагалась общая картина будущего стихотворения. Следующей

² Анненков. Материалы, стр 47.

 $^{^1}$ Я Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники СПБ. 1899, стр. 112.

⁸ В. Брюсов. Мой Пушкин М 1929, стр. 215.

стадией работы Пушкина является сводка, выборка из перечеркнутого черновика «связной стиховой редакции». Почти не поддающийся разбору черновик переписывается Пушкиным набело. Но сводка, которую Пушкин переносит в втот беловик, не всегда совпадает с незачеркнутым текстом черновика; строки из черновика переносятся в сводку не механически, а творчески; при переносе поэт перерабатывает их. Свой беловой вид сводка очень скоро утрачивать она в свою очередь подвергается тщательной стилистической отделке, но зачеркиваемые слова в ней уже не столь часто нарушают строение стихов; нередко сводка подвергается и композиционным изменениям, иногда некоторые части стихотворения в сводке отбрасываются. После работы над сводкой стихотворение переписывается набело, принимает окончагельную редакцию. Но и вта третья стадия для иных стихотворений Пушкина все-таки не является последней; отличия между беловой рукописью и печатным текстом указывают на существование еще какой-то промежуточной стадии

Указанные вдесь стадии творческого процесса Пушкина хронологически часто удалены одна от другой. Сводка не всегда тотчас же следует непосредственно ва работой над черновиком; Пушкин бережно хранил свои рукописи и часто по прошествии нескольких лет возвращался к своим

старым черновикам и перерабатывал их. 1

В одной из черновых тетрадей Пушкина находится следующий набросок, имеющий характер первоначальной записи стихов, зазвучавших в «лирическом волнении». (Приводим эти строки в том виде, как они расположены в рукописи, но без соблюдения орфографии Пушкина, заключая в квадратные скобки слова и фразы, зачеркнутые Пушкиным, и обозначая звездочкой справа слова зачеркнутые, но потом восстановленные; в рукописи в таких случаях Пушкин зачеркнутые слова подчеркивал пунктиром; неразобранные слова обозначаем— нрзб. Помещенные здесь снимки с рукописей помогут читателю разобраться в нашей транскрипции.)

[по склону гор] [за ней] [среди] [с нею] мой] [робкий] [Я шел] за нею * [и жадный] [на склоне] [скате] [Ловил с] [по наклону] [Ловит по ска] и замечал Следы ноги ее прелестной бурных средь [скучных 2] Нет никогда [с таким] дней [Нет никогда] [С таким в] юности Порою Мятежной [Порою младости] моей волненьем Я не желал [с таким] томленьем младых * Тb Лобз[ал] уста их] полн И перси [полные] томленьем 16 avr. [Kaĸ] [Как я желал] [Сей милый след] Цирцей замечание Алексеева.

Разобрано предположительно.

¹ Б Томашевский. Пушкин Современные проблемы историко-литературного изучения. Л. 1925, стр 41 — 42. М. Гофман. Пушкин. Психология творчества, стр. 58; 65 — 67.

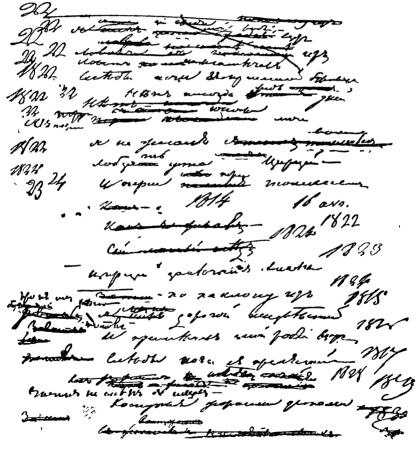
Hps6.

[бесплодной] За нею * по наклону гор
[Ревностью] [Мы шли]
Томим Я шел дорогой неизвестной
[Завистью] И примечал мой робкий взор
[ревно]
[Томим] Следы ноги ее прелестной
[Как я желал] [ее] следов [одной]
[Как я желал] [щастливою]
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами
[Зачем] [восторгах]
[В желаньях пламенных своих]

Что же возможно извлечь из этой черновой записи? О чем могут

рассказать ее перечеркнутые строки?

Какое-то воспоминание Пушкина о том, как он, влюбленный, шел за пою по горам, взволновало его («Душа стесняется лирическим волненьем...»); зазвучала мелодия еще не уловленного им стиха, и он торопится закре-

Черновой набросок Пушъпна (Рукописн. отд Публичн. библ. СССР им. Ленина).

пить на бумаге мелькающие в воспоминании образы: склон гор, свой жадный или робкий взор, который «замечал следы ноги ее прелестной». Он зачеркивает слова, едва написав их, подыскивает выражения, которые с наибольшей точностью и выразвительностью могли бы передать все то, что столпилось в его воспоминании; тут же он для себя делает пометку о каком-то замечании своего кишиневского приятеля Алексеева, которое было сделано тем по поводу Цирцей, и, отчеркнув после этой пометки быстро набросанные строки, снова начинает набрасывать ту же картину, но уже более законченными стихами, выросшими из неоконченных, выше им толькочто зачеркнутых; из этой второй части черновика и незачеркнутых слов первой уже можно извлечь до известной степени законченные стихи:

За нею по наклону гор Я шел дорогой неизвестний, И примечал мой робкий взор Следы ноги ее прелестной. Зачем не смел ее следов Коснуться жаркими устами... Нет, никогда средь бурных дний Мятежной юности моей Я не жолал [с таким] волисньем Лобзать уста младых Цирцей....

В той же тетради, через несколько страниц находится другой черновой набросок, в котором повторяются некоторые детали приведенного:

One who for the property of the sound of the

Черковик XXXIII строфы I гл «Евгения Онегина». (Рукописн. отд Публичн. библ. СССР им. Ленина).

(«милый след» — «Коснуться ног твоих устами» — «Нет, никогда средь бурных дней» и др.); запевшие для слуха Пушкина созвучия вызваны снова воспоминанием о ней, но уже в иной обстановке; это обстоятельство заставляет П. Е. Щеголева предполагать, что первый набросок («За нею по наклону гор») является самостоятельным замыслом и что Пушкин лишь воспользовался некоторыми стихами из втого наброска для следующего

Ты помнишь море пред грозою [У моря] ты близ моря [Близ моря] [Могу ли вспомнить равнодушный]
[Я помню — берег] [Она] [Над морем гы]
[Мне памятно] [А ты кого назвать не смею]
[Стояла] [над волнами] [под скалою]
Как * [а] я завидовал волнам — Она [Стоял] [Она] чередою [бурными рядами коснуться] Бегущим [с] [издали послушно] [К] [послушно] [лечь] [пасть] [С любовью пасть] к твоим ногам [с ними] [Как я желал] [И цаловать] [И цаловать] [Kak] [Как я желал] [тогда] И, [О] как [я] желал [бы я] с волнами [Хоть милый след] [TBOHX] Коснуться ног [ее] устами Нет никогда — — -Кипящей младости — Я не желал — — — —

Нет никогда

Последние строки втого черновика Пушкин уже не дописывает (мы передали их через тире — — —); они настолько уже оформились для него, ввучат настолько ясно, что он спешит как бы обозначить лишь стиховой узор, торопливо записывая начало стихов, а последние два стиха, можно сказать, даже не записывает, а передает волнистыми линиями, слабым намеком на буквенную запись.

Этот второй черновой набросок, приступая к которому Пушкин еще колеблется в выборе местоимений — ты или она, переписывается в сводку, в которой заметно то же колебание, но первые четыре стиха в сводке кожатся на бумагу уже уверенно, без помарок; в более законченном виде заносятся и другие стихи, которые Пушкин берет не только из второго, но и из первого черновика; однако, свой беловой вид сводка очень быстро утрачивает, ее снова покрывает густая сеть исправлений и перечеркиваний:

Я помню море пред грозою.....
Как я завидовал волнам
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам
О как я
[Как] [я] желал [тогда] за волнами

² П. Е. Щеголев. Пушкин. Очерки. Изд. 2-ое, стр. 161 — 163. ² Исправлено из «с».

Коснуться ног [твоих] устами! Нет! никогда средь пылких дней Кипящей младости моей мученьем

Я не желал с таким [волненьем] заветный Нет нет любви [последний] дар [Лобзать уста младых Цирцей] Армид
[и поцалуем] [персей] [том — св—, [Нет] [нет и лобзаний сладки—] [жар] жар Ни розы [пл] [нряб] ланит С его восторгом и томленьем [Всю негу] [Нет] [3] [В сей] [миг] [нряб] весь страстей [в сей] [Нет память] ЯД Так [страстей] [За миг] [За по—] [они] Нет никогда в * [моей] огнь любви] крови огоны [томим] [Т] [Не] [томил] [огнь яд любви] Так [Так] [не горел] [нрвб] [души] Не терзал моей [Не волновал] [так любви] моей

Пометка, сделанная Пушкиным в первом черновике о замечании Алексеева относительно Цирцей, отразилась в втом третьем черновике: Цирцеи заменены Армидами. Вероятно, Алексеев как-нибудь заметил Пушкину, что наименование Цирцеями не подходит к веселым подругам юности и что наименование их Армидами более уместно 1; поэт принял к сведению замечание своего приятеля.

Перемарав сводку, втот третий черновик, Пушкин смог переписать стихи уже прямо набело; они звучали для него настолько законченно, что он сразу же на первом попавшемся под руку листке (в данном случае попалось письмо к брату) горопливо, не дописывая строк, почти мнемонически, записал то, что, как золотую руду, он добыл из пластов трех чер-

новых записей:

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда средь пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста младых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем,
Нет, никогда порых страстей
Так не терзал души моей.

Эти стихи — XXXIII строфа первой главы «Евгения Онегина». Приведенные здесь три черновые записи этой строфы, полные исправлений, вариантов и зачеркиваний, показывают, как рой разнообразных

² Запись сделана на обороте письма к Л. С. Пушкину из Одессы от

13 июня 1824 г.

¹ Цирцея (греч. миф) — волшебница, зачаровавшая Одиссея, после того, как своим волшебством обратила спутников его в свиней; синоним женщины-чаровницы, обольстительницы. Армида — героиня поэмы Тасса «Освобожденный Иерусалим», обладавшая замечательной красотой, синоним красивой женщины прелестницы,

образов, вызванных одним и тем же воспоминанием, толпился в момент «лирического волненья» в сознанил Пушкина. Мы видим, как возникали, сменяя одна другую, «легкие» рифмы, прежде чем вылился целый законченный стих; как зазвучавшая мелодия стихотворения, еще не выкристаллизовавшегося в стройное сочетание стихов, диктовала поэту ряд образов, которые он торопился занести на бумагу, записать то или иное сравнение, впитет, рифму, как тотчас же зачеркивал их, заменяя другими, и отбрасывал эти замены, заменяя их новыми или же опять возвращаясь к зачеркнутому, стремясь с наибольшей выразительностью и гармоничностью передать овладевшую его сознанием тему — воспоминание о ней (среди гор...

Rear agal where he for a formal of the same of the sam

Черновик XXXIII строфы I гл. «Евгения Онегина» (Рукописн Отд. Публичи. библ. СООР им. Ленина).

у моря,,, под скалою...). Если даже первую черновую запись («За нею по наклону гор») принять за самостоятельный замысел, то перенос некоторых выражений из нее во второй черновик и в сводку и общность темы и лирической настроенности (воспоминание о ней — следы ее ноги, которых поэт не смел, но желал коснуться устами...) ваставляют думать, что в сознании Пушкина поэтические образы первого черновика и последующих звучали одной мелодией, свизанные одной лирической темой. Переброска же стихотворных строк и даже целых строф из старых черновиков в новые—обычная манера Пушкина. (Об втом будет сказано дальше.)

Итак, лирическая тема трех черновых записей — воспоминание о ней. Выбор слов в стихах, повторяющихся в черновиках, показывает те усили. Пушкина, с которыми он добивался выразительности поэтических образов, музыкальности своих стихов. В одной из заметок он писал: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Если енимательно выглядеться в поправки Пушкина, то в каждой из них ощутительно этс «чувство соразмерности и сообразности».

Возьмем два стиха в окончательной редакции:

Нет, никогда средь пылких дней Кипящей маадости моей...

В первом наброске Пушкин колеблется в выборе впитета к слову «дней»; он ставит «бурных», а ранее еще какой-то, вачеркнутый и не поддающийся прочтению; во втором наброске записанный мнемонически эпитет к «дней», надо думать, тот же, что в третьем — «пылких», перешедший в окончательную редакцию; эпитет «бурный» откинут потому, что во втором и третьем черновиках он перенесен в другой стих, поставлен в сочетании иных слов:

Как я вавидовал волнам, Бегущим бурной чередою...

Кроме того, впитет «пылких», заменивший «бурных», более выразителен для дней кипящей младости; кипящий и пылкий выражают одно понятие — жар юности, «огнь любви» (в 3-м наброске). Повтому и выражение «мятежной младости», данное в первой редакции, во второй и в третьей заменено «кипящей младость». Слово «юность» заменено словом «младость», можно думать, в целях достижения наибольшей музыкальности стиха; плавные звуки мла как бы перекликаются с звуками пыл (в слове «пылких»); «младость» звучит более громко, чем глухое «юность»; сочетание слов «кипящей младости моей» с ударными звуками а — я наиболее подходит для выражения вскрика, страстного желания:

Нет, никогда средь пылких дней Кипящей младости моей Я не желал с таким мученьем Лобзать уста младых Армид Иль розы пламенных ланит...

Подчеркиваем в этом отрывке выразительно звучащие, как бы напряженные звуки a-s, смиряемые плавностью созвучий мла-na, мла-na

Пушкин, — писал о его музыкальной выразительности Брюсов, — «искал определенных звуковых сочетаний», его стихи «закономерны в звуковом

отношении», и это «в сочетаниии с выразительностью языка, яркостью образов и глубиной мысли» и дает им «предельную завершенность». 1

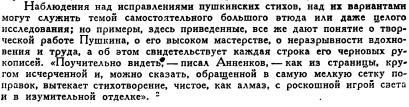

Рис. Пушкина на полях черновой рукописи «Евгения Онегина». (Рукоп. отд. Публичи. библ. СССР им. Ленина).

19

¹ См. В. Брюсов. Мой Пушкин. М. 1929. (Статья «Звукопись Пушкина».)
² Анненков. Материалы, стр. 139.

Не утомаяя читателей транскрипцией черновиков, приведем несколько вариантов из поэмы $\mathcal{M}$ етный всадник» показывающих творческую работу поэта

Всем известны стихи соторыми начинается «Вступление» к этой поэме:

На берегу пустынных волн Стоял Он дум великих полн. И вдаль глядел. Пред ним широко Река неслася; бедный челн По ней стремился одиноко.

M

Рис. Пушкина на полях черновой рукописи «Евгония Онегина» (Рукоп отд Публичн. библ. СССР им. Ленина).

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца,
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного
солнца,

Кругом шумел. И думал Он...

Первоначально эти строки имели следующий вид:

На берегу Варяжских волн Стоял, задумавшись глубоко, Великий Петр. Пред ним

текла Нева; смиренный

По ней стремился одиноко...
Тянулся лес по берегам, Недосягаемый для солнца, Чернели избы, здесь и там, Приют убогого чухонца...
И думал он...

Пушкин, сначала назвавший основателя Петербурга по имени, совершенно сознательно заменил имя смелым «он». К втой замене Пушкин пришел не сразу. В рукописи начальные стихи вступления имеются еще и в таком варианте:

Однажды близ пустынных волн, Стоял, глубокой думы полн, Великий муж...

Изучавший рукописи «Медного Всадника» В. Я. Брюсов пишет: «Следя за работой Пушкина, видишь, как он создает стройное целое из первоначального хаоса мыслей и обра-

¹ В. Брюсов. Новые варианты: «Медного Всадника». («Русск. Мысль». 1910. кн. VI).

зов, как постепенно он совершенствует каждый стих и взамен слов, уже ярких и метких, умеет находить еще более прекрасные. Для русского повта не может быть лучшей школы, как вникать в поправки Пушкина, стараясь разгадать, почему он отказался от такого-то сочетания звуков, почему один эпитет предпочел другому, почему изменил или откинул то

или иное выражение».

В рукописях Пушкина имеется очень большое число незавершенных, незаконченных черновых набросков; эти незаконченные наброски точно также «дают нам возможность судить, как зарождалась и формулировалась первоначальная мысль поэта, как раньше своего воплощения она уже звенела рифмой, как отыскивалась соответственная традиционная или новая форма, как изменялся первоначальный образ по различным художественным соображениям, какую внутреннюю ценность придавал поэт одному выражению перед другим; нако «... часто первоначальный набросок дает нам возможность найти то зернс — которого пышным цветом развернулось великое произведение поэта». 1

Вот, например, один из неоконченных черновых набросков 30-х годов. 2

В виду краткости этого наброска, даем его транскрипцию.

О, нет, мне жизнь не надоела [еще] [я долго]
Я* жить* люблю*, я* жить* хочу [жить хочу]
[Пускай весна моя] [пускай одела]
[Я без] [и без] [Могилу темную] [темно] [моего] [дела] [утратив]— [утратя] [утратя] [Молодость мою] Душа не вовсе охладела [Утратя молодость] [Зачем] [Что в смерти доброго] Утратя молодость св [Роман] [еще] [Еще мне будет] [Мицкевич созрест] [Еще хоаня] Еще хранятся [хл] наслажденья любопытного моего Для [души моей] милых Для снов воображенья [Для чувств] Всего.

'Из незачеркнутых строк этого черновика исследователь извлекает следующее:

О, нет, мне жизнь не надоела, Я жить люблю, я жить хочу. Душа не вовсе охладела, Утратя молодость свою. Еще хранятся наслажденья Для любопытства моего, Для милых снов воображенья...

Дальше идет неполный стих: зачеркнутое «Для чувств» и одно незачеркнутое слово «всего». Кроме того, следует заметить, что строка «Для любопытства моего» поставлена предположительно; Пушкиным написано: «Для любопытного моего»; возможно, что это — простая описка (описки нередки в автографах Пушкина), но возможно, что при дальнейшей обра-

¹ И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина П. 1903, Стр. VII — VIII.

² «Неизданный Пушкин». Собрание А. Ф. Онегина. (Труды Пушкинского дома). П. 1922, стр. 80—82.

ботке наброска слово «любопытного», как явно нарушающее размер стиха, было бы заменено каким-либо иным; возможно, что вся эта строка была бы изменена под напором других стихов. Вникая в исправления, которыми покрыт черновик, можно только смутно догадываться о творческом замысле. Зачеркнутое имя польского поэта Мицкевича («Мицкевич созреет»), неясное в ритмическом узоре торопливой записи черновика, в дальнейшем (ссли бы Пушкин развил упоминание о нем) было бы связано с темой всего стихотворения. Точно так же получило бы развитие зачеркнутое слово «роман», которым Пушкин обозначил какую-то мелькнувшую мысль, быть может, о своем творчестве, о плане того романа, который он мог бы написать, утратив молодость, но не охладев душою, еще полный воспоминаниями, «снами воображенья». Угадывая мысль поэта в обломках этого незавершенного замысла (в зачеркнутой фразе «Что в смерти доброго»), исследователь сближает ее с другой влегией Пушкина (1830 г.) «Безумных лет угасшее веселье»:

...Но не хочу, о други умирать! Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать; И ведаю, мне будут наслажденья Меж горестей, забот и треволненья: Порой опть гармонией упьюсь, Над вымыслом слезами обольюсь, И, может быть, на мой закат печальный Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Возможно, что эта элегия, как из зерна, выросла из приведенного неза-

конченного отрывка: они связаны общностью лирической темы.

Богатый запас черновиков и набросков нередко служил Пушкину (как вто было замечено выше) источником, откуда он черпал материал для вновь создаваемых стихов. Можно привести много примеров переносов отдельных стихов, а иногда и целых строф из одного произведения в другое.

В черновике «Евгения Онегина» после XVII строфы второй главы

слеловала строфа, начинавшаяся стихами:

Какие чувства не кипели В его измученной груди? Давно ль, надолго ль присмирели? [усмирели] Проснутся — только погоди.

В окончательной редакдии романа эти стихи были откинуты, но Пушкин перенес их в поэму «Цыганы»:

...как играли страсти Его послушною душой! С каким волнением кипели В его измученной груди! Давно ль, надолго ль усмирели? Они проснутся — погоди.

В 1823 г. Пушкин написал начерно XIV строфу первой главы «Евгения Онегина» в таком виде (приводим ее, не давая транскрипции черновика):

Так резвый баловень служанки Амбара страж, усатый кот, За мышью крадется с лежанки, Протянется, идет, идет Мурлычит, плачет [подступает], Полузажмурясь, [отдыхает], Свернется в ком, хвостом играет, Готовит когти хитрых лап—И вдруг бедняжку цап-царап. Так хищный волк, томясь от глада,

Выходит из глуши лесов И рыщет близь беспечных псов, Вокруг неопытного стада; Все спит, и вдруг свиреный вор Ягненка мчит в дремучий бор.

Строфа эта не вошла в окончательную редакцию романа, но через год Пушкин воспользовался, как поэтической заготовкой, для новой поэмы «Граф Нулин» восемью слегка измененными стихами из этой откинутой строфы, применив сравнение с жеманным котом к влюбленному графу, который крадется на свидание:

Так иногда лукавый кот, Жеманный баловень служанки. За мышью крадется с лежанки: Украдкой медленно идет, Полузажмурясь подступает, Свернется в ком, хвостом играет, Раздвинет когти хитрых лап И вдруг бедняжку цап-парап.

Стихотворение «Я пережил свои желанья» возникло на полях черновика поэмы «Кавказский пленник»; по всей вероятности, оно должно было входить в речь пленника. После стихов —

Без упованья, без желаний Я вяну жертвою страстей —

Пушкин на полях рукописи быстро, одними началами стихов записал то, что в дальнейшем м. б. имел в виду включить в речь героя поэмы:

Я пережил мои жел Я раз — Остались мне один страд Плоды душ — — Безмолв ж — Вл — Жи — —

О подобном приеме мнемонической записи уже говорилось.

При окончательной обработке поэмы эти строки включены в нее не были. Однако, в «поэтическом хозяйстве» Пушкина заготовка эта не пропала; выделив набросок из текста поэмы, он обработал его, как самостоятельное лирическое стихотворение. В другой тетради Пушкина это отколовшееся от поэмы стихотворение приняло следующий вид:

Я пережил свои желанья Я разлюбил свои мечты мне одни Остались [хладные] страданья сердечной Плоды [душевной] пустоты; Безмолвно, жребию послушный Влачу страдальческий венец печальный Живу [забытый] равнодушный придет ли мой И жду [печальный дней] конец? Так поэдним хладом пораженный бури Как ветров слышен зимний свист Один на ветке обнажени[ы]ой

Трепещет запоздалый лист.

В этой редакции элегии мы видим развитие первоначальной, беглой записи, сделанной на полях «Кавказского пленника»; к двум строфам прибавлена третья; в некоторые стиви по сравнению с первым наброском внесены изменения («мои желания» переделаны на «свои желанья»; «плоды душевной пустоты» — «плоды сердечной пустоты»). В этой редакции элегия была впервые напечатана в 1825 г. в «Новостях Литературы». Печатая элегию в отдельном издании своих стихотворений (1826 г.), Пушкин снова переделал вторую строфу, которая приняла такой вид:

Под бурями судьбы жестокой Увял цветущий мой венец; Живу печальной, одинокой, И жду: придет ли мой конец?

Tigo ynouble, sign personin I bling geep mbow compressionew. The budant what worker mugacong www Dymbusi Typu włgo gopacnow Russh de -Tymon de Ocmabb what, no nopoutie ropo now yournal insen! Henzemasia opyes ; ya nans w ; 1 3 f Abound mbe wound onaset Be mt Inu runs supremes & nad get I ynoumuchabant invendent, in france of John Stranger of the support of the suppo Eng nutrished padatic fint,. Dalas, dalas sal grant warment I Tuhute copyed - wow yoths. Indow opyer ombeen on wadoffath In natification regulated oxombathol. ... Justin mark ombieno unpombrima yema na elosjanshur ombiene ombiene.

граница из черновой рукописи поэмы «Кавказский Пленник». На полях—набросок стих. «Я пережил мои желанья». (Рукописн. отд. Публичн библ. СССР им. Леница). Второй стих 3-ей строфы:

Как ветоов слышен зимний свист

Пушкин изменил на:

Как бури слышен зимний свист 1.

В одной из своих заметок («О выходе Илиады в переводе Гнедича») Пушкин высказал мысль, что занятие поэзией становится легкомысленным, «когда талант чуждается труда». Пушкин, как мы видим, не только не чуждался труда, «без коего нет истинно великого». но полагал его неразрывно связанным с вдохновением, которое — в его определении — «есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных». Поэтому Пушкин и противопоставляет вдохновению восторг, мгновенное наитие, исключающее спокойствие и труд. «Восторг, —замечает Пушкин, — не предполагает силы ума, располагающего частями в отношении к целому». Т.-е. Пушкин — о чем уже было сказано — был убежден в участии разума («силы ума») в том особом подъеме духовных сил, который именуют вдохновением. Неразрывное с деятельностью разума вдохновение и создает гениальный план художественного произведения, т.-е. располагает частями в отношении к целому. «Единый план Дантова «Ада», — говорит Пушкин, — есть уже плод высокого гения».

Анненков, впервые опубликовавший заметку Пушкина «О вдохновении и восторге», очень верно заметил, что «строки эти имеют в глазах наших особенную важность... Пушкин выразил в них характер собственного таланта и даже историю будущего его развития! Спокойствие и обсуждение, как условия прекрасного, положены им были в основу многих собственных произведений и сроднили их с типами изящного, оставленными классической древностью. Значение труда в его произведениях мы уже видели и еще не раз будем видеть, а удивление его перед гениальным планом объяснится еще... теми долгими, глубокими соображениями, какие предшествовали у него самого изложению предмета». 2

В творческом процессе Пушкина план, программа играли крупную роль. З Часто основную мысль целого стихотворного произведения или отдельных строф, глав Пушкин предварительно намечал прозой, в беглых заметках, которые, по выражению Анненкова, «служили ему рассчитанными ступенями»; по ним «всходило его поэтическое одушевление». Так, письму Татьяны к Онегину в черновой рукописи предшествует следующий план:

«[У меня нет никого]... [Я не знаю вас уже]. Я знаю, что вы презираете... я долго хотела молчать, и думала, что все увижу... Я ничего не хочу — хочу вас видеть, —у меня нет никого, придите... Вы должны быть и то, и то; если нет, меня бог обманул. [Зачем я вас увидела, но теперь уже поздно. Когда..] Я не перечитываю письма, и письмо не имеет подписи, отгадайтс, кто...»

¹ Соч. Пушкина. Изд. Академии Наук, том III, примеч. стр. '8—9. Вопросу об использовании Пушкиным своих черновиков в качестве материалов для новых произведений, о его «самоповто₁ ениях» посвящены главы в упомянутой уже книге М. Гофмана и в книге В. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина». Лгр. 1924.

² Анненков. Материалы, стр. 258.

⁸ Следует заметить, что в начале 20-х годов Пулкин вще не придавал большого значения плану. В 1825 г. он, иронизируя вад Рылеевым, в стихат которого преобладала тематика, называл его «планциком» и замечал: «Я право более люблю стихи без плана, чем план без стилов» (Письмо к А. А. Бестужеву, 30 ноября 1825 г.). Позднее Пушкин илменил сбое мнение о значении плана; одни планы его зрелых пооизведений «есть уже плод высокого гения».

Поставив эти редкие вехи, Пушкин пишет письмо Татьяны стихами:

...Сначала я молчать хотела,
Поверьте: моего сгыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я нмела,
Хоть редко, хоть в неделю раз,
В деревне нашей видеть вас...
Зачем вы посетили нас?
Кончаю! Страшио перечесть...

Письмо не отступает от намеченного прозой плана, но его «сухие ука-

зания» развиваются в ряд поэтических образов 1.

Лаконизм пушкинских планов и программ поразителен. В немногих словах, в сжатых и скупых фразах Пушкин вмещает целый ряд картин, эпизодов, драматических положений. Грандиозному замыслу трагедии «Борис Годунов» предшествует следующий план:

«Год. в монастыре — толки князей — вести — площадь — весть о избрании [Год., юродивый] — Летописец, Отрепьев — Бегство Отрепьева.

Год. в монастыре, его раскаянье, — монахи беглецы. Год. в семействе — Год в совете. Толки на площади. — Вести об изменах, смерть Ирины — Год. и колдуны.

Самозванец перед сражением. — Смерть Годунова (известие о первой

победе, пиры, появление самозванца), присяга бояр, измена.

Пушкин и Плещеев на площади — письмо Димитрия — вече — убиение

царя— самозванец [приехал] въезжает в Москву».

Этот план, однако, был выполнен Пушкиным лишь в общих чертах, но не в подробностях. Напр., в плане отсутствует любовная интрига (Дмитрий—Марина), занимающая в трагедии значительное место.

Из скупой и сжатой манеры планов и программ Пушкина, как это верно отметил Д. П. Якубович², выросла и его сжатая, быстрая и ясная

пр**оза.**

Главными достоинствами художественной прозы, ее основными элементами Пушкин считал «мысли и мысли», «точность и опрятность». Свойственное стихам «лирическое волнение» нигде, за самыми редкими исключениями, не прорывается в его прозе, с впическим спокойствием стройно развивающей нить повествования.

Мы видели, какое значение придавал Пушкин плану художественного произведения. Сюжетная проза Пушкина требовала от него особенно тщательных «соображений» в разработке планов; нужно было тщательно взвесить и обдумать все положения действующих лиц, сцепление событий, наметить ход повествования и пр. В подготовительных набросках, планах и программах, предварявших художественную прозу, Пушкин внимательно обдумывает и передумывает о всех путях и извилинах, по которым должны пойти и действовать его герои и второстепенные персонажи. То или иное положение, отмеченное им в одном плане, отвергается в другом, сюжет меняется и в основной линии и в деталях. Как пример колебаний и обдумываний при разработке Пушкиным плана, можно привести два отрывка из первоначальной программы к «Капитанской дочке»:

І. «Башарин отцом своим привезен в Петербург и записан в гвардию;

I. «Башарин отцом своим привезен в Петербург и записан в гвардию; за шалость послан в гарнизон; пощажен Пугачевым при взятии крепости, произведен им в капитаны и отряжен с отдельной партией в Симбирск, под пачальством одного из полковников Пугачева. Он спасает отца своего, который его не узнает. Является к Михельсону, который принимает его к себе;

¹ См. Анненков. Материалы, стр. 140. Соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, т. VIII, стр. 404.

² Д. П. Якубович. Работа Пушкина над художественной прозой. Сборник «Работа классиков над прозой». Литературная студия «Резца». Лгр. 1929 г. См. также: Н. О. Лернер. Проза Пушкина. Изд. 2-ое. П. 1923.

отличается против Пугачева, принят опять в гвардию, является к отцу в Москву, идет с ним к Пугачеву.

Старый комендант отправляет свою дочь в ближнюю крепость. Пугачев, взяв одну, подступает к другой. Башарин первый на приступе. Требует в награду...»

II. «Башарин дорогой, во время бурана, спасает Башкирца. Башкирец спасает его по взятии крепости, Пугачев щадит его, сказав Башкирцу: «Ты своею головою отвечаешь за него».

Башкирец убит, etc».

Герой, названный в программе Башариным, а в одном из черновых набросков повести Буланиным, в окончательной редакции — Гринев. Сравнение приведенной программной записи с повестью показывает, что Пушкин многое изменил в своем первоначальном замысле. В повести Гринев послан своим отцом не в гвардию, а в Оренбургский гарнизон; привозит его туда не отец, а едет он в сопровождении своего дядьки Савельича и т. д. Сюжет повести в его основной завязке построен на спасении Гриненева Пугачевым во время бурана, тогда как в программе намечалась иная ситуация: Башарин-Гринев спасает башкирца, который в свою очередь спасает его после взятия крепости Пугачевым.

Планы и программы, как это видно из приведенного примера, в процессе творчества Пушкина имели большое значение для выработки сюжета. Как шахматист обдумывает наиболее верные и нужные в данной ситуации ходы шахматных фигур, так Пушкин-прозаик подолгу обдумывает все ходы своих героев; он ставит и переставляет те указующие вехи, по которым

должно пойти повествование.

К работе над планами и программами у Пушкина примыкает и подбор впиграфов, которые часто он отмечает для себя еще до того, как произведение им написано. Очевидно, впиграфы, дающие тон целому произведению или отдельным главам его, служили Пушкину, при разработке плана, тоже указующими вехами. В бумагах Пушкина сохранился лист с подбором впиграфов к повести «Арап Петра Великого», оставшейся неоконченной. Нужно заметить, что в 30-х годах прошлого века существовала мода на впиграфы; Пушкин, как это можно видеть из его переписки, подыскивал эпиграфы с особенной тщательностью. Так, в рукописи к «Выстрелу» («Повести Белкина») был поставлен впиграф из «Евгения Онегина»: «Теперь сходитесь»... Отдавая «Повести» в печать, Пушкин заменам этот эпиграф другим, из Баратынского: «Стрелялись мы», но продолжал думать об эпиграфах; наблюдавшему за изданием Плетневу он пишет: «Кстати об впиграфах. К Выстрелу надобно принскать другой, именно в Романе в семи письмах А. Бестужева в Полярной Звезде: У меня остался один выстрел, я поклялся еtc. Справься, душа моя». В печатном тексте к «Выстрелу» данр два эпиграфа: из Баратынского и А. Бестужева, но не из «Романа в семи письмах» (как ошибочно указал Пушкин Плетневу), а из другого его рассказа «Вечер на бивуаке»; «Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел)».

Уяснив себе схему, план произведения, Пушкин принимался за писание. Разумеется, в живой ткани повествования, выраставшей на каниве плана, получались новые рисунки, новые сочетания красок, возникавшие в процессе творчества; в плане лишь общими линиями был намечен костяк произве-

дения.

Представить себе все стадии творческой работы Пушкина над прозой значительно труднее, нежели над стихом. Отсутствие черновых рукописей некоторых прозаических произведений, отсутствие авторских корректур, незавершенность многих замыслов, — все это во многом скрывает от нас приемы работы Пушкина-прозаика. Тем не менее, имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что эти приемы, в основе своей, такие же, как и для стихов.

Черновые рукописи его прозаических произведений (не только художественных, но и критических и исторических, даже писем) испещрены по-

правками. Он иногда по нескольку раз перерабатывал черновики. Стремление к сжатости заставляло Пушкина сокращать длинноты, выпускать целые эпизоды, отвлекающие внимание от основной нити повествования. Он вычеркивает и заменяет отдельные слова и выражения, чтобы достичь наибольшей точности и выразительности.

Как пример стилистической работы Пушкина, приведем отрывок из черновой рукописи последней главы повести «Арап Петра Великого» ¹ (Располагаем строки так, как они расположены в рукописи, обозначая курсивом

надписанное над строкой; в квадратных скобках — зачеркнутое).

TKE [тесной] [комнатке], [скр] [В] [нижнем жилье дома] В доме Гавр [лестницею] нахо-[Аф] из сеней направо [под] с одним окошечком дилась тесная каморка, [род чулана] в ней стояла простая кровать покрытая байковым одеялом/ перед окошком еловый стоял [маленький] столик на котором догорала сальная свечка и лежали открытые [старые] ноты На стене висел старый синий мундир [современ] [его современ] И [тре] его ровесница треугольная шляпа [двумя] 3 под нею гвоздика и прибита была картинка изображающая Карла XII верхом [мудреной] [славянскими буквами] [с шутливой надписью] [на славянском] [и явуки] [маршей] громкая* явуки флейты В* этой* бедной* каморке* [раздавались] раздавались в смиренном сей [усердно издавали] [фальшивые эвуки] [звуки] [флейты, иногда фальшивые и марш] [c] обители [жилец этой бедной] [уедин] [Старинные шведские марши] — Пленный уединенный ее житель Танцмейстер в колпаке и в китайчатом [свой] [праздник] халате, услаждал [уединение] скуку Зимнего вечера наигрывая старинный [бурное славное] шведский марш, напоминающий ему время его юности -,

Что же мы видим, всматриваясь в перечеркнутые строки этого черновика?

Над первой же фразой заметна усердная работа Пушкина, желающего воозможно точнее представить читателю жилище пленного шведа. ² Он начинает: «В нижнем жилье дома»; зачеркивает это предложение, заменяя общее понятие «жилье» более конкретным: «в тесной комнатке»; а немного ниже «комнатка» заменяется словом «каморка», еще более выразительно определяющим скромное жилище (зачеркнуто же было и другое определение комнатки — «род чулана»). Отыскивается и наиболее подходящее местополо-

¹ «Неизданный Пушкин». П. 1922, стр. 149.

² Пользуемся здесь наблюдениями и соображениями Д. П. Якубовича из его указ. статьи в сборнике «Работа классиков над прозой». стр. 22.

жение этой каморки; пишется: «из сеней направо», а другое добавочное указание «под лестницей» зачеркивается: наконец, возникает фраза: «В доме Гаврилы Афанасьевича из сеней направо находилась тесная коморка» и добавляется: «с одним окошечком» Далее, уже с большей легкостью воз-

Suo aublutur 'wolf horar the intest buther import ween myady on poblumo mpe wood pages in was

Из черновика последней главы повести «Арап Петра Великого» (Пушкинский Дом Академии Наук СССР)

никают фразы, в которых описывается обстановка каморки: «В ней стояла простая кровать, покрытая байковым одеялом Перед окошком стоял маленький столик, на котором лежали открытые старые ноты. На стене висел старый синий мундир и его ровесница треугольная шляпа». Первая фраза в этом описании исправлениям не подвергается, но в следующие две вно-

сятся попоавки и дополнения. Эпитет столика «маленький» зачеркивается, как ничего не определяющий (т. к. большого столика не бывает) и заменяется конкретным — «еловый». Эпитет к нотам — «старые» — зачеркивается, так он уже применен к слову «мундир». Попытка заменить сочетание «его ровесница треугольная шляпа» другим: «его современница» — отвергается, зато к нотам, лежащим на столике, добавляется «догорала сальная свечка». Продолжая описание каморки, Пушкин строит фразу: «Под нею гвоздиками была прибита картинка, изображающая Карла XII верхом». Потом добавляются детали: картина была прибита не четырьмя, как принято, а «тремя (зачеркнуто — «двумя») гвоздиками, — деталь, тоже рисующая бедность каморки, ее заброшенность; к слову «картинка» находится эпитет: «лубочная» это — тоже черта бедности, картинка дешевая. другие детали, уточняющие описание картинки, которые было наметил Пушкин: «с шутливой надписью; с мудреной надписью славянскими буквами» -- отбрасываются: в этом сказался его художественный реализм: он описывает лишь те предметы и в тех деталях, которые можно заметить в каморке при тусклом свете догорающей сальной свечи. Фраза «Звуки флейты раздавались в смиренной сей обители» возникла после нескольких перечеркиваний; первоначально было набросано: «В этой бедной каморке», но зачеркнуто, так как слово «каморка» уже есть в начале черновика, и, кроме того, образ «смиренная обитель» дополняет впечатление, которое уже создалось у читателя описанием бедного жилья. Определение звуков флейты: «фальшивые», «марш» откинуты, так как пленный швед — танцмейстер, стало быть обладает музыкальным слухом, и флейта его не может фальшивить, а о том, что он наигрывает марш, говорится в следующей фразе: «Пленный танцмейстер» (делается вставка «уединенный ее житель») в колпаке и в китайчатом халате услаждал скуку зимнего вечера наигрывая старинный шведский марш, напоминающий ему время его бурной юности». Сначала было написано, что пленный услаждал флейтой «уединение», но слово это зачеркнуто, т. к. он в этой же фразе назван уединенным жителем; отвергнуто и слово «праздник» и выбрано слово «скука», наиболее верно выражэющее настроение пленного шведа-старика в уединенной каморке; эту скуку и можно усладить звуками старинного шведского марша, напоминающего бедному танцмейстеру «бурное время его юности» (зачеркнуто «бурное слав-

В рукописи, более поздней, чем приведенный черновик, Пушкин делает еще ряд исправлений текста: столик стоит не «перед окошком», а «перед кроватью» (этим еще более подчеркивается теснота каморки); картинка прибита не под треуголкой, а над ней; фраза «в смиренной сей обители» заменена: «в этой смиренной обители», «китайчатый халат» заменен «китайчатым шлафроком»; пленный наигрывает «старинные шведские марши» (множсственное число вместо единственного), что более выразительно: скою скуку он услаждает не одной, а разнообразными мелодиями: «время его бурной юности» изменено на: «веселое время его юности»; впитет «веселое»

более выразителен по контрасту со скукой зимнего вечера.

То использование материалов из запасов старых черновиков, которое практиковалось Пушкиным при создании новых стихотворных произведений, встречается и в его работе над прозой. Он нередко переносит целые куски прозы из одного черновика в другой. Так, оставив недовершенными главы «История села Горюхина», Пушкин перенес из них в «Дубровского» целый отрывок, подвергнув его самой незначительной переработке:

«История села Горюхина».

«Наконец я завидел Горюхинскую, рощу и через 10 минут въехал на барский двор; сердце мое сильно билось; я смотрел вокруг себя с волнением необыкновенным; восемь лет не видал я Горюхина. Березки, которые при мне посажены были около забора, выросли и стали высокими, ветвистыми деревьями. Двор,

«Дубровский».

«Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным: двенадцать лет не видал он своей родины. Березки, которые при нем только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими, ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильнекогда украшенный тремя правильными цветниками, меж которых шла широкая дорога, усыпанная песком, теперь обращен был в некошенный луг, на котором паслась бурая корова».

ными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметасмая, обращен был в некошеный луг, на котором паслась спутанная лошадь».

Приведенных примеров работы Пушкина над стихами и прозой, конечно, недостаточно, — по ним возможно составить лишь приблизительное понятие о труде «взыскательного художника», стремившегося усовершенствовать «плоды любимых дум». Этот труд заключается не только непосредственно в творческом процессе (обдумывание, писание и обработка написанного), но и предшествует ему; поэтому-то Пушкин и называет труд художника постоянным. Мы видели, что прежде, чем приступить к писанию, Пушкин разрабатывает планы и программы. Но разработка их невозможна без предварительной подготовки, без собирания материалов, чтения, наблюдений. Так, готовясь к созданию «Бориса Годунова», Пушкин внимательно изучает не только исторические материалы к трагедии (историю Карамзина, летописи, четьиминеи и др.); для уяснения поэтики трагедии, исторической хроники он погружается в чтение Шекспира, Шиллера, Альфиери, Вальтер-Скотта, изучает курс драматической литературы Августа Шлегеля. Пушкин с полным правом мог сказать, что трагедия его явилась «плодом добросовестных изучений». Для «Истории Пугачевского бунта» и «Капитанской Дочки» Пушкин не только изучает печатные исторические материалы и «роется в архивах», но еще совершает поездку в места, связанные с «пугачевщиной».

Постоянный труд Пушкина — в изучении и в развитии техники своего

ремесла, усовершенствовании литературного языка.

Примером суждений Пушкина-мастера о «механизме стиха» (как он выразился в заметке «О сочинениях Катенина») может служить его разбор стихотворения П. А. Вяземского «Нарвский водопад».

Посылая свое стихотворение Пушкину (в 1825 г.), Вяземский отметил в нем места, на которые хотел обратить его внимание. Вот это стихотворение (подчеркнутое Вяземским печатается курсивом; в скобках — его пометки на полях):

Несись с неукротимым гневом Сердитой влаги властелин, (вла, вла!) Над тишиной окрестной, ревом Господствуй бурный исполин! Жемчужиною, кипящей лавой (стиденой) За валом низвергая вал, Мятежный, дикий, величавый Перебегай ступени скал! Дождь брызжет с беспрерывной сшибки Волны, сразившейся с волной, И влажный дым, как облак зыбкий, Вдали твой предъявляет бой! Все разъяренней, все угрюмей Летишь, как гений непогод. И мыслью погружаешь в шуме Твоих междоусобных вод. Но как вокруг все безмятежно, И, утомленные тобой, Как чувства отдыхают нежно. Любуясь сельской тишиной. Твой ясный берег чужд смятенью, На нем цветет весны краса. И вместе миру и волненью Светлеют те же небеса. Но ты питомец тайной бури, Игралище глухой войны. Ты не зерцало их лазури, Вотще блестящей с вышины:

Под грозным внаменьем свободь Несешь залогом бытия (таишь) Зародыш вечной непогоды И вечно бьющего огня! Ворвавшись в сей предел спокойный, Один свирепствуеть в глуши, Как средь пустыни вихорь знойный, Как страсть в святилище души! Как ты внезапно разгорится, Как ты растет она в борьбе, Терзает лоно где родится И поглощается в себе. ¹

Получив это стихотворение, Пушкин ответил Вяземскому следующим критическим разбором (в письме от 14 авг. 1825 г.):

~~- — с~~ гневом

«Благодарю очень за водопад. Давай мутить его сейчас же.

Сердитой влаги властелин —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии властительница небесного огня? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь стремнин, вершин и тому подобное.

2 строфа — прелесть!

Дождь брызжет от (такой-то) сшибки, Твоих междуусобных волн.

Междуусобный — вначит mutuel², но не заключает в себе идеи брани, спора — должно непременно тут дополнить смысл.

5-ая и 6-ая стр. — прелестны — Но ты, питомец тайной бури.

Не питомен, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? Тайной — о гремящем водопаде говоря не годится — о буре физической—также. Игралище глухой войны — не совсем точно. Ты не верцало и проч. Не яснее ли, и не живее ли (впрочем, вто придирка —): Ты не приемлешь их лазури еtc. Точность требовала бы не отражаешь. Но твое повторение ты, тут не нужно.

Под грозным знаменьем etc. Хранишь etc, но вся строфа сбивчива. Зародыш непогоды в водопаде: темно. Вечно-бьющий огонь, тройная

метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?

Ворвавшись — чудно хорошо. Как средь пустыни etc. Не должно тут двойным сравненьем развлекать внимания — да и сравнение не точно.

Вихрь и пустыню уничтожь-ка — посмотри что выйдет из этого.

Как ты, внезапно разгорится.

Вот видишь ли? Ты сказал об водопаде огненном метафорически, т.-е блистающий как огонь, а здесь уж переносишь в жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня). И так, не лучше ли:

Как ты, пустынно разразится в

а? или что другое — но равгорится слишком натянуто». 3

¹ Переписка Пушкина. Изд. Академии Наук. П. 1906. Т. I, стр. 253 — 254.

³ Пустынный — в словоупотреблении Пушкина означает: одинокий.

Напр., «Звезда пустынная сияла». «Свободы сеятель пустынный».

⁴ Пушкин. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. М — Л. 1926 Т. I.

стр. 153—155. Вяземский, хотя и возражал Пушкину против некоторых его замечаний, однако, многими его указаниями воспользовался. Строка: «Твоих междо-

² Mutuel (франц.) — взаимный. Вяземский возразил Пушкину против такого толкования слова. «Междоусобие, — писал он, — не отвечает mutuel... Главное дело, что междоусобный не пришивается никогда к иному слову как брань, распри...» (Переписка Пушкина. I, стр. 281).

Пушкия - мастер в высоком значении этого слова, был одним из образованнейших людей своего времени. По словам биографа — «за исключением двух первых годов его жизни в свете (по выходе из лицея), никто так не потрудился над своим образованием, как Пушкин». С горечью он говорил: «Мало у нас писателей, которые бы учились, большая часть только разучиваются». В Круг умственных интересов самого Пушкина был огромен. Состав его библиотеки (на русском, французском, английском, немецком, латинском, греческом яз.) свидетельствует о разнообразии вопросов, занимавших его: произведения мировой литературы, ее история, критика, языкознание, философия, история, науки юридические, статистика, география, политическая экономия, естествознание, медицина — все входило в круг его чтения и изучения. Книги были для Пушкина «орудиями производства», и он говорил, что «походит на стекольщика, разоряющегося на покупку необходимых ему алмазов». 1 Беглые пометки, оставленные Пушкиным на полях книги, выписки, заметки о прочитанном говрят о неустанной работе его творческой мысли.

Он «читал очень много, — вспоминает один из его современников 2, — и. одаренный необыкновенной памятью, сохранял все свои сокровища, собранные им в книгах». В памяти Пушкина сохранялось и все многообразие впечатлений «быстротекущей жизни». По выражению Плетнева, 3 «ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь». И книги и люди, любовь, друзья и враги, серенькие пейзажи Псковской или Новгородской губ. и блеск «полуденного неба» и «немолчный говор волн», нянины сказки, песни под «жужжанье веретена» и острые литературные споры, современность и «преданья старины» — все в часы «вдохновенного труда», подчиняясь строгому суду «взыскательног» художника», воплощалось в музыку стихов, в прозрачную ясность художествен-

ной прозы.

Н. АШУКИН.

усобных вод» в печатной редакции читается: Междоусобно-бурных вод». (Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземского, П. 1880. Т. III, стр. 408 — 409).

¹ Анненков, материалы, стр. 46—47. ² Соч. и переписка П. А. Плетнева. Т. І, П. 1885, стр. 376.

^в Из памятных ваметок Н. М. Смирнова — «Русск. Архив», I, стр. 229. Соч. и переписка Плетнева, стр. 366.

^{8.} Пушкин — Собр. соч. Т. III.

поэмы

1817 – 1820.

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА.

Поэма

посвящение.

Для вас, души моей царицы, Красавицы, для вас одних Времен минувших небылицы, В часы досугов золотых, Под шопот старины болтливой, Рукою верной я писал; Примите ж вы мой труд игривой! Ничьих не требуя похвал, Счастлив уж я надеждой сладкой, Что дева с трепетом любви Посмотрит, может быть, украдкой На песни грешные мои.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ.

У лукоморья дуб зеленый; Златая цепь на дубе том: И днем и ночью кот ученый Всё ходит по цепи кругом; Идет направо — песнь заводит, Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит, Русалка на ветвях сидит; Там на неведомых дорожках Следы невиданных зверей; Избушка там на курьих ножках Стоит без окон, без дверей; Там лес и дол видений полны; Там о заре прихлынут волны

На брег песчаный и пустой, И тридцать витязей прекрасных Чоедой из вод выходят ясных, И с ними дядька их морской; Там королевич мимоходом Пленяет грозного царя; Там в облаках перед народом Через леса, через моря Колдун несет богатыря: В темнице там царевна тужит, А бурый волк ей верно служит: Там ступа с Бабою Ягой Идет, бредет сама собой; Там царь Кащей над златом чахнет; Там русский дух... там Русью пахнет! И там я был, и мед я пил; У моря видел дуб зеленый; Под ним сидел, и кот ученый Свои мне сказки говорил. Одну я помню: сказку эту Поведаю теперь я свету...

Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей, С друзьями, в гриднице высокой Владимир-солнце пировал; Меньшую дочь он выдавал За князя храброго Руслана И мед из тяжкого стакана За их здоровье выпивал. Не скоро ели предки наши, Не скоро двигались кругом Ковши, серебряные чаши С кипящим пиеом и вином. Они веселье в сердце лили, Шипела пена по краям, Их важно чашники носили И низко кланялись гостям.

Слилися речи в шум невнятный; Жужжит гостей веселый круг; Но вдруг раздался глас приятный И звонких гуслей беглый звук; Все смолкли, слушают Баяна: И славит сладостный певец Людмилу-прелесть и Руслана И Лелем свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомленный, 'Не ест, не пьет Руслан влюбленный: На друга милого глядит, Вздыхает, сердится, горит И, щипля ус от нетерпенья, Считает каждые мгновенья. В уныньи, с пасмурным челом, За шумным, свадебным столом Сидят три витязя младые; Безмолвны, за ковшом пустым, Забыли кубки круговые, И брашна неприятны им; Не слышат вещего Баяна, Потупили смущенный взгляд: То три соперника Руслана; В душе несчастные таят Любви и ненависти яд. Один — Рогдай, воитель смелый, Мечом раздвинувший пределы Богатых киевских полей; Другой — Фарлаф, крикун надменный, В пирах никем непобежденный, Но воин скромный средь мечей: Последний, полный страстной думы, Младой хазарский хан Ратмир: Все трое бледны и угрюмы, И пир веселый им не в пир.

Вот кончен он; встают рядами, Смешались шумными толпами, И все глядят на молодых: Невеста очи опустила, Как будто сердцем приуныла, И светел радостный жених. Но тень объемлет всю природу, Уж близко к полночи глухой; Бояре, задремав от мёду, С поклоном убрались домой. Жених в восторге, в упоенье: Ласкает он в воображенье Стыдливой девы красоту: Но с тайным, грустным умиленьем Великий князь благословеньем Дарует юную чету.

И вот невесту молодую Ведут на брачную постель; Огни погасли... и ночную Лампаду важигает Лель

Свершились милые надежды, Любви готовятся дары; Падут ревнивые одежды На цареградские ковры... Вы слышите ль влюбленный шопот И поцелуев сладкий звук И прерывающийся ропот Последней робости?.. Супруг Восторги чувствует заране; И вот они настали... Вдруг Гром грянул, свет блеснул в гумане, Лампада гаснет, дым бежит, Кругом всё смерклось, всё дрожит, И замерла душа в Руслане... Всё смолкло. В грозной тишине Раздался дважды голос странной, И кто-то в дымной глубине Взвился чернее мглы туманной... И снова терем пуст и тих; Встает испуганный жених, С лица катится пот остылой: Трепеща, хладною рукой Он вопрошает мрак немой... О горе: нет подруги милой! Хватает воздух он пустой; Людмилы нет во тьме густой, Похищена безвестной силой.

Ах, если мученик любви Страдает страстью безнадёжно; Хоть грустно жить, друзья мои, Однако жить еще возможно. Но после долгих, долгих лет Обнять влюбленную подругу, Желаний, слез, тоски предмет, И вдруг минутную супругу Навек утратить... о друзья, Конечно лучше б умер я!

Однако жив Руслан несчастной. Но что сказал великий князь? Сраженный вдруг молвой ужасной, На зятя гневом распалясь, Его и двор он созывает: «Где, где Людмила?» вопрошает С ужасным, пламенным челом. Руслан не слышит. «Дети, други! Я помню прежние заслуги: О, сжальтесь вы над стариком!

Скажите, кто из вас согласен Скакать за дочерью моей? Чей подвиг будет не напрасен, Тому — терзайся, плачь, влодей! Не мог сберечь жены своей! — Тому я дам ее в супруги С полцарством прадедов моих. Кто ж вызовется, дети, други?..» — Я! — молвил горестный жених. «Я!я!» воскликнули с Рогдаем Фарлаф и радостный Ратмир: «Сейчас коней своих седлаем: Мы рады весь изъездить мир. Отец наш, не продлим разлуки; Не бойся: едем за княжной». И с благодарностью немой В слезах к ним простирает руки Старик, измученный тоской.

Все четверо выходят вместе: Руслан уныньем как убит; Мысль о потерянной невесте Его терзает и мертвит. Садятся на коней ретивых; Вдоль берегов Днепра счастливых Летят в клубящейся пыли; Уже скрываются вдали; Уж всадников не видно боле... Но долго всё еще глядит Великий князь в пустое поле И думой им во след летит.

Руслан томился молчаливо, И смысл и память потеряв. Через илечо глядя спесиво И важно подбочась, Фарлаф Надувшись ехал за Русланом. Он говорит: «насилу я На волю вырвался, друзья! Ну, скоро ль встречусь с великаном? Уж то-то крови будет течь, Уж то-то жертв любви ревнивой! Повеселись, мой верный меч, Повеселись, мой конь ретивой!»

Хазарский хан, в уме своем Уже Людмилу обнимая, Едва не пляшет над седлом; В нем кровь играет молодая,

Огня надежды полон взор: То скачет он во весь опор, То дразнит бегуна лихого, Кружит, подъемлет на дыбы, Иль дерзко мчит на холмы снова.

Рогдай угрюм, молчит — ни слова... Страшась неведомой судьбы И мучась ревностью напрасной, Всех больше беспокоен он, И часто взор его ужасной На князя мрачно устремлён.

Соперники одной дорогой Всё вместе едут целый день. Днепра стал темен брег отлогой; С востока льется ночи тень; Туманы над Днепром глубоким; Пора коням их отдохнуть. Вот под горой путем широким Широкий пересекся путь. «Разъедемся, пора!» сказали, «Беззвестной вверимся судьбе». И каждый конь, не чуя стали, По воле путь избрал себе.

Что делаешь, Руслан несчастный, Один в пустынной тишине? Людмилу, свадьбы день ужасный, Всё, мнится, видел ты во сне. На брови медный шлем надвинув, Из мощных рук узду покинув, Ты шагом едешь меж полей, И медленно в душе твоей Надежда гибнет, гаснет вера.

Но вдруг пред витязем пещера; В пещере свет. Он прямо к ней Идет под дремлющие своды, Ровесники самой природы. *
Вошел с уныньем: что же зрит? В пещере старец; ясный вид, Спокойный взор, брада седая; Лампада перед ним горит; За древней книгой он сидит, Ее внимательно читая. «Добро пожаловать, мой сын!» Сказал с улыбкой он Руслану: «Уж двадцать лет я здесь один

Во мраке старой жизни вяну; Но наконец дождался дня, Давно предвиденного мною. Мы вместе сведены судьбою; Садись и выслушай меня. Руслан, лишился ты Людмилы; Твой твердый дух теряет силы; Но зла промчится быстрый миг: Навремя рок тебя постиг. С надеждой, верою веселой Иди на всё, не унывай; Вперед! мечом и грудью смелой Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Руслан: твой оскорбитель Волшебник страшный Черномор, Красавиц давний похититель, Полнощных обладатель гор. Еще ничей в его обитель Не проникал доныне взор; Но ты, злых козней истребитель, В нее ты вступишь, и злодей Погибнет от руки твоей. Тебе сказать не должен боле: Судьба твоих грядущих дней, Мой сын, в твоей отныне воле».

Наш витязь старцу пал к ногам И в радости лобзает руку. Светлеет мир его очам, И сердце позабыло муку. Вновь ожил он; и вдруг опять На вспыхнувшем лице кручина... «Ясна тоски твоей причина; Но грусть не трудно разогнать». Сказал старик: «тебе ужасна Любовь седого колдуна; Спокойся, знай: она напрасна И юной деве не страшна. Он звезды сводит с небосклона, Он свиснет — задрожит луна; Но против времени закона Ето наука не сильна. Ревнивый, трепетный хранитель Замков безжалостных дверей, Он только немощный мучитель Прелестной пленницы своей. Вокруг нее он молча бродит, Клянет жестокий жребий свой...

Но, добрый витязь, день проходит, А нужен для тебя покой».

Руслан на мягкий мох ложится Пред умирающим огнём; Он ищет позабыться сном, Вздыхает, медленно вертится... Напрасно! Витязь наконец: «Не спится что-то, мой отец! Что делать: болен я душою, И сон не в сон, как тошно жить. Позволь мне сердце освежить Твоей беседою святою. Прости мне дерзостный вопрос. Откройся: кто ты, благодатный, Судьбы наперсник непонятный? В пустыню кто тебя занёс?»

Вздохнув с улыбкою печальной, Старик в ответ: «любезный сын, Уж я забыл отчизны дальной Угрюмый край. Природный фин, В долинах, нам одним известных, Гоняя стадо сел окрестных, В беспечной юности я знал Одни дремучие дубравы, Ручьи, пещеры наших скал, Да дикой бедности забавы. Но жить в отрадной тишине Дано не долго было мне.

Тогда близ нашего селенья, Как милый цвет уединенья, Жила Наина. Меж подруг Она гремела красотою. Однажды утренней порою Свои стада на темный луг Я гнал, волынку надувая; Передо мной шумел поток. Одна, красавица младая На берегу плела венок. Меня влекла моя судьбина... Ах, витязь, то была Наина! Я к ней — и пламень роковой За дерзкий взор мне был наградой, И я любовь узнал душой С ее небесною отрадой, С ее мучительной тоской.

Умчалась года половина; Я с трепетом открылся ей, Сказал: люблю тебя, Наина. Но робкой горести моей Наина с гордостью внимала, Лишь прелести свои любя; И равнодушно отвечала: «Пастух, я не люблю тебя!»

И всё мне дико, мрачно стало: Родная куща, тень дубров, Веселы игры пастухов — Ничто тоски не утешало. В уныньи сердце сохло, вяло. И наконец задумал я Оставить финские поля; Морей неверные пучины С дружиной братской переплыть, И бранной славой заслужить Вниманье гордое Наины. Я вызвал смелых рыбаков Искать опасностей и злата. Впервые тихий край отцов Услышал бранный звук булат**а** И шум немирных челноков. Я вдаль уплыл, надежды полный, С толпой бесстрашных земляков; Мы десять лет снега и волны Багрили кровию врагов. Молва неслась: цари чужбины Страшились дерзости моей; Их горделивые дружины Бежали северных мечей. Мы весело, мы грозно бились, Делили дани и дары, И с побежденными садились За дружелюбные пиры. Но сердце, полное Наиной, Под шумом битвы и пиров, Томилось тайною кручиной, Искало финских берегов. Пора домой, сказал я, други! Повесим праздные кольчуги Под сенью хижины родной. Сказал — и весла зашумели; И, страх оставя за собой, В залив отчизны дорогой Мы с гордой радостью влетели.

Сбылись давнишние мечты, Сбылися пылкие желанья! Минута сладкого свиданья, И для меня блеснула ты! К ногам красавицы надменной Принес я меч окровавленной, Кораллы, влато и жемчуг; Пред нею, страстью упоенный, Безмолвным роем окруженный Ее завистливых подруг, Стоял я пленником послушным; Но дева скрылась от меня, Примолвя с видом равнодушным: «Герой, я не люблю тебя!»

К чему рассказывать, мой сын, Чего пересказать нет силы? Ах, и теперь один, один, Душой уснув, в дверях могилы, Я помню горесть, и порой, Как о минувшем мысль родится, По бороде моей седой Слеза тяжелая катится.

Но слушай: в родине моей Между пустынных рыбарей Наука дивная таится. Под кровом вечной тишины, Среди лесов, в глуши далёкой Живут седые колдуны; К предметам мудрости высокой Все мысли их устремлены; Всё слышит голос их ужасный, Что было и что будет вновь, И грозной воле их подвластны И гроб и самая любовь.

И я, любви искатель жадной, Решился в грусти безотрадной Наину чарами привлечь И в гордом сердце девы хладной Любовь волшебствами зажечь. Спешил в объятия свободы, В уединенный мрак лесов; И там, в ученьи колдунов, Провел невидимые годы. Настал давно желанный миг, И тайну страшную природы Я светлой мыслию постиг: Узнал я силу заклинаньям.

Венец любви, венец желаньям! Теперь, Наина, ты моя! Победа наша: думал я. Но в самом деле победитель Был рок, упорный мой гонитель.

В мечтах надежды молодой, В восторге пылкого желанья, Творю поспешно заклинанья, Зову духов — и в тьме лесной Стрела промчалась громовая, Волшебный вихооь поднял вой. Земля вздрогнула под ногой... И вдруг сидит передо мной Старушка дряхдая, седая. Глазами впалыми сверкая. С горбом, с трясучей головой, Печальной ветхости картина. Ах. витязь, то была Наина!.. Я ужаснулся и молчал, Глазами страшный призрак мерил, В сомненьи всё еще не верил, И вдруг заплакал, закричал: Возможно ль! ах. Наина. ты ли! Наина, где твоя краса? Скажи, ужели небеса Тебя так страшно изменили? Скажи, давно ль, оставя свет, Расстался я с душой и с милой? Давно ли?.. «Ровно сорок лет», Был девы роковой ответ: «Сегодня семьдесят мне било. Что делать», мне пищит она, «Толпою годы пролетели, Прошла моя, твоя весна — Мы оба постареть успели. Но, друг, послушай: не беда Неверной младости утрата. Конечно, я теперь седа, Немножко, может быть, горбата; Не то, что встарину была, Не так жива, не так мила: Зато (прибавила болтунья) Откоою тайну: я колдунья!»

И было в самом деле так. Немой, недвижный перед нею, Я совершенный был дурак Со всей премудростью моею.

47

Но вот ужасно: колдовство Вполне свершилось по несчастью. Мое седое божество Ко мне пылало новой страстью. Скоивив улыбкой страшный рот. Могильным голосом урод Бормочет мне любви признанье. Вообрази мое страданье! Я трепетал, потупя взор; Она сквозь кашель продолжала Тяжелый, страстный разговор: «Так, сердце я теперь узнала; Я вижу, верный друг, оно Для нежной страсти рождено: Проснулись чувства, я сгораю, Томлюсь желаньями любви... Приди в объятия мои... О милый. милый! умираю...»

И между тем она, Руслан, Мигала томными глазами: И между тем за мой кафтан Держалась тощими руками; И между тем — я обмирал. От ужаса, зажмуря очи; И вдруг терпеть не стало мочи: Я с криком вырвался, бежал. Она вослед: «о недостойный! Ты возмутил мой век спокойный, Невинной девы ясны дни! Добился ты любви Наины, Й презираешь — вот мужчины! Изменой дышат все они! Увы, сама себя вини; Он обольстил меня, несчастной! Я отдалась любови страстной... Изменник, изверг! о позор! Но трепещи, девичий вор!»

Так мы расстались. С этих пор Живу в моем уединенье С разочарованной душой; И в мире старцу утешенье Природа, мудрость и покой. Уже зовет меня могила; Но чувства прежние свои Еще старушка не забыла, И пламя поздное любви С досады в злобу превратила.

Душою черной эло любя, Колдунья старая конечно Возненавидит и тебя; Но горе на земле не вечно.»

Наш витязь с жадностью внимал Рассказы старца; ясны очи Дремотой легкой не смыкал. И тихого полета ночи В глубокой думе не слыхал. Но день блистает лучезарный... Со вздохом витязь благодарный Объемлет старца-колдуна; 'Душа надеждою полна; Выходит вон. Ногами стиснул Руслан заржавшего коня; В седле оправился, присвиснул. «Отец мой, не оставь меня». И скачет по пустому лугу. Седой мудрец младому другу Кричит вослед: «счастливый путь! Прости, люби свою супругу, Советов старца не забудь!»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники в искусстве брани, Не знайте мира меж собой; Несите мрачной славе дани, И упивайтеся враждой! Пусть мир пред вами цепенеет, Дивяся грозным торжествам: Никто о вас не пожалеет, Никто не помешает вам. Соперники другого рода, Вы, рыцари парнасских гор, Старайтесь не смешить народа Нескромным шумом ваших ссор; Бранитесь — только осторожно. Но вы, соперники в любви, Живите дружно, если можно! Поверьте мне, друзья мои: Кому судьбою непременной Девичье сердце суждено, Тот будет тал на эло вселенной; Сердиться глупо и грешно.

Когда Рогдай неукротимый, Глухим предчувствием томимый,

Оставя спутников своих.
Пустился в край уединенный И ехал меж пустынь лесных, В глубоку думу погруженный — Злой дух тревожил и смущал Его тоскующую душу, И витязь пасмурный шептал: «Убью!.. преграды все разрушу... Руслан!.. узнаешь ты меня... Теперь-то девица поплачет...» И вдруг, поворотив коня, Во весь опор назад он скачет.

В то время доблестный Фарлаф, Всё утро сладко продремав, Укрывшись от лучей полдневных, У ручейка, наедине, ot Для подкрепленья сил душевных, Обедал в мирной тишине. Как вдруг, он видит: кто-то в поле, Как буря, мчится на коне; И, времени не тратя боле, Фарлаф, покинув свой обед, Копье, кольчугу, шлем, перчатки, Вскочил в седло, и без оглядки Летит — а тот за ним вослед. «Остановись, беглец бесчестный!» Кричит Фарлафу неизвестный. «Презренный, дай себя догнать! Дай голову с тебя сорвать!» Фарлаф, узнавши глас Рогдая, Со страха скорчась, обмирал, И, верной смерти ожидая, Коня еще быстрее гнал. Так точно заяц торопливой, Прижавши уши боязливо, По кочкам, полем, сквозь леса Скачками мчится ото пса. На месте славного побега Весной растопленного снега Потоки мутные текли И рыли влажну грудь земли. Ко рву примчался конь ретивой, Взмахнул хвостом и белой гривой, Бразды стальные закусил И через ров перескочил; Но робкий всадник вверх ногами Свалился тяжко в грязный ров, Земли не взвидел с небесами,

И смерть принять уж был готов. Рогдай к оврагу подлетает; Жестокий меч уж занесен; «Погибни, трус! умри!» вещает... Вдруг узнает Фарлафа он; Глядит, и руки опустились; Досада, изумленье, гнев В его чертах изобразились; Скрипя зубами, онемев, Герой, с поникшею главою Скорей отъехав ото рва, Бесился... но едва, едва Сам не смеялся над собою.

Тогда он встретил под горой Старушечку чуть-чуть живую, Горбатую, совсем седую. Она дорожною клюкой Ему на север указала. «Ты там найдешь его», сказала. Рогдай весельем закипел И к верной смерти полетел.

А наш Фарлаф? Во рву остался, Дохнуть не смея; про себя Он, лежа, думал: жив ли я? Куда соперник злой девался? Вдруг слышит прямо над собой Старухи голос гробовой: «Встань, молодец; всё тихо в поле; Ты никого не встретишь боле; Я привела тебе коня; Вставай, послушайся меня».

Смущенный витязь поневоле Ползком оставил грязный ров; Окрестность робко озирая, Вэдохнул и молвил оживая: «Ну, слава богу, я здоров!»

«Поверь!» старуха продолжала: «Людмилу мудрено сыскать; Она далеко забежала; Не нам с тобой ее достать. Опасно разъезжать по свету; Ты, право, будешь сам не рад. Последуй моему совету, Ступай тихохонько назад. Под Киевом, в уединенье,

49

В своем наследственном селенье Останься лучше без забот: От нас Людмила не уйдет».

Сказав, исчезла. В нетерпенье Благоразумный наш герой Тотчас отправился домой, Сердечно позабыв о славе И даже о княжне младой; И шум малейший по дубраве, Полет синицы, ропот вод Его бросали в жар и в пот.

Меж тем Руслан далеко мчится; В глуши лесов, в глуши полей Привычной думою стремится К Людмиле, радости своей, И говорит: «найду ли друга? Где ты, души моей супруга? Увижу ль я твой светлый взор? Услышу ль нежный разговор? Иль суждено, чтоб чародея Ты вечной пленницей была И, скорбной девою старея, В темнице мрачной отцвела? • Или соперник дерзновенный Придет?.. Нет, нет, мой друг безценный: Еще при мне мой верный меч. Еще глава не пала с плеч».

Однажды, темною порою, По камням берегом крутым Наш витязь ехал над рекою. Всё утихало. Вдруг за ним Стрелы мгновенное жужжанье, Кольчуги звон и крик и ржанье И топот по полю глухой. «Стой!» грянул голос громовой: Он оглянулся: в поле чистом, Подняв копье, летит со свистом Свирепый всадник, и грозой Помчался князь ему навстречу. «Ага! догнал тебя! постой!» Кричит наездник удалой: «Готовься, друг, на смертну сечу; Теперь ложись средь здешних мест; А там ищи своих невест». Руслан вспылал, вздрогнул от гнеза; Он узнает сей буйный глас...

Друзья мои! а наша дева? Оставим витязей на час; О них опять я вспомню вскоре, А то давно пора бы мне Подумать о младой княжне И об ужасном Черноморе.

Моей причудливой мечты Наперсник иногда нескромной, Я рассказал, как ночью темной Людмилы нежной красоты От воспаленного Руслана Сокрылись вдруг среди тумана, Несчастная! когда злодей. Рукою мощною своей Тебя сорвав с постели брачной, Взвился, как вихорь, к облакам Сквозь тяжкий дым и воздух мрачной, И вдруг умчал к своим горам — Ты чувств и памяти лишилась И в страшном замке колдуна Безмолвна, трепетна, бледна, В одно мгновенье очутилась.

С порога хижины моей Так видел я, средь летних дней, Когда за курицей трусливой Султан курятника спесивой, Петух мой по двору бежал И сладострастными крылами Уже подругу обнимал; Над ними хитрыми кругами Цыплят селенья старый вор, Прияв губительные меры, Носился, плавал коршун серый, И пал как молния на двор. Взвился, летит. В когтях ужасных Во тьму расселин безопасных Уносит бедную злодей. Напрасно, горестью своей И хладным страхом пораженный, Зовет любовницу петух... Он видит лишь летучий пух, Летучим ветром занесенный.

До утра юная княжна Лежала, тягостным забвеньем, Как будто страшным сновиденьем, Объята — наконец она

Очнулась, пламенным волненьем И смутным ужасом полна; $oxedsymbol{\mathcal{I}}$ ушой летит за наслажденьем, $\cdot$ Кого-то ищет с упоеньем; Где ж милый, шепчет, где супруг? Зовет и помертвела вдруг. Глядит с боязнию вокруг. Людмила, где твоя светлица? Лежит несчастная девица Среди подушек пуховых, Под гордой сенью балдахина; Завесы, пышная перина В кистях, в узорах дорогих; Повсюду ткани парчевые; Играют яхонты, как жар; Кругом курильницы златые Подъемлют ароматный пар. Довольно... благо мне не надо Описывать волшебный дом: Уже давно Шехеразада Меня предупредила в том. Но светлый терем не отрада, Когда не видим друга в нем.

Три девы, красоты чудесной, В одежде легкой и прелестной Княжне явились, подошли И поклонились до земли. Тогда неслышными шагами Одна поближе подошла; Княжне воздушными перстами Златую косу заплела С искусством, в наши дни не новым, И обвила венцом перловым Окружность бледного чела. За нею, скромно взор склоняя, Потом приближилась другая; Лазурный, пышный сарафан Одел Людмилы стройный стан; Покрылись кудри золотые, И грудь, и плечи молодые Фатой, прозрачной, как туман. Покров завистливый лобзает Красы, достойные небес, И обувь легкая сжимает Две ножки, чудо из чудес. Княжне последняя девица Жемчужный пояс подает. Меж тем незримая певица

Веселы песни ей поет. Увы, ни камни ожерелья, Ни сарафан, ни перлов ряд, Ни песни лести и веселья Ее души не веселят; Напрасно зеркало рисует Ее красы, ее наряд; Потупя неподвижный взгляд, Она молчит, она тоскует.

Те, кои, правду возлюбя, На темном сердца дне читали, Конечно знают про себя, Что если женщина в печали Сквозь слез, украдкой, как-нибудь, На эло привычке и рассудку, Забудет в зеркало взглянуть — То грустно ей уж не на шутку.

Но вот Людмила вновь одна. Не зная, что начать, она К окну решетчату подходит, И взор ее печально бродит В пространстве пасмурной дали. Всё мертво. Снежные равнины Коврами яркими легли; Стоят угрюмых гор вершины В однообразной белизне И дремлют в вечной тишине; Кругом не видно дымной кровли, Не видно путника в снегах, И звонкий рог веселой ловли В пустынных не трубит горах; Лишь изредка с унылым свистом Бунтует вихорь в поле чистом И на краю седых небес Качает обнаженный лес.

В слезах отчаянья, Людмила От ужаса лицо закрыла. Увы, что ждет ее теперы! Бежит в серебряную дверь; Она с музыкой отворилась, И наша дева очутилась В саду. Пленительный предел: Прекраснее садов Армиды И тех, которыми владел Царь Соломон, иль князь Тавриды. Пред нею зыблются, шумят

Великолепные дубровы. Алеи пальм и лес лавровый. И благовонных миртов ряд. И кедров гордые вершины, И золотые апельсины Зерцалом вод отражены: Пригорки, рощи и долины Весны огнем оживлены: С прохладой вьется ветер майский Средь очарованных полей, И свищет соловей китайский Во моаке трепетных ветвей: Летят алмазные фонтаны . С веселым шумом к облакам; Под ними блещут истуканы. И. мнится. живы: Фидий сам. Питомец Феба и Паллады, Любуясь ими, наконец Свой очарованный резец Из рук бы выронил с досады. Дробясь о мраморны преграды, Жемчужной, огненной дугой Валятся, плещут водопады; И ручейки в тени лесной Чуть выются сонною волной. Поиют покоя и прохлады. Скивозь вечну зелень здесь и там Мелькают светлые беселки: Повсюду роз живые ветки Цветут и дышат по тропам. Но безутешная Людмила Идет, идет и не глядит: Волшебства роскошь ей постыла, Ей грустен неги светлый вид; Куда, сама не зная, бродит, Волшебный сад кругом обходит, Свободу горьким дав слезам, И взоры мрачные возводит. К неумолимым небесам. Вдруг осветился взор прекрасный; К устам она прижала перст: Казалось, умысел ужасный Рождался... Страшный путь отверст: Высокий мостик над потоком Пред ней висит на двух скалах; В уныньи тяжком и глубоком Она подходит — и в слезах На воды шумные взглянула, Ударила, рыдая, в грудь,

В волнах решилась утонуть — Однако в воды не прыгнула И дале продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила, По солниу бегая с утра, Устала, слёзы осушила, В душе подумала: пора! На травку села, оглянулась — И вдруг над нею сень шатра, Шумя, с прохладой развернулась; Обед роскошный перед ней: Поибор из яркого кристалла: И в тишине из-за ветвей Незрима арфа заиграла. Дивится пленная княжна. Но втайне думает она: «Вдали от милого, в неволе, Зачем мне жить на свете боле? О ты, чья гибельная страсть Меня терзает и лелеет, Мне не страшна влодея власть: Людмила умереть умеет! Не нужно мне твоих шатров, Ни скучных песень, ни пиров — Не стану есть, не буду слушать, Умру среди твоих садов!» Подумала — и стала кушать.

Княжна встает, и вмиг шатер, И пышной роскоши прибор, И звуки арфы... всё пропало: Попрежнему всё тихо стало; Людмила вновь одна в садах Скитается из рощи в рощи; Меж тем в лазурных небесах Плывет луна, царица нощи, Находит мгла со всех сторон И тихо на холмах почила; Княжну невольно клонит сон. И вдруг неведомая сила Нежней, чем вешний ветерок, Ее на воздух поднимает, Несет по воздуху в чертог, И осторожно опускает Сквозь фимиам вечерних роз На ложе грусти, ложе слез. Три девы вмиг опять явились И вкруг нее засуетились,

Чтоб на ночь пышный снять убор; Но их унылый, смутный взор И принужденное молчанье Являли втайне состраданье И немощный судьбам укор. Но поспешим: рукой их нежной Раздета сонная княжна; Прелестна прелестью небрежной, В одной сорочке белоснежной Ложится почивать она. Со вздохом девы поклонились, Скорей как можно удалились И тихо притворили дверь. Что ж наша пленница теперь! $\mathcal{A}$ рожит как лист, дохнуть не смеет; Хладеют перси, взор темнеет; Мгновенный сон от глаз бежит; Не спит, удвоила вниманье, Недвижно в темноту глядит... Всё мрачно, мертвое молчанье! Лишь сердца слышит трепетанье... И мнится... шепчет тишина; Идут — идут к ее постеле; В подушки прячется княжна — И вдруг... о страх!.. и в самом деле Раздался шум; озарена Мгновенным блеском тьма ночная, Мгновенно дверь отворена; Безмолвно, гордо выступая, Нагими саблями сверкая, Арапов длинный ряд идет Попарно, чинно, сколь возможно, И на подушках осторожно Седую бороду несет: И входит с важностью за нею, Подъяв величественно шею. Горбатый карлик из дверей: Его-то голове обритой, Высоким колпаком покрытой, Поинадлежала борода. Уж он приближился: тогда Княжна с постели соскочила, Седого карлу за колпак Рукою быстрой ухватила, Дрожащий занесла кулак, И в страхе завизжала так, Что всех арапов оглушила. Трепеща, скорчился бедняк, Княжны испуганной бледнее;

Зажавши уши поскорее, Хотел бежать, но в бороде Запутался, упал и бьется; Встает, упал; в такой беде Арапов черный рой мятется; Шумят, толкаются, бегут, Хватают колдуна в охапку И вон распутывать несут, Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь наш? Вы помните ль неждану встречу? Бери свой быстрый карандаш, Рисуй, Орловский, ночь и сечу! При свете трепетном луны, Сразились витязи жестоко: Сердца их гневом стеснены, Уж копья брошены далёко, Уже мечи раздроблены, Кольчуги кровию покрыты, Щиты трещат, в куски разбиты... Они схватились на конях: Взрывая к небу черный прах, Под ними борзы кони бьются; Борцы, недвижно сплетены, Друг друга стиснув, остаются, Как бы к седлу пригвождены; Их члены элобой сведены; Переплелись и костенеют; По жилам быстрый огнь бежит: На вражьей груди грудь дрожит И вот колеблются, слабеют — Кому-то пасть... вдруг витязь мой, Вскипев, железною рукой С седла наездника срывает, Подъемлет, держит над собой И в волны с берега бросает. «Погибни!» грозно восклицает; «Умри, завистник элобный мой!»

Ты догадался, мой читатель, С кем бился доблестный Руслан: То был кровавых битв искатель, Рогдай, надежда киевлян, Людмилы мрачный обожатель. Он вдоль днепровских берегов Искал соперника следов; Нашел, настиг, но прежня сила Питомду битвы изменила.

И Руси древний удалец
В пустыне свой нашел конец.
И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекала.
И долго после, ночью темной,
Бродя близ тихих берегов,
Богатыря призрак огромной
Пугал пустынных рыбаков.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ.

Напрасно вы в тени таились Стихи мои! Вы не сокрылись От гневных зависти очей. Уж бледный критик, ей в услугу, Вопрос мне сделал роковой: Зачем русланову подругу, Как бы на смех ее супругу, Зову и девой и княжной? Ты видишь, добрый мой читатель, Тут злобы черную печать! Скажи, Зоил, скажи, предатель, Ну как и что мне отвечать? Красней, несчастный, бог с тобою! Красней, я спорить не хочу; Довольный тем, что прав душою, В смиренной кротости молчу. Но ты поймешь меня. Климена. Потупишь томные глаза Ты, жертва скучного Гимена... Я вижу: тайная слеза Падет на стих мой, сердцу внятный; Ты покраснела, взор погас; Вздохнула, молча... вздох понятный! Ревнивец: бойся, близок час; 'Амур с Досадой своенравной Вступили в смелый заговор, И для главы твоей бесславной Готов уж мстительный убор.

Уж утро хладное сияло
На темени полнощных гор;
Но в дивном замке всё молчало.
В досаде скрыгой Черномор,
Без шапки в утреннем халате,

Зевал сердито на кровати. Вокруг брады его седой Рабы толпились молчаливы, И нежно гребень костяной Расчесывал ее извивы; Меж тем, для пользы и красы, На бесконечные усы Лились восточны ароматы, И кудри хитрые вились. Как вдруг, откуда ни возьмись, В окно влетает змий крылатый: Гремя железной чешуей, Он в кольца быстрые согнулся И вдруг Наиной обернулся Пред изумленною толпой. «Приветствую тебя», сказал, «Собрат, издавна чтимый мной! Досель я Черномора знала Одною громкою молвой; Но тайный рок соединяет Теперь нас общею враждой: Тебе опасность угрожает, Нависла туча над тобой; И голос оскорбленной чести Меня к отмщению зовет».

Со взором, полным хитрой лести, Ей карла руку подает, Вещая: «дивная Наина! Мне драгоценен твой союз. Мы посрамим коварство Фина; Но мрачных козней не боюсь: Противник слабый мне не страшен; Узнай чудесный жребий мой: Сей благодатной бородой Недаром Черномор украшен. Доколь власов ее седых Враждебный меч не перерубит, Никто из витязей лихих, Никто из смертных не погубит Малейших замыслов монх: Моею будет век Людмила, Руслан же гробу обречен!» И мрачно ведьма повторила: «Погибнет он! погибнет он!» Потом три раза прошипела; Три раз топнула ногой, И черным змием улетела.

Блистая в ризе парчевой. Колдун, колдуньей ободренной, Развеселясь, решился вновь Нести к ногам девицы пленной Усы, покорность и любовь. Разряжен карлик бородатый, Опять идет в ее палаты: Проходит длинный комнат ряд: Княжны в них нет. Он дале, в сад, В лавровый лес, к решетке сада, Вдоль озера, вкруг водопада, Под мостики, в беседки... нет! Княжна ушла, пропал и след! Кто выразит его смущенье, И рев. и трепет исступленья? С досады дня не взвидел он. Раздался карлы дикий стон: «Сюда, невольники, бегите! Сюда, надеюсь я на вас! Сейчас Людмилу мне сыщите! Скорее, слышите ль? сейчас! Не то — шутите вы со мною — Всех удавлю вас бородою!»

Читатель, расскажу ль тебе, Куда красавица девалась? Всю ночь она своей судьбе В слезах дивилась и — смеялась. Ее пугала борода, Но Черномор уж был известен, И был смешон, а никогда Со смехом ужас несовместен. Навстречу утренним лучам Постель оставила Людмила И взор невольный обратила К высоким, чистым зеркалам; Невольно кудри золотые С лилейных плеч приподняла; Невольно волосы густые Рукой небрежной заплела; Свои вчерашние наряды Нечаянно в углу нашла; Вздохнув, оделась и с досады / Тихонько плакать начала; Однако с верного стекла Вздыхая не сводила взора, И девице пришло на ум, В волненьи своенравных дум, Примерить шапку Черномора.

Всё тихо, никого здесь нет: Никто на девушку не взглянет... А девушке в семнадцать лет Какая шапка не пристанет! Рядиться никогда не лень! Людмила шапкой завертела; На брови, прямо, набекрень, И задом наперед надела. И что ж? о чудо старых дней! Людмила в зеркале пропала: Перевернула — перед ней Людмила прежняя предстала; Назад надела — снова нет; Сняла — и в зеркале! «Прекрасно! Aобро, колдун, добро, мой свет!Теперь мне здесь уж безопасно; Теперь избавлюсь от хлопот!» И шапку старого влодея Княжна, от радости краснея, Надела задом наперёд.

Но возвратимся же к герою. Не стыдно ль заниматься нам Так долго шапкой, бородою, Руслана поруча судьбам? Свершив с Рогдаем бой жестокий, Проехал он дремучий лес; Пред ним открылся дол широкий При блеске утренних небес. Трепещет витязь поневоле: Он видит старой битвы поле. Вдали всё пусто: здесь и там Желтеют кости: по холмам Разбросаны колчаны, латы; Тде збруя, где заржавый щит; В костях руки здесь меч лежит; Травой оброс там шлем косматый И старый череп тлеет в нем; Богатыря там остов целый С его поверженным конем Лежит недвижный: копья, стрелы В сырую землю вонзены, И мирный плющ их обвивает... Ничто безмолвной тишины Пустыни сей не возмущает, И солнце с ясной вышины Долину смерти озаряет.

Со вздохом витязь вкоуг себя Взирает грустными очами. «О поле, поле, кто тебя Усеял мертвыми костями? Чей боозый конь тебя топтал В последний час кровавой битвы? Кто на тебе со славой пал? Чьи небо слышало молитвы? Зачем же, поле, смолкло ты И поросло травой забвенья?.. Времен от вечной темноты. Быть может, нет и мне спасенья! Быть может, на холме немом Поставят тихий гроб русланов, И струны громкие Баянов Не будут говорить о нем!»

Но вскоре вспомнил витязь мой, Что добрый меч герою нужен И даже панцырь; а герой С последней битвы безоружен. Обходит поле он вокруг: В кустах, среди костей забвенных, В громаде тлеющих кольчуг, Мечей и шлемов раздробленных Себе доспехов ищет он. Проснулись гул и степь немая, Поднялся в поле треск и звон; Он поднял щит, не выбирая, Нашел и шлем и звонкий рог: Но лишь меча сыскать не мог. Долину брани объезжая, Он видит множество мечей. Но все легки, да слишком малы, А князь красавец был не вялый, Не то, что витязь наших дней. Чтоб чем-нибудь играть от скуки, Копье стальное взял он в руки, Кольчугу он надел на грудь И далее пустился в путь.

Уж побледнел закат румяный Над усыпленною землей; Дымятся синие туманы И всходит месяц золотой; Померкла степь. Тропою темной Задумчив едет наш Руслан И видит: сквозь ночной туман Вдали чернеет холм огромной И что-то страшное храпит.

Он ближе к холму, ближе — слышит: Чудесный холм как будто дышит. Руслан внимает и глядит Бестрепетно, с покойным духом; Но, шевеля пугливым ухом. Конь упирается, дрожит, Трясет упрямой головою, И грива дыбом поднялась. Вдруг холм, безоблачной луною В тумане бледно озарясь, Яснеет; смотрит храбрый князь — И чудо видит пред собою. Найду ли краски и слова? Пред ним живая голова. Огромны очи сном объяты; Храпит, качая шлем пернатый, И перья в темной высоте, Как тени, ходят, развеваясь. В своей ужасной красоте Над мрачной степью возвышаясь, Безмолвием окружена, Пустыни сторож безымянной, Руслану предстоит она Громадой грозной и туманной. В недоуменьи хочет он Таинственный разрушить сон. Вблизи осматривая диво, Объехал голову кругом, И стал пред носом молчаливо; Щекотит ноздри копиём, И, сморщась, голова зевнула, Глаза открыла и чихнула... Поднялся вихорь, степь дрогнула, Взвилася пыль; с ресниц, с усов, С бровей слетела стая сов; Проснулись рощи молчаливы, Чихнуло эхо — конь ретивый Заржал, запрыгал, отлетел, Едва сам витязь усидел, И вслед раздался голос шумный: «Куда ты, витязь неразумный? Ступай назад, я не шучу! Как раз нахала проглочу!» Руслан с презреньем оглянулся, Браздами удержал коня И с гордым видом усмехнулся. «Чего ты хочешь от меня?» Нахмурясь, голова вскричала. «Вот гостя мне судьба послала!

Послушай, убирайся прочь! Я спать хочу, теперь уж ночь, Прощай!» Но витязь знаменитой, Услыша грубые слова, Воскликнул с важностью сердитой: — Молчи, пустая голова! Слыхал я истину бывало: Хоть лоб широк, да мозгу мало! Я еду, еду, не свищу, А как наеду, не спущу! —

Тогда, от ярости немея, Стесненной злобой пламенея, Надулась голова; как жар, Кровавы очи засверкали; Напенясь, губы задрожали; Из уст, ушей поднялся пар — И вдруг она, что было мочи, Навстречу князю стала дуть; Напрасно, конь, зажмуря очи, Склонив главу, натужа грудь, Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи Неверный продолжает путь; Объятый страхом, ослепленный, Он мчится вновь, изнеможенный, Далече в поле отдохнуть. Вновь обратиться витявь хочет — Вновь отражен, надежды нет! А голова ему вослед, Как сумасшедшая, хохочет, Гремит: «ай, витязь! ай, герой! Куда ты? тише, тише, стой! Эй, витязь, шею сломишь даром; Не трусь, наездник, и меня Порадуй хоть одним ударом, Пока не заморил коня» И между тем она героя Дразнила страшным языком. Руслан, досаду в сердце кроя Грозит ей молча копиём, Трясет его рукой свободной, И, задрожав, булат холодной Вонзился в дерзостный язык. И кровь из бещеного зева Рекою побежала вмиг. От удивленья, боли, гнева, В минуту дерзости лишась, На князя голова глядела, Железо грызла и бледнела.

В спокойном духе горячась. Так иногда средь нашей сцены Плохой питомец Мельпомены, Внезапным свистом оглушен. Уж ничего не видит он, Бледнеет, ролю забывает. $oldsymbol{arDelta}$ рожит. поникнув головой, И, заикаясь, умолкает Перед насмешливой толпой. Счастливым пользуясь мгновеньем, К объятой голове смущеньем, Как ястреб, богатырь летит С подъятой, грозною десницей И в щеку тяжкой рукавицей С размаха голову разит; И степь ударом огласилась; Кругом росистая трава Кровавой пеной обагрилась. И. зашатавшись, голова Перевернулась, покатилась, И шлем чугунный застучал. Тогда на месте опустелом Меч богатырский засверкал. Наш витязь в трепете веселом Его схватил, и к голове По окровавленной траве Бежит с намереньем жестоким Ей нос и уши обрубить; Уже Руслан готов разить, Уже взмахнул мечом широким — Вдруг, изумленный, внемлет он Главы молящей жалкий стон... И тихо меч он опускает, В нем гнев свирепый умирает, И мщенье бурное падет В душе, моленьем усмиренной: Так на долине тает лед, Лучом полудня пораженной.

«Ты вразумил меня, герой», Со вздохом голова сказала: «Твоя десница доказала, Что я виновен пред тобой; Огныне я тебе послушен; Но, витязь, будь великодушен! Достоин плача жребий мой. И я был витязь удалой! В кровавых битвах супостата Себе я равного не зрел;

Счастлив, когда бы не имел Соперником меньшого брата! Коваоный, злобный Черномор, Ты, ты всех бед моих виною! Семейства нашего позоо. Рожденный карлой, с бородою, Мой дивный рост от юных дней Не мог он без досады видеть И стал за то в душе своей Меня, жестокий, ненавидеть. Я был всегда немного прост, Хотя высок; а сей несчастной, Имея самый глупый рост. Умен как бес — и зол ужасно. Поитом же, знай, к моей беде. В его чудесной бороде Таится сила роковая, И, всё на свете презирая — Доколе борода цела — Изменник не страшится зла. Вот он однажды с видом дружбы, Послушай, — хитро мне сказал, — Не откажись от важной службы: Я в черных книгах отыскал, Что за восточными горами На тихих моря берегах, В глухом подвале, под замками Хранится меч — и что же? страх! Я разобрал во тьме волшебной, Что волею судьбы враждебной Сей меч известен будет нам; Что нас он обоих погубит: Мне бороду мою отрубит, Тебе главу; суди же сам, Сколь важно нам приобретенье Сего созданья злых духов! «Ну, что же? где тут затрудненье?» Сказал я карле, «я готов; Иду, хоть за пределы света». И сосну на плечо взвалил, А на другое для совета Злодея брата посадил; Пустился в дальную дорогу, Шагал, шагал и, слава богу, Как бы пророчеству на зло, Всё счастливо сначала шло. За отдаленными горами Нашли мы роковой подвал; Я разметал его руками

И потаенный меч достал. Но нет! судьба того хотела: Меж нами ссора закипела — И было, признаюсь, о чем! Вопрос: кому владеть мечом? Я спорил, карла горячился; Бранились долго; наконец Уловку выдумал хитрец, Притих и будто бы смягчился. Оставим бесполезный спор, Сказал мне важно Черномор: Мы тем союз наш обесславим; Рассудок в мире жить велит; Судьбе решить мы предоставим, Кому сей меч принадлежит. К земле приникнем ухом оба (Чего не выдумает злоба!), И кто услышит первый звон, Тот и владей мечом до гроба. — Сказал и лег на землю он. Я сдуру также растянулся; Лежу, не слышу ничего, Смекая: обману его! Но сам жестоко обманулся. Злодей в глубокой тишине, Привстав, на цыпочках ко мне Подкрался сзади, размахнулся; Как вихорь свиснул острый меч, И прежде, чем я оглянулся, Уж голова слетела с плеч — И сверхъестественная сила В ней жизни дух остановила. Мой остов тернием оброс; Вдали, в стране, людьми забвенной, Истлел мой прах непогребенной; Но злобный карла перенёс Меня в сей край уединенной, Где вечно должен был стеречь Тобой сегодня взятый меч. О, витязь! Ты храним судьбою, Возьми его, и бог с тобою! Быть может, на своем пути Ты карла-чародея встретишь — Ах, если ты его заметишь, Коварству, злобе отомсти! И наконец я счастлив буду, Спокойно мир оставлю сей — И в благодарности моей Твою пощечину забуду».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, восстав от сна, Благодарю сердечно бога За то, что в наши времена Волшебников не так уж много. К тому же — честь и слава им! — Женитьбы наши безопасны... Их замыслы не так ужасны Мужьям, девицам молодым. Но есть волшебники другие, Которых ненавижу я: Улыбка, очи голубые И голос милый — о друзья! Не верьте им: они лукавы! Страшитесь, подражая мне, Их упоительной отравы, И почивайте в тишине.

Поэзии чудесный гелий, Певец таинственных видений, Любви, мечтаний и чертей, Могил и рая верный житель, И музы ветреной моей Наперсник, пестун и хранитель! Прости мне, северный Орфей, Что в повести моей забавной Теперь вослед тебе лечу И лиру музы своенравной Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы все слыхали, Как бесу в древни дни злодей Предал сперва себя с печали, 'А там и души дочерей; Как после щедрым подаяньем, Молитвой, верой и постом, И непритворным покаяньем Снискал заступника в святом; Как умер он, и как заснули Его двенадцать дочерей: И нас пленили, ужаснули Картины тайных сих ночей, Сии чудесные виденья, Сей мрачный бес, сей божий гнев, Живые грешника мученья И прелесть непорочных дев.

Мы с ними плакали, бродили Вокруг зубчатых замка стен, И сердцем тронутым любили Их тихий сон, их тихий плен; Душой Вадима призывали, И пробужденье зрели их, И часто инокинь святых На гроб отцовский провожали. И что ж, возможно ль?.. нам солгали! Но правду возвещу ли я?..

Младой Ратмир, направя к югу Нетерпеливый бег коня, Уж думал пред закатом дня Нагнать русланову супругу. Но день багряный вечерел; Напрасно витязь пред собою В туманы дальние смотрел: Всё было пусто над рекою. Зари последний луч горел Над ярко-позлащенным бором. Наш витязь мимо черных скал Тихонько проезжал и взором Ночлега меж дерев искал. Он на долину выезжает, И видит: замок на скалах Зубчаты стены возвышает; Чернеют башни на углах; И дева по стене высокой, Как в море лебедь одинокой, Идет, зарей освещена; И девы песнь едва слышна Долины в тишине глубокой.

«Ложится в поле мрак ночной; От волн поднялся ветер хладный. Уж поэдно, путник молодой! Укройся в терем наш отрадный.

«Здесь ночью нега и покой, А днем и шум и пированье. Приди на дружное призванье, Приди, о путник молодой!

«У нас найдешь красавиц рой; Их нежны речи и лобзанье. Приди на тайное призванье, Приди, о путник молодой!

«Тебе мы с утренней зарёй Наполним кубок на прощанье Приди на мирное призванье, Приди, о путник молодой!

«Ложится в поле мрак ночной; От волн поднялся ветер хладный. Уж поздно, путник молодой! / Укройся в терем наш отрадный»

Она манит, она поет: И юный хан уж под стеною; Его встречают у ворот Девицы красные толпою; При шуме ласковых речей Он окружен: с него не сводят Они пленительных очей: Две девицы коня уводят; В чертоги входит хан младой, За ним отшельниц милых рой; Одна снимает шлем крылатый, Другая кованые латы. Та меч берет, та пыльный щит; Одежда неги заменит Железные доспехи брани. Но прежде юношу ведут К великолепной русской бани. Уж волны дымные текут В ее серебряные чаны, И брызжут хладные фонтаны; Разостлан роскошью ковер: На нем усталый хан ложится; Прозрачный пар над ним клубится; Потупя неги полный взор. Прелестные, полунагие, В заботе нежной и немой. Вкруг хана девы молодые Теснятся резвою толпой. Над рыцарем иная машет Ветвями молодых берез. И жар от них душистый пашет; Другая соком вешних роз Усталы члены прохлаждает И в ароматах потопляет Темнокудрявые власы. Восторгом витязь упоенной Уже забыл Людмилы пленной Недавно милые красы; Томится сладостным желаньем;

Бродящий взор его блестит, И, полный страстным ожиданьем, Он тает сердцем, он горит.

Но вот выходит он из бани. Одетый в бархатные ткани, В кругу прелестных дев. Ратмир Садится за богатый пир. Я не Омер: в стихах высоких Он может воспевать один. Обеды греческих дружин И звон и пену чаш глубоких. Милее, по следам Парни, Мне славить лирою небрежной И наготу в ночной тени. И поцелуй любови нежной! Луною замок озарен; Я вижу терем отдаленный. Где витязь томный, воспаленный Вкушает одинокий сон: Его чело, его ланиты Мгновенным пламенем горят: Его уста полуоткомты Лобзанье тайное манят; Он страстно, медленно вздыхает. Он видит их — и в пылком сне Покровы к сердцу прижимает. Но вот в глубокой тишине Дверь отворилась; пол ревнивой Скрипит под ножкой торопливой, И при серебряной луне Мелькнула дева. Сны крылаты Сокройтесь, отлетите прочь! Проснись — твоя настала ночь! Проснися — дорог миг утраты!.. Она подходит, он лежит И в сладострастной неге дремлет; Покров его с одра скользит, И жаркий пух чело объемлет. В молчаньи дева перед ним Стоит недвижно, бездыханна, Как лицемерная Диана Пред милым пастырем своим; И вот она, на ложе хана Коленом опершись одним, Вздохнув, лицо к нему склоняет С томленьем, с трепетом живым, И сон счастливца прерывает Лобзаньем страстным и немым...

Но, други, девственная лира Умолкла под моей рукой: Слабеет робкий голос мой — Оставим юного Ратмира: Не смею песней продолжать: Руслан нас должен занимать. Руслан, сей витязь беспримерный, В душе герой, любовник верный. Упорным боем утомлен, Под богатырской головою Он сладостный вкущает сон. Но вот уж раннею зарею Сияет тихий небосклон: Всё ясно; утра луч игривый Главы косматый лоб златит. Руслан встает, и конь ретивый Уж витязя стрелою мчит.

И дни бегут: желтеют нивы: С дерев спадает дряхлый лист; В лесах осенний ветра свист Певиц пернатых заглушает: Тяжелый, пасмурный туман Нагие холмы обвивает; Зима поиближилась — Руслан Свой путь отважно продолжает На дальный север; с каждым днем Преграды новые встречает: То быется он с богатырем, То с ведьмою, то с великаном, То дунной ночью видит он, Как будто сквозь волшебный сон, Окружены седым туманом, Русалки, тихо на ветвях Качаясь, витязя младого С улыбкой хитрой на устах Манят, не говоря ни слова... Но тайным промыслом храним, Бесстрашный витязь невредим; В его душе желанье дремлет, Он их не видит, им не внемдет, Одна Людмила всюду с ним.

Но между тем, никем незрима, От нападений колдуна Волшебной шапкою хранима, Что делает моя княжна, Моя прекрасная Людмила? Она, безмолвна и уныла,

Одна гуляет по садам, О доуге мыслит и вздыхает. Иль, волю дав своим мечтам, К родимым киевским полям В забвеньи сердца улетает; Отца и братьев обнимает, Подружек видит молодых И старых мамушек своих — Забыты плен и разлученье! Но вскоре бедная княжна Свое теряет заблужденье И вновь уныла и одна. Рабы влюбленного злодея, И день и ночь, сидеть не смея, Меж тем по замку, по садам Прелестной пленницы искали, Метались, громко призывали, Однако всё по-пустякам. Людмила ими забавлялась В волшебных рощах иногда Без шапки вдруг она являлась И кликала: сюда, сюда! И все бросались к ней толпою: Но в сторону — незрима вдруг — Она неслышною стопою От хищных убегала рук. Везде всечасно замечали Ее минутные следы: То позлащенные плоды На шумных ветвях исчезали, То капли ключевой воды На луг измятый упадали: Тогда наверно в замке знали, Что пьет иль кушает княжна. На ветвях кедра иль березы Скрываясь по ночам, она Минутного искала сна — Но только проливала слезы. Звала супруга и покой, Томилась грустью и зевотой, И редко, редко пред зарей, Склонясь ко древу головой, Дремала тонкою дремотой; Едва редела ночи мгла, Людмила к водопаду шла Умыться хладною струею: Сам карла утренней порою Однажды видел из палат, Как под невидимой рукою

Плескал и брызгал водопад. С своей обычною тоскою До новой ночи, здесь и там, Она бродила по садам; Нередко под вечер слыхали Ее приятный голосок; Нередко в рощах поднимали Иль ею брошенный венок, Или клочки персидской шали, Или заплаканный платок.

Жестокой страстью уязвленный, Досадой, злобой омраченный, Колдун решился наконец Поймать Людмилу непременно. Так Лемноса хромой кузнец. Прияв супружеский венец Из рук прелестной Цитереи, Раскинул сеть ее красам, Открыв насмешливым богам Киприды нежные затеи...

Скучая, бедная княжна В прохладе мраморной беседки Сидела тихо близ окна И сквозь колеблемые ветки Смотрела на цветущий луг. Вдруг слышит — кличут: «милый друг!» И видит верного Руслана. Его черты, походка, стан; Но бледен он, в очах туман И на бедре живая рана — В ней сердце дрогнуло. «Руслан! Руслан!.. он точно!» И стрелою К супругу пленница летит, В слезах, трепеща, говорит: «Ты здесь... ты ранен... что с тобою?» Уже достигла, обняла: О ужас... призрак исчезает! Княжна в сетях: с ее чела На землю шапка упадает. Хладея, слышит грозный крик: «Она моя!» и в тот же миг Зрит колдуна перед очами. Раздался девы жалкий стон, Падет без чувств — и дивный сон Объял несчастную крылами.

Что будет с бедною княжной! О страшный вид: волшебник хилый Ласкает дерзостной рукой Младые прелести Людмилы! Ужели счастлив будет он? Чу... вдруг раздался рога звон, И кто-то карлу вызывает. В смятеньи, бледный чародей На деву шапку надевает; Трубят опять; звучней, звучней! И он летит к безвестной встрече, Закинув бороду за плечи.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ.

Ах, как мила моя княжна! Мне нрав ее всего дороже: Она чувствительна, скромна, Любви супружеской верна, Немножко ветрена,.. так что же? Еще милее тем она. Всечасно прелестию новой Умеет нас она пленить. Скажите: можно ли сравнить Ее с Дельфирою суровой? Одной — судьба послала дар Обворожать сердца и взоры; Ее улыбка, разговоры Во мне любви рождают жар. А та — под юбкою гусар, Лишь дайте ей усы да шпоры! Блажен, кого под вечерок В уединенный уголок Моя Людмила поджидает И другом сердце назовет: Но, верьте мне, блажен и тот, Кто от Дельфиры убегает И даже с нею незнаком. $oldsymbol{\mathcal{I}}$ а впрочем дело не о том! Но кто трубил? Кто чародея На сечу грозну вызывал? Кто колдуна перепугал? Руслан. Он, местью пламенея Достиг обители злодея. Уж витязь под горой стоит, Призывный рог, как буря, воет, Нетерпеливый конь кипит И снег копытом мочным роет. : Князь карлу ждет. Внезапно он По шлему крепкому стальному

Рукой невримой поражен: Удар упал подобно грому; Руслан подъемлет смутный взор И видит — поямо над главою — С подъятой, страшной булавою Летает карла Черномор. Щитом покрывшись, он нагнулся. Мечом потряс и замахнулся; Но тот взвился под облака: На миг исчез — и свысока Шумя летит на князя снова. Проворный витязь отлетел. И в снег с размаха рокового Колдун упал — да там и сел; Руслан, не говоря ни слова. С коня долой, к нему спешит. Поймал, за бороду хватает, Волшебник силится, кряхтит, И вдруг с Русланом улетает... Ретивый конь во след глядит: Уже колдун под облаками; На бороде герой висит: Летят над мрачными лесами, Летят над дикими горами, Летят над бездною морской: От напояженья костенея. Руслан за бороду злодея Упорной держится рукой. Меж тем, на воздухе слабея И силе русской изумясь, Волшебник гордому Руслану Коварно молвит: «слушай, князь! Тебе вредить я перестану; Младое мужество любя, Забуду всё, прощу тебя, Спущусь — но только с уговором...» — Молчи, коварный чародей! — Прервал наш витязь: — с Черномором, С мучителем жены своей, Руслан не знает договора! Сей грозный меч накажет вора. Лети хоть до ночной звезды, 'A быть тебе без бороды! — Боязнь объемлет Черномора: В досаде, в горести немой, Напрасно длинной бородой Усталый карла потрясает: Руслан ее не выпускает И щиплет волосы порой.

Два дни колдун героя носит, На третий он пощады просит: «О рыцарь, сжалься надо мной; Едва дышу; нет мочи боле; Оставь мне жизнь, в твоей я воле; Скажи — спущусь, куда велишь...» — Теперь ты наш: ага, дрожишь! Смирись, покорствуй русской силе! Неси меня к моей Людмиле. —

Смиренно внемлет Черномор: Домой он с витязем пустился: Летит — и мигом очутился Среди своих ужасных гор. Тогда Руслан одной рукою Взял меч сраженной головы И, бороду схватив другою, Отсек ее, как горсть травы. «Знай наших!» молвил он жестоко, «Что, хищник, где твоя коаса? Где сила?» и на шлем высокой Седые вяжет волоса: Свистя зовет коня лихого; Веселый конь летит и ржет: Наш витязь карлу чуть живого В котомку за седло кладет, А сам, боясь мгновенья траты. Спешит на верх горы крутой, Достиг, и с радостной душой Летит в волшебные палаты. Вдали завидя шлем брадатый, Залог победы роковой, Пред ним арапов чудный рой, Толпы невольниц боязливых, Как призраки, со всех сторон Бегут — и скрылись. Ходит он Один средь храмин горделивых, Супругу милую зовет — Лишь эхо сводов молчаливых Руслану голос подает; В волненьи чувств нетерпеливых Он отворяет двери в сад ---Идет, идет — и не находит; Кругом смущенный взор обводит — Всё мертво: рощицы молчат, Беседки пусты; на стремнинах, Вдоль берегов ручья, в долинах, Нигде Людмилы следу нет,

 $\mathcal{U}$ ухо ничего не внемлет. Внезапный князя хлад объемлет. В очах его темнеет свет. В уме возникли мрачны думы... «Быть может, горесть... плен угрюмый... Минута... волны...» В сих мечтах Он погружен. С немой тоскою Поникнул витязь головою: Его томит невольный страх; Недвижим он, как мертвый камень; Мрачится разум: дикий пламень И яд отчаянной любви Уже текут в его крови. Казалось — тень княжны прекрасной Коснулась трепетным устам... И вдруг, неистовый, ужасной, Стремится витязь по садам; Людмилу с воплем призывает, С холмов утесы отрывает, Всё рушит, всё крушит мечом — Беседки, рощи упадают, Древа, мосты в волнах ныряют, Степь обнажается кругом! 'Далеко гулы повторяют И рев, и треск, и шум, и гром; Повсюду меч звенит и свищет, Прелестный край опустошен — Безумный витязь жертвы ищет, С размаха вправо, влево он Пустынный воздух рассекает... И вдоуг — нечаянный удар С княжны невидимой сбивает Прощальный Черномора дар... Волшебства вмиг исчезла сила: В сетях открылася Людмила! Не веря сам своим очам, Нежданным счастьем упоенной, Наш витязь падает к ногам Подруги верной, незабвенной, Целует руки, сети рвет, Любви, восторга слезы льет, Зовет ее — но дева дремлет, Сомкнуты очи и уста, И сладострастная мечта Младую грудь ее подъемлет. Руслан с нее не сводит глаз, Его терзает вновь кручина... Но вдруг знакомый слышит глас, Глас добродетельного Фина:

«Мужайся, князь! В обратный путь Ступай со спящею Людмилой; Наполни сердце новой силой, Любви и чести верен будь. Небесный гром на злобу грянет, И воцарится тишина — И в светлом Киеве княжна Перед Владимиром восстанет От очарованного сна».

Руслан, сим гласом оживленной, Берет в объятия жену, И тихо с ношей драгоценной Он оставляет вышину И сходит в дол уединенной.

В молчаньи, с карлой за седлом, Поехал он своим путем; В его руках лежит Людмила, Свежа, как вешняя заря, И на плечо богатыря Лицо спокойное склонила. Власами, свитыми в кольцо. Пустынный ветерок играет: Как часто грудь ее вздыхает! Как часто тихое лицо Мгновенной розою пылает! Любовь и тайная мечта Русланов образ ей приносят, И с томным шопотом уста Супруга имя произносят... В забвеньи сладком ловит он Ее волшебное дыханье, Улыбку, слезы, нежный стон И сонных персей волнованье...

Меж тем, по долам, по горам, И в белый день, и по ночам, Наш витязь едет непрестанно. Еще далек предел желанной, А дева спит. Но юный князь, Бесплодным пламенем томясь, Ужель, страдалец постоянной, Супругу только сторожил И в целомудренном мечтанье, Смирив нескромное желанье, Свое блаженство находил? Монах, который сохранил Потомству верное преданье

О славном витязе моем. Нас уверяет смело в том: ¹И верю я! Без разделенья Унылы, грубы наслажденья: Мы прямо счастливы вдвоем. Пастушки, сон княжны прелестной Не походил на ваши сны, Порой томительной весны, На мураве, в тени древесной. Я помню маленький лужок Среди березовой дубравы Я помню темный вечерок, Я помню Лиды сон лукавый... Ах, первый поцелуй любви Дрожащий, легкий, торопливой Не разогнал, друзья мои, Ее дремоты терпеливой... Но полно, я болтаю вздор! К чему любви воспоминанье? Ее утеха и страданье Забыты мною с давних пор; Теперь влекут мое вниманье Княжна, Руслан и Черномор.

Пред ними стелется равнина, Где ели изредка взошли; И грозного холма вдали Чернеет круглая вершина Небес на яркой синеве. Руслан глядит — и догадался, Что подъезжает к голове; Быстрее борзый конь помчался; Уж видно чудо из чудес; Она глядит недвижным оком; Власы ее как черный лес, Поросший на челе высоком; Ланиты жизни лишены; Свинцовой бледностью покрыты, Уста огромные открыты. Огромны зубы стеснены... Над полумертвой головою Последний день уж тяготел. К ней храбрый витязь прилетел С Людмилой, с карлой за спиною. Он крикнул: «здравствуй, голова! Я здесь! наказан твой изменник! Гляди: вот он, злодей наш пленник!» И князя гордые слова Ее внезапно оживили.

На миг в ней чувство разбудили, Очнулась будто ото сна. Взглянула, страшно застонала... Узнала витязя она, И брата с ужасом узнала. Надулись ноздои: на шеках Багровый огнь еще родился. И в умирающих глазах Последний гнев изобразился. В смятеньи, в бешенстве чемом Она вубами скрежетала И брату хладным языком Укор невнятный лепетала... Уже ее в тот самый час Кончалось долгое страданье: Чела мгновенный пламень гас. Слабело тяжкое дыханье. Огромный закатился взор, И вскоре князь и Черномор Узрели смерти содроганье... Она почила вечным сном. В молчаньи витязь удалился; 'Дрожащий карлик за седлом Не смел дышать, не шевелился, И чернокнижным языком Усердно демонам молился.

На склоне темных берегов Какой-то речки безымянной, В прохладном сумраке лесов, Стоял поникшей хаты кров, Густыми соснами венчанной. В теченьи медленном река Вблизи плетень из тростника Волною сонной омывала И вкруг него едва журчала При легком шуме ветерка. Долина в сих местах таилась. Уединенна и темна; И там, казалось, тишина С начала мира воцарилась. Руслан остановил коня. Всё было тихо, безмятежно; От рассветающего дня Долина с рощею прибрежной Сквозь утренний сияла дым. Руслан на луг жену слагает, Садится близ нее, вздыхает С уныньем сладким и немым;

И вдруг он видит пред собою Смиренный парус челнока И слышит песню рыбака Над тихоструйною рекою. Раскинув невод по волнам. Рыбак, на весла наклоненной, Плывет к лесистым берегам, • К порогу хижины смиренной. И видит добрый князь Руслан: Челнок ко брегу приплывает: Из темной хаты выбегает Младая дева; стройный стан, Власы, небрежно распущенны, Улыбка, тихий взор очей, И грудь, и плечи обнаженны. Всё мило, всё пленяет в ней. И вот они, обняв друг друга, Садятся у прохладных вод, И час беспечного досуга Для них с любовью настает. Но в изумленьи молчаливом Кого же в рыбаке счастливом Наш юный витязь узнает? Хазарский хан, избранный славой, Ратмир, в любви, в войне кровавой Его соперник молодой, Ратмир в пустыне безмятежной Людмилу, славу позабыл И им навеки изменил В объятиях подруги нежной.

Герой приближился, и вмиг Отшельник узнает Руслана, Встает, летит. Раздался крик... И обнял князь младого хана. — Что вижу я! — спросил герой, — Зачем ты здесь, зачем оставил Тревоги жизни боевой И меч, который ты прославил? «Мой друг», ответствовал рыбак, «Душе наскучил бранной славы Пустой и гибельный призрак. Поверь: невинные забавы, Любовь и мирные дубравы Милее сердцу во сто крат — Теперь, утратив жажду брани, Престал платить безумству дани, И, верным счастием богат, Я всё забыл, товарищ милый,

Всё, даже прелести Людмилы». — Любезный хан, я очень рад! — Сказал Руслан: — она со мною. «Возможно ли, какой судьбою? Что слышу? Русская княжна... Она с тобою, где ж она? Позволь... но нет, боюсь измены; Моя подруга мне мила: Моей счастливой перемены Она виновницей была; Она мне жизнь, она мне радость! Она мне возвратила вновь Мою утраченную младость, И мир, и чистую любовь. Напрасно счастье мне сулили Уста волшебниц молодых; Двенадцать дев меня любили: Я для нее покинул их; Оставил терем их веселый. В тени хранительных дубров; Сложил и меч и шлем тяжелый, Забыл и славу и врагов. Отшельник мирный и безвестный, Остался в счастливой глуши, С тобой, друг милый, друг прелестный, С тобою, свет моей души!»

Пастушка милая внимала Друзей открытый разговор И, устремив на хана взор, И улыбалась и вздыхала.

Рыбак и витязь на брегах arDeltaо темной ночи просидели С душой и сердцем на устах — Часы невидимо летели. Чернеет лес, темна гора; Встает луна — всё тихо стало; Герою в путь давно пора — Накинув тихо покрывало На деву спящую, Руслан Илет и на коня садится; Задумчиво безмолвный хан Душой вослед ему стремится, Руслану счастия, побед И славы и любви желает... И думы гордых, юных лет Невольной грустью оживляет... Зачем судьбой не суждено Моей непостоянной лире Геройство воспевать одно И с ним (незнаемые в мире) Любовь и дружбу старых лет? Печальной истины поэт, Зачем я должен для потомства Порок и злобу обнажать. И тайны козни вероломства В правдивых песнях обличать?

Княжны искатель недостойный, Охоту к славе потеряв, Никем незнаемый Фарлаф В пустыме дальной и спокойной Скрывался и Наины ждал. И час торжественный настал. К нему волшебница явилась, Вещая: «знаешь ли меня? Ступай за мной; седлай коня!» И ведьма кошкой обратилась; Оседлан конь, она пустилась; Тропами мрачными дубрав За нею следует Фарлаф.

Долина тихая дремала, В ночной одетая туман. Луна во мгле перебегала, Из тучи в тучу, и курган Мгновенным блеском озаряла. Под ним в безмолвии Руслан Сидел с обычною тоскою Пред усыпленною княжною. Глубоку думу думал он, Мечты летели за мечтами, И непоиметно велл сон Над ним холодными крылами. На деву смутными очами В дремоте томной он взглянул И, утомленною главою Склонясь к ногам ее, заснул.

И снится вещий сон герою: Он видит, будто бы княжна Над страшной бездны глубиною Стоит недвижна и бледна... И вдруг Людмила исчезает, Стоит один над бездной он... Знакомый глас, призывный стон

Из тихой бездны вылетает... Руслан стремится за женой; Стремглав летит во тьме глубокой... И видит вдруг перед собой: Владимир, в гриднице высокой, В кругу седых богатырей, Между двенадцатью сынами, С толпою названных гостей Сидит за браными столами. И так же гневен старый князь, Как в день ужасный расставанья, И все сидят не шевелясь, Не смея перервать молчанья. Утих веселый шум гостей, Не ходит чаша круговая... И видит он, среди гостей, В бою сраженного Рогдая: Убитый, как живой, сидит; Из опененного стакана Он, весел, пьет и не глядит На изумленного Руслана. Князь видит и младого хана, Друзей и недругов... и вдруг Раздался гуслей беглый звук И голос вещего Баяна, Певца героев и забав. Вступает в гридницу Фарлаф, Ведет он за руку Людмилу; Но старец, с места не привстав, Молчит, склонив главу унылу, Князья, бояре — все молчат, Душевные движенья кроя. И всё исчезло — смертный хлад Объемлет спящего героя. В дремоту тяжко погружен, Он льет мучительные слезы, В волненьи мыслит: это сон! Томится, но зловещей грезы, Увы, прервать не в силах он.

Луна чуть светит над горою; Объяты рощи темнотою, Долина в мертвой тишине... Изменник едет на коне.

Пред ним открылася поляна; Он видит сумрачный курган; У ног Людмилы спит Руслан, И ходит конь кругом кургана.

Фарлаф с боязнию глядит; В тумане ведьма исчезает, В нем сердце замерло, дрожит; Из хладных рук узду роняет, Тихонько обнажает меч, Готовясь витязя без боя С размаха надвое рассечь... К нему подъехал. Конь героя, Врага почуя, закипел, Заржал и топнул. Знак напрасный! Руслан не внемлет; сон ужасный, Как груз, над ним отяготел!.. Изменник, ведьмой ободренной, Герою в грудь рукой презренной Вонзает трижды хладну сталь... И мчится боязливо в даль С своей добычей драгоценной.

Всю ночь бесчувственный Руслан Лежал во мраке под горою. Часы летели. Кровь рекою Текла из воспаленных ран. Поутру, взор открыв туманной, Пуская тяжкий, слабый стон, С усильем приподнялся он, Взглянул, поник главою бранной — И пал недвижный, бездыханной.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мне велишь, о друг мой нежной, На лире легкой и небрежной Старинны были напевать, И музе верной посвящать Часы бесценного досуга... Ты знаешь, милая подруга: Поссорясь с ветреной молвой, Твой друг, блаженством упоенный, Забыл и труд уединенный, И звуки лиры дорогой. От гармонической забавы Я, негой упоен, отвык... Дышу тобой — и гордой славы Невнятен мне поизывный клик! Меня покинул тайный гений И вымыслов, и сладких дум; Любовь и жажда наслаждений Одни преследуют мой ум. Но ты велишь, но ты любила

Рассказы прежние мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимир, ведьма, Черномор,
И Фина верные печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкий вздор,
С улыбкой иногда дремала;
Но иногда свой нежный взор
Нежнее на певца бросала...
Решусь; влюбленный говорун,
Касаюсь вновь ленивых струн;
Сажусь у ног твоих, и снова
Бренчу про витязя младого.

Но что сказал я? Где Руслан? Лежит он мертвый в чистом поле; Уж кровь его не льется боле, Над ним летает жадный вран, Безгласен рог, недвижны латы, Не шевелится шлем косматый!

Вокруг Руслана ходит конь, Поникнув гордой головою, В его глазах исчез огонь! Не машет гривой золотою, Не тешится, не скачет он, И ждет, когда Руслан воспрянет. Но князя крепок хладный сон, И долго щит его не грянет.

А Черномор? Он за седлом, В котомке, ведьмою забытый, Еще не знает ни о чем; Усталый, сонный и сердитый Княжну, героя моего Бранил от скуки молчаливо; Не слыша долго ничего, Волшебник выглянул — о диво! Он видит, богатырь убит; В крови потопленный лежит; Людмилы нет, всё пусто в поле; Злодей от радости дрожит И мнит: свершилось, я на воле! Но старый карла был неправ.

Меж тем, Наиной осененный, С Людмилой, тихо усыпленной, Стремится к Киеву Фарлаф:

Летит, надежды, страха полный; Пред ним уже днепровски волны В знакомых пажитях шумят; Уж видит златоверхий град; Уже Фарлаф по граду мчится, И шум в стогнах восстает; В волненьи радостном народ Валит за всадником, теснится; Бегут обрадовать отца: И вот изменник у крыльца.

Влача в душе печали бремя, Владимир-солнышко в то время В высоком тереме своем Сидел, томясь привычной думой Бояре, витязи кругом Сидели с важностью угрюмой. Вдруг внемлет он: перед крыльцом Волненье, крики, шум чудесный; Дверь отворилась; перед ним Явился воин неизвестный; Все встали с шопотом глухим, И вдруг смутились, зашумели: «Людмила здесь! Фарлаф... ужели?» В лице печальном изменясь, Встает со стула старый князь, Спешит тяжелыми шагами К несчастной дочери своей, Подходит; отчими руками Он хочет прикоснуться к ней; Но дева милая не внемлет, И очарованная дремлет В руках убийцы — все глядят На князя в смутном ожиданьи; И старец беспокойный взгляд Вперил на витязя в молчаньи. Но, хитро перст к устам прижав, «Людмила спит», сказал Фарлаф: «Я так нашел ее недавно В пустынных Муромских лесах У злого лешего в руках; Там совершилось дело славно; Три дня мы билися; луна Над боем трижды подымалась; Он пал, а юная княжна Мне в руки сонною досталась; И кто прервет сей дивный сон? Когда настанет пробужденье? Не знаю — скрыт судьбы закон!

А нам надежда и терпенье Одни остались в утешенье.»

И вскоре с вестью роковой Молва по граду полетела; Народа пестрою толпой Градская площадь закипела: Печальный терем всем открыт: Толпа волнуется, валит Туда, где на одре высоком. На одеяле парчевом Княжна лежит во сне глубоком; Князья и витязи кругом Стоят унылы; гласы трубны, Рога, тимпаны, гусли, бубны Гремят над нею; старый князь, Тоской тяжелой изнурясь, К ногам Людмилы сединами Приник с безмолвными слезами; И бледный близ него Фарлаф В немом раскаяный, в досаде, Трепещет, дерзость потеряв.

Настала ночь. Никто во граде Очей бессонных не смыкал; Шумя, теснились все друг к другу; О чуде всякий толковал; Младой супруг свою супругу В светлице скромной забывал. Но только свет луны двурогой Исчез пред утренней зарей, Весь Киев новою тревогой Смутился. Клики, шум и вой Возникли всюду. Киевляне Толпятся на стене градской... И видят: в утреннем тумане Шатры белеют за рекой; Щиты, как зарево, блистают; В полях наездники мелькают. Вдали подъемля черный прах; Идут походные телеги. Костры пылают на холмах. Беда: восстали печенеги!

Но в это время вещий Фин, Духов могучий властелин, В своей пустыне безмятежной, С спокойным сердцем ожидал, Чтоб день судьбины неизбежной, Давно предвиденный, восстал.

В немой глуши степей горючих, За дальной цепью диких гор, Жилища ветров, бурь гремучих, Куда и ведьмы смелый взор Проникнуть в поздний час боится, Долина чудная таится, И в той долине два ключа: Один течет волной живою. По камням весело журча, Тот льется мертвою водою; Кругом всё тихо, ветры спят, Прохлада вешняя не веет, Столегни сосны не шумят, Не выются птицы, лань не смеет В жар летний пить из тайных вод: Чета духов с начала мира, Безмолвная на лоне мира. Дремучий берег стережет... С двумя кувшинами пустыми Предстал отшельник перед ними; Прервали духи давний сон И удалились страха полны. Склонившись, погружает он Сосуды в девственные волны; Наполнил, в воздухе пропал, И очутился в два мгновенья В долине, где Руслан лежал В крови, безгласный, без движенья; И стал над рыцарем старик, И вспрыснул мертвою водою, И раны засияли вмиг, И труп чудесной красотою Процвел; тогда водой живою Героя старец окропил, И бодоый, полный новых сил, Трепеща жизнью молодою, Встает Руслан, на ясный день Очами жадными взирает, Как безобразный сон, как тень, Пред ним минувшее мелькает. Но где Людмила? Он один! В нем сердце вспыхнув замирает. Вдруг витязь вспрянул; вещий Фин Его зовет и обнимает: «Судьба свершилась, о мой сын! Тебя блаженство ожидает; Тебя зовет кровавый пир; Твой грозный меч бедою грянет; На Киев снидет кроткий мир,

И там она тебе предстанет. Возьми заветное кольно. Коснися им чела Людмилы, И тайных чар исчезнут силы, Врагов смутит твое лицо, Настанет мир, погибнет злоба. Достойны счастья будьте оба! Прости надолго, витязь мой! Дай руку... там, за дверью гроба ---Не прежде — свидимся с тобой!» Сказал, исчезнул. Упоенный Восторгом пылким и немым, Руслан, для жизни пробужденный, Подъемлет руки вслед за ним... Но ничего не слышно боле! Руслан один в пустынном поле; Запрыгав, с карлой за седлом, Русланов конь нетерпеливой Бежит и ржет, махая гривой; Уж князь готов, уж он верхом, Уж он летит живой и здравый Через поля, через дубравы.

Но между тем какой позор Являет Киев осажденный? Там, устремив на нивы взор, Народ, уныньем пораженный, Стоит на башнях и стенах И в страхе ждет небесной казни; Стенанья робкие в домах, На стогнах тишина боязни; Один, близ дочери своей, Владимир в горестной молитве; И храбрый сонм богатырей С дружиной верною князей Готовится к кровавой битве.

И день настал. Толпы врагов С зарею двинулись с холмов; Неукротимые дружины, Волнуясь, хлынули с равнины И потекли к стене градской; Во граде трубы загремели, Бойцы сомкнулись, полетели Навстречу рати удалой, Сошлись — и заварился бой. Почуя смерть, взыграли кони, Пошли стучать мечи о брони; Со свистом туча стрел взвилась,

Равнина кровью залилась: Стремглав наездники помчались, Дружины конные смешались; Сомкнутой, дружною стеной Там рубится со строем строй: Со всадником там пеший бьется: Там конь испуганный несется: Там оусский пал. там печенег: Там клики битвы, там побег: Тот опрокинут булавою: Тот легкой поражен стрелою; Другой, придавленный щитом, Растоптан бешеным конем... И длился бой до темной ночи: Ни враг, ни наш не одолел! За грудами кровавых тел Бойцы сомкнули томны очи, И крепок был их бранный сон: Лишь изредка на поле битвы Был слышен падших скорбный стон И русских витязей молитвы.

Бледнела утренняя тень, Волна сребрилася в потоке, Сомнительный рождался день На отуманенном востоке. Яснели холмы и леса, И просыпались небеса. Еще в бездейственном покое Дремало поле боевое; Вдруг сон прервался: вражий стан С тревогой шумною воспрянул, Внезапный крик сражений грянул; Смутилось сердце киевлян; Бегут нестройными толпами И видят: в поле меж врагами, Блистая в латах, как в огне, Чудесный воин на коне Грозой несется, колет, рубит, В ревущий рог, легая, трубит... То был Руслан. Как божий гром Наш витязь пал на басурмана; Он рыщет с карлой за седлом Среди испуганного стана. Где ни просвищет грозный меч, Где конь сердитый ни промчится, Везде главы слетают с плеч, И с воплем строй на строй валится; В одно мгновенье бранный луг

Покрыт холмами тел кровавых, Живых, раздавленных, безглавых, Громадой копий, стрел, кольчуг. На трубный звук, на голос боя Дружины конные славян Помчались по следам героя, Сразились... гибни, басурман! Объемлет ужас печенегов: Питомцы бурные набегов Зовут рассеянных коней, Противиться не смеют боле, И с диким воплем в пыльном поле Бегут от киевских мечей. Обречены на жертву аду; Их сонмы русский меч казнит: Ликует Киев... Но по граду Могучий богатырь летит; В деснице держит меч победной; Копье сияет как звезда; Струится кровь с кольчуги медной; На шлеме вьется борода; Летит надеждой окрыленный, По стогнам шумным в княжий дом. Народ, восторгом упоенный, Толпится с кликами кругом, И князя радость оживила. В безмолвный терем входит он, Где дремлет чудным сном Людмила; Владимир в думу погружен, У ног ее стоял унылый. Он был один. Его друзей Война влекла в поля кровавы. Но с ним Фарлаф, чуждаясь славы, Вдали от вражеских мечей. В душе презрев тревоги стана, Стоял на страже у дверей. Едва влодей узнал Руслана, В нем кровь остыла, взор погас, В устах открытых замер глас, И пал без чувств он на колена... Достойной казни ждет измена! Но, помня тайный дар кольца, Руслан летит к Людмиле спящей, Ее спокойного лица Касается рукой дрожащей.. И чудо: юная княжна, Вздохнув, открыла светлы очи! Казалось, будто бы она Дивилася столь долгой ночи;

Казалось, что какой-то сон Ее томил мечтой неясной, И вдруг узнала — это он! И князь в объятиях прекрасной Воскреснув пламенной душой, Руслан не видит, не внимает, И старец в радости немой, Рыдая, милых обнимает.

Чем кончу длинный мой рассказ? Ты угадаешь, друг мой милой! Неправый старца гнев погас; Фарлаф пред ним и пред Людмилой У ног Руслана объявил Свой стыд и мрачное злодейство; Счастливый князь ему простил; Лишенный силы чародейства, Был принят карла во дворец; И, бедствий празднуя конец, Владимир в гриднице высокой Запировал в семье своей.

Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой.

эпилог.

Так, мира житель равнодушной, На лоне праздной тишины, Я славил лирою послушной Преданья темной старины. Я пел — и забывал обиды Слепого счастья и врагов, Измены ветреной Дориды, И сплетни шумные глупцов. На крыльях вымысла носимой, Ум улетал за край земной; И между тем грозы незримой Сбиралась туча надо мной!.. Я погибал... Святой хранитель Первоначальных, бурных дней, О дружба, нежный утешитель Болезненной души моей! Ты умолила непогоду; Ты сердцу возвратила мир; Ты сохранила мне свободу, Кипящей младости кумир! Забытый светом и молвою.

Далече от брегов Невы, Теперь я вижу пред собою Кавказа гордые главы. Над их вершинами крутыми, I-la скате каменных стремнин, Питаюсь чувствами немыми И чудной прелестью картин Природы дикой и угрюмой; Душа, как прежде, каждый час Полна томительною думой — Но огнь поэзии погас. Ищу напрасно впечатлений: Она прошла, пора стихов, Пора любви, веселых снов, Пора сердечных вдохновений! Восторгов краткий день протек — И скоылась от меня навек Богиня тихих песнопений.

1820—1821

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК.

Повесть.

посвящение.

Прими с улыбкою, мой друг, Свободной музы приношенье: Тебе я посвятил изгнанной лиры пенье И влохновенный свой лосиг. Когда я погибал, безвинный, безотрадный, — И шопот клеветы внимал со всех сторон. Когла кинжал измены хладной. Когда любви тяжелый сон Меня тервали и мертвили, Я близ тебя еще спокойно находил: Я сердцем отдыхал — друг друга мы любили: И бури надо мной свирепость утомили, Я в мирной пристани богов благословил. Во дни печальные разлуки Мои задумчивые звуки Напоминали мне Кавказ, Гле пасмурный Бешту, 1 пустынник величавый, Аулов² и полей властитель пятиглавый. Был новый для меня Парнас. Забуду ли, мой друг, кавкаэские вершины, Гремичие ключи, увядшие равнины, Пустыни энойные, края, где ты со мной 'Делил диши младые впечатленья: Γ де рыскает в горах воинственный разбой И дикий гений вдохновенья Таится в тишине глихой! Ты эдесь найдешь воспоминанья, Быть может, милых сердцу дней, Противуречия страстей, Мечты энакомые, внакомые страданья И тайный глас души моей.

Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя Едва, едва расцвел и вслед отца-героя В поля кровавые, под тучи вражьих стрел, Младенец избранный, ты гордо полетел. Отечество тебя ласкало с умиленьем, Как жертву милую, как верный цвет надежд. Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем; Я жертва клеветы, измены и невежд; Но сердце укрепив свободой и терпеньем, Я ждал беспечно лучших дней; Поэт не унывал — и счастие друзей Мне было сладким утешеньем.

ЧАСТЬ І.

В ауле, на своих порогах, Черкесы праздные сидят. Сыны Кавказа говорят О бранных, гибельных тревогах, О красоте своих коней, О наслажденьях дикой неги Воспоминают прежних дней Неотразимые набеги, Обманы хитрых узденей, Удары шашек их жестоких, И меткость неизбежных стрел, И пепел разоренных сел, И ласки пленниц чернооких.

Текут беседы в тишине; Луна плывет в ночном тумане: И вдруг пред ними на коне Черкес. Он быстро на аркане Младого пленника влачил. Вот русский! хищник возопил. Аул на крик его сбежался Ожесточенною толпой; Но пленник хладный и немой, С обезображенной главой, Как труп, недвижим оставался. Лица врагов не видит он, Угроз и криков он не слышит; Над ним летает смертный сон И холодом тлетворным дышит.

И долго пленник молодой Лежал в забвении тяжелом. Уж полдень над его главой

Пылал в сиянии веселом; И жизни дух проснулся в нем, Невнятный стон в устах раздался: Согретый солнечным лучом, Несчастный тихо приподнялся; Кругом обводит слабый взор... И видит: неприступных гор Над ним воздвигнулась громада, Гнездо разбойничьих племен, Черкесской вольности ограда. Воспомнил юноша свой плен, Как сна ужасного тревоги, И слышит: загремели вдруг Его закованные ноги... Всё. всё сказал ужасный звук; Затмилась перед ним природа. Прости, священная свобода! Он раб.

За саклями в лежит Он у колючего забора. Черкесы в поле, нет надзора, В пустом ауле всё молчит. Пред ним пустынные равнины Лежат зеленой пеленой; Там холмов тянутся грядой Однообразные вершины; Меж них уединенный путь В дали теряется угрюмой: И пленника младого грудь Тяжелой взволновалась думой...

В Россию дальний путь ведет, В страну, где пламенную младость Он гордо начал без забот; Где первую познал он радость, Где много милого любил, Где обнял грозное страданье, Где бурной жизнью погубил Надежду, радость и желанье, И лучших дней воспоминанье В увядшем сердце заключил.

Людей и свет изведал он, И знал неверной жизни цену. В сердцах друзей нашед измену, В мечтах любви безумный сон, Наскуча жертвой быть привычной

Давно презренной суеты, И неприязни двуязычной, И простодушной клеветы, Отступник света, друг природы, Покинул он родной предел И в край далекий полетел С веселым призраком свободы.

Свобода! он одной тебя Еще искал в пустынном мире. Страстями сердце погубя, Охолодев к мечтам и лире, С волненьем песни он внимал, Одушевленные тобою; И с верой, пламенной мольбою Твой гордый идол обнимал.

Свершилось... целью упованья Не зрит он в мире ничего. И вы, последние мечтанья, И вы сокрылись от него. Он раб. Склонясь главой на камень, Он ждет, чтоб с сумрачной зарей Погас печальной жизни пламень, И жаждет сени гробовой.

Уж меркнет солнце за горами; Вдали раздался шумный гул, С полей народ идет в аул, Сверкая светлыми косами. Пришли; в домах зажглись огни, И постепенно шум нестройной Умолкнул: всё в ночной тени Объято негою спокойной; Вдали сверкает горный ключ, Сбегая с каменной стремнины; Оделись пеленою туч Кавказа спящие вершины... Но кто, в сиянии луны, Среди глубокой тишины Идет, украдкою ступая? Очнулся русский. Перед ним, С приветом нежным и немым, Стоит черкешенка младая. На деву, молча, смотрит он И мыслит: это лживый сон, Усталых чувств игра пустая. Луною чуть озарена, С улыбкой жалости отрадной

Колена преклонив, она К его устам кумыс в прохладной Подносит тихою рукой. Но он забыл сосуд целебный: Он ловит жадною душой Приятной речи звук волшебный И взоры девы молодой. Он чуждых слов не понимает; Но взор умильный, жар ланит, Но голос нежный говорит: Живи! и пленник оживает. И он, собрав остаток сил, Веленью милому покорной. Привстал и чашей благотворной Томленье жажды утолил. Потом на камень вновь склонился Отягощенною главой; Но всё к черкешенке младой Угасший взор его стремился. И долго, долго перед ним Она, задумчива, сидела; Как бы участием немым Утешить пленника хотела; Уста невольно каждый час С начатой речью открывались; Она вздыхала, и не раз Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли, как тень. В горах, окованный, у стада Проводит пленник каждый день. Пещеры влажная прохлада Его скрывает в летний зной Когда же рог луны сребристой Блеснет за мрачною горой, Черкешенка, тропой тенистой, Приносит пленнику вино, Кумыс, и ульев сот душистой, И белоснежное пшено; С ним тайный ужин разделяет; На нем покоит нежный взор; С неясной речию сливает Очей и знаков разговор; Поет ему и песни гор И песни Грузии счастливой, 7 И памяти нетерпеливой Передает язык чужой Впервые девственной душой Она любила, знала счастье;

Но русский жизни молодой Давно утратил сладострастье: Не мог он сердцем отвечать Любви младенческой, открытой—Быть может, сон любви забытой Боялся он воспоминать

Не вдруг увянет наша младость, Не вдруг восторги бросят нас, И неожиданную радость Еще обнимем мы не раз: Но вы, живые впечатленья, Первоначальная любовь, Небесный пламень упоенья, Не прилетаете вы вновь

Казалось, пленник безнадежный К унылой жизни привыкал. Тоску неволи, жар мятежный В душе глубоко он скрывал. Влачася меж угрюмых скал, В час ранней, утренней прохлады, Вперял он любопытный взор На отдаленные громады Седых, румяных, синих гор Великолепные картины! Престолы вечные снегов, Очам казались их вершины Недвижной цепью облаков, И в их кругу колосс двуглавый, В венце блистая ледяном, Эльбрус огромный, величавый, Белел на небе голубом. ^в Когда, с глухим сливаясь гулом, Предтеча бури, гром гремел, Как часто пленник над аулом Недвижим на горе сидел! У ног его дымились тучи, В степи взвивался прах летучий; Уже приюта между скал Олень испуганный искал; Орлы с утесов подымались. И в небесах перекликались; Шум табунов, мычанье стад Уж гласом бури заглушались... И вдруг на долы дождь и град Из туч сквозь молний извергались; Волнами роя крутизны, Сдвигая камни вековые,

Текли потоки дождевые— А пленник, с горной вышины, Один, за тучей громовою, Возврата солнечного ждал, Недосягаемый грозою, И бури немощному вою С какой-то радостью внимал.

Но европейца всё вниманье Народ сей чудный привлекал. Меж горцев пленник наблюдал Их веру, нравы, воспитанье, Любил их жизни простоту, Гостеприимство, жажду брани, Движений вольных быстроту, И легкость ног, и силу длани; Смотрел по целым он часам, Как иногда черкес проворной, Широкой степью, по горам, В косматой шапке, в бурке черной, К луке склонясь, на стремена Ногою стройной опираясь, Летал по воле скакуна, К войне заране приучаясь. Он любовался красотой Одежды бранной и простой. Черкес оружием обвешен; Он им гордится, им утешен: На нем броня, пищаль, колчан, Кубанский лук, кинжал, аркан, И шашка, вечная подруга Его трудов, его досуга. Ничто его не тяготит, Ничто не брякнет: пеший, конный-Всё тот же он; всё тот же вид Непобедимый, непреклонный. Гроза беспечных казаков, Его богатство-конь ретивый, Питомец горских табунов, Товарищ верный, терпеливый. В пещере иль траве глухой . Коварный хищник с ним таится, И вдруг, внезапною стрелой. Завидя путника, стремится; В одно мгновенье верный бой Решит удар его могучий, И странника в ущелья гор Уже влечет аркан летучий. Стремится конь во весь опор,

Исполнен огненной отваги; Всё путь ему: болото, бор, Кусты, утесы и овраги; Кровавый след за ним бежит В пустыне топот раздается; Седой поток пред ним шумит—Он в глубь кипящую несется; И путник, брошенный ко дну, Глотает мутную волну, Изнемогая смерти проси И зрит ее перед собой... Но мощный конь его—стрелой На берег пенистый выносит.

Иль ухватив рогатый пень. В реку низверженный грозою, Когда на холмах пеленою Лежит безлунной ночи тень. Черкес на корни вековые, На ветви вешает кругом Свои доспехи боевые. Шит, бурку, панцырь и шелом, Колчан и лук-и в быстры волны За ним бросается потом Неутомимый и безмолвный. Глухая ночь. Река ревет; Могучий ток его несет Вдоль берегов уединенных, Где на курганах возвышенных. Склонясь на копья, казаки Глядят на темный бег реки-И мимо них, во мгле чернея, Плывет оружие влодея... О чем ты думаешь, казак? Воспоминаешь прежни битвы, На смертном поле свой бивак, Полков хвалебные молитвы И родину?.. Коварный сон! Простите, вольные станицы, И дом отцов, и тихий Дон, Война и красные девицы! К брегам причалил тайный враг, Стрела выходит из колчана— Взвилась-и падает казак С окровавленного кургана.

Когда же с мирною семьей Черкес в отеческом жилище Сидит ненастною порой

И тлеют угли в пепелище; И спрянув с верного коня, В горах пустынных запоздалый, К нему войдет пришлец усталый И робко сядет у огня: Тогда хозяин благосклонной С приветом, ласково, встает И гостю в чаше благовонной Чихирь в отрадный подает. Под влажной буркой, в сакле дымной, Вкушает путник мирный сон, И утром оставляет он Ночлега кров гостеприимной 10.

Бывало, в светлый Баиран 11 Сберутся юноши толпою; Игра сменяется игрою: То полный разобрав колчан, Они крылатыми стрелами Пронзают в облаках орлов; То с высоты крутых холмов Нетерпеливыми рядами, При данном знаке, вдруг падут, Как лани землю поражают, Равнину пылью покрывают И с дружным топотом бегут.

Но скучен мир однообразной Сердцам, рожденным для войны, И часто игры воли праздной Игрой жестокой смущены. Нередко шашки грозно блещут В безумной резвости пиров, И в прах летят главы рабов, И в радости младенцы плещут.

Но русский равнодушно эрел Сии кровавые забавы. Любил он прежде игры славы И жаждой гибели горел. Невольник чести беспощадной, Вблизи видал он свой конец, На поединках твердый, хладной, Встречая гибельный свинец. Быть может, в думу погруженный, Он время то воспоминал, Когда, друзьями окруженный, Он с ними шумно пировал... Жалел ли он о днях минувших,

О днях надежду обманувших, Иль, любопытный, созерцал Суровой простоты забавы, И дикого народа нравы В сем верном зеркале читал—Таил в молчаньи он глубоком Движенья сердца своего, И на челе его высоком Не изменялось ничего. Беспечной смелости его Черкесы грозные дивились, Шадили век его младой Й шопотом между собой Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ІІ.

Ты их узнала, дева гор, Восторги сердца, жизни сладость; Твой огненный невинный взор Высказывал любовь и радость. Когда твой друг во тьме ночной Тебя лобзал немым лобзаньсм, Сгорая негой и желаньем, Ты забывала мир земной, Ты говорила: «пленник милый, Развесили свой взор унылый, Склонись главой ко мне на грудь. Свободу, родину забудь. Скрываться рада я в пустыне С тобою, царь души моей! Люби меня; никто доныне Не целовал моих очей; К моей постеле одинокой Черкес младой и черноокой Не крался в тишине ночной; Слыву я девою жестокой, Неумолимой красотой. Я знаю жребий мне готовый: Меня отец и брат суровый Немилому продать хотят В чужой аул ценою злата; Но умолю отца и брата; Не то-найду кинжал иль яд. Непостижимой, чудной силой К тебе я вся привлечена; Люблю тебя, невольник милой, Душа тобой упоена...»

Но он с безмолвным сожаленьем На деву страстную взирал И полный тяжким размышленьем Словам любви ее внимал. Он забывался: в нем теснились Воспоминанья прошлых дней, И даже слезы из очей Однажды градом покатились. Лежала в сердце, как свинец, Тоска любви без упованья. Пред юпой девой наконец Он излиял свои страданья.

«Забудь меня: твоей любви, Твоих восторгов я не стою. Бесценных дней не трать со мною; $ot \Delta$ ругого юношу зови. Его любовь тебе заменит Моей души печальный хлад; Он будет верен, он оценит Твою красу, твой милый взгляд, И жар младенческих лобзаний, И нежность пламенных речей; Без упоенья, без желаний Я вяну жертвою страстей. Ты видишь след любви несчастной, Душевной бури след ужасной; Оставь меня: но пожалей О скорбной участи моей! Несчастный друг, зачем не прежде Явилась ты моим очам, В те дни, как верил я надежде И упоительным мечтам! Но поздно: умер я для счастья, Надежды призрак улетел; Твой друг отвык от сладострастья, Для нежных чувств окаменел...

«Как тяжко мертвыми устами Живым лобзаньям отвечать И очи полные слезами Улыбкой хладною встречать! Измучась ревностью напрасной, Уснув бесчувственной душой, В объятиях подруги страстной, Как тяжко мыслить о другой!...

«Когда так медленно, так нежно Ты пьешь лобзания мои, И для тебя часы любви

Проходят быстро, безмятежно; Снедая слезы в тишине, Тогда, рассеянный, унылый, Перед собою, как во сне, Я вижу образ вечно милый; Его зову, к нему стремлюсь, Молчу, не вижу, не внимаю; Тебе в забвеньи предаюсь И тайный призрак обнимаю; О нем в пустыне слезы лью; 1 юску оне обродит И мрачную тоску наводит На душу сирую мою.

«Оставь же мне мои железы, Уединенные мечты, Воспоминанья, грусть и слезы: Их разделить не можешь ты. Ты сердца слышала признанье; Прости... дай руку—на прощанье. Не долго женскую любовь Печалит хладная разлука: Пройдет любовь, настанет скука, Красавица полюбит вновь.»

Раскрыв уста, без слез рыдая, Сидела дева молодая: Туманный, неподвижный взор Безмольный выражал укор; Бледна как тень, она дрожала; В руках любовника лежала Ее холодная рука; И наконец любви тоска В печальной речи излилася.

«Ах, русский, русский, для чего, Не зная сердца твоего, Тебе навек я предалася! Не долго на груди твоей В забвеньи дева отдыхала; Немного радостных ночей Судьба на долю ей послала! Придут ли вновь когда-нибудь? Ужель навек погибла радость?.. Ты мог бы, пленник, обмануть Мою неопытную младость, Хотя б из жалости одной, Молчаньем, ласкою притворной; Я услаждала б жребий твой Заботой нежной и покорной;

Я стерегла б минуты сна, Покой тоскующего друга; Ты не хотел... Но кто ж она, Твоя прекрасная подруга? Ты любишь, русский? ты любим?... Понятны мне твои страданья... Прости ж и ты мои рыданья, Не смейся горестям моим.»

Умолкла. Слезы и стенанья Стеснили бедной девы грудь. Уста без слов роптали пени. Без чувств, обняв его колени, Она едва могла дохнуть. И пленник, тихою рукою Подняв несчастную, сказал. «Не плачь: и я гоним судьбою, И муки сердца испытал. Нет, я не знал любви взаимной: Любил один, страдал один, И гасну я, как пламень дымной, Забытый средь пустых долин. Умру вдали брегов желанных; Мне будет гробом эта степь, Здесь на костях моих изгнанных Заржавит тягостная цепь... >

Светила ночи затмевались; В дали прозрачной означались Громады светлоснежных гор; Главу склонив, потупя взор, Они в безмолвии расстались.

Унылый пленник с этих пор Один окрест аула бродит. Заря на знойный небосклон За днями новы дни возводит: За ночью ночь вослед уходит; Вотще свободы жаждет он. Мелькнет ли серна меж кустами, Проскачет ли во мгле сайгак: Он, вспыхнув, загремит цепями, Он ждет, не крадется ль казак. Ночной аулов разоритель, Рабов отважный избавитель. Зовет... но всё кругом молчит; Лишь волны плещутся бушуя, И человека зверь почуя В пустыню темную бежит.

Однажды слышит русский пленный, В горах раздался клик военный: «В табун, в табун!» Бегут, шумят: Уздечки медные гремят, . Чернеют бурки, блещут брони, Кипят оседланные кони, К набегу весь аул готов, И дикие питомцы брани Рекою хлынули с холмов, И скачут по брегам Кубани Сбирать насильственные дани.

Утих аул; на солнце спят У саклей псы сторожевые. Младенцы смуглые, нагие В свободной резвости шумят; Их прадеды в кругу сидят: Из трубок дым, виясь, синеет, Они безмолвно юных дев Знакомый слущают припев, И старцев сердце молодеет.

Черкесская песня.

1.

В реке оежит гремучий вал; В горах безмолвие ночное; Казак усталый задремал, Склонясь на копие стальное. Не спи казак: во тьме ночной Чеченец ходит за рекой.

2.

Казак плывет на челноке, Влача по дну речному сети. Казак, утонешь ты в реке, Как тонут маленькие дети, Купаясь жаркою порой: Чеченец ходит за рекой.

3.

На берегу заветных вод Цветут богатые станицы; Веселый пляшет хоровод. Бегите, русские певицы; Спешите, красные, домой: Чеченец ходит за рекой.

Так пели девы. Сев на бреге, Мечтает русский о побеге;

Но цепь невольника тяжка, Быстра глубокая река... Меж тем, померкнув, степь уснула, Вершины скал омрачены. По белым хижинам аула Мелькает бледный свет луны; Елени дремлют над водами, Умолкнул поздний крик орлов И глухо вторится горами Далекий топот табунов.

Тогда кого-то слышно стало, Мелькнуло девы покрывало, И вот—печальна и бледна К нему приближилась она. Уста прекрасной ищут речи; Глаза исполнены тоской, И черной падают волной Ее власы на грудь и плечи. В одной руке блестит пила, В другой кинжал ее булатный: Казалось, будто дева шла На тайный бой, на подвиг ратный.

На пленника возведши взор, «Беги», сказала дева гор: «Нигде черкес тебя не встретит. Спеши, не трать ночных часов; Возьми кинжал: твоих следов Никто во мраке не заметит.»

Пилу дрожащей взяв рукой, К его ногам она склонилась: Визжит железо под пилой, Слеза невольная скатилась-И цепь распалась и гремит. «Ты волен», дева говорит, «Беги!» Но взгляд ее безумный Любви порыв изобразил. Она страдала. Ветер шумный, Свистя, покров ее клубил. «О друг мой!» русский возопил. «Я твой навек, я твой до гроба. Ужасный край оставим оба, Беги со мной...»—Нет, русский, нет! Она исчезла, жизни сладость; Я знала всё, я знала радость, И всё прошло, пропал и след. Возможно ль? ты любил другую!.. Найди ее, люби ее;

О чем же я еще тоскую? О чем уныние мое?.. Прости! любви благословенья С тобою будут каждый час. Прости—забудь мои мученья, Дай руку мне... в последний раз.—

К черкешенке простер он руки, Воскресшим сердцем к ней летел, И долгий поцелуй разлуки Союз любви запечатлел. Рука с рукой, унынья полны. Сошли ко брегу в тишине— И русский в шумной глубин Уже плывет и пенит волны, Уже противных скал достиг, Уже хватается за них... Вдруг волны глухо зашумели, И слышен отдаленный стон... На дикий брег выходит он, Глядит назад... брега яснели И опененные белели; Но нет черкешенки младой Ни у брегов, ни под горой... Всё мертво... на брегах уснувших Лишь ветра слышен легкий звук, И при луне в водах плеснувших Струистый исчезает круг.

Всё понял он. Прощальным взором Объемлет он в последний раз Пустой аул с его забором, Поля, где пленный стадо пас, Стремнины, где влачил оковы, Ручей, где в полдень отдыхал, Когда в горах черкес суровый Свободы песню запевал.

Редел на небе мрак глубокой, Ложился, день на темный дол, Взошла заря. Тропой далекой Освобожденный пленник шел, И перед ним уже в туманах Сверкали русские штыки, И окликались на курганах Сторожевые казаки.

эпилог.

Так муза, легкий друг мечты К пределам Азии летала

И для венка себе срывала Кавказа дикие цветы. Ее пленял наряд суровой Племен, возросших на войне, И часто в сей одежде новой Волшебница являлась мне; Вокруг аулов опустелых Одна бродила по скалам И к песням дев осиротелых Она прислушивалась там; Любила бранные станицы, Тревоги смелых казаков, Курганы, тихие гробницы, И шум, и ржанье табунов. Богиня песен и рассказа, Воспоминания полна, Быть может, повторит она Преданья грозного Кавказа; Расскажет повесть дальних стран, Мстислава ¹² древний поединок, Измены, гибель россиян На лоне мстительных грузинок: И воспою тот славный час, Когда, почуя бой кровавый, На негодующий Кавказ Подъялся наш орел двуглавый; Когда на Тереке седом Впервые грянул битвы гром И грохот русских барабанов И в сече, с дерзостным челом, Явился пылкий Цицианов: Тебя я воспою, герой, О Котляревский, бич Кавказа! Куда ни мчался ты грозой— Твой ход, как черная зараза, Губил, ничтожил племена... Ты днесь покинул саблю мести, Тебя не радует война; Скучая миром, в язвах чести, Вкушаешь праздный ты покой И тишину домашних долов... Но се-восток подъемлет вой!.. Поникни снежною главой, Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

И смолкнул ярый крик войны: Всё русскому мечу подвластно. Кавказа гордые сыны, Сражались, гибли вы ужасно;

Но не спасла вас наша кровь. Ни очарованные брони, Ни горы, ни лихие кони. Ни дикой вольности любовь! Подобно племени Батыя, Изменит прадедам Кавказ, Забудет алчной брани глас, Оставит стрелы боевые. К ущельям, где гнездились вы, Подъедет путник без боязни. И возвестят о вашей казни Преданья темные молвы.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Бешту, или, правильнее, Бештау, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска. Известна в нашей истории. 2. Аул. Так называются деревни кавказских народов.

3. Уздень, начальник или князь.

4. Шашка, черкесская сабля.

5. Сакля, хижина.

6. Кумыс делается из кобыльего молока: напиток сей в большом употреблении между всеми горскими и кочующими народами Азии. Он вольно приятен вкусу и почитается весьма здоровым.

7. Счастливый климат Грузии не вознаграждает сей прекрасной страны за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны. Они славят минутные успехи кавказского оружия, смерть наших героев: Бакунина и Цицианова — измены, убийства, иногда любовь и наслаждения.

8. Державин, в превосходной своей оде графу Зубову, первый изобравил в следующих строфах дикие картины Кавказа:

> О юный вождь, сверша походы, Прошел ты с воинством Кавказ. Зрел ужасы, красы природы: Как с ребр там страшных гор лиясь Ревут в мрак безди сердиты реки; Как с чел их с грохотом снега Падут, лежавши целы веки; Как серны, вниз склонив рога, Зрят в мгле спокойно под собою Рожденье молний и громов.

Ты врел, как ясною порою Гам солнечны лучи, средь льдов, Средь вод, играя, отражаясь, Великолепный кажут вид; Как, в разноцветных рассеваясь Там брызгах, тонкий дождь горит; Как глыба там сизоянтарна, Навесясь, смотрит в темный бор; А там заря златобагряна Сквозь лес увеселяет взор.

Куковский, в своем послании к г-ну Воейкову, также посвящает несколько прелестных стихов описанию Кавказа:

> Ты врел, как Терек в быстром беге Меж виноградников шумел, Где, часто притаясь на бреге, Чеченец иль черкес сидел,

Под буркой, с гибельным арканом: И вдалеке перед тобой, Одеты голубым туманом, Гора вздымалась над горой, И в сонме их гигант седой, Как туча, Эльборус двуглавой. Ужасною и величавой Там всё блистает красотой: Утесов мшистые громады, Бегущи с ревом водопады Во мрак пучин с гранитных скал; Леса, которых сна от века Ни стук секир, ни человека Веселый глас не возмущал, В которых сумрачные сени Еще луч дневный не проник, Где изредка одни елени, Орла послышав грозный крик, Теснясь в толпу, шумят ветвями, И козы легкими ногами Перебегают по скалам. Там все является очам Великолепие творенья! Но там, среди уединенья Долин, таящихся в горах, Гнездятся и балкар, и бах, И абазех, и камуцинец, И корбулак, и албазинец, И чечереец, и шапсук. Пищаль, кольчуга, сабля, лук И конь, соратник быстроногий — Их и сокровища и боги; Как серны скачут по горам, Бросают смерть из-за утеса; Или по топким берегам, В траве высокой в чаще леса Рассыпавшись, добычи ждут; Скалы свободы их приют. Но дни в аулах их бредут На костылях угрюмой лени: Там жизнь их — сон; стеснясь в кружок, И в братский с табаком горшок Вонзивши чубуки, как тени В дыму клубящемся сидят И об убийствах говорят; Иль хвалят меткие пищали, Из коих деды их стреляли; Иль сабли на кремнях острят, Готовясь на убийства новы.

9. Чихирь, красное грузинское вино.

10. Черкесы, как и все дикие народы, отличаются пред нами гостеприимством. Гость становится для них священною особою. Предать его или не защищать почитается меж ними за величайшее бесчестие. Кунак (т.е. приятель, знакомец) отвечает жизнию за вашу безопасность, и с ним вы может: углубиться в самую средину Кабардинских гор.

11. Байран или Байрам, праздник розговенья. Рамаван, мусульманский

12. Мстислав, сын св. Владимира, прозванный Удалым, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. «Ист. Гос. Росс.» Том II.

1821

ГАВРИИЛИАДА.

Поэма.

Воистину еврейки молодой Мне дорого душевное спасенье. Приди ко мне, прелестный ангел мой, И мирное прими благословенье. Спасти хочу земную красоту! Любезных уст улыбкою довольный, Царю небес и господу-Христу, Пою стихи на лире богомольной. Смиренных струн, быть может, наконец Ее пленят церковные напевы; И дух святой сойдет на сердце девы; Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смиренье, Бровь темная, двух девственных холмов Под полотном упругое движенье, Нога любви, жемчужный ряд зубов... Зачем же ты, еврейка, улыбнулась И по лицу румянец пробежал? Нет, милая, ты право обманулась: Я не тебя,—Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима, Вдали забав и юных волокит, (Которых бес для гибели хранит), Красавица, никем еще не зрима, Без прихотей вела спокойный век. Ее супруг, почтенный человек, Седой старик, плохой столяр и плотник, В селенье был единственный работник. И день и ночь, имея много дел, То с уровнем, то с верною пилою,

То с топором, не много он смотрел На прелести, которыми владел, И тайный цвет, которому судьбою Назначена была иная честь, На стебельке не смел еще процвесть. Ленивый муж своею старой лейкой В час утренний не орошал его, Он как отец с невинной жил еврейкой, Ее кормил—и больше ничего

Но, братие, с небес во время оно Всевышний бог склонил приветный взор На стройный стан, на девственное лоно Рабы своей—и чувствуя задор, Оп положил в премудрости глубокой Благословить достойный вертоград, Сей вертоград забытый, одинокой, Щедротою таинственных наград.

Уже поля немая ночь объемлет: В своем углу Мария сладко дремлет. Всевышний рек, —и деве снится сон: Пред нею вдруг открылся небосклон: Во глубине небес необозримой, В сиянии и славе нестерпимой Тьмы ангелов волнуются, кипят, Бесчисленны летают серафимы, Струнами арф бряцают херувимы, Архангелы в безмолвии сидят, Главы закрыв лазурными крылами,— И, яркими одеян облаками. Предвечного стоит пред ними трон. И светел вдруг очам явился он... Все пали ниц... Умолкнул арфы звон. Склонив главу, едва Мария дышет, $A_{\text{рожит}}$ как лист и голос бога слышит: «Краса земных, любезных дочерей. Израиля надежда молодая! Зову тебя, любовию пылая. Причастница ты славы будь моей: Готовь себя к неведомой судьбине, Жених грядет, грядет к своей рабыне.»

Вновь облаком оделся божий трон; Восстал духов крылатый легион, И раздались небесной арфы звуки... Открыв уста, сложив умильно руки, Лицу небес Мария предстоит. Но что же так волнует и манит

Ее к себе внимательные взгляды? Кто сей в толпе придворных молодых С нее очей не сводит голубых? Пернатый шлем, роскошные наряды Сиянье крыл и локонов златых, Высокий стан, взор томный и стыдливой,—Всё нравится Марии молчаливой. Замечен он, один он сердцу мил! Гордись, гордись, архангел Гавриил! Пропало всё. Не внемля детской пени, На полотне так исчезают тени, Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре И нежилась на ложе томной лени. Но дивный сон, но милый Гавриил Из памяти ее не выходил. Царя небес пленить она хотела, Его слова приятны были ей, И перед ним она благоговела,—Но Гавриил казался ей милей... Так иногда супругу генерала Затянутый прельщает адъютант. Что делать нам? судьба так приказала,—Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви (Не смыслю я другого разговора). В те дни, когда от огненного взора Мы чувствуем волнение в крови, Когда тоска обманчивых желаний Объемлет нас и душу тяготит, И всюду нас преследует, томит Предмет один и думы и страданий,— Не правда ли? в толпе младых друзей Наперсника мы ищем и находим? С ним тайный глас мучительных страстей Наречием восторгов переводим. Когда же мы поймали на лету Коылатый миг небесных упоений И к радостям на ложе наслаждений Стыдливую склонили красоту, Когда любви забыли мы страданье И нечего нам более желать,---Чтоб оживить о ней воспоминанье С наперсником мы любим поболтать.

И ты, господь! познал ее волненье, И ты пылал, о боже, как и мы.

Создателю постыло все творенье, Наскучило небесное моленье.— Он сочинял любовные псалмы И громко пел: «Люблю, люблю Марию, В унынии бессмертие влачу... Где коылия? К Марии полечу И на груди красавицы почию!.. И прочее... всё, что придумать мог.— Творец любил восточный, пестрый слог. Потом, призвав любимца Гавриила, Свою любовь он прозой объяснял. Беседы их нам церковь утаила, Евангелист немного оплошал! Но говорит армянское преданье. Что царь небес, не пожалев похвал, В Меркурии архангела избрал, Заметя в нем и ум и дарованье-И вечерком к Марии подослал. Архангелу другой хотелось чести: Нередко он в посольствах был счастлив: Переносить записочки да вести Хоть выгодно, но он самолюбив. И славы сын, намеренье сокрыв, Стал нехотя услужливый угодник Царю небес... а по земному сводник.

Но старый враг, не дремлет Сатана! Услышал он, шатаясь в белом свете, Что бог имел еврейку на примете, Красавицу, которая должна Спасти наш род от вечной муки ада: Лукавому великая досада— Хлопочет он. Всевышний, между тем, На небесах сидел в унынье сладком, Весь мир забыл, не правил он ничем—И без него всё шло своим порядком.

Что ж делает Мария? Где она, Иосифа печальная супруга? В своем саду, печальных дум полна, Проводит час невинного досуга И снова ждет пленительного сна. С ее души не сходит образ милой, К архангелу летит душой унылой, В прохладе пальм, под говором ручья Задумалась красавица моя; Не мило ей цветов благоуханье, Не весело прозрачных вод журчанье... И видит вдруг: прекрасная змия,

Приманчивой блистая чешуею. В тени ветвей качается над нею И говорит: «Любимица небес! Не убегай, — я пленник твой послушной»... Возможно ли? О, чудо из чудес! Кто ж говорит Марии простодушной, Кто ж это был? Увы, конечно бес.

Краса змии, цветов разнообразность, Ее привет, огонь лукавых глаз Понравились Марии тот же час Чтоб усладить младого сердца праздность, На сатане покоя нежный взор, С ним завела опасный разговор: «Кто ты, змия? По льстивому напеву, По красоте, по блеску, по глазам—Я узнаю того, кто нашу Еву Привлечь успел к таинственному древу И там склонил несчастную к грехам. Ты погубил неопытную деву, А с нею весь адамов род и нас. Мы в бездне бед невольно потонули Не стыдно ли?»

— Попы вас обманули, И Еву я не погубил, а спас! «Спас! от кого?»

-- От бога.

«Враг опасной»

- Он был влюблен...

«Послушай, берегись!»

- Он к ней пылал-

«Молчи!»

- любовью страстной,

Она была в опасности ужасной.— «Эмия, ты лжешь!»

— Ей богу! «Не божись.»

— Но выслушай...

Подумала Мария:

«Не хорошо в саду, наедине, Украдкою внимать наветам змия И кстати ли поверить сатане? Но царь небес меня хранит и любит, Всевышний благ: он, верно, не погубит Своей рабы,—за что ж? за разговор! К тому же он не даст меня в обиду, Да и змия скромна довольно с виду, Какой тут грех? Где зло? пустое, вздор!»

Подумала и ухо преклонила, Забыв на час любовь и Гавриила. Лукавый бес, надменно развернув Гремучий хвост, согнув дугою шею, С ветвей скользит—и падает пред нею; Желаний огнь во грудь ее вдохнув, Он говорит:

«С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал,—и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь,—историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

«Они должны-красавицы другие-Завидовать огню твоих очей; Ты рождена, о! скромная Мария, Чтоб изумлять адамовых детей, Чтоб властвовать их легкими сердцами, Улыбкою блаженства их дарить, Сводить с ума двумя-тремя словами, По прихоти — любить и не любить... Вот жребий твой.—Как ты—младая Ева В своем саду, скромна, умна, мила, Но без любви в унынии цвела; Всегда одни, глаз-на-глаз, муж и дева На берегах Эдема светлых рек В спокойствии вели невинный век. Скучна была их дней однообразность, Ни рощи сень, ни молодость, ни праздность — Ничто любви не воскрешало в них; Рука с рукой гуляли, пили, ели, Зевали днем, а ночью не имели Ни страстных игр, ни радостей живых.. Что скажешь ты? Тиран несправедливый, Еврейский бог, угрюмый и ревнивый, Адамову подругу полюбя, Ее хранил для самого себя... Какая честь? и что за наслажденье? На небесах, как будто в заточенье, У ног его молися да молись, Хвали его, красе его дивись. Взглянуть не смей украдкой на другова, С архангелом тихонько молвить слово; Вот жребий той, которую творец Себе возьмет в подруги наконец. И что ж потом? За скуку, за мученье,

Награда вся дьячков осиплых пенье, Свечи, старух докучная мольба, Да чад кадил, да образ под алмазом, Написанный каким-то богомазом... Как весело! Завидная судьба!

«Мне стало жаль моей прелестной Евы; Решился я, создателю на зло, Разрушить сон и юноши и девы. Ты слышала, как всё произошло? Два яблока, вися на ветке дивной, (Счастливый знак, любви символ призывной), Открыли ей неясную мечту. Проснулися неясные желанья: Она свою познала красоту, И негу чувств, и сердца трепетанье, И юного супруга наготу! Я видел их! Любви-моей науки-Прекрасное начало видел я. В глухой лесок ушла чета моя... Там быстро их блуждали взгляды, руки... Меж милых ног супруги молодой Заботливый, неловкий и немой, Адам искал восторгов упоенья, Неистовым исполненный огнем. Он вопрошал источник наслажденья И, закипев душой, терялся в нем... И не страшась божественнго гнева, Вся в пламени, власы раскинув, Ева, Едва, едва устами шевеля, Лобзанием Адаму отвечала, В слезах любви, в безчувствии лежала Под сенью пальм, — и юная земля Любовников цветами покрывала.

«Блаженный день! Увенчанный супруг Жену ласкал с утра до темной ночи, Во тьме ночной смыкал он редко очи, Как их тогда украшен был досуг! Ты знаешь: Бог, утехи прерывая, Чету мою лишил навеки рая. Он их изгнал из милой стороны, Где без трудов они так долго жили И дни свои невинно проводили В объятиях ленивой тишины. Но им открыл я тайну сладострастья И младости веселые права, Томленье чувств, восторги, слезы счастья, И поцелуй, и нежные слова.

Скажи теперь: ужели я предатель? Ужель Адам несчастлив от меня. Не думаю, но знаю только я, Что с Евою остался я приятель».

Умолкнул бес. Мария в тишине Коварному внимала сатане. «Что ж?—думала.—быть может, прав лукавой, Слыхала я: ни почестьми, ни славой, Ни золотом блаженства не купить; Слыхала я, что надобно любить... Любить! Но как, зачем и что такое...» А между тем вниманье молодое Ловило всё в рассказах сатаны: И действия, и странные причины, И смелый слог, и вольные картины... (Охотники мы все до новизны). Час от часу неясное начало Опасных дум казалось ей ясней, И вдоуг змии как будто не бывало — И новое явленье перед ней! Мария зрит красавца молодова У ног своих. Не говоря ни слова, К ней устремив чудесный блеск очей, Чего то он красноречиво просит, Одной рукой цветочек ей подносит, Другою мнет простое полотно И крадется под ризы торопливо, И легкий перст касается игриво До милых тайн... Всё для Марии диво, Всё кажется ей ново, мудрено, — А между тем румянец не стыдливый На девственных ланитах заиграл — И томный жар и вздох нетерпеливый . Младую грудь Марии подымал. Она молчит; но вдруг не стало мочи, К лукавому склонив свою главу, Едва дыша, закрыла томны очи, Вскричала: ах!.. и пала на траву...

О, милый друг! кому я посвятил Мой первый сон надежды и желанья. Красавица, которой был я мил, Простишь ли мне мои воспоминанья? Мои грехи, забавы юных дней, Те вечера, когда в семье твоей, При матери докучливой и строгой, Тебя томил я тайною тревогой И просветил невинные красы?

Я научил послушливую руку Обманывать печальную разлуку И услаждать безмолвные часы, Бессонницы девическую муку. Но молодость утрачена твоя, От бледных уст улыбка отлетела, Твоя краса во цвете помертвела... Простишь ли мне, о милая моя!

Отец греха, Марии враг лукавой, Ты стал и был пред нею виноват; Ее тебе приятен был разврат... И ты успел преступною забавой Всевышнего супругу просветить И дерзостью невинность изумить. Гордись, гордись своей проклятой славой! Спеши ловить, но близок, близок час! Вот меркнет свет, заката луч угас. Всё тихо. Вдруг над девой утомленной Шумя парит Архангел окрылснной, — Посол любви, блестящий сын небес.

От ужаса при виде Гавриила Красавица лицо свое закрыла... Пред ним восстав, смутился мрачный бес, И говорит: «Счастливец горделивой. Кто звал тебя? Зачем оставил ты Небесный двор, эфира высоты? Зачем мешать утехе молчаливой, Занятиям чувствительной четы?» Но Гавриил, нахмуря взгляд ревнивый, Рек на вопрос и дерзкий и шутливый: «Безумный враг небесной красоты. Повеса злой, изгнанник безнадежной, Ты соблазнил красу Марии нежной И смеешь мне вопросы задавать! Беги сейчас, бесстыдник, раб мятежной, Иль я тебя заставлю трепетать!» — «Не трепетал от ваших я придворных, Всевышнего прислужников покорных, От сводников небесного царя!» — Проклятый рек, и злобою горя, Наморщив лоб, скосясь, кусая губы, Архангела ударил прямо в зубы. Раздался крик, шатнулся Гавриил И левое колено преклонил; Но вдруг восстал, исполнен невым жаром, И сатану нечаянным ударом Хватил в висок. Бес ахнул, побледнел —

И кинулись в объятия друг другу. Ни Гавриил, ни бес не одолел: Сплетенные кружась идут по лугу, На вражью грудь опершись бородой Соединив крест на крест ноги, руки, То силою, то хитростью науки Хотят увлечь друг друга за собой

Не правда ли? Вы помните то поле, Друзья мои, где в прежни дни, весной, Оставя класс, мы бегали на воле И тешились отважною борьбой. Усталые, забыв и брань и речи, Так ангелы боролись меж собой. Подземный царь, буян широкоплечий, Вотще кряхтел с увертливым врагом И, наконец, желая кончить разом, С архангела пернатый сбил шелом, Златой шелом, украшенный алмазом, -Схватив врага за мягкие власы, Он свади гнет могучею рукою К сырой земле. Мария пред собою Архангела зрит юные красы И за него в безмолвии трепещет. Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет; По счастию проворный Гавриил Впился ему в то место роковое, (Излишнее почти во всяком бое), В надменный член, которым бес грешил. Лукавый пал, пощады запросил И в темный ад едва нашел дорогу

На дивный бой, на страшную тревогу Красавица глядела чуть дыша; Когда же к ней, свой подвиг соверша, Приветливо архангел обратился, Огонь любви в лице ее разлился И нежностью исполнилась душа. Ах, как была еврейка хороша!.. Посол краснел и чувствия чужие Так изъяснял в божественных словах: «О радуйся, невинная Мария! Любовь с тобой, прекрасна ты в женах; Стократ блажен твой плод благословенной, Спасет он мир и ниспровергнет ад... Но признаюсь душею откровенной, Отец его блаженнее стократ.» И перед ней коленопреклоненный Он между тем ей нежно руку жал...

Потупя взор, прекрасная вздыхала, И Гавриил ее поцеловал. Смутясь, она краснела и молчала, Ее груди дерэнул коснуться он... «Оставь меня!» Мария прошептала И в тот же миг лобзаньем заглушен Невинности последний крик и стон...

Что делать ей? Что скажет бог ревнивый? Не сетуйте, красавицы мои, О женщины, наперсницы любви. Умеете вы хитростью счастливой Обманывать вниманье жениха И знатоков внимательные взоры, И на следы приятного греха Невинности набрасывать уборы... От матери проказливая дочь Берет урок стыдливости покорной И мнимых мук, и с робостью притворной Играет роль в решительную ночь; И по утру, оправясь понемногу, Встает бледна, чуть ходит, так томна. В восторге муж, мать шепчет: славу богу, А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием приятным По небесам летит путем обратным. Наперсника нетерпеливый бог Приветствием встречает благодатным: «Что нового?» — Я сделал всё, что мог, Я ей открыл — «Ну что ж она?» — Готова! И царь небес, не говоря ни слова, С престола встал и манием бровей Всех удалил, как древний бог Гомера, Когда смирял безчисленных детей; Но Греции навек угасла вера, Зевеса нет, мы сделались умней!

Упоена живым воспоминаньем, В своем углу Мария в тишине Покоилась на смятой простыне. Душа горит и негой и желаньем, Младую грудь волнует новый жар. Она зовет тихонько Гавриила, Его любви готовя тайный дар, Ночной покров ногою отдалила, Довольный взор с улыбкою склонила, И, счастлива в своей прелестной наготе, Сама своей дивилась красоте.

Но между тем в задумчивости нежной Она грешит, — прелестна и томна, И чашу пьет отрады безмятежной. Смеешься ты. лукавый сатана! И что же! вдруг мохнатый, белокрылый В ее окно влетает голубь милый, Над нею он порхает и кружит, И пробует веселые напевы, И вдруг летит в колени милой девы, Над розою садится и дрожит, Клюет ее, копышется, вертится, И носиком и ножками трудится. Он, точно он! — Мария поняла, Что в голубе другого угощала; Колени сжав еврейка закричала, Вздыхать, дрожать, молиться начала, Заплакала, но голубь торжествует, В жару любви трепещет и воркует, И падает, объятый легким сном, Приосеня цветок любви крылом.

Он улетел. Усталая Мария Подумала: «Вот шалости какие! Один, два, три! — как это им не лень? Могу сказать, перенесла тревогу: Досталась я в один и тот же день Лукавому, архангелу и богу.»

Всевышний царь, как водится, потом Признал своим еврейской девы сына, Но Гавриил — (завидная судьбина!) — Не преставал являться ей тайком; Как многие, Иосиф был утешен, Он пред женой по прежнему безгрешен, Христа любил, как сына своего, За то господь и наградил его!

Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы? Навек забыв старинные проказы, Я пел тебя, крылатый Гавриил. Смиренных струи тебе я посвятил Усердное, спасительное пенье: Храни меня, внемли мое моленье! Досель я был еретиком в любви, Младых богинь безумный обожатель, Друг демона, повеса и предатель... Раскаянье мое благослови! Приемлю я намеренья благие, Переменюсь: Елену видел я:

Она мила как нежная Мария! Подвластна ей навек душа моя. Моим речам придай очарованье, Понравиться поведай тайну мне, В ее душе зажги любви желанье. Не то пойду молиться сатане! Но дни бегут, и время сединою Мою главу тишком осеребрит И важный брак с любезною женою Пред алтарем меня соединит. Иосифа прекрасный утешитель! Молю тебя, колена преклоня, О, рогачей заступник и хранитель, Молю — тогда благослови меня, Даруй ты мне беспечность и смиренье, Молю тебя, пошли мне вновь и вновь Спокойный сон, в супруге уверенье, В семействе мир и к ближнему любовь!

1821 - 1822.

братья разбойники.

Не стая воронов слеталась На груды тлеющих костей, За Волгой, ночью, вкруг огней Удалых шайка собиралась. Какая смесь одежд и лиц. Племен, наречий, состояний! Из хат, из келий, из темниц Они стеклися для стяжаний! Здесь цель одна для всех сердец-Живут без власти, без закона. Меж ними зрится и беглец С брегов воинственного Дона, И в черных локонах еврей, И дикие сыны степей. Калмык, башкирец безобразной, И рыжий финн, и с ленью праздной Везде кочующий цыган! Опасность, кровь, разврат, обман-Суть узы страшного семейства; Тот их, кто с каменной душой Прошел все степени злодейства; Кто режет хладною рукой Вдовицу с бедной сиротой, Кому смешно детей стенанье, Кто не прощает, не щадит, Кого убийство веселит. Как юношу любви свиданье.

Затихло всё, теперь луна Свой бледный свет на них наводит, И чарка пенного вина Из рук в другие переходит. Простерты на земле сырой Иные чутко засыпают: И сны зловещие летают Над их преступной головой. Другим рассказы сокращают Угрюмой ночи праздный час; Умолкли все—их занимает Пришельца нового рассказ, И всё вокруг его внимает:

«Нас было двое: брат и я. Росли мы вместе; нашу младость Вскормила чуждая семья: Нам, детям, жизнь была не в радость; Уже мы знали нужды глас, Сносили горькое презренье И рано волновало нас Жестокой зависти мученье. Не оставалось у сирот Ни бедной хижинки, ни поля; Мы жили в горе, средь забот, Наскучила нам эта доля, И согласились меж собой Мы жребий испытать иной: В товарищи себе мы взяли Булатный нож да темну ночь: Забыли робость и печали, А совесть отогнали прочь.

Ах, юность, юность удалая! Житьё в то время было нам, Когда погибель презирая, Мы всё делили пополам. Бывало только месяц ясный Взойдет и станет средь небес, Из подземелия мы в лес Идем на промысел опасный. За деревом сидим и ждем: Идет ли позднею дорогой Богатый жид иль поп убогой,-Всё наше! всё себе берем. Зимой бывало в ночь глухую Заложим тройку удалую, Поем и свищем, и стрелой Летим над снежной глубиной. Кто не боялся нашей встречи? Завидели в харчевне свечи-Туда! к воротам, и стучим, Хозяйку громко вызываем, Вошли-всё даром: пьем, едим, И красных девушек ласкаем!

И что ж? попались молодцы; Не долго братья пировали Поймали нас—и кузнецы Нас друг ко другу приковали, И стража отвела в острог.

Я старший был пятью годами, И вынесть больше брата мог. В цепях, за душными стенами Я уцелел—он изнемог. С трудом дыша, томим госкою, В забвеньи, жаркой головою Склоняясь к моему плечу, Он умирал, твердя всечасно: «Мне душно здесь... Я в лес хочу... Воды, воды!..» но я напрасно Страдальцу воду подавал: Он снова жаждою томился, И градом пот по нем катился. В нем кровь и мысли волновал Жар ядовитого недуга; Уж он меня не узнавал И поминутно призывал К себе товарища и друга. Он говорил: «где скрылся ты? Куда свой тайный путь направил? Зачем мой брат меня оставил Средь этой смрадной темноты? Не он ли сам от мирных пашен Меня в дремучий лес сманил, И ночью там, могущ и страшен, Убийству первый научил? Теперь он без меня на воле Один гуляет в чистом поле, Тяжелым машет кистенем И позабыл в завидной доле Он о товарище своем!..»

То снова разгорались в нем Докучной совести мученья: Пред ним толпились привиденья, Грозя перстом издалека. Всех чаще образ старика, Давно зарезанного нами, Ему на мысли приходил; Больной, зажав глаза руками, За старца так меня молил: «Брат! сжалься над его слезами! Не режь его на старость лет...

Мне дряхлый крик его ужасен... Пусти его—он неопасен; В нем крови капли теплой нет... Не смейся, брат, над сединами. Не мучь его... авось мольбами Смягчит за нас он божий гнев!..» Я слушал, ужас одолев; Хотел унять больного слезы И удалить пустые грезы. Он видел пляски мертвецов, В тюрьму пришедших из лесов, То слышал их ужасный шопот, То вдруг погони близкий топот, И дико взгляд его сверкал, Стояли волосы горою, И весь как лист он трепетал. То мнил уж видеть пред собою На площадях толпы людей, И страшный ход до места казни, И кнут, и грозных палачей... Без чувств, исполненный боязни, Брат упадал ко мне на грудь. Так проводил я дни и ночи. Не мог минуты отдохнуть, И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились,
Болезнь ужасная прошла,
И с нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильней
Взяла тоска по прежней доле;
Душа рвалась к лесам и к воле,
Алкала воздуха полей.
Нам тошен был и мрак темницы,
И сквозь решетки свет денницы,
И стражи клик, и звон цепей,
И легкий шум залётной птицы.

По улицам однажды мы, В цепях, для городской тюрьмы Сбирали вместе подаянье, И согласились в тишине Исполнить давнее желанье; Река шумела в стороне, Мы к ней—и с берегов высоких Бух! поплыли в водах глубоких. Цепями общими гремим, Бьем волны дружными ногами,

Песчаный видим островок, И. рассекая быстрый ток, Туда стремимся. Вслед за нами Кричат: «лови! лови! уйдут!» Два стража издали плывут, Но уж на остров мы ступаем, Оковы камнем разбиваем, Друг с друга рвем клочки одежд Отягошенные водою... Погоню видим за собою; Но смело, полные надежд, Сидим и ждем. Один уж тонет, То захлебнется, то застонет И как свинец пошел ко дну. Другой проплыл уж глубину, С ружьем в руках, он в брод упрямо, Не внемля крику моему, Идет, но в голову ему Два камня полетели прямо— И хлынула на волны кровь; Он утонул-мы в воду вновь, За нами гнаться не посмели. Мы берегов достичь успели И в лес ушли. Но бедный брат... И труд и воли осенний хлад Недавних сил его лишили: Опять недуг его сломил. И злые грезы посетили. Три дня больной не говорил И не смыкал очей дремотой; В четвертый грустною заботой, Казалось, он исполнен был; Позвал меня, пожал мне руку, Потухший взор изобразил Одолевающую муку; Рука задрогла, он вздохнул, И на груди моей уснул.

Над хладным телом я остался, Три ночи с ним не расставался, Всё ждал, очнется ли мертвец? И горько плакал. Наконец Взял заступ; грешную молитву Над братней ямой совершил И тело в землю схоронил... Потом на прежнюю ловитву Пошел один... Но прежних лет Уж не дождусь: их нет, как нет! Пиры, веселые ночлеги

И наши буйные набеги—
Могила брата всё взяла.
Влачусь угрюмый, одинокой;
Окаменел мой дух жестокой
И в сердце жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мне страшно резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука.
Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишенный сил,
Без памяти в тоске глубокой
За старца брат меня молил.»

J

1822

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН.

Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече.

Сади.

Гирей сидел, потупя взор; Янтарь в устах его дымился; Безмолвно раболепный двор Вкруг хана грозного теснился. Всё было тихо во дворце; Благоговея, все читали Приметы гнева и печали На сумрачном его лице. Но повелитель горделивой Махнул рукой нетерпеливой: И все, склонившись, идут вон.

Один в своих чертогах он; Свободней грудь его вздыхает. Живее строгое чело Волненье сердца выражает. Так бурны тучи отражает Залива зыбкое стекло.

Что движет гордою душою? Какою мыслью занят он? На Русь ли вновь идет войною, Несет ли Польше свой закон, Горит ли местию кровавой, Открыл ли в войске заговор, Страшится ли наррдов гор, Иль козней Генуи лукавой?

Нет, он скучает бранной славой Устала грозная рука; Война от мыслей далека. Ужель в его гарем измена Стезей преступною вошла, И дочь неволи, нег и плена Гяуру сердце отдала?

Нет, жены робкие Гирея, Ни думать, ни желать не смея, Цветут в унылой тишине; Под стражей бдительной и хладной На лоне скуки безотрадной Измен не ведают оне. В тени хранительной темницы Утаены их красоты: Так аравийские цветы Живут за стеклами теплицы. Для них унылой чередой Дни, месяцы, лета проходят И неприметно за собой И младость и любовь уводят. Однообразен каждый день. И медленно часов теченье. В гареме жизнью правит лень; Мелькает редко наслажденье. Младые жены, как-нибудь Желая сердце обмануть, Меняют пышные уборы, Заводят игры, разговоры, Или при шуме вод живых, Над их прозрачными струями В прохладе яворов густых Гуляют легкими роями. Меж ними ходит элой евнух, И убегать его напрасно: Его ревнивый взор и слух За всеми следует всечасно. Его стараньем заведен Порядок вечный. Воля хана Ему единственный закон: Святую заповедь Корана Не строже наблюдает он. Его душа любви не просит; Как истукан, он переносит Насмешки, ненависть, укор, Обиды шалости нескромной. Презренье, просьбы, робкий взор, И тихий вздох, и ропот томной. Ему известен женский ноав; Он испытал, сколь он лукав И на свободе и в неволе:

Взор нежный, слез упрек немой Не властны над его душой; Он им уже не верит боле.

Раскинув легкие власы, Как идут пленницы младые Купаться в жаркие часы, И льются волны ключевые На их волшебные красы, Забав их сторож неотлучный, Он тут; он видит, равнодушный. Прелестниц обнаженный рой; Он по гарему в тьме ночной Неслышными шагами бродит: Ступая тихо по коврам, К послушным крадется дверям, От ложа к ложу переходит; В заботе вечной, ханских жен Роскошный наблюдает сон, Ночной подслушивает лепет; Дыханье, вздох, малейший трепет, Всё жадно примечает он: И горе той, чей шопот сонной Чужое имя призывал, Или подруге благосклонной Порочны мысли доверял!

Что ж полон грусти ум Гирея? Чубук в руках его потух; Недвижим и дохнуть не смея, У двери знака ждет евнух. Встает задумчивый властитель: Пред ним дверь настежь. Молча, он Идет в заветную обитель Еще недавно милых жен.

Беспечно ожидая хана, Вокруг игривого фонтана На шелковых коврах оне Толпою резвою сидели И с детской радостью глядели, Как рыба в ясной глубине На мраморном ходила дне. Нарочно к ней на дно иные Роняли серьги золотые. Кругом невольницы меж тем Шербет носили ароматной И песнью звонкой и приятной Блруг огласили весь гарем.

Татарская песня.

1.

«Дарует небо человеку Замену слез и частых бед: Блажен факир, узревший Меку На старости печальных лет.

2.

«Блажен, кто славный брег Дуная Своею смертью освятит: К нему навстречу дева рая С улыбкой страстной полетит.

3.

«Но тот блаженней, о Зарема, Кто, мир и негу возлюбя, Как розу, в тишине гарема Лелеет, милая, тебя.»

Они поют. Но где Зарема, Звезда любви, краса гарема? Увы, печальна и бледна, Похвал не слушает она; Как пальма, смятая грозою, Поникла юной головою; Нинто, ничто не мило ей; Зарему разлюбил Гирей.

Он изменил!.. Но кто с тобою, Грузинка, равен красотою? Вокруг лилейного чела Ты косу дважды обвила; Твои пленительные очи Яснее дня, чернее ночи. Чей голос выразит сильней Порывы пламенных желаний? Чей страстный поцелуй живей Твоих язвительных лобзаний? Как сердце, полное тобой, Забьется для красы чужой? Но, равнодушный и жестокой, Гирей презрел твои красы И ночи хладные часы Проводит мрачный, одинокой С тех пор, как польская княжна В его гарем заключена.

Недавно юная Мария Узрела небеса чужие; Недавно милою красой Она цвела в стране родной; Седой отец гордился ею И звал отрадою своею. Для старика была закон Ее младенческая воля. Одну заботу ведал он, Чтоб дочери любимой доля Была, как вешний день, ясна, Чтоб и минутные печали Ее души не помрачали, Чтоб даже замужем она Воспоминала с умиленьем Девичье время, дни забав, Мелькнувших легким сновиденьем. Всё в ней пленяло: тихий нрав, Движенья стройные, живые И очи томно-голубые. Поироды милые дары Она искусством украшала; Она домашние пиры Волшебной арфой оживляла; Толпы вельмож и богачей Руки марииной искали, И много юношей по ней В страданьи тайном изнывали. Но в тишине души своей Она любви еще не знала И независимый досуг В отцовском замке меж подруг Одним забавам посвящала.

Давно ль? И что же? тьмы татар На Польшу хлынули рекою: Не с столь ужасной быстротою По жатве стелется пожар. Обезображенный войною, Цветущий край осиротел; Йсчезли мирные забавы; Уныли села и дубравы, И пышный замок опустел. Тиха мариина светлица... В домовой церкви, где кругом Почиют мощи хладным сном, С короной, с княжеским гербом, Воздвиглась новая гробница... Отец в могиле, дочь в плену.

Скупой наследник в замке правит И тягостным ярмом бесславит Опустошенную страну

Увы! Дворец Бахчисарая Скрывает юную княжну: В неволе тихой увядая. Мария плачет и грустит. Гирей несчастную щадит Ее унынье, слезы, стоны Тревожат хана краткий сон, И для нее смягчает он Гарема строгие законы. Угрюмый сторож ханских жен Ни днем, ни ночью к ней не входит: Рукой заботливой не он На ложе сна ее возводит; Не смеет устремиться к ней Обидный взор его очей; Она в купальне потаенной Одна с невольницей своей: Сам хан боится девы пленной Печальный возмущать покой; Гарема в дальнем отделеньи Позволено ей жить одной: И. мнится. в том уединеньи Сокрылся некто неземной. Там день и ночь горит лампада Пред ликом девы пресвятой; Души тоскующей отрада, Там упованье в тишине С смиренной верой обитает, И сердцу всё напоминает О близкой лучшей стороне... Там дева слезы проливает Вдали завистливых подруг; И между тем, как всё вокруг В безумной неге утопает, Святыню строгую скрывает Спасенный чудом уголок. Так сердце, жертва заблуждений, Среди порочных упоений, Хранит один святой залог, Одно божественное чувство...

Настала ночь; покрылись тенью Тавриды сладостной поля; Вдали под тихой лавров сенью Я слышу пенье соловья;

За хором звезд луна восходит; Она с безоблачных небес На долы, на холмы, на лес Сиянье томное наводит. Покоыты белой пеленой. Как тени легкие мелькая, По улицам Бахчисарая, Из дома в дом, одна к другой, Простых татар спешат супруги Делить вечерние досуги. Дворец утих; уснул гарем, Объятый негой безмятежной; Не прерывается ничем Спокойство ночи. Страж надежной, $oxedsymbol{\mathcal{I}}$ озором обошел евнух. Теперь он спит; но страх прилежной Тоевожит в нем и спящий дух. Измен всечасных ожиданье Покоя не дает уму. То чей-то шорох, то шептанье, То коики чудятся ему: Обманутый неверным слухом, Он пробуждается, дрожит, Напуганным приникнув ухом... Но все кругом него молчит; Одни фонтаны сладкозвучны Из мраморной темницы быют. И с милой розой неразлучны Во мраке соловьи поют: Евнух еще им долго внемлет. И снова сон его объемлет.

Как милы темные красы Ночей роскошного востока! Как сладко льются их часы Для обожателей Пророка! Какая нега в их домах, В очаровательных садах, В тиши гаремов безопасных, Где под влиянием луны Всё полно тайн и тишины И вдохновений сладострастных!

Все жены спят. Не спит одна. Едва дыша, встает она; Идет; рукою торопливой Открыла дверь; во тьме ночной Ступает легкою ногой... В дремоте чуткой и пугливой

Пред ней лежит евнух седой. Ах, сердце в нем неумолимо: Обманчив сна его покой!.. Как дух, она проходит мимо.

Пред нею дверь; с недоуменьем Ее дрожащая рука Коснулась верного замка.. Вошла, взирает с изумленьем... И тайный страх в нее проник. Лампады свет уединенный, Кивот, печально озаренный, Пречистой девы кроткий лик И крест, любви символ священный... Грузинка, всё в душе твоей Родное что-то пробудило. Все звуками забытых дней Невнятно вдруг заговорило. Пред ней покоилась княжна, И жаром девственного сна Ее ланиты оживлялись И. слез являя свежий след, Улыбкой томной озарялись: Так озаряет лунный свет Дождем отягощенный цвет: Спорхнувший с неба, сын эдема, Казалось, ангел почивал И сонный слезы проливал О бедной пленнице гарема... Увы, Зарема, что с тобой! Стеснилась грудь ее тоской, Невольно клонятся колени. И молит: «сжалься надо мной, Не отвергай моих молений!»... Ее слова, движенье, стон Прервали девы тихий сон. Княжна со страхом пред собою Младую незнакомку зрит; В смятеньи, трепетной рукою Ее подъемля, говорит: «Кто ты?.. Одна, порой ночною, Зачем ты здесь?» — Я шла к тебе: Спаси меня; в моей судьбе Одна надежда мне осталась... Я долго счастьем наслаждалась, Была беспечней день от дня... И тень блаженства миновалась; Я гибну. Выслущай меня.

Родилась я не здесь, далеко.

Далеко... но минувших дней Предметы в памяти моей Доныне врезаны глубоко. Я помню горы в небесах, Потоки жаркие в горах, Непроходимые дубравы, Другой закон, другие нравы Но почему, какой судьбой Я край оставила родной, Не знаю; помню только море И человека в вышине Над парусами...

Страх и горе Доныне чужды были мне; Я в безмятежной тишине В тени гарема расцветала И первых опытов любви Послушным сердцем ожидала. Желанья тайные мои Сбылись. Гирей для мирной неги Войну кровавую презрел, Пресек ужасные набеги И свой гарем опять узрел. Пред хана в смутном ожиданье Предстали мы. Он светлый взор Остановил на мне в молчанье, Позвал меня... и с этих пор Мы в беспрерывном упоенье Дышали счастьем; и ни раз Ни клевета, ни подозренье, Ни злобной ревности мученье, Ни скука не смущала нас. Мария, ты пред ним явилась... Увы, с тех пор его душа Преступной думой омрачилась! Гирей, изменою дыша, Моих не слушает укоров; Ему докучен сердца стон: Ни прежних чувств, ни разговоров Со мною не находит он. Ты преступленью не причастна; Я знаю, не твоя вина... И так послушай: я прекрасна; Во всем гареме ты одна Могла б еще мне быть опасна; Но я для страсти рождена, Но ты любить, как я, не можешь; Зачем же хладной красотой Ты сердце слабое тревожишь?

į

Оставь Гирея мне: он мой; На мне горят его лобзанья, Он клятвы страшные мне дал, Давно все думы, все желанья Гирей с моими сочетал; Меня убьет его измена... Я плачу; видишь, я колена Теперь склоняю пред тобой, Молю, винить тебя не смея, Отдай мне радость и покой, Отдай мне прежнего Гирея... Не возражай мне ничего; Он мой: он ослеплен тобою. Презреньем, просьбою, тоскою, Чем хочешь, отврати его; Клянись... (хоть я для Алкорана, Между невольницами хана, Забыла веру прежних дней; Но вера матери моей Была твоя) клянись мне ею Зарему возвратить Гирею.. Но слушай: если я должна Тебе... кинжалом я владею, Я близ Кавказа рождена. —

Сказав, исчезла вдруг. За нею Не смеет следовать княжна. Невинной деве непонятен Язык мучительных страстей: Но голос их ей смутно внятен, Он странен, он ужасен ей. Какие слезы и моленья Ее спасут от посрамленья? Что ждет ее? Ужели ей Остаток горьких юных дней Провесть наложницей презренной? О боже! если бы Гирей В ее темнице отдаленной Забыл несчастную навек, Или кончиной ускоренной Унылы дни ее пресек, С какою б радостью Мария Оставила печальный свет! Мгновенья жизни дорогие Давно прошли, давно их нет! Что делать ей в пустыне мира? Уж ей пора, Марию ждут, И в небеса на лоно мира Родной улыбкою зовут

Промчались дни; Марии нет. Мгновенно сирота почила. Она давно-желанный свет, Как новый ангел, озарила. Но что же в гроб ее свело? Тоска ль неволи безнадежной, Болезнь, или другое вло, Кто знает? Нет Марии нежной!.. Дворец угрюмый опустел; Его Гирей опять оставил; С толпой татар в чужой предел Он элой набег опять направил; Он снова в бурях боевых Несется мрачный, кровожадный: Но в сердце хана чувств иных Таится пламень безотрадный. Он часто в сечах роковых Подъемлет саблю, и с размаха Недвижим остается вдруг, Глядит с безумием вокруг, Бледнеет, будто полный страха, И что-то шепчет, и порой. Горючи слезы льет рекой.

Забытый, преданный презренью. Гарем не зрит его лица; Там, обреченные мученью, Под стражей хладного скопца Стареют жены. Между ними Давно грузинки нет; она Гарема стражами немыми В пучину вод опущена. В ту ночь, как умерла княжна, Свершилось и ее страданье. Какая б ни была вина, Ужасно было наказанье!

Опустошив огнем войны Кавказу близкие страны И села мирные России, В Тавриду возвратился хан И, в память горестной Марии, Воздвигнул мраморный фонтан В углу дворца уединенный. Над ним крестом осенена Магометанская луна (Символ конечно дерзновенный, Незнанья жалкая вина). Есть надпись: едкими годами

Еще не сгладилась она. За чуждыми ее чертами Журчит во мраморе вода И каплет хладными слезами, Не умолкая никогда. Так плачет мать во дни печали О сыне, падшем на войне. Младые девы в той стране Преданье старины узнали, И мрачный памятник оне Фонтаном слез именовали.

Покинув север наконец, Пиры надолго забывая, Я посетил Бахчисарая В забвеньи дремлющий дворец; Среди безмолвных переходов Бродил я там, где, бич народов, Татарин буйный пировал И после ужасов набега В роскошной лени утопал. Еще поныне дышет нега В пустых покоях и садах; Играют воды, рдеют розы, И вьются виноградны лозы, И злато блещет на стенах. Я видел ветхие решетки, За коими, в своей весне, Янтарны разбирая четки, Вздыхали жены в тишине. Я видел ханское кладбище, Владык последнее жилище. Сии надгробные столбы, Венчанны мраморной чалмою, Казалось мне, завет судьбы Гласили внятною молвою. Где скрылись ханы? Где гарем? Кругом всё тихо, всё уныло, Всё изменилось... но не тем В то время сердце полно было: Дыханье роз, фонтанов шум Влекли к невольному забвенью, Невольно предавался ум Неизъяснимому волненью, И по дворцу летучей тенью Мелькала дева предо мной!..

Чью тень, о други, видел я? Скажите мне: чей образ нежный Тогда преследовал меня Неотразимый, неизбежный? Марии ль чистая душа Являлась мне, или Зарема Носилась, ревностью дыша, Средь опустелого гарема?

Я помню столь же милый взгляд ${\cal H}$ красоту еще земную..

Поклонник муз, поклонник мира, Забыв и славу и любовь, О, скоро вас увижу вновь, Брега веселые Салгира! Приду на склон приморских гор. Воспоминаний тайных полный, И вновь таврические волны Обрадуют мой жадный взор. Волшебный край, очей отрада! Все живо там: холмы, леса, Янтарь и яхонт винограда, Долин приютная краса, И струй и тополей прохлада; Всё чувство путника манит, Когда, в час утра безмятежной, В горах, дорогою прибрежной, Привычный конь его бежит, И зеленеющая влага Пред ним и блещет и шумит Вокруг утесов Аю-дага...

I.

ВЫПИСКА ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ТАВРИДЕ И. М МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА.

«Вчера ввечеру подъехав к Бахчисараю и спустившись в ущелину, в которой он лежит, я засветло успел только проехать длинную улицу, ведущую к Хан-сараю (т. е. к ханскому дворцу), на восточном конце города находящемуся. Солнца давно уже не видно было за горами, и сумрак начинал сгущаться, когда я вступил на первый двор сарая. Это не помещало мне пробежать по теремам и дворам таврической Аламбры; и чем менее видимы становилися предметы, тем живее делалася игра воображения моего, наполнившегося радужными цветами восточной поэзии.

Я поведу тебя, мой друг, не из покоев, но так, как должно, от внешних ворот, в которые проезд с улицы, по мосту, через узкую Грязную речку, Сурук-су. Прошед в ворота, ты на первом дворе, на пространном параллелограме, коего, противоположный входу, малый бок граничит с садовыми терасами; оба же большие заняты на левой стороне мечетью и службами, а с правой — дворцом, состоящим из смежных не одинаковой высоты зданий. На этой правой стороне, через ворота, под строением находя-

щиеся, ты проходишь во внутренний двор, где тотчас на левой руке представляются тебе железные двери, пестро в аравском вкусе украшенные, с двуглавым над ними орлом, занявшим место оттоманской луны.

Переступив за порог, ты в пространных сенях, на марморном помосте и на правой руке видишь широкое крыльцо, ведущее на верхние палаты. Но сперва остановимся в сенях и посмотрим на два прекрасные фонтана, беспрестано лиющие воду из стен в белые марморные чаши: один насупротив дверей, другой тотчас налево.

Дабы не оставить ничего недосказанным о сем нижнем помосте, заметим шпрокий коридор от левого угла противоположной входу стены, ведущий прямо в домовую ханскую божницу, над дверью коей начертано:

Селамид-Гирей хан, сын Гаджи-Селим-Гирея хана. 1

Другая дверь того же коридора налево дает вход в большую комнату, где диван вокруг стены до половины покоя, с марморным посреди оного водометом. Это убежище прелестно прохладою в знойные часы, когда раскаляются от жару окружающие Бахчисарай горы. Третья дверь ведет в ханский диван, т. е. в комнату, где собирался государственный совет; в нее есть вход и чрез переднюю, снаружи от большого двора.

Когда я опишу тебе одну из зал верхнего жилья, ты будешь иметь понятие о всех прочих, разнствующих между собою одним только большим или меньшим украшением на стенах. Как фасад строения не по прямой черте, а городками, то первое должно заметить, что главные залы освещены с трех сторон, т. е. все из фасада выступающие оных стены всплошь окончатые. Другого входа в залу нет, кроме одной двери боковой, неприметной. между пиластрами аравского вкуса, между коими и шкафы, также неприметные, находятся по всей темной этой стене. Над оными (в лучших залах) стекла снутри и снаружи покоя, до потолка, между коими стоят украшения лепной работы, как-то: чаши с плодами, с цветами, или деревцы, с чучелами разных птиц. Потолки так же, как и темная стена, столярной работы и весьма красивы: это тоненькая вызолоченная решетка, лежащая на даковом грунте, густого красного цвета. На полу я увидел знакомые мне в Испании эстеры, т. е. рогожки, весьма искусно слепленные из тростника, род гениста, и употребляемые вместо ковров на полах кирпичных или каменных. Для защиты от яркости лучей в комнате, с трех сторон освещенной, кроме ставней, служат еще и цветные, узорчатые стекла в окнах, любимое рыцарских замков украшение, без сомнения, занятое европейцами от восточных народов, во время крестовых походов. Если в заключение сего общего описания ты представишь себе диван, т. е. подушки, некогда из шелковых тканей, на полу лежащие вокруг всех стен, исключая темной, ты будешь иметь понятие о лучших залах дворца, кроме трех или четырех переделанных для императрицы Екатерины II, в европейском вкусе, с высокими диванами, с креслами и столами. Сия последняя утварь особливо драгоценна для нас крещеных, ибо во всех странах, где проповедуется Коран, правоверные вместо столов употребляют низкие круглые скамыи, на которые ставят подносы, и едят на них, сидя, поджав под себя ноги,

Ты легко догадаться можешь, что в стороне от сего строения находился гарем, неприступный для всех, кроме хана, и для него одного имеющий сообщение через коридор с дворцом. Эта часть более всех в упадке. Разные домики, в коих некогда жертвы любви, или, лучше сказать, любострастия, томилися в неволе, представляют теперь печальную картину разрушения: обвалившиеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но что в том пользы, когда то же время, роком узницам определенное, протекло для них безотрадно, в рабских угождениях одному, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину!—На краю сего гарема стоит на большом дворе высокая шестиугольная беседка, с решетками вместо окон, из которой, как сказывают, ханские жены, невидимые, смотрели на игры, въезды послов и другие позорища. Иные говорят, что будто бы тут хан любовался фазанами и показывал их любимицам своим. Это по-

¹ Селамид владел от 1587 по 1610.

следнее потому только вероятно, что петух с семейством своим есть единственая каргина, которую супруг-мусульман может представлять невольницам своим в оправдание многоженства. — Между сею полусогнившею беседкою и комнатою, о которой я говорил, на нижнем помосте, с марморным фонтаном, есть прекрасный цветничок, где мирт и розы могли некогда внущить песьи татарскому Анакреону.

Но пора оставить сии грудь теснящие памятники невольничества и выйти подышать на чистом воздухе. Вот насупротив больших ворот, на конце двора, к горе примыкающегося, терасы в четыре уступа, на коих плодоносные деревья, виноград на решетках и прозрачные источники, с уступа на другой лиющиеся в каменные басейны. Может быть некогда мурзы-царедворцы, уподобляя Гиреев с владыками Вавилона, сравнивали и терасы их с висящими садами Семирамисы; но теперь крымское чудо сие представляет вид опустения, так как и все памятники в Тавриде. Более всего жаль драгоценнейшего здесь сокровища, воды: многие трубы уже засорились, а некоторые источники и совсем исчезли.

За мечетью, вне двора, кладбище ханов и султанов владетельного дома Гиреев. Прах их покоится под белыми мраморными гробницами, осененными высокими тополями, ореховыми и шелковичными деревьями. Тут лежат Менгли и отец его, основатель могущества царства крымского. Все па-

мятники покрыты надписями...

Прежде, нежели оставить сию юдоль сна непробудного, я укажу тебе отсюда на холм, влево от верхней садовой терасы, на коем стоит красивое здание с круглым куполом: это мавзолей прекрасной грузинки, жены хана Керим-Гирея. Новая Заира, силою прелестей своих, она повелевала тому, кому все здесь повиновалось; но не долго: увял райский цвет в самое утро жизни своей, и безотрадный Керим соорудил любезной памятник ϵ ей, дабы ежедневно входить в оный и утешиться слезами над прахом незабвенной. Я сам хотел поклониться гробу красавицы, но нет уже более входа к нему; дверь наглухо заложена. Странно очень, что все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка, а полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керим-Гиреем. Сколько я ни спорил с ними, сколько не уверял их, что предание сие не имеет никакого исторического основания и что во второй половине XVIII века не так легко было татарам похищать полячек; все доводы мои остались бесполезными: они стоят в одном: красавица была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, как разве принятое и справедливое мнение, что красота женская есть, так сказать, принадлежность рода Потоцких».

II.

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА.

Из Азии переехали мы в Европу 1 на корабле. Я тотчас отправился на так называемую Митридатову гробницу (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи и только. Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал; луны не было; звезды блистали; передо мною в тумане тянулись полуденные горы..... «Вот Четырдаг», сказал мне капитан. Я не различил его, и не любопытствовал. Перед светом я заснул. Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин, татарских издали казались ульями, прилепленными к горам, тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-даг..... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный.....

В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и объедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равноду-

¹ Из Тамани в Керчь.

шием и беспечностью неаполитанского Lazzaroni. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я посещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество. Вот все, что пребывание мое в Юрзуфе

оставило у меня в памяти.

Я объехал полуденный берег, и путешествие М. оживило во мне много воспоминаний, но страшный переход его по скалам Кикенеиса не оставил ни малейшего следа в моей памяти. По горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чоезвычайно, и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом. Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! Сердце мое сжалось: я начал уже тосковать о милом полудне, хотя все еще находился в Тавриде, все еще видел и тополи и виноградные лозы. Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно мифологические предания счастливее для меня воспомина-

ний исторических, по крайней мере тут посетили меня рифмы. В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слыхал о странном памятнике влюбленного хана. K^{**} поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes. Вошед во дворец, увидел я испорченный фонтан; из варжавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевает, и на полуевропойские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по встхой

лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище:

Но не тем В то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М., я о нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался.

1824

цыганы.

Цыганы шумною толпой По Бессарабии кочуют. Они сегодня над рекой В шатрах изодранных ночуют. Как вольность весел их ночлег И мирный сон под небесами. Между колесами телег, Полу-завещенных коврами, Горит огонь; семья кругом Готовит ужин; в чистом поле Пасутся кони; за шатром Ручной медведь лежит на воле. Всё живо посреди степей: Заботы мирные семей, Готовых с утром в путь недальний, И песни жен и крик детей И звон походной наковайьни. Но вот на табор кочевой Нисходит сонное молчанье, И слышно в тишине степной Лишь лай собак, да коней ржанье. Огни везде погашены, Спокойно всё, дуна сияет Одна с небесной вышины И тихий табор озаряет. В шатре одном старик не спит: Он перед углями сидит, Согретый их последним жаром. И в поле дальное глядит, Ночным подернутое паром. Его молоденькая дочь Пошла гулять в пустынном поле. Она привыкла к резвой воле,

Она придет; но вот уж ночь И скоро месяц уж покинет Небес далеких облака; Земфиры нет как нет, и стынет Убогий ужин старика.

Но вот она. За нею следом По степи юноша спешит; Цыгану вовсе он неведом. «Отец мой», дева говорит, «Веду я гостя: за курганом Его в пустыне я нашла И в табор на ночь зазвала. Он хочет быть как мы цыганом; Его преследует закон, Но я ему подругой буду. Его зовут Алеко; он Готов итти за мною всюду.»

Старик.

Я рад. Останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш, привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле;
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедем;
Примись за промысел любой:
Железо куй, иль песни пой
И села обходи с медведем.

Алеко.

Я остаюсь.

Земфира.

Он будет мой: Кто ж от меня его отгонит? Но поздно... месяц молодой Зашел, поля покрыты мглой И сон меня невольно клонит...

Светло. Старик тихонько бродит Вокруг безмолвного шатра.

«Вставай, Земфира, солнце всходит, Проснись, мой гость, пора, пора! . Оставьте, дети, ложе неги.» И с шумом высыпал народ, Шатры разобраны, телеги Готовы двинуться в поход; Всё вместе тронулось: и вот Толпа валит в пустых равнинах. Ослы в перекидных корзинах Детей играющих несут; Мужья и братья, жены, девы, И стар и млад вослед идут; Крик, шум, цыганские припевы, Медведя рев, его цепей Нетерпеливое бряцанье, Лохмотьев ярких пестрота, Детей и старцев нагота, Собак и лай и завыванье, Волынки говор, скрып телег, Всё скудно, дико, всё нестройно; Но всё так живо-непокойно, Так чуждо мертвых наших нег, Так чуждо этой жизни праздной, Как песнь рабов, однообразной.

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает Ни заботы, ни труда, Хлопотливо не свивает Долговечного гнезда, В долгу ночь на ветке дремлет; Солнце красное взойдет, Птичка гласу бога внемлет, Встрепенется и поет. За весной, красой природы, Лето знойное пройдет — И туман и непогоды Осень поздняя несет:

Людям скучно, людям горе; Птичка в дальние страны, В теплый край, за сине море Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной И он, изгнанник перелетной, Гнезда надежного не знал И ни к чему не привыкал. Ему везде была дорога, Везде была ночлега сень; Проснувшись поутру, свой день Он отдавал на волю бога, И жизни не могла тревога Смутить его сердечну лень. Его порой волшебной славы Манила дальняя звезда, Неждано роскошь и забавы К нему являлись иногда; Над одинокой головою И гром не редко грохотал; Но он беспечно под грозою И в ведро ясное дремал. И жил, не признавая власти Судьбы коварной и слепой; Но, боже, как играли страсти Его послушною душой! С каким волнением кипели В его измученной груди! Давно ль, на долго ль усмирели? Они проснутся: погоди.

Земфира.

Скажи, мой друг, ты не жалеешь О том, что бросил навсегда?

Алеко.

Что ж бросил я?

Земфира.

. Ты разумеешь: Людей отчизны, города.

4 - -

Алеко.

О чем жалеть? Когда б ты знала, Когда бы ты воображала Неволю душных городов! Там люди в кучах, за оградой Не дышат утренней прохладой, Ни вешним запахом лугов; Любви стыдятся, мысли гонят, Торгуют волею своей, Главы пред идолами клонят И просят денег да цепей. Что бросил я? Измен волненье, Предрассуждений приговор, Толпы безумное гоненье Или блистательный позор.

Земфира.

Но там огромные палаты, Там разноцветные ковры, Там игры, шумные пиры, Уборы дев там так богаты!

Алеко.

Что шум веселий городских? Где нет любви, там нет веселий; А девы... Как ты лучше их И без нарядов дорогих, Без жемчугов, без ожерелий! Не изменись, мой нежный друг! А я... одно мое желанье С тобой делить любовь, досуг И добровольное изгнанье.

Старик.

Ты любишь нас, хоть и рожден Среди богатого народа; Но не всегда мила свобода Тому, кто к неге приучен. Меж нами есть одно преданье: Царем когда-то сослан был Полудня житель к нам в изгнанье. (Я прежде знал, но позабыл Его мудреное прозванье.) Он был уже летами стар,

Но млад и жив душой незлобной: Имел он песен дивный дар И голос, шуму вод подобной. И полюбили все его, И жил он на брегах Дуная, Не обижая никого. Людей рассказами пленяя. Не разумел он ничего, И слаб и робок был как дети; Чужие люди за него Зверей и рыб ловили в сети; Как мерзла быстрая река И зимни вихри бушевали, Пушистой кожей покрывали Они святого старика; Но он к заботам жизни бедной Привыкнуть никогда не мог; Скитался он иссохший, бледной, Он говорил, что гневный бог Его карал за преступленье, Он ждал: придет ли избавленье. И все несчастный тосковал, Бродя по берегам Дуная, Да горьки слезы проливал, Свой дальный град воспоминая, И завещал он умирая, Чтобы на юг перенесли Его тоскующие кости, И смертью — чуждой сей земли Не успокоенные гости.

Алеко.

Так вот судьба твоих сынов, О Рим, о громкая держава! Певец любви, певец богов, Скажи мне: что такое слава? Могильный гул, хвалебный глас, Из рода в роды звук бегущий Или под сенью дымной кущи Цыгана дикого рассказ?

Прошло два лета. Также бродят Цыганы мирною толпой; Везде, по прежнему, находят Гостеприимство и покой. Презрев оковы просвещенья,

Алеко волен как они: Он без забот и сожаленья Ведет кочующие дни. Всё тот же он, семья всё та же: Он поежних лет не помня даже. К бытью цыганскому привык. Он любит их ночлегов сени И упоенье вечной лени И бедный, звучный их язык. Медведь, беглец родной берлоги, Косматый гость его шатра, В селеньях, вдоль степной дороги Близ молдаванского двора Перед толпою осторожной И тяжко пляшет и ревет, И цепь докучную грызет. На посох опершись дорожной Старик лениво в бубны бьет, Алеко с пеньем зверя водит, Земфира поселян обходит И дань их вольную берет; Настанет ночь; они все трое Варят нежатое пшено: Старик уснум — и всё в покое... В шатре и тихо и темно.

Старик на вешнем солнце греет Уж остывающую кровь; У люльки дочь поет любовь. Алеко внемлет и бледнеет.

Земфира.

Старый муж, грозный муж, Режь меня, жги меня: Я тверда, не боюсь Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя, Презираю тебя; Я другого люблю, Умираю любя.

Алеко.

Молчи. Мне пенье надоело, эт диких песен не люблю. Земфира.

Не любишь? мне какое дело! Я песню для себя пою.

> Режь меня, жги меня; Не скажу ничего; Старый муж, грозный муж, Не узнаешь его.

Он свежее весны, Жарче летнего дня; Как он молод и смел! Как он любит меня!

Как ласкала его Я в ночной тишине! Как смеялись тогда Мы твоей седине!

Алеко.

Молчи, Земфира, я доволен...

Земфира.

Так понял песню ты мою?

Алеко.

Вемфира!...

Земфира.

Tы сердиться волен, Я песню про тебя пою.

(Уходит и поет: Старый муж и проч.)

Старик.

Так, помню, помню: песня эта Во время наше сложена, Уже давно в забаву света Поется меж людей она. Кочуя на степях Кагула, Ее бывало в зимню ночь Моя певала Мариула, Перед огнем качая дочь. В уме моем минувши лета

Час от часу темней, темней; Но заронилась песня эта Глубоко в памяти моей.

Всё тихо; ночь; луной украшен Лазурный юга небосклон, Старик Земфирой пробужден. «О мой отец, Алеко страшен: Послушай, сквозь тяжелый сон И стонет и рыдает он.»

Старик.

Не тронь его, храни молчанье. Слыхал я русское преданье: Теперь полуночной порой У спящего теснит дыханье Домашний дух; перед зарей Уходит он. Сиди со мной.

Земфира.

Огец мой! шепчет он: Земфира!

Старик.

Тебя он ищет и во сне: Ты для него дороже мира.

Земфира.

Его любовь постыла мне, Мне скучно, сердце воли просит, Уж я... но тише! слышишь? он Другое имя произносит.

Старик.

Чье имя?

Земфира.

Слышишь? хриплый стон И скрежет ярый!.. Как ужасно; Я разбужу его.

Старик.

Напрасно,

Ночного духа не гони; Уйдет и сам.

Земфира:

Он повернулся; Привстал; зовет меня; проснулся. Иду к нему. — Прощай, усни.

Алеко.

Где ты была?

Земфира.

С отцом сидела. Какой-то дух тебя томил, Во сне душа твоя терпела Мученья. Ты меня страшил: Ты сонный скрежетал зубами И гвал меня.

Алеко.

Мне снилась ты. Я видел, будто между нами..... Я видел страшные мечты.

Земфира.

Не верь лукавым сновиденьям.

Алеко

Ах, я не верю ничему: Ни снам, ни сладким увереньям, Ни даже сердцу твоему.

Старик.

О чем, безумец молодой, О чем вздыхаешь ты всечасно? Здесь люди вольны, небо ясно, И жены славятся красой. Не плачь, тоска тебя погубит.

Алеко.

Отец! она меня не любит.

О нет! когда б над бездной моря Нашел, я спящего врага, Клянусь, и тут моя нога Не пощадила бы злодея; Я в волны моря, не бледнея, И беззащитного б толкнул; Внезапный ужас пробужденья Свирепым смехом упрекнул, И долго мне его паденья Смешон и сладок был бы гул.

Молодой цыган. Еще одно, одно лобзанье!

Земфира.

Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган.

Одно.... но доле! на прощанье.

Земфира.

Прощай, покамест не пришел.

∐`ыган.

Скажи — когда ж опять свиданье?

Земфира.

Сегодня; как зайдет луна, Там, за курганом над могилой...

∐ыган.

Обманет! не придет она.

Земфира.

Беги — вот он. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме Виденье смутное играет; Он с криком пробудясь во тьме, Ревниво руку простирает;

Но обробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека.....
Он с трепетом привстал и внемлет...
Всё тихо: страх его объемлет,
По нем текут и жар и хлад;
Встает он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брежжет звезд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след ведет.

Могила на краю дороги Вдали белеет перед ним, Туда слабеющие ноги Влачит, предчувствием томим, Дрожат уста, дрожат колени, Йдет... и вдруг... иль это сон? Вдруг видит близкие две тени И близкий шопот слышит он Над обесславленной могилой.

1-й голос.

Пора —

2-й голос.

Постой!

1 - й голос. Пора, мой милый.

2-й голос.

Нет, нет! постой, дождемся дня.

1-й голос.

Уж поздно.

2-й голос.

Как ты робко любишь.

Минуту!

1-й голос

Ты меня погубишь.

. 2-й голос.

Минуту!

1-й голос.

Если без меня Проснется муж.....

Алеко.

Проснулся я. Куда вы? не спешите оба; Вам хорошо и здесь у гроба.

Земфира

Мой друг, беги, беги!

Алеко.

Постой!

Куда, красавец молодой? Лежи!

(Вонзает в него нож.)

Земфира.

Алеко!

∐ыган. Умираю!

Земфира.

Алеко! ты убьешь его! Вэгляни: ты весь обрызган кровью! О, что ты сделал?

Алеко

Аичего. Теперь дыши его любовью.

Земфира.

Нет, полно, не боюсь тебя, Твои угрозы презираю, Твое убийство проклинаю.

Алеко.

Умри ж и ты! (Поражает ее.)

> Земфира. Умру любя.

Восток, денницей озаренный, Сиял. Алеко за холмом. С ножом в руках, окровавленный Сидел на камне гробовом. Два трупа перед ними лежали; Убийца страшен был лицом; Цыганы робко окружали Его встревоженной толпой; Могилу в стороне копали. Шли жены скорбной чередой И в очи мертвых целовали. Старик отец один сидел И на погибшую глядел В немом бездействии печали; Подняли трупы, понесли И в лоно хладное земли Чету младую положили-Алеко издали смотрел На всё. Когда же их закрыли Последней горстию земной, Он молча, медленно склонился, И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приближась, рек: «Оставь нас, гордый человек! Мы дики, нет у нас законов, Мы не терзаем, не казним, Не нужно крови нам и стонов; Но жить с убийцей не хотим. Гы не рожден для дикой доли, Ты для себя лишь хочешь воли; Ужасен нам твой будет глас:

Мы робки и добры душою, Ты зол и смел; — оставь же нас, Прости! да будет мир с тобою.»

Сказал, и шумною толпою Поднялся табор кочевой С долины страшного ночлега, И скоро всё в дали степной Сокрылось. Лишь одна телега, Убогим крытая ковром, Стояла в поле роковом. Так иногда перед зимою, Туманной утренней порою Когда подъемлется с полей Станица поздних журавлей И с криком вдаль на юг несется, Пронзенный гибельным свинцом Один печально остается, Повиснув раненым крылом. Настала ночь; в телеге темной Огня никто не разложил, Никто под крышею подъемной До утра сном не опочил.

эпилог

Волшебной силой песнопенья В туманной памяти моей Так оживляются виденья То светлых, то печальных дней. В стране, где долго, долго брани Ужасный гул не умолкал, Где повелительные грани Стамбулу русский указал, Где старый наш орел двуглавый Еще шумит минувшей славой, Встречал я посреди степей Над рубежами древних станов Телеги мирные цыганов, Смиренной вольности детей.

Но счастья нет и между вами, Природы бедные сыны! И под издранными шатрами Живут мучительные сны, И ваши сени кочевые В пустынях не спаслись от бед, И всюду страсти роковые, И от судеб защиты нет.

1825

ГРАФ НУЛИН.

Пора, пора! рога трубят; Псари в охотничьих уборах Чем свет уж на конях сидят, Борзые прыгают на сворах. Выходит барин на крыльцо, Всё, подбочась, обозревает; Его довольное лицо Приятной важностью спяет. Чекмень затянутый на нем, Турецкий нож за кушаком, За пазухой во фляжке ром, И рог на бронзовой цепочке. В ночном чепце, в одном платочке, Глазами сонными жена Сердито смотрит из окна На сбор, на псарную тревогу. Вот мужу подвели коня; Он холку хвать и в стремя ногу, Кричит жене: не жди меня! И выезжает на дорогу.

В последних числах сентября (Презренной прозой говоря) В деревне скучно, грязь, ненастье Осенний ветер, мелкий снег, Да вой волков. Но то-то счастье Охотнику! не зная нег, В отъезжем поле он гарцует, Везде находит свой ночлег, Бранится, мокнет и пирует Опустошительный набег.

А что же делает супруга, Одна в отсутствии супруга? Занятий мало ль есть у ней? Грибы солить, кормить гусей, Заказывать обед и ужин, В анбар и в погреб заглянуть. Хозяйки глаз повсюду нужен: Он вмиг заметит что-нибудь.

К несчастью, героиня наша (Ах, я забыл ей имя дать! Муж просто звал ее Наташа, Но мы — мы будем называть Наталья Павловна), к несчастью, Наталья Павловна совсем Своей хозяйственною частью Не занималася, затем, Что не в отеческом законе Она воспитана была. А в благородном пансионе У эмигрантки Фальбала.

Она сидит перед окном;
Пред ней открыт четвертый том
Сентиментального романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей —
Роман классической, старинной,
Отменно длинной, длинной,
Нравоучительной и чинной,
Без романтических затей.

Наталья Павловна сначала Его внимательно читала, Но скоро как-то развлеклась Перед окном возникшей дракой Козла с дворовою собакой И ею тихо занялась. Кругом мальчишки хохотали; Меж тем печально под окном Индейки с криком выступали Вослед за мокрым петухом; Три утки полоскались в луже; Шла баба через грязный двор Белье повесить на забор; Погода становилась хуже: Казалось, снег итти хотел... Вдруг колокольчик зазвенел.

Кто долго жил в глуши печальной, Друзья, тот верно знает сам, Как сильно колокольчик дальной Порой волнует сердце нам. Не друг ли едет запоздалой, Товарищ юности удалой?... Уж не она ли?... Боже мой! Вот ближе, ближе. Сердце бьется. Но мимо, мимо звук несется, Слабей... и смолкнул за горой.

Наталья Павловна к балкону Бежит, обрадована звону, Глядит и видит: за рекой У мельницы коляска скачет, Вот на мосту — к нам точно... нет, Поворотила влево. Вслед Она глядит и чуть не плачет.

Но вдруг... о радость! косогор; Коляска на бок. — Филька! Васька! Кто там? скорей! Вон там коляска: Сейчас везти ее на двор И барина просить обедать! Да жив ли он?.. беги проведать! Скорей, скорей!

Слуга бежит. Наталья Павловна спешит Взбить пышный локон, шаль накинуть, Задернуть завес, стул подвинуть, И ждет: да скоро ль, мой творец! Вот едут, едут наконец. Забрызганный в дороге дальной, Опасно раненый, печальной Кой-как тащится экипаж; Вслед барин молодой хромает; Слуга-француз не унывает И говорит: allons, courage! 1 Вот у крыльца; вот в сени входят. Покамест барину теперь Покой особенный отводят И настежь отворяют дверь, Пока Picard шумит, хлопочет, И барин одеваться хочет, Сказать ли вам, кто он таков? Граф Нулин, из чужих краев, Где промотал он в вихре моды

¹ Вперед, смелей!

Свои грядущие доходы. Себя казать, как чудный зверь, В Петрополь едет он теперь С запасом фраков и жилетов, Шляп, вееров, плащей, корсетов, Булавок, запонок, лорнетов, Цветных платков, чулков à jour ¹ С ужасной книжкою Гизота, С тетрадью злых карикатур, С романом новым Вальтер-Скотта, С bons-mots ² парижского двора, С последней песней Беранжера, С мотивами Россини, Пера Et cetera, et cetera ³.

Уж стол накрыт; давно пора; Хозяйка ждет нетерпеливо; arDeltaверь отворилась, входит граф; Наталья Павловна, привстав, Осведомляется учтиво, Каков он? что нога его? Граф отвечает: ничего. Идут за стол; вот он садился, К ней подвигает свой прибор. И начинает разговор: Святую Русь бранит, дивится, Как можно жить в ее снегах, Жалеет о Париже страх. «А что театр?» — О! сиротеет, C'est bien mauvais ça fait pitié 4. Тальма совсем оглох, слабеет. И мамзель Марс, увы! стареет. За то Потье, le grand Potier! 5. Он славу прежнюю в народе Доныне поддержал один. — «Какой писатель ныне в моде?» — Всё d'Arlincourt и Ламартин.— «У нас им также подражают». — Нет! право? так у нас умы Уж развиваться начинают. Дай бог, чтоб просветились мы! — «Как тальи носят?». — Очень низко, Почти до... вот по этих пор. Позвольте видеть ваш убор: Так... рюши, банты, здесь узор;

¹ Ажурных.

² С острыми словечками.

⁸ И так далее, и так далее.

⁴ Очень плохо, грустно смотреть.

Беликий Потье!

Всё это к моде очень близко. — «Мы получаем Телеграф.» — Ага! хотите ли послушать Прелестный водевиль? — И граф Поет. «Да, граф, извольте ж кушать.» — Я сыт и так. —

Из за стола Встают. Хозяйка молодая Черезвычайно весела: Граф, о Париже забывая. Дивится, как она мила. Проходит вечер неприметно; Граф сам не свой; хозяйки взор То выражается приветно. То вдруг потуплен безответно. Глядишь — и полночь вдруг на двор. Давно храпит слуга в передней. Aавно поет петух соседний. В чугунну доску сторож бьет; В гостиной свечки догорели. Наталья Павловна встает: «Пора, прощайте! ждут постели. Приятный сон!»... С досадой встав, Полувлюбленный нежный граф Целует руку ей. И что же? Куда кокетство не ведет? Проказница — прости ей, боже! — Тихонько графу руку жмет.

Наталья Павловна раздета; Стоит Параша перед ней. Друзья мои! Параша эта Наперсница ее затей: Шьет, моет, вести переносит, Изношенных капотов просит, Порою с барином шалит, Порой на барина кричит, И лжет пред барыней отважно. Теперь она толкует важно О графе, о делах его, Не пропускает ничего — Бог весть, разведать как успела. Но госпожа ей наконец Сказала: полно, надоела! Спросила кофту и чепец, Легла и вытти вон велела.

Своим французом между тем $\mathcal U$ граф раздет уже совсем.

Ложится он, сигару просит, Monsieur Picard ему приносит Графин, серебряный стакан, Сигару, бронзовый светильник, Щипцы с пружиною, будильник Й неразрезанный роман.

В постели лежа, Вальтер-Скотта Глазами пробегает он. Но граф душевно развлечен: Неугомонная забота Его тревожит; мыслит он: Неужто вправду я влюблен? Что, если можно?... вот забавно; Однако ж это было б славно; Я, кажется, хозяйке мил — И Нулин свечку погасил.

Несносный жар его объемлет, Не спится графу — бес не дремлет И дразнит грешною мечтой В нем чувства. Пылкий наш герой Воображает очень живо Хозяйки взор красноречивой, Довольно круглый, полный стан, Приятный голос, прямо женский, Лица румянец деревенский — Здоровье краше всех румян. Он помнит кончик ножки нежной, Он помнит, точно, точно так, Она ему рукой небрежной Пожала руку; он дурак, Он должен бы остаться с нею, Ловить минутную затею. Но время не ушло: теперь Отворена конечно дверь — И тотчас, на плеча накинув Свой пестрый шелковый халат И стул в потемках опрокинув, В надежде сладостных наград, К Лукреции Тарквиний новый Отправился на всё готовый.

Так иногда лукавый кот, Жеманный баловень служанки, За мышью крадется с лежанки: Украдкой медленно идет, Полузажмурясь подступает, Свернется в ком, хвостом играет,

Разинет когти хитрых лап И вдруг бедняжку цап-царап.

Влюбленный граф в потемках бродит, Дорогу ощупью находит, Желаньем пламенным томим, Едва дыханье переводит, Трепещет, если пол под ним Вдруг заскрипит. Вот он подходит К заветной двери и слегка Жмет ручку медную замка; Дверь тихо, тихо уступает; Он смотрит: лампа чугь горит И бледно спальню освещает; Хозяйка мирно почивает, Иль притворяется, что спит.

Он входит, ищег, отступает — И вдруг упал к ее ногам. Она... Теперь с их позволенья Прошу я петербургских дам Представить ужас пробужденья Натальи Павловны моей И разрешить, что делать ей.

Она, открыв глаза большие, Глядит на графа — наш герой Ей сыплет чувства выписные И дерзновенною рукой Коснуться хочет одеяла, Совсем смутив ее сначала... Но вдруг опомнилась она. И честной гордости полна, А впрочем, может быть, и страха, Она Тарквинию с размаха Дает пощечину, да, да! Пощечину, да ведь какую!

Сгорел граф Нулин от стыда, Обиду проглотив такую; Не знаю, чем бы кончил он, Досадой страшною пылая, Но шпиц косматый, вдруг залая, Прервал Параши крепкий сон. Услышал граф ее походку И, проклиная свой ночлег И своенравную красотку, В постыдный обратился бег.

Как он, хозяйка и Параша Проводят остальную ночь, Воображайте, воля ваша! Я не намерен вам помочь.

Восстав поутру молчаливо, Граф одевается лениво, Отделкой розовых ногтей Зевая занялся небрежно, И галстук вяжет неприлежно, И мокрой щеткою своей Не гладит стриженых кудрей. О чем он думает, не знаю; Но вот его позвали к чаю. Что делать? Граф, преодолев Неловкий стыд и тайный гнев, Идет.

Проказница младая, Насмешливый потупя взор И губки алые кусая, Заводит скромно разговор О том, о сем. Сперва смущенный, Но постепенно ободренный, С улыбкой отвечает он. Получаса не проходило, Уж он и шутит очень мило, И чуть ли снова не влюблен. Вдруг шум в передней. Входят. Кто же? «Наташа, здравствуй».

— Ах, мой боже! Граф, вот мой муж. Душа моя, Граф Нулин. —

«Рад сердечно я. Какая скверная погода! У кузницы я видел ваш Совсем готовый экипаж. Наташа! там у огорода Мы затравили русака. Эй, водки! Граф, прошу отведать: Прислали нам издалека. Вы с нами будете обедать!» — Не знаю, право, я спешу. — «И, полно, граф, я вас прошу. Жена и я, гостям мы рады. 4 Нет, граф, останьтесь!»

Но с досады И все надежды потеряв, Упрямится печальный граф. Уж подкрепив себя стаканом,

Пикар кряхтит за чемоданом. Уже к коляске двое слуг Несут привинчивать сундук. К крыльцу подвезена коляска, Пикар всё скоро уложил, И граф уехал... Тем и сказка Могла бы кончиться, друзья; Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала, Жена всё мужу рассказала И подвиг графа моего Всему соседству описала. Но кто же более всего С Натальей Павловной смеялся? Не угадать вам. — Почему ж? Муж? — Как не так. Совсем не муж. Он очень этим оскорблялся, Он говорил, что граф дурак, Молокосос; что если так, То графа он визжать заставит, Что псами он его затравит. Смеялся Лидин, их сосед, Помещик двадцати трех лет.

Теперь мы можем справедливо Сказать, что в наши времена Супругу верная жена, Друзья мои, совсем не диво.

1826

ΠΟΛΤΑΒΑ.

посвящение.

Тебе — но голос музы темной Коснется ль уха твоего? Поймешь ли ты душою скромной Стремленье сердца мосго? Иль посвящение поэта, Как некогда его любовь, Перед тобою бев ответа Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мере, звуки, Бывало, милые тебе—
И думай, что во дни разлуки, В моей изменчивой судьбе, Твоя печальная пустыня, Последний звук твоих речей Одно сокровище, святыня, Одна любовь души моей.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Богат и славен Кочубей. ¹ Его луга необозримы; Там табуны его коней Пасутся вольны, нехранимы. Кругом Полтавы хутора ² Окружены его садами, И много у него добра, Мехов, атласа, серебра И на виду и под замками. Но Кочубей богат и горд

Не долгогривыми конями, Не златом, данью крымских орд, Не родовыми хуторами, Прекрасной дочерью своей Гордится старый Кочубей. 3

И то сказать: в Полтаве нет Красавицы, Марии равной. Она свежа, как вешний цвет, Взлелеянный в тени дубравной. Как тополь киевских высот, Она стройна. Ее движенья То лебедя пустынных вод Напоминают плавный ход, То лани быстрые стремленья. Как пена, грудь ее бела. Вокруг высокого чела, Как тучи, локоны чернеют. Звездой блестят ее глаза; Ее уста, как роза, рдеют. Но не единая краса (Мгновенный цвет!) молвою шумной В младой Марии почтена: Везде прославилась она Девицей скромной и разумной. За то завидных женихов Ей шлет Украйна и Россия: Но от венца, как от оков, Бежит пугливая Мария. Всем женихам отказ --- и вот За ней сам гетман сватов шлет. 1

Он стар. Он удручен годами, Войной, заботами, трудами; Но чувства в нем кипят, и вновь Мазепа ведает любовь.

Мгновенно сердце молодое Горит и гаснет. В нем любовь Проходит и приходит вновь, В нем чувство каждый день иное: Не столь послушно, не слегка, Не столь мгновенными страстями Пылает сердце старика, Окаменелое годами. Упорно, медленно оно В огне страстей раскалено; Но поздний жар уж не остынет И с жизнью лишь его покинет.

Не серна под утес уходит, Орла послыша тяжкий лет; Одна в сенях невеста бродит, Трепещет и решенья ждет.

И вся полна негодованьем К ней мать идет, и с содраганьем Схватив ей руку, говорит: «Бесстыдный! старец нечестивый! Возможно ль?... нет, пока мы живы, Нет! он греха не совершит. Он, должный быть отцом и другом Невинной крестницы своей... Безумец! на закате дней Он вздумал быть ее супругом.» Мария ездрогнула. Лицо Покрыла бледность гробовая, И охладев, как неживая, Упала дева на крыльцо.

Она опомнилась, но снова Закрыла очи — и ни слова Не говорит. Отец и мать Ей сердце ищут успокоить, Боязнь и горесть разогнать, Тревогу смутных дум устроить... Напрасно. Целые два дня, То молча плача, то стеня, Мария не пила, не ела, Шатаясь, бледная как тень, Не зная сна. На третий день Ее светлица опустела.

Никто не знал, когда и как
Она сокрылась. Лишь рыбак
Той ночью слышал конский топот,
Казачью речь и женский шопот,
И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Не только первый пух ланит Да русы кудри молодые, Порой и старца строгий вид, Рубцы чела, власы седые В воображенье красоты Влагают страстные мечты.

И вскоре слуха Кочубея Коснулась роковая весть:

Она забыла стыд и честь. Она в объятиях злодея! Какой позор! Отец и мать Молву не смеют понимать. Тогда лишь истина явилась С своей ужасной наготой. Тогда лишь только объяснилась Душа преступницы младой. Тогда лишь только стало явно. Зачем бежала своенравно Она семейственных оков, Томилась тайно, воздыхала И на приветы женихов Молчаньем гордым отвечала; Зачем так тихо за столом Она лишь гетману внимала, Когда беседа ликовала И чаша пенилась вином; Зачем она всегда певала Te песни, кои он слагал, 5 Когда он беден был и мал, Когда молва его не знала: Зачем с неженскою душой Она любила конный строй, И бранный звон литавр и клики Пред бунчуком и булавой Малороссийского владыки... 6

Богат и знатен Кочубей. Довольно у него друзей. Свою омыть он может славу. Он может возмутить Полтаву; Внезапно средь его дворца Он может мщением отца Постигнуть гордого злодея; Он может верною рукой Вонзить... но замысел иной Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора, Когда Россия молодая, В бореньях силы напрягая, Мужала с гением Петра. Суровый был в науке славы Ей дан учитель: не один Урок нежданный и кровавый Задал ей шведский паладин. Но в искушеньях долгой кары Перетерпев судеб удары,

Окрепла Русь. Так тяжкий млат, Дробя стекло, кует булат.

Венчанный славой бесполезной, Отважный Карл скользил над бездной. Он шел на древнюю Москву, Взметая русские дружины, Как вихорь гонит прах долины, И клонит пыльную траву. Он шел путем, где след оставил В дни наши новый, сильный враг, Когда падением ославил Муж рока свой попятный шаг. 7

Украйна глухо волновалась. Давно в ней искра разгоралась. arDeltaрузья кровавой старины Народной чаяли войны. Роптали, требуя кичливо, . Чтоб гетман узы их расторг, И Карла ждал нетерпеливо Их легкомысленный востоог. Вокруг Мазепы раздавался Мятежный крик: пора, пора! Но старый гетман оставался Послушным подданным Петра. Храня суровость обычайну, Спокойно ведал он Украйну. Молве, казалось, не внимал И равнодушно пировал.

«Что ж гетман?» юноши твердили, «Он изнемог; он слишком стар; Труды и годы угасили В нем прежний, деятельный жар. Зачем дрожащею рукою Еще он носит булаву? Теперь бы грянуть нам войною На ненавистную Москву! Когда бы старый Дорошенко, 8 Иль Самойлович молодой. 8 Иль наш Палей, 10 иль Гордеенко 11 Владели силой войсковой; Тогда б в снегах чужбины дальной Не погибали казаки, И Малороссии печальной Освобождались уж полки.» 12

Так, своеволием пылая, Роптала юность удалая,

Опасных алча перемен, Забыв отчизны давний плен, Богдана счастливые споры, Святые брани, договоры И славу дедовских времен. Но старость ходит осторожно И подозрительно глядит. Чего нельзя и что возможно. Еще не вдруг она решит. Кто снидет в глубину морскую. Покрытую недвижно льдом? Кто испытующим умом Проникнет бездну роковую Души коварной? Думы в ней, Плоды подавленных страстей, Лежат погружены глубоко. И замысел давнишних дней, Быть может, зреет одиноко. Как знать? Но чем Мазепа злей. Чем сердце в нем хитрей и ложней, Тем с виду он неосторожней И в обхождении простей. Как он умеет самовластно Сердца привлечь и разгадать, Умами править безопасно, Чужие тайны разрешать! С какой доверчивостью лживой, Как добродушно на пирах Со старцами старик болтливой Жалеет он о прошлых днях, Свободу славит с своевольным, Поносит власти с недовольным, С ожесточенным слезы льет, С глупцом разумну речь ведет! Не многим, может быть, известно, Что дух его неукротим, Что рад и честно и бесчестно Вредить он недругам своим; Что ни единой он обиды С тех пор как жив, не забывал. Что далеко преступны виды Старик надменный простирал; Что он не ведает святыни, Что он не помнит благостыни, Что он не любит ничего, Что кровь готов он лить как воду. Что презирает он свободу, Что нет отчизны для него.

Издавна умысел ужасный Взлелеял тайно злой старик В душе своей. Но взор опасный Враждебный взор его проник.

«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель!» Скрежеща мыслит Кочубей, «Я пощажу твою обитель, Темницу дочери моей; Ты не истлеешь средь пожара. Ты не издохнешь от удара Казачей сабли. Нет. злодей, В руках московских палачей, В крови, при тщетных отрицаньях, На дыбе, корчась в истязаньях, Ты проклянешь и день и час, Когда ты дочь крестил у нас, И пир, на коем чести чашу Тебе я полну наливал, И ночь, когда голубку нашу Ты, старый коршун, заклевал!...»

Так! было время: с Кочубеем Был друг Мазепа; в оны дни Как солью, хлебом и елеем, Делились чувствами они. Их кони по полям победы Скакали рядом сквозь огни; Нередко долгие беседы Наедине вели они — Пред Кочубеем гетман скрытной Души мятежной, ненасытной Отчасти бездну открывал И о грядущих измененьях, Переговорах, возмущеньях В речах неясных намекал. Так, было сердце Кочубея В то время предано ему. Но в горькой элобе свирепея, Теперь позыву одному Оно послушно; он голубит Едину мысль и день и ночь: Иль сам погибнет, иль погубит — Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу Он крепко в сердце затаил. «В бессильной горести, ко гробу Теперь он мысли устремил.

Он зла Мазепе не желает; Всему виновна дочь одна. Но он и дочери прощает: Пусть богу даст ответ она, Покрыв семью свою позором, Забыв и небо и закон...»

А между тем орлиным взором В кругу домашнем ищет он Себе товаришей отважных. Неколебимых, непродажных. Во всем открылся он жене: 13 Давно в глубокой тишине Уже донос он грозный копит, И гнева женского полна Нетерпеливая жена Супруга злобного торопит. В тиши ночной, на ложе сна, Как некий дух, ему она О мщеньи шепчет, укоряет, И слезы льет, и ободряет, И клятвы требует — и ей Клянется моачный Кочубей.

Удар обдуман. С Кочубеем Бесстрашный Искра 14 заодно. И оба мыслят: «одолеем; Врага паденье решено. Но кто ж, усердьем пламенея, Ревнуя к общему добру, Донос на мощного злодея Предубежденному Петру К ногам положит не робея?»

Между полтавских казаков, Презренных девою несчастной, Один с младенческих годов Ее любил любовью страстной. Вечерней, утренней порой, На берегу реки родной, В тени украинских черешен, Бывало, он Марию ждал, И ожиданием страдал, И краткой встречей был утешен. Он без надежд ее любил, Не докучал он ей мольбою: Отказа б он не пережил. Когда наехали толпою К ней женихи, из их рядов

Уныл и сир он удалился.
Когда же вдруг меж казаков
Позор Мариин огласился,
И беспощадная молва
Ее со смехом поразила;
И тут Мария сохранила
Над ним привычные права.
Но если кто хотя случайно
Пред ним Мазепу называл,
То он бледнел, терзаясь тайно,
И взоры в землю опускал.

Кто при звездах и при луне Так поздно едет на коне? Чей это конь неутомимой Бежит в степи необозримой?

Казак на север держит путь, Казак не хочет отдохнуть Ни в чистом поле, ни в дубраве, Ни при опасной переправе.

Как сткло булат его блестит, Мешок за пазухой звенит, Не спотыкаясь, конь ретивой Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца, Булат потеха молодца, Ретивый конь потеха тоже — Но шапка для него дороже.

За шапку он оставить рад Коня, червонцы и булат, Но выдаст шапку только с бою, И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит? Затем, что в ней донос зашит, Донос на гетмана злодея Царю Петру от Кочубея.

Грозы не чуя между тем, Неужасаемый ничем, Мазепа козни продолжает. С ним полномощный езуит 15 Мятеж народный учреждает И шаткий трон ему сулит. Во тьме ночной они как воры

Ведут свои переговоры. Измену ценят меж собой, Слагают цифр универсалов, Торгуют царской головой, Торгуют клятвами вассалов. Какой-то нищий во дворец Неведомо отколе ходит, И Орлик, ¹⁷ гетманов делец. Его приводит и выводит. Повсюду тайно сеют яд Его подосланные слуги: Там на Дону казачьи круги Они с Булавиным 18 мутят; Там будят диких орд отвагу: Там за порогами Днепра Стращают буйную ватагу Самодержавием Петра. Мазепа всюду взор кидает И письма шлет из края в край: Угрозой хитрой подымает Он на Москву Бахчисарай. Король ему в Варшаве внемлет, В стенах Очакова паша, Во стане Карл и царь. Не дремлет Его коварная душа; Он, думой думу развивая, Верней готовит свой удар; В нем не слабеет воля злая, Неутомим преступный жар.

Но как он вздрогнул, как воспрянул, Когда пред ним незапно грянул Упадший гром! когда ему, Врагу России самому, Вельможи русские 19 послали В Полтаве писанный донос И вместо праведных угроз, Как жертве, ласки расточали; И озабоченный войной, Гнушаясь мнимой клеветой, Донос оставя без вниманья, Сам царь Иуду утешал И злобу шумом наказанья Смирить надолго обещал!

'Мазепа в горести. притворной, К цорю возносит глас покорной. «И знает бог, и видит свет: Он бедный гетман двадцать лет

Царю служил душою верной; Его шедротою безмерной Осыпан, дивно вознесен... О, как слепа, безумна злоба!... Ему ль теперь у двери гроба Начать учение измен И потемнять благую славу? Не он ли помощь Станиславу 20 С негодованьем отказал, Стыдясь, отверг венец Украйны, И договор и письма тайны К царю, по долгу, отослал? Не он ли наущеньям хана ²¹ И цареградского салтана Был глух? Усердием горя, С врагами белого царя Умом и саблей рад был спорить, Трудов и жизни не жалел, И ныне злобный недруг смел Его седины опозорить! И кто же? Искра, Кочубей! Так долго быв его друзьями!... И с кровожадными слезами, В холодной дерзости своей. Их казни требует злодей... 22

Чьей казни?.. старец непреклонный! Чья дочь в объятиях его? Но хладно сердца своего Он заглушает ропот сонный. Он говорит: «в неравный спор Зачем вступает сей безумец? Он сам, надменный вольнодумец, Сам точит на себя топор. Куда бежит, зажавши вежды? На чем он основал надежды? Или... но дочери любовь Главы отцовской не искупит. Любовник гетману уступит, Не то моя прольется кровь.»

Мария, бедная Мария, Краса черкасских дочерей! Не знаешь ты, какого змия Ласкаешь на груди своей. Какой же властью непонятной К душе свирепой и развратной Так сильно ты привлечена? Кому ты в жертву отдана?

Его кудрявые седины, Его глубокие морщины, Его блестящий, впалый взор, Его лукавый разговор Тебе всего, всего дороже: Ты мать забыть для них могла, Соблазном посланное ложе Ты отчей сени поедпочла. Своими чудными очами Тебя старик заворожил, Своими тихими речами В тебе он совесть усыпил; Ты на него с благоговеньем Возводишь ослепленный взор, Его лелеешь с умиленьем — Тебе приятен твой позор, Ты им, в безумном упоеньи, Как целомудрием горда — Ты прелесть нежную стыда В своем утратила паденьи...

Что стыд Марии? что молва? Что для нее мирские пени, Когда склоняется в колени К ней старца гордая глава, Когда с ней гетман забывает Судьбы своей и труд и шум, Иль тайны смелых, грозных дум Ей, деве робкой, открывает? И дней невинных ей не жаль. И душу ей одна печаль Порой, как туча, затмевает: Она унылых пред собой Отца и мать воображает; Она, сквозь слезы, видит их В бездетной старости, одних, И мнится, пеням их внимает... О. если б ведала она, Что уж узнала вся Украйна! Но от нее сохранена Еще убийственная тайна.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мрачен. Ум его Смущен жестокими мечтами. Мария нежными очами Глядит на старца своего.

Она, обняв его колени, Слова любви ему твердит. Напрасно: черных помышлений Ее любовь не удалит. Пред бедной девой с невниманьем Он хладно потупляет взор. И ей на ласковый укор Одним ответствует молчаньем. Удивлена, оскорблена, Едва дыша, встает она И говорит с негодованьем:

«Послушай, гетман: для тебя Я позабыла всё на свете. Навек однажды полюбя, Одно имела я в предмете: Твою любовь. Я для нее Сгубила счастие мое, Но ни о чем я не жалею — Ты помнишь: в страшной тишине, В ту ночь, как стала я твоею, Меня любить ты клялся мне. Зачем же ты меня не любишь?»

Мазепа.

Мой друг, несправедлива ты. Оставь безумные мечты; Ты подозреньем сердце губишь: Нет, душу пылкую твою Волнуют, ослепляют страсти. Мария, верь: тебя люблю Я больше славы, больше власти.

Мария.

Неправда: ты со мной хитришь. Давно ль мы были неразлучны? Теперь ты ласк моих бежишь; Теперь они тебе докучны; Ты целый день в кругу старшин, В пирах, разъездах — я забыта; Ты долгой ночью иль один, Иль с нищим, иль у езуита. Любовь смиренная моя Встречает хладную суровость. Ты пил недавно, знаю я, Здоровье Дульской. Это новость; Кто эта Дульская?

Мазепа.

Иты

Ревнива? Мне ль, в мои ли лета Искать надменного привета Самолюбивой красоты? И стану ль я, старик суровый, Как праздный юноша, вэдыхать, Влачить позорные оковы И жен притворством искушать?

Мария.

Нет, об'яснись без отговорок И просто, прямо отвечай.

Мазепа.

Покой души твоей мне дорог, Мария; так и быть: узнай.

Давно замыслили мы дело; Теперь оно кипит у нас. Благое время нам приспело; Борьбы великой близок час. Без милой вольности и славы Склоняли долго мы главы Под покровительством Варшавы Под самовластием Москвы. Но независимой державой Украйне быть уже пора: И знамя вольности кровавой Я подымаю на Петра. Готово всё: в переговорах Со мною оба короля; И скоро в смутах, в бранных спорах, Быть может, трон воздвигну я. $A_{\text{рузей надежных я имею:}}$ Княгиня Дульская и с нею Мой езуит, да нищий сей К концу мой замысел приводят. Чрез руки их ко мне доходят Наказы, письма королей. Вот важные тебе признанья. Довольна ль ты? Твои мечтанья Рассеяны ль?

Мария.

О, милый мой, Ты будешь царь земли родной! Твоим сединам как пристанет Корона царская! Мазепа.

Постой, Не всё свершилось. Буря грянет; Кто может знать, что ждет меня?

Мария.

Я близ тебя не знаю страха — Ты так могущ! О, знаю я: Трон ждет тебя.

Мазепа.

А если плаха?..

Мария.

С тобой на плаху, если так. Ах, пережить тебя могу ли? Но нет: ты носишь власти знак.

Мазепа.

Меня ты любишь?

Мария.

Я! люблю ли?

Мазепа.

Скажи: отец или супруг Тебе дороже?

Мария.

Милый друг, К чему вопрос такой? тревожит Меня напрасно он. Семью Стараюсь я забыть мою. Я стала ей в позор; быть может, (Какая страшная мечта!) Моим отцом я проклята,

А за кого?

Мазепа.

Так я дороже Тебе отца? Молчишь...

Мария.

О боже!

Мазепа

Что ж? отвечай.

١

Мария.

Реши ты сам.

Мазепа.

Послушай: если было б нам, Ему иль мне, погибнуть надо, А ты бы нам судьей была, Кого б ты в жертву принесла, Кому бы ты была ограда?

Мария.

Ах, полно! Сердце не смущай! Ты искуситель.

Мазепа.

Отвечай!

Мария.

Ты бледен; речь твоя сурова... О, не сердись! всем, всем готова Тебе я жертвовать, поверь; Но страшны мне слова такие. Довольно.

Мазепа.

Помни же, Мария, Что ты сказала мне теперь.

Тиха украинская ночь.
Ірозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой-Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо всё кругом;
Но в замке шопот и смятенье.
В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышленье,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

Заутра казнь. Но без боязни Он мыслит об ужасной казни; О жизни не жалеет он. Что смерть ему? желанный сон.

Готов он лечь во гроб кровавый. Дрема долит. Но, боже правый! К ногам злодея, молча, пасть Как бессловесное созданье, Царем быть отдану во власть Врагу царя на поруганье, Утратить жизнь — и с нею честь, Друзей с собой на плаху весть, Над гробом слышать их проклятья, Ложась безвинным под топор, Врага веселый встретить взор И смерти кинуться в объятья, Не завещая никому

И вспомнил он свою Полтаву, Обычный круг семьи, друзей, Минувших дней богатство, славу, И песни дочери своей, И старый дом, где он родился, Где знал и труд и мирный сон, И всё, чем в жизни насладился, Что добровольно бросил он, И для чего? —

Но ключ в заржавом Замке гремит — и пробужден Несчастный думает: вот он! Вот на пути моем кровавом Мой вождь под знаменем креста, Грехов могущий разрешитель, Духовной скорби врач, служитель За нас распятого Христа, Его святую кровь и тело Принесший мне, да укреплюсь, Да приступлю ко смерти смело И жизни вечной приобщусь!

И с сокрушением сердечным Готов несчастный Кочубей Перед всесильным, бесконечным Излить тоску мольбы своей. Но не отшельника святого, Он гостя узнает иного: Свирепый Орлик перед ним. И отвращением томим, Страдалец горько вопрошает: «Ты здесь, жестокий человек? Зачем последний мой ночлег Егге Мазепа возмущает?»

1

Орлик.

Допрос не кончен: отвечай.

Кочубей.

Я отвечал уже: ступай, Оставь меня.

Орлик.

Еще признанья Пан гетман требует.

Кочубей

Но в чем? Давно сознался я во всем, Что вы хотели. Показанья Мои все ложны. Я лукав, Я строю козни. Гетман прав. Чего вам более?

Орлик.

Мы знаем, Что ты несчетно был богат; Мы знаем: не единый клад Тобой в Диканьке ²³ укрываем. Свершиться казнь твоя должна; Твое имение сполна В казну поступит войсковую — Таков закон. Я указую Тебе последний долг: открой, Где клады, скрытые тобой?

Кочубей.

Так, не ошиблись вы: три клада В сей жизни были мне отрада. И первый клад мой честь была, Клад этот пытка отняла; Другой был клад невозвратимый Честь дочери моей любимой. Я день и ночь над ним дрожал: Мазепа этот клад украл. Но сохранил я клад последний, Мой третий клад: святую месть. Ее готовлюсь богу снесть.

Орлик.

Старик, оставь пустые бредни: Сегодня покидая свет, Питайся мыслию суровой. Шутить не время. Дай ответ, Когда не хочешь пытки новой: Где спрятал деньги?

Кочубей.

Злой холоп! Окончишь ли допрос нелепой? Повремени: дай лечь мне в гроб, Тогда ступай себе с Мазепой Мое наследие считать Окровавленными перстами, Мои подвалы разрывать, Рубить и жечь сады с домами. С собой возьмите дочь мою; Она сама вам всё расскажет, Сама все клады вам укажет; Но ради господа молю, Теперь оставь меня в покое.

Орлик.

Где спрятал деньги? укажи. Не хочешь? — Деньги где? скажи, Иль выйдет следствие плохое. Подумай: место нам назначь. Молчишь? — Ну, в пытку. Гей, палач! 24

Палач вошел....

О. ночь мучений! Но где же гетман? где элодей? Куда бежал от угрызений Зменной совести своей? В светлице девы усыпленной, Еще незнанием блаженной, Близь ложа крестницы младой Сидит с поникшею главой Мазепа тихий и угрюмый. В его душе проходят думы, Одна другой мрачней, мрачней. «Умрет безумный Кочубей; Спасти нельзя его. Чем ближе Цель гетмана, тем тверже он Быть должен властью облечен. Тем перед ним склоняться ниже Должна вражда. Спасенья нет: Доносчик и его клеврет Умрут». Но брося взор на ложе, Мазепа думает: «о боже! Что будет с ней, когда она Услышит слово роковое?

Досель она еще в покое — Но тайна быть сохранена Не может долее. Секира Упав поутру, загремит По всей Украйне. Голос мира Вокруг нее заговорит!... Ах, вижу я: кому судьбою Волненья жизни суждены, Тот стой один перед грозою, Не призывай к себе жены. В одну телегу впрячь неможно Коня и трепетную лань. Забылся я неосторожно: Теперь плачу безумства дань... Всё, что цены себе не знает, Всё, всё, чем жизнь мила бывает, Бедняжка принесла мне в дар, Мне, старцу мрачному, — и что же? Какой готовлю ей удар! — » И он глядит: на тихом ложе Как сладок юности покой! Как сон ее лелеет нежно! Уста раскрылись; безмятежно Дыханье груди молодой; А завтра, завтра... содрогаясь Мазепа отвращает взгляд, Встает и тихо пробираясь В уединенный сходит сад.

Тиха украинская ночь. Прозрачно небо. Звезды блещут. Своей дремоты превозмочь Не хочет воздух. Чуть трепещут Сребристых тополей листы. Но мрачны странные мечты В душе Мазепы: звезды ночи, Как обвинительные очи, За ним насмешливо глядят. И тополи, стеснившись в ряд, Качая тихо головою, Как судьи, шепчут меж собою. И летней, теплой ночи тьма Душна, как черная тюрьма.

Вдруг... слабый крик... невнятный стон Как бы из замка слышит он. То был ли сон воображенья, — Иль плач совы, иль зверя вой, Иль пытки стон, иль звук иной —

Но только своего волненья Преодолеть не мог старик И на протяжный слабый крик Другим ответствовал — тем криком, Которым он в весельи диком Поля сраженья оглашал, Когда с Забелой, с Гамалеем, И — с ним... и с этим Кочубеем Он в бранном пламени скакал.

Зари багряной полоса Объемлет ярко небеса. Блеснули долы, холмы, нивы, Вершины рощ и волны рек. Раздался утра шум игривый, И пробудился человек.

Еще Мария сладко дышит, Дремой объятая, и слышит Сквозь легкий сон, что кто-то к ней Вошел и ног ее коснулся. Она проснулась — но скорей С улыбкой взор ее сомкнулся От блеска утренних лучей. Мария руки протянула И с негой томною шепнула: «Мазепа, ты?...» Но голос ей Иной ответствует... о боже! Вздрогнув, она глядит... и что же? Пред нею мать...

Мать.

Молчи, молчи;

Не погуби нас: я в ночи Сюда прокралась осторожно С единой, слезною мольбой. Сегодня казнь. Тебе одной Свирепство их смягчить возможно. Спаси отца.

Дочь, в ужасе.

Какой отец?

Какая казнь?

Мать.

Иль ты доныне Не знаешь?.. нет! ты не в пустыне, Ты во дворце; ты знать должна, Как сила гетмана грозна,

Как он врагов своих карает. Как государь ему внимает — Но вижу: скорбную семью Ты отвергаешь для Мазепы; Тебя я сонну застаю, Когда свершают суд свиреный. Когда читают приговор, Когда готов отцу топор — Друг другу, вижу, мы чужие... Опомнись, дочь моя! Мария, Беги, пади к его ногам, Спаси отца, будь ангел нам: Твой взгляд злодеям руки свяжет, Ты можешь их топор отвесть. Рвись, требуй — гетман не откажет: Ты для него забыла честь, Родных и бога.

Дочь.

Что со мною?
Отец... Мазепа... казнь — с мольбою Здесь, в этом замке мать моя — Нет, иль ума лишилась я, Иль это грезы.

Мать.

Бог с тобою. Нет, нет — не грезы, не мечты. Ужель еще не знаешь ты, Что твой отец ожесточенный Бесчестья дочери не снес И. жаждой мести увлеченный, Царю на гетмана донес — Что в истязаниях кровавых Сознался в умыслах лукавых, В стыде безумной клеветы, Что, жертва смелой правоты, Врагу он выдан головою, Что пред громадой войсковою, Когда его не осенит Десница вышняя господня, Он должен быть казнен сегодия, Что здесь покамест он сидит В тюремной башне.

Дочь.

Боже, боже!.. Сегодня! — бедный мой отец! И дева падает на ложе, Как хладный падает мертвец.

Пестреют шанки. Копья блещут. Бьют в бубны. Скачут сердюки В строях ровняются полки. Толпы кипят. Сердца трепещут $oxedsymbol{arDelta}$ орога, как змеиный хвост, Полна народу, шевелится, Средь поля роковой намост На нем гуляет, веселится Палач и алчно жертвы ждет• То в руки белые берет Играючи, топор тяжелой, То шутит с чернию веселой. В гремучий говор всё слилось: Крик женский, брань, и смех, и ропот. Вдруг восклицанье раздалось И смолкло всё. Лишь конский топот Был слышен в грозной тишине. Там, окруженный сердюками, Вельможный гетман с старшинами Скакал на вороном коне. А там по киевской дороге Телега ехала. В тревоге Все взоры обратили к ней. В ней, с миром, с небом примиренный, Могущей верой укрепленный, Сидел безвинный Кочубей, С ним Искра, тихий, равнодушный. Как агнец, жребию послушный. Телега стала. Раздалось Моленье ликов громогласных С кадил куренье поднялось. За упокой души несчастных Безмолвно молится народ, Страдальцы — за врагов. И вот Идут они, взошли. На плаху, Крестясь, ложится Кочубей. Как будто в гробе, тьмы людей Молчат, Топор блеснул с размаху. И отскочила голова. Всё поле охнуло Другая Катится вслед за ней, мигая. Зарделась кровию трава — И сердцем радуясь во злобе Палач за чуб поймал их обе И напряженною рукой Потряс их обе над толпой.

Свершилась казнь. Народ беспечный Идет, рассыпавшись, домой И про свои работы вечны Уже толкует меж собой. Пустеет поле понемногу Тогда чрез пеструю дорогу Перебежали две жены. Утомлены, запылены, Они, казалось, к месту казни Спешили полные боязни. «Уж поздно», кто-то им сказал И в поле перстом указал. Там роковой намост ломали, Молился в черных ризах поп, И на телегу подымали

Один пред конною толпой Мазепа, грозен, удалялся От места казни. Он терзался Какой-то страшной пустотой. Никто к нему не приближался, Не говорил он ничего: Весь в пене мчался конь его. Домой приехав, «что Мария?» Спросил Мазепа. Слышит он Ответы робкие, глухие... Невольным страхом поражен. Идет он к ней; в светлицу входит: Светлица тихая пуста — Он в сад, и там смятенный бродит; Но вкруг широкого пруда, В кустах, вдоль сеней безмятежных Все пусто, нет нигде следов — Ушла! — Зовет он слуг надежных, Своих проворных сердюков. Они бегут. Храпят их кони -Раздался дикий крик погони Верхом — и скачут молодцы Во весь опор, во все концы.

Бегут мгновенья дорогия, Не возвращается Мария. Никто не ведал, не слыхал, Зачем и как она бежала — Мазепа молча скрежетал. Затихнув, челядь трепетала. В груди кипучий яд нося, В светлице гетман заперся.

Близ ложа там во мраке ночи, Сидел он, не смыкая очи, Нездешней мукою томим. Поутру, посланные слуги Один явились за другим. Чуть кони двигались. Подпруги, Подковы, узды, чепраки, Всё было пеною покрыто, В крови, растеряно, избито — Но не один ему принесть Не мог о бедной деве весть. И след ее существованья Пропал как будто звук пустой, И мать офна во мрак изгнанья Умчала горе с нищетой.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ.

'Души глубокая печаль Стремиться дерзновенно в даль Вождю Украйны не мешает. Твердея в умысле своем, Он с гордым шведским королем Свои сношенья продолжает. Меж тем, чтоб обмануть верней Глаза враждебного сомненья, Он, окружась толпой врачей, На ложе мнимого мученья Стоная молит исцеленья. Плоды страстей, войны, трудов, Болезни, дряхлость и печали, Предтечи смерти, приковали Его к одру. Уже готов Он скоро бренный мир оставить; Святой обряд он хочет править. Он архипастыря зовет К одру сомнительной кончины: И на коварные седины Елей таинственный течет.

Но время шло. Москва напрасно К себе гостей ждала всечасно, Средь старых, вражеских могил Готовя шведам тризну тайну. Незапно Карл поворотил И перенес войну в Украйну.

И день настал. Встает с одра Мазепа, сей страдалец хилой, Сей труп живой, еще вчера Стонавший слабо над могилой. Теперь он мощный враг Петра. Теперь он, бодрый, пред полками Сверкает гордыми очами И саблей машет — и к Десне Проворно мчится на коне. Согбенный тяжко жизнью старой, Так оный хитрый кардинал, Венчавшись римскою тиарой, И прям, и здрав, и молод стал.

И весть на крыльях полетела. Украйна смутно зашумела. «Он перешел, он изменил, К ногам он Карлу положил Бунчук, покорный». Пламя пышет, Встает кровавая заря Войны народной.

Кто опишет Негодованье, гнев царя? 26 Гремит анафема в соборах; Мазепы лик терзает кат. 27 На шумной раде, в вольных спорах A_{ρ} угого гетмана творят. С брегов пустынных Енисея Семейства Искры, Кочубея Поспешно призваны Петром. Он с ними слезы проливает. Он их. лаская, осыпает И новой честью и добром. Мазепы враг, наездник пылкий, Старик Палей из мрака ссылки В Украйну едет в царский стан. Трепещет бунт осиротелой. На плахе гибнет Чечель 28 смелой И запорожский атаман. И ты, любовник бранной славы, Для шлема кинувший венец, Твой близок день, ты вал Полтавы Вдали завидел наконец.

И царь туда ж помчал дружины. Они как буря притекли — И оба стана средь равнины Друг друга хитро облегли: Нераз избитый в схватке смелой, Заране кровью опьянелый, С бойцом желанным наконец

Так грозный сходится боец.
И злобясь видит Карл могучий Уж не расстроенные тучи Несчастных нарвских беглецов, А нить полков блестящих, стройных, Послушных, быстрых и спокойных, И ряд незыблемый штыков.

Но он решил: заутра бой. Глубокий сон во стане шведа. Лишь под палаткою одной Ведется шопотом беседа.

«Нет, вижу я, нет, Орлик мой, Поторопились мы не кстати: Расчет и дерзкий и плохой, И в нем не будет благодати. Пропала, видно, цель моя. Что делать? дал я промах важный: Ошибся в этом Карле я. Он мальчик бойкий и отважный; Два-три сраженья разыграть, Конечно, может он с успехом, К врагу на ужин прискакать, 28 Ответствовать на бомбу смехом: 80 Не хуже русского стрелка Прокрасться в ночь ко вражью стану; Свалить как нынче казака И обменять на рану рану; 81 Но не ему вести борьбу С самодержавным великаном: Как полк, вертеться он судьбу Принудить хочет барабаном; Он слеп, упрям, нетерпелив, И легкомыслен, и кичлив, Бог весть какому счастью верит; Он силы новые врага Успехом прошлым только мерит ---Сломить ему свои рога. Стыжусь: воинственным бродягой Увлекся я на старость лет; Был ослеплен его отвагой И беглым счастием побед, Как дева робкая».

Орлик.

Сраженья Дождемся. Время не ушло С Петром опять войти в сношенья:

Еще поправить можно зло. Разбитый нами, нет сомненья, Царь не отвергнет примиренья.

Мазепа.

Нет, поздно. Русскому царю Со мной мириться невозможно. Давно решилась непреложно Моя судьба. Давно горю Стесненной злобой. Под Азовым Однажды я с царем суровым Во ставке ночью пировал: Полны вином кипели чаши, Кипели с ними речи наши. Я слово смелое сказал. Смутились гости молодые — • Царь, вспыхнув, чашу уронил И за усы мои седые Меня с угрозой ухватил. Тогда, смирясь в бессильном гневе, Отмстить себе я клятву дал; Носил ее — как мать во чреве Младенца носит. Срок настал. Так, обо мне воспоминанье Хранить он будет до конца. Петру я послан в наказанье; Я терн в листах его венца: Он дал бы грады родовые И жизни лучшие часы, Чтоб снова как во дни былые Держать Мазепу за усы. Но есть еще для нас надежды: Кому бежать, решит заря.

Умолк и закрывает вежды Изменник русского царя.

Горит восток зарею новой. Уж на равнине, по холмам Грохочут пушки. Дым багровой Кругами всходит к небесам Навстречу утренним лучам. Полки ряды свои сомкнули. В кустах рассыпались стрелки. Катятся ядра, свищут пули; Нависли хладные штыки. Сыны любимые победы, Сквозь огнь окопов рвутся шведы; Волнуясь, конница летит;

Пехота движется за нею И тяжкой твердостью своею Ее стремления крепит. И битвы поле роковое Гремит, пылает здесь и там: Но явно счастье боевое Служить уж начинает нам. Пальбой отбитые дружины, Мешаясь, падают во прах. Уходит Розен сквозь теснины; Сдается пылкий Шлипенбах. Тесним мы шведов рать за ратью; Темнеет слава их знамен, И бога браней благодатью Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то свыше вдохновенный Раздался звучный глас Петра: «За дело, с богом!» Из шатра, Толпой любимцев окруженный, Выходит Петр. Его глаза Сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен, Он весь, как божия гроза. Идет. Ему коня подводят. Ретив и смирен верный конь. Почуя роковой огонь, Дрожит. Глазами косо водит И мчится в прахе боевом, Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает. Как пахарь, битва отдыхает. Кой-где гарцуют казаки. Ровняясь строятся полки. Молчит музыка боевая. На холмах пушки присмирев Прервали свой голодный рев. И се — равнину оглашая Далече грянуло ура: Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками, Могущ и радостен как бой. Он поле пожирал очами. За ним вослед неслись толпой Сии птенцы гнезда петрова — В пременах жребия земного, В трудах державства и войны

Его товарищи, сыны: И Шереметев благородный, И Брюс, и Боур, и Репнин, И, счастья баловень безродный, Полудержавный властелин.

И перед синими рядами Своих воинственных дружин, Несомый верными слугами, В качалке, бледен, недвижим, Страдая раной, Карл явился. Вожди героя шли за ним. Он в думу тихо погрузился. Смущенный взор изобразил Необычайное волненье. Казалось, Карла приводил Желанный бой в недоуменье... Вдруг слабым манием руки На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины Сошлись в дыму среди равнины: И грянул бой, Полтавский бой! В огне, под градом раскаленным, Стеной живою отраженным, Над падшим строем свежий строй Штыки смыкает. Тяжкой тучей Отряды конницы летучей, Браздами, саблями звуча, Сшибаясь, рубятся с плеча. Бросая груды тел на груду, Шары чугунные повсюду Меж ними прыгают, разят, Прах роют и в крови шипят. Швед, русский — колет, рубит, режет. Бой барабанный, клики, скрежет. Гром пушек, топот, ржанье, стон, И смерть и ад со всех сторон.

Среди тревоги и волненья, На битву взором вдохновенья, Вожди спокойные глядят, Движенья ратные следят, Предвидят гибель и победу, И в тишине ведут беседу. Но близ московского царя Кто воин сей под сединами? Двумя поддержан казаками, Сердечной ревностью горя,

Он оком опытным героя
Взирает на волненье боя.
Уж на коня не вскочит он,
Одрях в изгнанье сиротея,
И казаки на клич Палея
Не налетят со всех сторон!
Но что ж его сверкнули очи,
И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль он, сквозь бранный дым, увидел
Врага Мазепу, и в сей миг
Свои лета возненавидел
Обезоруженный старик?

Мазепа, в думу погруженный, Взирал на битву, окруженный Толпой мятежных казаков. Родных, старшин и сердюков, Вдруг выстрел. Старец обратился. У Войнаровского в руках Мушкетный ствол еще дымился Сраженный в нескольких шагах, Младой казак в крови валялся. А конь, весь в пене и пыли, Почуя волю, дико мчался, Скрываясь в огненной дали. Казак на гетмана стремился Сквозь битву с саблею в руках, С безумной яростью в очах. Старик, подъехав, обратился К нему с вопросом. Но казак Уж умирал. Потухший зрак Еще грозил врагу России; Был мрачен помертвелый лик. И имя нежное Марии Чуть лепетал еще язык. Но близок, близок миг победы Ура! мы ломим; гнутся шведы. О славный час! о славный вид! Еще напор — и враг бежит: 82 И следом конница пустилась. Убийством тупятся мечи, И падшими вся степь покрылась Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд и ясен И славы полон взор его. И царский пир его прекрасен.

При кликах войска своего, В шатре своем он угощает Своих вождей, вождей чужих, И славных пленников ласкает, И за учителей своих Заздравный кубок поднимает.

Но где же первый, званый гость? Где первый, грозный наш учитель, Чью долговременную злость Смирил полтавский победитель? И где ж Мазепа? где злодей? Куда бежал Иуда в страхе?, Зачем король не меж гостей? Зачем изменник не на плахе? 88

Верхом, в глуши степей нагих, Король и гетман мчатся оба. Бегут. Судьба связала их. Опасность близкая и злоба Даруют силу королю. Он рану тяжкую свою Забыл. Поникнув головою, Он скачет, русскими гоним, И слуги верные толпою Чуть могут следовать за ним.

Обозревая зорким взглядом Степей широкий полукруг, С ним старый гетман скачет рядом. Пред ними хутор... Что же вдруг Мазепа будто испугался? Что мимо хутора помчался Он стороной во весь опор? Иль этот запустелый двор, И дом, и сад уединенный, И в поле отпертая дверь Какой нибудь рассказ забвенный Ему напомнили теперь? Святой невинности губитель! Узнал ли ты сию обитель, Сей дом, веселый прежде дом, Где ты, вином разгоряченный, Семьей счастливой окруженный, Шутил бывало за столом? Узнал ли ты приют укромный, Где мирный ангел обитал, И сад, откуда ночью тёмной Ты вывел в степь... Узнал, узнал!

Ночные тени степь объемлют. На бреге синего Днепра Между скалами чутко дремлют Враги России и Петра. Шадят мечты покой героя. Урон Полтавы он забыл. Но сон Мазепы смутен был. В нем мрачный дух не знал покоя. И вдруг в безмолвии ночном Его зовут. Он пробудился. Глядит: над ним, грозя перстом, Тихонько кто-то наклонился. Он вздрогнул как под топором... Пред ним с развитыми власами, Сверкая впалыми глазами, Вся в рубище, худа, бледна, Стоит, луной освещена... «Иль это сон?.. Мария... ты ли?»

Мария.

Ах, тише, тише, друг!.. Сейчас Отец и мать глаза закрыли... Постой... услышать могут нас.

Мазепа.

Мария, бедная Мария! Опомнись! Боже!.. Что с тобой?

Мария

Послушай: хитрости какие! Что за рассказ у них смешной? Она за тайну мне сказала, Что умер бедный мой отец, И мне тихонько показала Седую голову — творец! Куда бежать нам от злоречья? Подумай: эта голова Была совсем не человечья, А волчья — видишь: какова! Чем обмануть меня хотела! Не стыдно ль ей меня терзать? И для чего? чтоб я не смела С тобой сегодня убежать! Возможно ль?

С горестью глубокой Любовник ей внимал жестокой. Но, вихрю мыслей предана, «Однако ж», говорит она,

«Я помню поле... праздник шумной... И чернь... и мертвые тела... На праздник мать меня вела... Но где ж ты был?.. С тобою розно Зачем в ночи скитаюсь я? Пойдем домой. Скорей... уж поздно. Ах, вижу, голова моя Полна волнения пустого: Я принимала за другого Тебя, старик. Оставь меня. Твой взор насмешлив и ужасен. Ты безобразен. Он прекрасен: В его глазах блестит любовь, В его речах такая нега! Его усы белее снега, А на твоих засохла кровь».

И с диким смехом завизжала, И легче серны молодой Она вспрыгнула, побежала И скрылась в темноте ночной.

Редела тень. Восток алел. Огонь казачий пламенел. Пшеницу казаки варили; Драбанты у брегу Днепра Коней расседланных поили. Проснулся Карл. «Ого! пора! Вставай, Мазепа. Рассветает». Но гетман уж не спит давно. Тоска, тоска его снедает; В груди дыханье стеснено. И молча он коня седлает, И скачет с беглым королем, И страшно взор его сверкает, С родным прощаясь рубежом.

Прошло сто лет — и что ж осталось От сильных, гордых сих мужей, Столь полных волею страстей? Их поколенье миновалось — И с ним исчез кровавый след Усилий, бедствий и побед. В гражданстве северной державы,

В ее воинственной судьбе, Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, Огромный памятник себе. В стране — где мельниц ряд крылатый Оградой мирной обступил Бендер пустынные раскаты, Где бродят буйволы рогаты Вокруг воинственных могил — Останки разоренной сени, Тои углубленные в земле И мхом поросшие ступени Гласят о шведском короле. С них отражал герой безумный, Один в толпе домашних слуг, Турецкой рати приступ шумный, И бросил шпагу под бунчук; И тщетно там пришлец унылый Искал бы гетманской могилы: Забыт Мазепа с давних пор; Лишь в торжествующей святыне Раз в год анафемой доныне, Грозя, гремит о нем Собор. Но сохранилася могила, Где двух страдальцев прах почил: Меж доевних праведных могил Их мирно церковь приютила. 84 Цветет в Диканьке древний ряд Дубов, друзьями насажденных; Они о праотцаж казненных Доныне внукам говорят. Но дочь преступница... преданья Об ней молчат. Ее страданья, Ее судьба, ее конец Непроницаемою тьмою От нас закрыты. Лишь порою Слепой украинский певец, Когда в селе перед народом Он песни гетмана бренчит, О грешной деве мимоходом Казачкам юным говорит.

ПРИМЕЧАНИЯ.

- 1. Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судия, один из предков пынешних графов.
  - 2. Хутор загородный дом.
- 3. У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной.
  - 4. Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но был отказан.

- 5. Предание приписывает Мазепе несколько песен, доныне сохранившихся в памяти народной. Кочубей в своем доносе также упоминает о патриотической думе, будто бы сочиненной Мазепою. Она замечательна не в одном историческом отношении.
  - 6. Бунчук и булава знаки гетманского достоинства.

7. Смотр. Мазепу Байрона.

. 8. Дорошенко, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества.

9. Григорий Самойлович, сын гетмана, сосланного в Сибирь в начале

царствованля Гіетра I.

10. Симеон Палей, хвостовский полковник, славный наездник. За своевольные набеги сослан был в Енисейск по жалобам Мазепы. Когда сей последний оказался изменником, то и Палей, как закоренелый враг его. был возвращен из ссылки и находился в Полтавском сражении.

11. Костя Гордеенко, кошевой атаман запорожских казаков. Впослед-

ствии передался Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 г.

12. 20.000 казаков было послано в Лифляндию.

13. Мазепа в одном письме упрекает Кочубея в том, что им управляет жена его, гордая и высокоумная.

14. Искра, полтавский полковник, товарищ Кочубея, разделивши**й**

с ним его умысел и участь.

15. Евуит Заленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами мазепиной измены. Последний в виде нищего ходил из Польши в Украину и обратно.

16. Так назывались манифесты гетманов.

17. Филипп Орлик, генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года.

 Булавин, донской казак, бунтовавший около того времени.
 Тайный секретарь Шафиров и гр. Головкин, друзья и покровители Мазепы; на них, по справедливости, должен лежать ужас суда и казни допосителей.

20. В 1705 году. Смотр. примечания к Истории Малороссии, Б. Каменского.

21. Во время неудачного похода в Крым, Казы-Гирей предлагал ему

соединиться с ним и вместе напасть на русское войско.

22. В своих письмах он жаловался, что доносителей пытали слишком легко, и неотступно требовал их казни, сравнивал себя с Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина с проро-

ком Даниилом. 23. Деревня Кочубея. 24. Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытан в войске тетмана. По ответам несчастного видно, что его допрашивали о сокровищах, им утаенных.

25. Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов.

26. Сильные меры, принятые Петром с обыкновенной его быстротой и

внергией, удержали Украйну в повиновении. «1708 ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали в гетманы полковника стародубского Ив. Скоропадского.

«8-го числа приехали в Глухов киевский, черниговский и персяславский архиепископы.

«А 9-го дня предали клятве Мазепу оные архиереи публично; того же дня и персону (куклу) оного изменника Мазепы вынесли и, сняв кавалеоню (которая на ту персону была надета с бантом), оную персону бросили в палачевские руки, которую палач, взяв и прицепя за веревку, тащил по улице и по площади даже до виселицы, и потом повесили.

«В Глухове же 10-го дня казнили Чечеля и прочих изменников...»

(Жирнал Йетра Великого).

Малороссийское слово. По-русски палач.
 Чечель отчаянно защищал Батурин против войск кн. Меншикова.
 В Дрезден к королю Августу. Смотр. Voltaire. Hist. de Charles XII.

30. — Ах. в. в.! бомба!..— Что есть общего между бомбою и письмом,

которое тебе диктую? пиши.» Это случилось гораздо после.

31. Ночью Кара, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, си-девших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из ссбственных оук. Казаки дали по нем тои выстоела и жестоко ранили его

в ногу.
32. Благодаря прекрасным распоряжениям и действиям кн. Меншикова, участь главного сражения была решена заранее. Дело не продолжалось и двух часов. Ибо (сказано в Жур. Петра Вел.) непобедимые господа шведы скоро хребет свой показали, и от наших войск вся неприятельская армия весьма опрокинита. Пето впоследствии времени многое прощал Данилычу за услуги, оказанные в сей день генералом кн. Меншиковым.
33. L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en

peine de dissimuler (было о чем и радоваться) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment:

où est donc mon frère Charles?

. Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! - Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. «Vous, Messieurs les généraux Suédois», reprit le Czar.— Votre Majesté est donc bien ingrate, reprif le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres. Перевод: Московский император, охваченный радостью, скрыть которую он не давал себе труда, принимал на поле битвы пленных, которых приводили к нему толпой и поминутно спращивал: «где же мой брат Карл?»

... Тогда, подняв кубок с вином он сказал: «За здоровье моих учителей в военном искусстве!» Реншильд спросил его: кого он почтил таким прекрасным именем. «Вас, господа шведские генералы», — ответил царь. — В таком случае ваше величество, сказал граф, вы очень неблагодарны, раз так дурно обошлись со своими учителями.

34. Обезглавленные тела Искры и Кочубся были отданы родственникам и похоронены в Киевской Лавре; над их гробом высечена следующая

надпись:

«Кто еси мимо грядый о нас неведущий. Елицы зде естесмо положены сущи, Понеже нам страсть и смерть повеле молчати, Сей камень возопиет о нас ти вещати, И за правду и верность к монарсе нашу, Страдания и смерти испыймо чашу, Злуданьем Мазепы, всевечно правы, Посеченны заставше топором во главы; Почиваем в сем месте Матери Владычне, Подающия всем своим рабом живот вечный.

Року 1708, месяца июля 15 дня, посечены средь обозу войскового, за Белою Церковию на Борщаговце и Ковшевом, благородный Василий Кочубей, судия генеральный; Йоанн Искра, полковник полтавский. Привезены же тела их июля 17 в Киев и того ж дня в обители святой Печерской на сем месте погребены».

1830

ДОМИК В КОЛОМНЕ.

1.

Чстырестопный ямб мне надоел: Им пишет всякий. Мальчикам в забаву Пора б его оставить. Я хотел Давным давно приняться за октаву. А в самом деле: я бы совладел С тройным созвучием. Пущусь на славу! Ведь рифмы запросто со мной живут; Две придут сами, третью приведут.

11.

А чтоб им путь открыть широкий, вольной, Глаголы тотчас им я разрешу... Вы знаете, что рифмой наглагольной Гнушаемся мы. Почему? спрошу. Так писывал *** [Шихматов] богомольной; По большей части так и я пишу. К чему? скажите; уж и так мы голы. Отныне в рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану их надменно браковать, Как рекрутов, добившихся увечья, Иль как коней, за их плохую стать, — А подбирать союзы да наречья; Из мелкой сволочи вербую рать. Мне рифмы нужны; все готов сберечь я, Хоть весь Словарь; что слог, то и солдат – Все годны в строй: у нас ведь не парад.

Ну, женские и мужеские слоги! Благословясь, попробуем: слушай! Ровняйтеся, вытягивайте ноги И по три вряд в октаву заезжай! Не бойтесь, мы не будем слишком строги; Держись вольней и только не плошай, А там уже привыкнем, слава богу. И выедем на ровную дорогу.

V.

Как весело стихи свои вести Под цыфрами, в порядке, строй за строем, Не позволять им в сторону брести, Как войску, в пух рассыпанному боем! Тут каждый слог замечен и в чести, Тут каждый стих глядит себе героем, А стихотворец... с кем же равен он? Он Тамерлан, иль сам Наполеон.

VI.

Немного отдохнем на этой точке. Что? перестать или пустить на пе? . Признаться вам, я в пятистопной строчке Люблю цезуру на второй стопе. Иначе, стих то в яме, то на кочке, И хоть лежу теперь на канапе, Всё кажется мне, будто в тряском беге По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

VII.

Что за беда? не всё ж гулять пешком По невскому граниту, иль на бале Лощить паркет, или скакать верхом В степи киргизской. Поплетусь-ка дале, Со станции на станцию шажком, Как говорят о том оригинале, Который, не кормя, на рысаке Приехал из Москвы к Неве-реке.

VIII.

Скажу, рысак! Парнасский иноходец Его не обогнал бы. Но Пегас Стар, зуб уск нет. Им вырытый колодец Иссох. Порос крапивою Парнас; В отставке Феб живет, а хороводец Старушек муз уж не прельщает нас. И табор свой с классических вершинок Перенесли мы на толкучий рынок.

IX.

Усядься, муза; ручки в рукава, Под лавку ножки! не вертись, резвушка! Теперь начнем. — Жила-была вдова, Тому лет восемь, бедная старушка, С одною дочерью. У Покрова Стояла их смиренная лачужка За самой будкой. Вижу как теперь Светёлку, три окна, крыльцо и дверь.

$\mathbf{X}$.

Дни три тому, туда ходил я вместе с одним знакомым перед вечерком. Лачужки этой нет уж там. На месте Ее построен трех-этажный дом. Я вспомнил о старушке, о невесте, Бывало, тут сидевших под окном, С той поре, когда я был моложе, Я думал: живы ли они? — И что же?

XI.

Мне стало грустно: на высокий дом Глядел я косо. Если в эту пору Пожар его бы обхватил кругом, То моему б озлобленному взору Приятно было пламя. Странным сном Бывает сердце полно; много вздору Приходит нам на ум, когда бредем Одни или с товарищем вдвоем.

XII.

Тогда блажен, кто крепко словом правит И держит мысль на привязи свою, Кто в сердце усыпляет или давит Мгновенно прошипевшую эмию; Но кто болтлив, того молва прославит Вмиг извергом... Я воды Леты пью, Мне доктором запрещена унылость: Оставим это, — сделайте мне милость!

XIII.

Старушка (я стократ видал точь-в-точь В картинах Рембрандта такие лица) Носила чепчик и очки. Но дочь Была, ей-ей, прекрасная девица: Глаза и брови — темные как ночь, Сама бела, нежна, как голубица; В ней вкус был образованный. Она Читала сочиненья Эмина.

XIV.

Играть умела также на гитаре И пела: Стонет сизый голубок, И Выду ль я, и то, что уж постаре, Всё, что у печки в зимний вечерок Иль скучной осенью при самоваре Или весною, обходя лесок, Поет уныло русская девица, Как музы наши, грустная певица.

XV

Фигурно иль буквально: всей семьёй, От ямщика до первого поэта, Мы все поем уныло. Грустный вой Песнь русская. Известная примета! Начав за здравие, за упокой Сведем как раз. Печалию согрета Гармония и наших муз, и дев. Но нравится их жалобный напев.

XVI.

Параша (так звалась красотка наша) Умела мыть и гладить, шить и плесть; Всем домом правила одна Параша. Поручено ей было счеты весть, При ней варилась гречневая каша (Сей важный труд ей помогала несть Стряпуха Фекла, добрая старуха, Давно лишенная чутья и слуха).

XVII.

Старушка мать, бывало, под окном Сидела; днем она чулок вязала, А вечером за маленьким столом

Раскладывала карты и гадала. Дочь, между тем, весь обегала дом, То у окна, то на дворе мелькала, И кто бы ни проехал иль ни шол, Всех успевала видеть (зоркий пол!).

XVIII.

Зимою ставни закрывались рано, Но летом до-ночи растворено Всё было в доме. Бледная Диана Глядела долго девушке в окно. (Без этого ни одного романа Не обойдется; так заведено!) Бывало мать давным давно храпела, А дочка — на луну еще смотрела

XIX.

И слушала мяуканье котов
По чердакам, свиданий знак нескромной,
Да стражи дальний крик, да бой часов —
И только. Ночь над мирною Коломной
Тиха отменно. Редко из домов
Мелькнут две тени. Сердце девы томной
Ей слышать было можно, как оно
В упругое толкалось полотно.

XX.

По воскресеньям, летом и зимою, Вдова ходила с нею к Покрову, И становилася перед толпою У крылоса налево. Я живу Теперь не там, но верною мечтою Люблю летать, заснувши наяву, В Коломну, к Покрову — и в воскресенье Там слушать русское богослуженье.

XXI.

Туда, я помню, ездила всегда Графиня... (звали как, не помню, право). Она была богата, молода; Входила в церковь с шумом, величаво; Молилась гордо (где была горда!). Бывало, грешен! всё гляжу направо, Всё на нее. Параша перед ней Казалась, бедная, еще бедней.

XXII

Порой графиня на нее небрежно Бросала важный взор свой. Но она Молилась богу тихо и прилежно И не казалась им развлечена. Смиренье в ней изображалось нежно; Графиня же была погружена В самой себе, в волшебстве моды новой В своей красе надменной и суровой.

XXIII

Она казалась хладный идеал Тщеславия. Его б вы в ней узнали; Но сквозь надменность эту я читал Иную повесть: долгие печали, Смиренье жалоб... В них-то я вникал, Невольный взор они-то привлекали... Но это знать графиня не могла И, верно, в список жертв меня внесла.

XXIV

Она страдала, коть была прекрасна И молода, коть жизнь ее текла В роскошной неге; коть была подвластна Фортуна ей; коть мода ей несла Свой фимиам, — она была несчастна Блаженнее стократ ее была, Читатель, новая знакомка ваша, Простая, добрая моя Параша.

XXV.

Коса змией на гребне роговом, Из-за ушей змиею кудри русы, Косыночка крест-на-крест иль узлом, На тонкой шее восковые бусы — Наряд простой: но пред ее окном Всё ж ездили гвардейцы черноусы, И девушка прельщать умела их Без помощи нарядов дорогих.

XXVI.

Меж ими кто ее был сердцу ближе, Или равно для всех она была Душою холодна? увидим ниже.

Покамест мирно жизнь она вела, Не думая о балах, о Париже, Ни о дворе (хоть при дворе жила Ее сестра двоюродная, Вера Ивановна, супруга гоф-фурьера).

XXVI).

Но горе вдруг их посетило дом: Стряпуха, возвратясь из бани жаркой Слегла. Напрасно чаем и вином, И уксусом, и мятною припаркой Ее лечили. В ночь пред рождеством Она скончалась. С бедною кухаркой Они простились. В тот же день пришли За ней, и гроб на Охту отвезли.

XXVIII.

Об ней жалели в доме, всех же боле Кот Васька. После вдовушка моя Подумала, что два, три дня — не доле — Жить можно без кухарки; что нельзя Предать свою трапезу божьей воле. Старушка кличет дочь: «Параша!» — «Я!» — «Где взять кухарку? сведай у соседки, Не знает ли? Дешевые так редки». —

XXIX.

— «Узнаю, маменька». И вышла вон, Закутавшись. (Зима стояла грозно, И снег скрыпел, и синий небосклон, Безоблачен, в звездах, сиял морозно). Вдова ждала Парашу долго; сон Ее клонил тихонько; было поздно, Когда Параша тихо к ней вошла, Сказав: — «Вот я кухарку привела».

XXX.

За нею следом, робко выступая, Короткой юбочкой принарядясь, Высокая, собою недурная, Шла девушка, и, низко поклонясь, Прижалась в угол, фартук разбирая.
— «А что возьмешь?» — спросила, обратясь, Старуха. — «Всё, что будет вам угодно», Сказала та смиренно и свободно.

XXXI.

Вдове понравился ее ответ.
— «А как зовут?» — «А Маврой». — Ну, Мавруша, Живи у нас; ты молода, мой свет; Гоняй мужчин. Покойница Феклуша Служила мне в кухарках десять лет, Ни разу долга чести не наруша. Ходи за мной, за дочерью моей, Усердна будь; присчитывать не смей». —

XXXII.

Проходит день, другой. В кухарке толку Довольно мало: то переварит, То пережарит, то с посудой полку Уронит; вечно всё пересолит, Шить сядет — не умеет взять иголку; Ее бранят — она себе молчит; Везде, во всем уж как-нибудь подгадит. Параша бьется, а никак не сладит.

XXXIII.

Поутру, в воскресенье, мать и дочь Пошли к обедне. Дома лишь осталась Мавруша; видите ль: у ней всю ночь Болели зубы; чуть жива таскалась; Корицы нужно было натолочь, — Пирожное испечь она сбиралась. Ее оставили; но в церкви вдруг На старую вдову нашел испуг.

XXXIV.

Она подумала: «в Мавруше ловкой Зачем к пирожному припала страсть? Пирожница, ей-ей, глядит плутовкой! Не вздумала ль она нас обокрасть, Да улизнуть? Вот будем мы с обновкой Для праздника! Ахти, какая страсть!» Так думая, старушка обмирала И наконец, не вытерпев, сказала:

XXXV.

— «Стой тут, Параша. Я схожу домой, Мие что-то страшно.» Дочь не разумела,

Чего ей страшно. С паперти долой Чуть-чуть моя старушка не слетела; В ней сердце билось, как перед бедой. Пришла в лачужку, в кухню посмотрела, — Мавруши нет. Вдова к себе в покой Вошла — и что ж? о боже! страх какой!

XXXVI.

Пред зеркальцем Параши, чинно сидя, Кухарка брилась. Что с моей вдовой? «Ах, ах!» и шлепнулась. Ее увидя, Та, второпях, с намыленной щекой Через старуху (вдовью честь обидя), Прыгнула в сени, прямо на крыльцо, Да ну бежать, закрыв себе лицо.

XXXVII.

Обедня кончилась; пришла Параша.
— «Что маменька?»—«Ах, Пашинька моя!
Мавруша...» — «Что, что с ней?» — «Кухарка наша...
Опомниться досель не в силах я...
За зеркальцем... вся в мыле...» — «Воля ваша,
Мне право ничего понять нельзя;
Да где ж Мавруша?»—«Ах, она разбойник!
Она здесь брилась!.. точно мой покойник!»—

XXXVIII.

Параша закраснелась или нет, Сказать вам не умею; но Маврушки С тех пор как не было,—простыл и след; Ущла, не взяв в уплату ни полушки И не успев наделать важных бед. У красной девушки и у старушки Кто заступил Маврушу? признаюсь, Не ведаю, и кончить тороплюсь.

XXXIX.

— «Как! разве всё тут? шутите!» «Ей-богу.»
— «Так вот куда октавы нас вели!
К чему ж такую подняли тревогу,
Скликали рать и с похвальбою шли?
Завидную ж вы избрали дорогу!
Ужель иных предметов не нашли?
Да нет ли хоть у вас нравоученья?»
— «Нет... или есть: минуточку терпенья...

Вот вам мораль: по мненью моему, Кухарку даром нанимать опасно; Кто ж родился мужчиною, тому Рядиться в юбку странно и напрасно: Когда-нибудь придется же ему Брить бороду себе, что несогласно С природой дамской... Больше ничего Не выжмешь из рассказа моего.»

1833

АНДЖЕЛО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

- I.

В одном из городов Италии счастливой Когда-то властвовал предобрый, старый Дук, Народа своего отец чадолюбивой, Друг мира, истины, художеств и наук. Но власть верховная не терпит слабых рук, А доброте своей он слишком предавался. Народ любил его, и вовсе не боялся. В суде его дремал карающий закон, Как дряхлый зверь уже к ловитве неспособной. Дук это чувствовал в душе своей незлобной, И часто сетовал. Сам ясно видел он, Что хуже дедушек с дня на день были внуки, Что грудь кормилицы ребенок уж кусал. Что правосудие сидело сложа руки И по носу его ленивый не щелкал.

II.

Нередко добрый Дук, раскаяньем смущенный, Хотел восстановить порядок упущенный; Но как? Зло явное, терпимое давно, Молчанием суда уже дозволено, И вдруг его казнить совсем несправедливо, И странно было бы—тому же особливо, Кто первый сам его потворством ободрял. Что делать? долго Дук терпел и размышлял, Размыслив наконец, решился он на время Предать иным рукам верховной власти бремя, Чтоб новый властелин расправой новой мог' Порядок вдруг завесть и был бы крут и строг.

Был некто Анджело, муж опытный, не новый В искусстве властвовать, обычаем суровый. Бледнеющий в трудах, ученье и посте, За нравы строгие прославленный везде, Стеснивший весь себя оградою законной, С нахмуренным лицом и с волей непреклонной, Его-то старый Дук наместником нарек, И в ужас ополчил и милостью облек, Неограниченны права ему вручая. А сам, докучного вниманья избегая, С народом не простясь, incognito, один Пустился странствовать как древний паладин.

IV.

Лишь только Анджело вступил во управленье, И всё тотчас другим порядком потекло, Пружины ржавые опять пришли в движенье, Законы поднялись, хватая в когти зло, На полных площадях, безмолвных от боязни, По пятницам пошли разыгрываться казни. И ухо стал себе почесывать народ И говорить: Эхе! да этот уж не тот.

V.

Между законами забытыми в ту пору Жестокий был один: закон сей изрекал Прелюбодею смерть. Такого приговору В том городе никто не помнил, не слыхал. Угрюмый Анджело в громаде уложенья Отрыл его—и в страх повесам городским Опять его пустил на свет для исполненья, Сурово говоря помощникам своим: «Пора нам эло пугнуть. В балованном народе Преобратилися привычки уж в права И шмыгают кругом Закона на свободе, Как мыши около зевающего льва. Закон не должен быть пужало из тряпицы, На коем наконец уже садятся птицы».

VI.

Так Анджело на всех навел невольно дрожь, Роптали вообще, смеялась молодёжь, И в шутках строгого вельможи не щадила, Меж тем как ветрено над бездною скользила,

И первый под топор беспечной головой Попался Клавдио, патриций молодой. В надежде всю беду современем исправить И не любовницу, супругу в свет представить, Джюльету нежную успел он обольстить И к таинствам любви безбрачной преклонить. Но их последствия к несчастью явны стали; Младых любовников свидетели застали, Ославили в суде взаимный их позор, И юноше прочли законный приговор.

VII.

Несчастный, выслушав жестокое решенье, С поникшей головой обратно шел в тюрьму, Невольно каждому внушая сожаленье И горько сетуя. На встречу вдруг ему Попался Луцио, гуляка беззаботный, Повеса, вздорный враль, но малый доброхотный. «Друг», молвил Клавдио, «молю, не откажи: Сходи ты в монастырь к сестре моей. Скажи, Что должен я на смерть идти; чтоб поспешила Она спасти меня, друзей бы упросила, Иль даже бы пошла к наместнику сама. В ней много. Луцио, искусства и ума, Бог дал ее речам уверчивость и сладость, К тому ж и без речей рыдающая младость Мягчит сердца людей».—Изволь! поговорю, Гуляка отвечал, и сам к монастырю Тотчас отправился.

VIII.

Младая Изабела В то время с важною монахиней сидела. Постричься через день она должна была И разговор о том со старицей вела. Вдруг Луцио звонит и входит. У решетки Его приветствует, перебирая четки! Полузатворница: «Кого угодно вам?» — Девица (и судя по розовым щекам, Уверен я, что вы девица в самом деле), Нельзя ли доложить прекрасной Изабеле, Что к ней меня прислал ее несчастный брат? «Несчастный?.. почему? что с ним? скажите смело: Я Клавдио сестра». — Нет, право? очень рад. Он кланяется вам сердечно. Вот в чем дело: Ваш брат в тюрьме.—«За что?»—За то, за что бы я Благодарил его, красавица моя,

И не было б ему иного наказанья. (Тут он в подробные пустился описанья Немного жесткие своею наготой Для девственных ушей отшельницы младой, Но со вниманием всё выслушала дева Без приторных причуд стыдливости и гнева. Она чиста была душою как эфир. Ее смутить не мог неведомый ей мир Своею суетой и праздными речами.) — Теперь, примолвил он, осталось лишь мольбами Вам тронуть Анджело, и вот о чем просил Вас братец.—«Боже мой, девица отвечала, Когда б от слов моих я пользы ожидала! Но сомневаюся; во мне не станет сил...» - Сомненья нам враги, тот с жаром возразил, Нас неудачею предатели стращают, И благо верное достать не допущают. Ступайте к Анджело, и знайте от меня. Что если девица колена преклоня Перед мужчиною и просит и рыдает. Как бог он всё дает, чего ни пожелает.

IX.

Девица, отпросясь у матери честной, С усердным Луцио к вельможе поспешила И. на колена став, смиренною мольбой За брата своего наместника молила. Девица, отвечал суровый человек, Спасти его нельзя; твой брат свой отжил век; Он должен умереть. Заплакав, Изабела Склонилась перед ним и прочь идти хотела, Но добрый Луцио девицу удержал. — Не отступайтесь так, он тихо ей сказал, Просите вновь его, бросайтесь на колени, Хватайтеся за плащ, рыдайте; слезы, пени, Все средства женского искусства вы должны Теперь употребить. Вы слишком холодны. Как будто речь идет меж вами про иголку. Конечно, если так, не будет верно толку. Не отставайте же! еще!

X.

Она опять Усердною мольбой стыдливо умолять Жестокосердого блюстителя закона.

— Поверь мне, говорит, ни царская корона, Ни меч наместника, ни бархат судии,

Ни полководца жезл—все почести сии — Земных властителей ничто не украшает, Как милосердие. Оно их возвышает. Когда б во власть твою мой брат был облечен, А ты был Клавдио, ты мог бы пасть как он, Но брат бы не был строг как ты.

XI.

Ее укором

Смущен был Анджело. Сверкая мрачным взором, «Оставь меня, прошу», сказал он тихо ей Но дева скромная и жарче и смелей Была час от часу. «Подумай», говорила, «Подумай: если тот, чья праведная сила Прощает и целит, судил бы грешных нас Без милосердия; скажи: что было б с нами? Подумай—и любви услышишь в сердце глас, И милость нежная твоими дхнет устами, И новый человек ты будешь».

XII.

Он в ответ:

«Поди; твои мольбы пустая слов утрата. Не я, закон казнит. Спасти нельзя мне брата, И завтра он умрет».

Изабела.

Как завтра! что? нет, нет: Он не готов еще, казнить его не можно... Ужели господу пошлем неосторожно Мы жертву наскоро. Мы даже и цыплят Не бьем до времени. Так скоро не казнят. Спаси, спаси его: подумай в самом деле, Ты знаешь, государь, несчастный осужден За преступление, которое доселе Прощалось каждому; постраждет первый он.

Анджело.

Закон не умирал, но был лишь в усыпленье Теперь проснулся он.

Изабела.

Будь милостив!

Анджело

Нельзя.

Потворствовать греху есть то же преступленье, Карая одного, спасаю многих я.

Изабела.

Ты ль первый изречешь сей приговор ужасный? И первой жертвою мой будет брат несчастный. Нет, нет! будь милостив. Ужель душа твоя Совсем безвинная? спросись у ней: ужели И мысли грешные в ней отроду не тлели.

XIII

Невольно он вздрогнул, поникнул головой И прочь идти хотел. Она: «постой, постой! Послушай, воротись. Великими дарами Я задарю тебя.. прими мои дары, Они не суетны, но честны и добры, И будешь ими ты делиться с небесами: Я одарю тебя молитвами души Пред утренней зарей, в полунощной тиши, Молитвами любви, смирения и мира, Молитвами святых, угодных небу дев, В уединении умерших уж для мира, Живых для господа.»

Смущен и присмирев, Он ей свидание на завтра назначает И в отдаленные покои поспешает.

часть вторая.

Ī

День целый Анджело безмолвный и угрюмой Сидел уединясь, объят одною думой, Одним желанием; всю ночь не тронул сон Усталых вежд его. «Что ж это? мыслит он, Ужель ее люблю, когда 'хочу так сильно Услышать вновь ее и взор мой усладить Девичьей прелестью? По ней грустит умильно Душа... или когда святого уловить Захочет бес, тогда приманкою святою И манит он на крюк? Нескромной красотою Я не был от роду к соблазнам увлечен, И чистой девою теперь я побежден. Влюбленный человек доселе мне казался Смешным, и я его безумству удивлялся А ныне!......»

Размышлять, молиться хочет он, Но мыслит, молится рассеянно. Словами Он небу говорит, а волей и мечтами Стремится к ней одной. В унынье погружен, Устами праздными жевал он имя бога, А в сердце грех кипел. Душевная тревога Его осилила. Правленье для него, Как дельная, давно затверженная книга, Несносным сделалось. Скучал он; как от ига, Отречься был готов от сана своего; А важность мудрую, которой столь гордился, Которой весь народ бессмысленно дивился, . Ценил он ни во что и сравнивал с пером, Носимым в воздухе летучим ветерком.

По утру к Анджело явилась Изабела И странный разговор с наместником имела...

III.

Анджело.

Что скажешь?

Изабела.

Волю я твою пришла узнать.

Анджело

Ах, если бы ее могла ты угадать!.. Твой брат не должен жить.. а мог бы.

Изабела

Почему же

Простить нельзя его?

Анджело.

Простить? что в мире хуже Столь гнусного греха? убййство легче.

Изабела.

Дa,

Так судят в небесах, но на земле, когда?

Анджело.

Ты думаешь? так вот тебе предположенье: Что если б отдали тебе на разрешенье Оставить брата влечь ко плахе на убой, Иль искупить его, пожертвовав собой И плоть предав греху?

Изабела.

 ${\cal S}$ плотью жертвовать готова.

Анджело.

Ястобою

Теперь не о душе толкую... дело в том: Брат осужден на казнь; его спасти грехом Не милосердие ль?

Изабела.

Пред богом я готова Душою отвечать: греха в том никакова, Поверь, и нет. Спаси ты брата моего! Тут милость, а не грех.

Анджело.

Спасешь ли ты его, Коль милость на весах равно с грехом потянет?

Изабела.

О пусть моим грехом спасенье брата станет! (Коль только это грех.) О том готова я Молиться день и ночь.

Анджело.

Нет, выслушай меня, Или ты слов моих совсем не понимаешь, Или понять меня нарочно избегаешь, Я проще изъяснюсь: твой брат приговорён

Изабела.

Так.

Анджело.

Смерть изрек ему решительно закон.

Изабела.

Так точно

Анджело.

Средство есть одно к его спасенью. (Всё это клонится к тому предположенью, И только есть вопрос и больше ничего.) Положим: тот, кто б мог один спасти его (Наперсник судии, иль сам по сану властный Законы толковать, мягчить их смысл ужасный), К тебе желаньем был преступным воспалён, И требовал, чтоб ты казнь брата искупила Своим падением: не то—решит Закон. Что скажешь? как бы ты в уме своем решила?

Изабела.

Для брата, для себя решилась бы скорей, Поверь, как яхонты носить рубцы бичей И лечь в кровавый гроб спокойно как на ложе, Чем осквернить себя.

Анджело.

Твой брат умрет.

Изабела.

Гак что же?

Он лучший путь себе конечно изберет. Бесчестием сестры души он не спасет. Брат лучше раз умри, чем гибнуть мне навечно.

Анджело.

За что ж казалося тебе бесчеловечно Решение суда? Ты обвиняла нас В жестокосердии. Давно ль еще? Сейчас Ты праведный закон тираном называла, А братний грех едва ль не шуткой почитала.

Изабела.

Прости, прости меня. Невольно я душой Тогда лукавила. Увы! себе самой Противуречила я, милое спасая, И ненавистное притворно извиняя. Мы слабы.

Анджело.

Я твоим признаньем ободрен. Так женщина слаба, я в этом убежден И говорю тебе: будь женщина, не боле—Иль будешь ничего. Так покорися воле Судьбы своей.

Изабела.

Тебя я не могу понять.

Анджело.

Поймешь: люблю тебя.

Изабела.

Увы! что мне сказать? Джюльету брат любил, и он умрет, несчастный.

Анджело.

Люби меня и жив он будет.

Иза́бела.

Знаю: властный Испытывать других, ты хочешь...

Анджело.

Нет, клянусь. От слова моего теперь не отопрусь;

Клянуся честию.

Изабела.

О много, много чести! И дело честное!.. Обманщик! демон лести! Сейчас мне Клавдио свободу подпиши. Или поступок твой и черноту души Я всюду разглашу—и полно лицемерить Тебе перед людьми.

Анджело.

И кто же станет верить? По строгости моей известен свету я; Молва всеобщая, мой сан вся жизнь моя

И самый приговор над братней головою Представят твой донос безумной клеветою. Теперь я волю дал стремлению страстей. Подумай и смирись пред волею моей; Брось эти глупости: и слезы, и моленья, И краску робкую. От смерти, от мученья Тем брата не спасешь. Покорностью одной Искупишь ты его от плахи роковой. До завтра от тебя я стану ждать ответа. И знай, что твоего я не боюсь извета. Что хочешь, говори, не пошатнуся я. Всю истину твою низвергнет ложь моя.

IV.

Сказал, и вышел вон, невинную девицу Оставя в ужасе. Поднявши к небесам Молящий, ясный взор и чистую десницу От мерзостных палат спешит она в темницу. Дверь отворилась ей; и брат ее глазам Представился.

V.

В цепях, в унынии глубоком, О светских радостях стараясь не жалеть. Еще надеясь жить, готовясь умереть, Безмолвен он сидел, и с ним в плаще широком Под черным куколем с распятием в руках Согбенный старостью беседовал монах. Старик доказывал страдальцу молодому, Что смерть и бытие равны одна другому. Что здесь и там одна бессмертная душа И что подлунный мир не стоит ни гроша.— С ним бедный Клавдио печально соглашался, А в сердце милою Джюльетой занимался. Отщельница вошла: мир вам! — очнулся он И смотрит на сестру, мгновенно оживлён. «Отец мой», говорит монаху Изабела, «Я с братом говорить одна бы здесь хотела.» Монах оставил их.

VI

Клавдио.

Что ж, милая сестра,

Цто скажешь?

Изабела.

Милый брат, пришла тебе пора.

Клавдио.

Так нет спасенья?

Изабела.

Нет, иль разве поплатиться Душой за голову?

Клавдио.

Так средство есть одно?

Изабела.

Так, есть. Ты мог бы жить. Судья готов смягчиться. В нем милосердие бесовское: оно Тебе дарует жизнь за узы муки вечной.

Клавдио.

Что? вечная тюрьма?

Изабела.

Тюрьма — хоть без оград,

Без цеп

Клавдио.

Изъяснись, что ж это?

Изабела.

Друг сердечной, Брат милый! Я боюсь... Послушай, милый брат, Семь, восемь лишних лет ужель тебе дороже Всегдашней чести? Брат, боишься ль умереть? Что чувство смерти? миг. И много ли терпеть? Раздавленный червяк при смерти терпит то же, Что терпит великан.

Клавдио.

Сестра! или я трус? Или идти на смерть во мне не станет силы? Поверь, без трепета от мира отрешусь, Коль должен умереть; и встречу ночь могилы Как деву милую.

Изабела.

Вот брат мой! узнаю;
Из гроба слышу я отцовский голос. Точно:
Ты должен умереть; умри же беспорочно.
Послушай, ничего тебе не утаю:
Тот грозный судия, святоша тот жестокий,
Чьи взоры строгие во всех родят боязнь,
Чья избранная речь шлет отроков на казнь,
Сам демон; сердце в нем черно как ад глубокий
И полно мерзостью.

Клавдио. Наместник?

Изабела.

Ад облек Его в свою броню. Лукавый человек!.. Знай: если б я его бесстыдное желанье Решилась утолить, тогда бы мог ты жить.

Клавдио.

О нет, не надобно.

Изабела.

На гнусное свиданье, Сказал он, нынче в ночь должна я поспешить, Иль завтра ты умрешь.

Клавдио.

Нейди, сестра.

Изабела.

Брат милой!

Бог видит: ежели одной моей могилой Могла бы я тебя от казни искупить, Не стала б более иголки дорожить Я жизнию моей.

Клавдио.

Благодарю, друг милой!

Изабела.

Так завтра, Клавдио, ты к смерти будь готов.

Клавдио.

Да, так... и страсти в нем кипят с такою сило Иль в этом нет греха; иль из семи грехов Грех это меньший?

Изабела.

Как?

Клавдио.

Такого прегрешенья. Там верно не казнят. Для одного мгновенья Ужель себя сгубить решился б он навек? Нет, я не думаю. Он умный человек. Ах, Изабела!

Изабела.

Что? что скажешь?

Клавдио.

Смерть ужасна!

Изабела.

И стыд ужасен.

Клавдио.

Так — однако ж... умереть, Идти неведомо куда, во гробе тлеть В холодной тесноте... Увы! земля прекрасна И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу, Стремглав низвергнуться в кипящую смолу, Или во льду застыть, иль с ветром быстротечным Носиться в пустоте, пространством бесконечным... И всё, что грезится отчаянной мечте... Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете, В печалях, в старости, в неволе... будет раем В сравненьи с тем, чего за гробом ожидаем.

Изабела.

О, боже!

Клавдио.

Друг ты мой! Сестра! позволь мне жить. Уж если будет грех спасти от смерти брата, Природа извинит.

Изабела.

Что смеешь говорить?
Трус! тварь бездушная! от сестрина разврата Себе ты жизни ждешь!.. Кровосмеситель! нет, Я думать не могу, нельзя, чтоб жизнь и свет Моим отцом тебе даны. Прости мне, боже! Нет, осквернила мать отеческое ложе, Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я Спасти тебя могла лишь волею моею, То всё-таки б теперь свершилась казнь твоя. Я тысячу молитв за смерть твою имею, За жизнь—уж ни одной.

Клавдио.

Сестра, постой, постой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узник молодой Удерживал ее за платье. Изабела От гнева своего насилу охладела, И брата бедного простила, и опять, Лаская, начала страдальца утешать.

часть третия.

T.

Монах стоял меж тем за дверью отпертою И слышал разговор меж братом и сестрою. Пора мне вам сказать, что старый сей монах Ни что иное был, как Дук переодетой. Пока народ считал его в чужих краях И сравнивал, шутя, с бродящею кометой, Скрывался он в толпе, всё видел, наблюдал И соглядатаем незримым посещал Палаты, площади, монастыри, больницы, Развратные дома, театры и темницы. Воображение живое Дук имел; Романы он любил, и может быть хотел Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.

Младой отшельницы подслушав весь рассказ, В растроганном уме решил он тот же час Не только наказать жестокость и обиду, Но сладить кое-что... Он тихо в дверь вошел, Девицу отозвал и в уголок отвел. «Я слышал всё», сказал, «ты похвалы достойна, Свой долг исполнила ты свято; но теперь Предайся ж ты моим советам. Будь покойна, Всё к лучшему придет; послушна будь и верь». Тут он ей объяснил свое предположенье И дал прощальное свое благословенье.

II.

Aрузья! поверите ль, чтоб мрачное чело, Угрюмой, злой души печальное зерцало, Желанья женские навеки поивязало И нежной красоте понравиться могло? Не чудно ли? Но так. Сей Анджело надменной, Сей злобный человек, сей грешник-был любим Душою нежною, печальной и смиренной, Душой отверженной мучителем своим. Он был давно женат. Летунья легкокрила Младой его жены молва не пощадила, Без доказательства насмешливо коря: И он ее прогнал, надменно говоря: «Пускай себе молвы неправо обвиненье, Нет нужды. Не должно коснуться подозренье К супруге кесаря». С тех пор она жила Одна в предместии, печально изнывая. Об ней-то вспомнил Дук, и дева молодая По наставлению монаха, к ней пошла.

III.

Марьяна под окном за пряжею сидела И тихо плакала. Как ангел, Изабела Пред ней нечаянно явилась у дверей. Отшельница была давно знакома с ней, И часто утешать несчастную ходила. Монаха мысль она ей тотчас объяснила. Марьяна, только лишь настанет ночи мгла, К палатам Анджело идти должна была, В саду с ним встретиться под каменной оградой И наградив его условленной наградой, Чуть внятным шопотом, прощаяся, шепнуть Лишь только то: теперь о брате не забудь. Марьяна бедная сквозь слезы улыбалась, Готовилась дрожа—и дева с ней рассталась.

Всю ночь в темнице Дук последствий ожидал И, сидя с Клавдио, страдальца утешал. Пред светом снова к ним явилась Изабсла. Всё шло как надобно: сейчас у ней сидела Марьяна бледная, с успехом возвратясь И мужа обманув. Денница занялась — Вдруг запечатанный приказ приносит вестник Начальнику тюрьмы. Читают: что ж? Наместник Немедля узника приказывал казнить И голову его в палаты предъявить.

V.

Замыслив новую затею, Дук представил Начальнику тюрьмы свой перстень и печать И казнь остановил, а к Анджело отправил Другую голову, велев обрить и снять Ее с широких плеч разбойника морского, Горячкой в ту же ночь умершего в тюрьме, А сам отправился, дабы вельможу злого, Столь гнусные дела творящего во тьме, Пред светом обличить.

VI.

Едва молва невнятно О казни Клавдио успела пробежать, Пришла другая весть. Узнали, что обратно Ко граду едет Дук. Народ его встречать Толпами кинулся. И Анджело смущенный, Грызомый совестью, предчувствием стесненный, Туда же поспешил. Улыбкой добрый Дук Приветствует народ, теснящийся вокруг, И дружно к Анджело протягивает руку. И вдруг раздался крик-и прямо в ноги Дуку Девица падает. «Помилуй, государь! Ты щит невинности, ты милости алтарь, Помилуй!..»—Анджело бледнеет и трепещет И взоры дикие на Изабелу мещет... Но победил себя. Оправиться успев, «Она помешана», сказал он, «видев брата Приговоренного на смерть. Сия утрата В ней разум потрясла...»

Но обнаружив гнев И долго скрытое в душе негодованье, «Всё знаю», молвил Дук, «всё знаю! наконец Злодейство на земле получит воздаянье. Девица, Анджело! за мною, во дворец!»

У трона во дворце стояла Мариана И бедный Клавдио. Злодей, увидя их, Затрепетал, челом поникнул и утих; Всё объяснилося, и правда из тумана Возникла; Дук тогда: «что, Анджело, скажи, Чего достоин ты». Без слез и без боязни С угрюмой твердостью тот отвечает:—Казни. И об одном молю: скорее прикажи Вести меня на смерть.

«Иди», сказал властитель. «Ла гибнет судия—торгаш и обольститель»; Но бедная жена, к ногам его упав, «Помилуй», молвила, «ты, мужа мне отдав, Не отымай опять: не смейся надо мною.» — Не я, но Анджело, смеялся над тобою, — Ей Дук ответствует, --- но о твоей судьбе Сам буду я пещись. Останутся тебе Его сокровища, и будешь ты награда Супругу лучшему.—«Мне лучшего не надо. Помилуй, государь! не будь неумолим. Твоя рука меня соединила с ним! Ужели для того так долго я вдовела? Он человечеству свою принес лишь дань. Сестра! спаси меня! друг милый, Изабела! Проси ты за него, хоть на колени стань, Хоть руки подыми ты молча!»

Изабела Душой о грешнике, как ангел, пожалела И пред властителем колена преклоня, «Помилуй, государь», сказала. «За меня Не осуждай его. Он (сколько мне известно, И как я думаю) жил праведно и честно, Покамест на меня очей не устремил. Прости же ты его!»

И Дук его простил.

1833.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК.

Петербургская повесть.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным $B.\ H.\ Берхом.$

ВСТУПЛЕНИЕ.

На берегу пустынных волн Стоял Он дум великих полн, И вдаль глядел. Пред ним широко Река неслася; бедный чёлн По ней стремился одиноко. По мшистым, топким берегам Чернели избы здесь и там, Приют убогого чухонца; И лес, неведомый лучам В тумане спрятанного солнца, Кругом шумел.

И думал Он:
Отсель грозить мы будем Шведу.
Здесь будет город заложён
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно; 1
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град, Полнощных стран краса и диво, Из тьмы лесов, из топи блат

Вознесся пышно, горделиво: Где прежде финский рыболов, Печальный пасынок природы, Один у низких берегов Бросал в неведомые воды Свой ветхий невод, ныне там По оживленным берегам Громады стройные теснятся Дворцов и башен; корабли Толпой со всех концов земли К богатым пристаням стремятся: В гранит оделася Нева; Мосты повисли над водами: Темнозелеными садами Ее покрылись острова, И перед младшею столицей Померкла старая Москва, Как перед новою царицей Порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье, ² Люблю твой строгий, стройный вид, Невы державное теченье. Береговой ее гранит, Твоих оград узор чугунный, Твоих задумчивых ночей Прозрачный сумрак, блеск безлунный, Когда я в комнате моей Пишу, читаю без лампады, И ясны спящие грамады Пустынных улиц, и светла Адмиралтейская игла, И, не пуская тьму ночную На золотые небеса, Одна заря сменить другую Спешит, дав ночи полчаса. Люблю зимы твоей жестокой Недвижный воздух и мороз. Бег санок вдоль Невы широкой, Девичьи лица ярче роз, И блеск, и шум, и говор балов, А в час пирушки холостой Шипенье пенистых бокалов И пунша пламень голубой. Люблю воинственную живость Потешных марсовых полей, Пехотных ратей и коней Однообразную красивость, В их стройно зыблемом строю

Хоскутья сих знамен победных, Сиянье шапок этих медных, Насквозь простреленных в бою. Люблю, военная столица, Твоей твердыни дым и гром, Когда полнощная царица Дарует сына в царский дом, Или победу над врагом Россия снова торжествует, Или, взломав свой синий лёд, Нева к морям его несёт И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, Град Петров, и стой Неколебимо, как Россия, Да умирится же с тобой И побежденная сгихия; Вражду и плен старинный свой Пусть волны финские забудут И тщетной злобою не будут Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора... Об ней начну повествованье. И будь оно, друзья, для вас Вечерний, страшный лишь рассказ, А не зловещее преданье...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Над омраченным Петроградом **Дышал ноябрь осенним хладом.** Плеская шумною волной В края своей ограды стройной, Нева металась, как больной В своей постеле беспокойной. Уж было поздно и темно; Сердито бился дождь в окно, И ветер дул, печально воя. В то время из гостей домой Пришёл Евгений молодой... Мы будем нашего героя Звать этим именем. Оно Звучит приятно; с ним давно Мое перо к тому же дружно. Прозванья нам его не нужно, Хотя в минувши времена Оно, быть может, и блистало И под пером Карамзина

В родных преданьях прозвучало, Но ныне светом и молвой Оно забыто. Наш герой Живет в чулане. Где-то служит, Дичится знатных и не тужит Ни о почиющей родне, Ни о забытой старине.

Итак, домой пришед. Евгений Стряхнул шинель, разделся, лег, Но долго он заснуть не мог В волненьи разных размышлений. О чем же думал он? о том, Что был он беден; что трудом Он должен был себе доставить И независимость и честь; Что мог бы бог ему прибавить Ума и денег. Что ведь есть Такие праздные счастливцы, Ума недальнего ленивцы, Которым жизнь куда легка! Что вряд еще через два года Он чин получит; что река Всё прибывала: что погода Не унималась; что едва-ль Мостов не сымут: что конечно. Параше будет очень жаль... Тут он разнежился сердечно И размечтался, как поэт.

«Жениться? Что-ж? Зачем-же нет? И в самом деле? Я устрою Себе смиренный уголок И в нем Парашу успокою. Кровать, два стула, щей горшок Да сам большой... Чего мне боле? Не будем прихотей мы знать, По воскресеньям летом в поле С Парашей буду я гулять; Местечко выпрошу; Параше Препоручу хозяйство наше И воспитание ребят... И станем жить и так до гроба Рука с рукой дойдем мы оба И внуки нас похоронят...»

Так он мечтал. Но грустно было Ему в ту ночь и он желал, Чтоб ветер выл не так уныло И чтобы дождь в окно стучал Не так сердито...

Сонны очи Он наконец закрыл. И вот Редеет мгла ненастной ночи И бледный день уж настает... Ужасный день!

Нева всю ночь Рвалася к морю против бури, Не одолев их буйной дури... И спорить стало ей не в мочь... 8 По утру над ее брегами Теснился кучами народ, Любуясь брызгами, горами И пеной разъяренных вод. Но силой ветров от залива Перегражденная Нева Обратно шла, гневна, бурлива, И затопляла острова, И пуще, пуще свирепела. Приподымалась и ревела, Котлом клокоча ѝ клубясь, И наконец, остервенясь, На город кинулась. Пред нею Всё побежало и вокруг Всё опустело — волны вдруг Вломились в улицы, в подвалы, С Невой слились ее каналы, И всплыл Петрополь, как тритон, По пояс в воду погружен

Осада! приступ! Лезут волны, Как звери, в окна. С ними челны С разбега стекла быют кормой; Мосты, снесенные грозой, Обломки хижин, брёвны, кровли, Товар запасливой торговли, Пожитки бедных, рухлядь их, Колеса дрожек городских, Гроба с размытого кладбища Плывут по городу!

Народ Зрит божий гнев и казни ждет. Увы! все гибнет: кров и пища! Где будет взять?

В тот грозный год Покойный царь еще Россией Со славой правил. На балкон, Печален, смутен, вышел он

И молвил: «С божией стихией Царям не совладеть». Он сел Й в думе скорбными очами На влое бедствие глядел. Стояли стогны озерами И в них широкими реками Вливались улицы. Дворец Казался островом печальным. Царь молвил — из конца в конец, По ближним улицам и дальным, В опасный путь средь бурных вод Его пустились генералы Спасать от страха одичалый И дома тонущий народ.

Тогда на площади Петровой, Где дом в углу вознесся новой, Где над возвышенным крыльцом С подъятой лапой, как живые, Стоят два льва сторожевые, На звере мраморном верхом, Без шляпы, руки сжав крестом, Сидел недвижный, страшно бледный Евгений. Он страшился, бедный, Не за себя. Он не слыхал, Как подымался жадный вал, Ему подошвы подмывая, Как дождь ему в лицо плескал, Как ветер, буйно завывая, С него и шляпу вдруг сорвал. Его отчаянные взоры На край один наведены Недвижно были. Словно горы, Из возмущенной глубины Вставали волны там и злились, Там буря выла, там носились Обломки... Боже, боже! там — Увы! близехонько к волнам, Почти у самого залива — Забор некрашеный, да ива И ветхий домик: там оне, Вдова и дочь, его Параша, Его мечта... Или во сне Он это видит? Иль вся наша И жизнь ничто, как сон пустой, Насмешка рока над землей? И он, как будто околдован, Как будто к мрамору прикован, Сойти не может! Вкруг него

Вода и больше ничего! И обращен к нему спиною В неколебимой вышине, Над возмущенною Невою Стоит с простертою рукою Кумир на бронзовом коне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вот, насытясь разрушеньем И наглым буйством утомясь, Нева обратно повлеклась, Своим любуясь возмущеньем И покидая с небреженьем Свою добычу. Так элодей, С свирепой шайкою своей В село ворвавшись, ломит, режет, Крушит и грабит; вопли, скрежет, Насилье, брань, тревога, вой!... И грабежем отягощенны, Боясь погони, утомленны, Спешат разбойники домой, Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая Открылась, и Евгений мой Спешит, душою замирая, В надежде, страхе и тоске К едва смирившейся реке. Но торжеством победы полны, Еще кипели злобно волны; Еще под ними тлел огонь; Еще их пена покрывала, И тяжело Нева дышала Как с битвы прибежавший конь. Евгений смотрит: видит лодку: Он к ней бежит, как на находку; Он перевозчика зовет — И перевозчик беззаботной Чрез волны страшные охотно Его за гривенник везет.

И долго с бурными волнами Боролся опытный гребец, И скрыться в глубь меж их рядами Всечасно с дерэкими пловцами Готов был челн — и наконец Достиг он берега.

Несчастный Знакомой улицей бежит В места знакомые. Глядит, Уэнать не может. Вид ужасный! Всё перед ним завалено; Что сброшено, что снесено. Скривились домики, другие Совсем обрушились, иные Волнами сдвинуты; кругом, Как будто в поле боевом, Тела валяются. Евгений Стремглав, не помня ничего, Изнемогая от мучений. Бежит туда, где ждет его Судьба с неведомым известьем, Как с запечатанным письмом. И вот бежит уж он предместьем, И вот залив, и близок дом... Что ж это?...

Он остановился. Пошел назад и воротился. Глядит... идет... ещё глядит. Вот место, где их дом стоит; Вот ива. Были здесь ворота, Снесло их, видно. Где же дом? И полон сумрачной заботы, Всё ходит, ходит он кругом, Толкует громко сам с собою — И вдруг, ударя в лоб рукою, Захохотал.

Ночная мгла На город трепетный сошла; Но долго жители не спали И меж собою толковали О дне минувшем.

Утра луч
Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей,
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло.
В порядок прежний всё вошло.
Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шёл. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,

Сбираясь свой убыток важный На ближнем выместить. С дворов Свозили лодки.

И Хвостов, Поэт, любимый небесами, Уж пел бессмертными стихами Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений... Увы! его смятенный ум Против ужасных потрясений Не устоял. Мятежный шум Невы и ветров раздавался В его ушах. Ужасных дум Безмолвно полон, он скитался. Его терзал какой-то сон. Прошла неделя, месяц — он К себе домой не возвращался. Его пустынный уголок Отдал в наймы, как вышел срок, Хозяин бедному поэту. Евгений за своим добром Не приходил. Он скоро свету Стал чужд. Весь день бродил пешком, А спал на пристани; питался В окошко поданным куском. Одежда ветхая на нем Рвалась и тлела. Злые дети Бросали камни вслед ему. Нередко кучерские плети Его стегали, потому Что было все ему дорогой, И двор и улица, но он Не примечал. Он оглушен Был чудной, внутренней тревогой. И так он свой несчастный век Влачил, ни зверь, ни человек, Ни то, ни сё, ни житель света, Ни призрак мертвый...

Раз он спал

У Невской пристани. Дни лета Клонились к осени. Дышал Ненастный ветер. Мрачный вал Плескал на пристань, ропща пени И бьясь об гладкие ступени, Как челобитчик у дверей Ему пе внемлющих судей. Бедняк проснулся. Мрачно было; Дождь капал, ветер выл уныло

И с ним вдали, во тьме ночной. ^г Перекликался часовой... Вскочил Евгений; вспомнил живо Он прошлый ужас; торопливо Он встал; пошёл бродить, и вдруг Остановился, и вокруг Тихонько стал водить очами С боязнью дикой на лице. Он очутился под столбами Большого дома. На крыльце С подъятой лапой, как живые. Стояли львы сторожевые, И прямо в темной вышине Над огражденною скалою Кумир с простертою рукою Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились В нем страшно мысли. Он узнал И место, где потоп играл, Где волны хищные толпились, Бунтуя злобно вкруг него, И львов, и площадь, и того, Кто неподвижно возвышался Во мраке медною главой, Того, чьей волей роковой Над морем город основался... Ужасен он в окрестной мгле! Какая дума на челе! Какая сила в нем сокрыта! А в сем коне какой огонь! Куда ты скачешь, гордый конь, И где опустишь ты копыта? О мощный властелин судьбы! Не так ли ты над самой бездной, На высоте, уздой железной, Россию поднял на дыбы?

Кругом подножия кумира Безумец бедный обошел И взоры дикие навел На лик державца полумира. Стеснилась грудь его. Чело К решетке хладной прилегло, Глаза подернулись туманом, По сердцу пламень пробежал, Вскипела кровь. Он мрачен стал Пред горделивым истуканом

И, зубы стиснув, пальцы сжав, Как обуянный силой черной, «Добро, строитель чудотворный!» Шепнул он, злобно задрожав. «Уже тебе!..» И вдруг стремглав Бежать пустился. Показалось Ему, что грозного царя, Мгновенно гневом возгоря, Лицо тихонько обращалось... И он по площади пустой Бежит и слышит за собой — Как будто грома грохотанье – Тяжело-звонкое скаканье По потрясенной мостовой. И, озарен луною бледной. Простерши руку в вышине, За ним несется Всадник Медный На звонко скачущем коне; И во всю ночь, безумец бедный, Куда стопы не обращал, За ним повсюду Всадник Медный С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случалось Итти той площадью ему, В его лице изображалось Смятенье. К сердцу своему Он прижимал поспешно руку, Как бы его смиряя муку, Колпак изношенный сымал, Смущенных глаз не подымал И шел сторонкой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Остров малый На взморье виден. Иногда Причалит с неводом туда Рыбак, на ловле запоздалый, И бедный ужин свой варит, Или мечтатель посегит, Гуляя в лодке, в воскресенье, Пустынный остров. Не взросло Там ни былинки. Наводненье Туда, играя, занесло Домишко ветхий. Над водою Остался он, как черный куст. Его прошедшею весною

Свезли на барке. Был он пуст И весь разрушен. У порога Нашли безумца моего, И туг же хладный труп его Похоронили ради бога.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Альгаротги где-то сказал: «Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe». 1
2. Смотри стихи кн. Вяземского графине. З ***.
3. Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было - Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта.

4. Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф.

5 Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана — как замечает сам Мицкевич.

¹ Петербург — это окно, через которое Россия смотрит в Европу.

1833.

<НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА О ТАЗИТЕ>.

Не для бесед и ликований. Не для кровавых совещаний Не для распросов кунака. Не для разбойничьей потехи Так рано съехались адехи На двор Гасуба старика. В нежданной встрече сын Гасуба Рукой завистника убит Вблизи развалин Татартуба. — В родимой сакле он лежит. Обряд творится погребальный. Звучит уныло песнь муллы. В арбу впряженные волы Стоят пред саклею печальной. Двор полон тесною толпой. Подъемлют гости скорбный вой И с плачем бьют нагрудны брони И, внемля шум небоевой, Мятутся спутанные кони. 1 Все ждут. Из сакли, наконец, Выходит между жен отец. Два узденя за ним выносят На бурке хладный труп. Толпу По сторонам раздаться просят. Слагают тело на арбу И с ним кладут снаряд воинский: Неразряженную пищаль, Колчан и лук, кинжал грузинский И шашки крестовую сталь, Чтобы крепка была могила, Где храбрый ляжет почивать. Чтоб мог на зов он Азраила Исправным воином восстать.

В дорогу шествие готово, И тронулась арба. За ней Адехи следуют сурово, Смиряя молча пыл коней. — — Уж потухал закат огнистый, Златя нагорные скалы, Когда долины каменистой Достигли тихие волы. В долине той враждою жадной Сражен наездник молодой, Там ныне тень могилы хладной Воспримет труп его немой....

Уж труп землею взят. Могила Завалена. Толпа вокруг Мольбы последние творила. Из за горы явились вдруг Старик [седой, с ним] отрок стройный. Дают дорогу пришлецу — И скорбному старик отцу Так, молвил, важный и спокойный: «Прошло тому тринадцать лет, Как ты, в аул чужой пришед, Вручил мне слабого младенца, Чтоб воспитаньем из него Я сделал храброго чеченца. Сегодня сына одного Ты преждевременно хоронишь. Гасуб, покорен будь судьбе. Другого я привел тебе. Вот он. Ты голову преклонишь К его могучему плечу. Твою потерю им заменишь -Труды мои ты сам оценишь, Хвалиться ими не хочу.»

Умолкнул. Смотрит торопливо Гасуб на отрока. Тазит, Главу потупя молчаливо, Ему недвижим предстоит. И в горе им Гасуб любуясь, Влеченью сердца повинуясь, Объемлет ласково его. Потом наставника ласкает, Благодарит и приглашает Под кровлю дома своего. Три дня, три ночи с кунаками Его он хочет угощать И после честно провожать

١

С благословеньем и дарами. Ему ж, отец печальный мнит, Обязан благом я бесценным: Слугой и другом неизменным, Могучим мстителем обид.

Проходят дни. Печаль заснула В душе Гасуба. Но Тазит Всё дикость прежнюю хранит Среди родимого аула Он как чужой; он целый день В горах один; молчит и бродит Так в сакле кормленный олень Всё в лес глядит, всё в глушь уходит. Он любит по крутым скалам Скользить, ползти тропой кремнистой, Внимая буре голосистой И в бездне воющим волнам. Он иногда до поздней ночи Сидит, лечален, под горой, Недвижно вдаль уставя очи, Опершись на руку главой Какие мысли в нём проходят? Чего желает он тогда? Из мира дольнего куда Младые сны его уводят?.... Как знать? Незрима глубь сердец. В мечтаньях отрок своеволен, Как ветер в небе....

Но отец

Уже Тазитом недоволен. «Где ж, мыслит он, в нем плод наук, Отважность, хитрость и проворство, Лукавый ум и сила рук? В нем только лень и непокорство. Иль сына ввор мой не проник. Иль обманул меня старик.»

Тазит из табуна выводит Коня, любимца своего. Два дни в ауле нет его. На третий он домой приходит.

Отец.

Где был ты, сын?

Сын.

 Γ де прорван каменистый берег, И путь открыт на Дариял.

Отец.

Что делал там?

Сын.

Я слушал Терек.

Отец.

А не видал ли ты грузин Иль русских?

Сын.

Видел я, с товаром Тифлисский ехал армянин.

Отец.

Он был со стражей?

Сын.

Нет, один.

Отец.

Зачем нечаянным ударом Не вздумал ты сразить его И не прыгнул к нему с утеса? — Потупил очи сын черкеса, Не отвечая ничего.

Тазит опять коня седлает. Два дня, две ночи пропадает, Потом является домой.

Отецс

Где был?

Сын.

За белою горой.

Отец.

Кого ты встретил?

Сын.

На кургане

От нас бежавшего раба.

Отец.

[О милосердая судьба!] Где ж он? [Ужели] на аркане Ты беглеца не притащил? — Тазит опять главу склонил. Гасуб нахмурился в молчанье, Но скрыл свое негодованье. «Нет. мыслит он, не заменит Он никогда другого брата. Не научился мой Тазит, Как шашкой добывают влата. Ни стад моих, ни табунов Не наделят его разъезды. Он только знает без трудов Внимать волнам, глядеть на звезды, А не в набегах отбивать Коней с ногайскими быками И с бою взятыми рабами Суда в Анапе нагружать».

Тазит опять коня седлает. Два дня, две ночи пропадает. На третий, бледен как мертвец, Приходит он домой. Отец, Его увидя, вопрошает: Где был ты?

Сын.

Около станиц Кубани, близ лесных границ.

Отец.

Кого ты видел?

Сын.

Супостата.

Отец.

Кого? кого?

Сын.

Убийцу брата.

Отец.

Убийцу сына моего! — — Приди!..... где голова его? Тазит! — Мне череп этот нужен. Дай нагляжусь!

Сын.

Убийца был Один, изранен, безоружен....

Отец.

Ты долга [крови] не забыл!....
Врага ты навзнич опрокинул,
Не правда ли? ты шашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул
И трижды тихо повернул,
Упился ты его стенаньем,
Его змеиным издыханьем....
[Где ж голова?... подай....] нет сил....
— Но сын молчит, потупя очи.
И стал Гасуб чернее ночи
И сыну грозно возопил:

«Поди ты прочь — ты мне не сын, Ты не чеченец — ты старуха. Ты трус, ты раб, ты армянин! Будь проклят мной — поди — чтоб слуха [Никто о робком не имел]. Чтоб вечно ждал ты грозной встречи, Чтоб мертвый брат тебе на плечи Окровавленной кошкой сел И к бездне гнал тебя нещадно. Чтоб ты, как раненый олень, Бежал, тоскуя безотрадно, Чтоб дети русских деревень 'Тебя веревкою поймали И как волчёнка затерзали, Чтоб ты — — Беги.... беги скорей, Не оскверняй моих очей!— »

Сказал и на земь лег — и очи Закрыл. И так лежал до ночи. Когда же приподнялся он, Был тёмен синий небосклон. [Луна, блистая, восходила И скал вершины серебрила.] Тазита трижды он позвал. Никто ему не отвечал.....

Ущелий горных поселенцы В долине шумно собрались — Привычны игры начались. Верхами юные чеченцы. В пыли несясь во весь опор. Стрелою шапку пробивают, Иль трижды сложенный ковёр Булатом сразу рассекают. То скользкой тешатся борьбой, То пляской быстрой. — Жены, девы Меж тем поют — и гул лесной Далече вторит их напевы. Но между юношей один Забав наездничьих не делит, Верхом не мчится вдоль стремнин. Из лука звонкого не целит], И между девами одна Молчит уныла и бледна. Они в толпе четою странной Стоят, не видя ничего. И горе им: он сын изгнанный, Она любовница его...

О, было время!.... С ней украдкой Видался юноша в горах. Он пил огонь отравы сладкой В её смятеньи, в речи краткой, В её потупленных очах, Когда с домашнего порогу Она смотрела на дорогу, С подружкой резвой говоря — И вдруг садилась и бледнела И, отвечая, не глядела И разгоралась, как заря — Или у вод когда стояла, Текущих с каменных вершин, И долго кованый кувшин Волною звонкой наполняла. — И он, невластный превозмочь

Волнений сердца, раз приходит К её отцу, его отводит И говорит: «Твоя мне дочь Давно мила — по ней, тоскуя, [Один] и сир, давно живу я. Благослови любовь мою. Я беден — но могуч и молод. Мне труд легок. Я удалю От нашей сакли тощий голод — Тебе я буду сын и друг Послушный, преданный и нежный, Твоим сынам кунак надежный, А ей — приверженный супруг». —

программы и планы

I. К ПОЭМЕ О БОВЕ,

1

Зензевей осажден Маркобруном.

Бова слышит и едет ночью дерется с воинами — с Лукомером — и возвращается; на другую ночь она его сажаст на коня. Он разбивает войско. Раненый приезжает. Рассказывает свою историю: смерть Гвидона, темницу, любовницу, побег.

Взятие его разбойниками. Продан Зензевсю.

Зензевей, по наущению, посылает его к Маркобруну. Он обокраден волшебником. [Освобождает] Булата-молодца. Приезжает к Маркобруну. Мильчигрия влюбляется в него, предлагает руку. Бова в темнице — находит меч. К нему посылают палача. Он его убивает и выходит вон. За ним погоня. Он с Полканом разбивает ее. Находит коня. Булат сказывает сму сказки.

Маркобрун в отсутствии осаждает город и берет в плен

Дружневну.

Бова на море разбойничает. Находит [волшебника] пилигрима, который отдает ему коня и 3 зелия. Приезжает в царство Зензевея. Оно разорено. Едет к себе. Убивает

2

БОВА НА ПРЕСТОЛЕ ОТЦА СВОЕГО

Осада. Ночь. На башне — бой. Жених убит, невеста влюбляется. Бова проводит ночь у нее. Открывает свою историю. Царь узнает и высылает вон Бову. Бова едет вон из государства (Освобождает разбойника. 3 службы). Старец-пилигрим обкрадывает его, стоящего на границах бывщего женихова царства. Воины его находят, приводят царю. Бова в темнице. Царевна его обольщает — он ее презирает (она — чародейка, старец —

¹ В тексте: б. ж. ц. Раскрытие смысла этих инициалов сделано предположительно. Ред.

дух, ею подосланный). Бова осужден на смерть. 1 служба. Он видит корабль и едет к себе: Буря. Корабль разрушен. 2 служба. Приезжает, убивает Додона. Едет к невесте, находит пилигрима, берет у него 3 зелия. По ск<азке>

II. К ПОЭМЕ О МСТИСЛАВЕ (1822).

1

Владимир, разделив на уделы Россию, остается в Киеве; молодые богатыри со скуки раз'езжаются; с ними Илья Муромец и Добрыня — печенеги нападают на Киев — Владимир посылает гонцов к сыновьям — дети его собираются — кроме Мстислава, Илья едет за ним, встречает своего сына — сражается с ним — Мстислав — при нем молодые богатыри — идут на Косогов. Мстислав в горах [влюбляется в их царевну] [(Амазонку — Армиду)] остальные богатыри разъезжаются — Илья едет далее [узнав о любви Мстислава], находит его и ведет к отцу — Царевна за ними едет — она пристает к печенегам. — Сражения— des grand combats et des combats encor: 1

а) на Киев нападают соединенные народы — b) [Духи] [Боги языческие], изгнанные крещением их одушевляют, с) [Хозарский князь колдун] [(меч Еруслана об двух ударах)] [колдун

убит] [Борисом] [Мстиславом.]

2

И<лья> хочет представить сына Владимиру—вместе едут—

Царевна Косогов влюбляется в [сына Ильи] Мстислава — [она] ее мать волшебница: старается заманить Мстислава — Мстислав упорствует ее прелестям — она в сражении его увлекает — под видом косога убившего его друга; [кидается в ладью, борются]; [теряет] превращается вновь — Мстислав на острове наслаждений — гонец приезжает к его дружине, не застает его— Владимир в отчаянии —

<u>Царевна</u> жалуется своей матери, та обещает соединить ее с Мстиславом.

Илия в молодости обрюхатил царевну татарскую — она вышла замуж, объявила сыну, сын едет отыскивать отца.

3

Илия находит пустынника, который пророчествует ему участь России.

^{1 [}большие сражения и снова сражения],

Мстислав увлечен чародейством в горы Кавказские — На Россию нападают с разных сторон все враги ее — Мстислав по вечерам видит ладию и деву —

III. AKTEOH (1822).

Морфей влюблен в Диану — Его двор — он усыпляет Ендимиона — Диана (пр.) назначает ему свидание и находит

..... Актеон это узнает от Феоны, наяды — не спит — наконец видит Диану в источнике.

Актеон, un fat, après avoir séduit Théone, Naiade, lui demande l'histoire scandaleuse de Diane - Théone médit Morphée etc. Akteон voit Diane au bain, meurt dans la grotte Théone. 1

<Начав осуществлять этот замысел поэмы, Пушкин написал несколько стихов; см. в т. І, стр. 338, № 365. «В лесах Гаргафии счастливой...»>,

IV. ПЛАН (1829).

Станица — Терек (?) — за водой — невеста — черкес на том берегу — она назначает ему свидание [он хочет увезти ее] тревога — бабы [убивают молод] берут его в плен — отсылают в крепость — обмен — побег девушки с черкесом.

Может быть к этому замыслу относится стихотворный набросок; см. в т. II, стр. 177, № 775—«Полюби меня, девица»...

Актеон, фат, соблазнив наяду Феону, расспрашивает ее о любовных приключениях Дианы. Феона наговаривает на Морфея и т. д. Актеон видит Диану, влюбляется в неё, застаёт её во время купанья, умирает в пещере Феоны.

дРАМЫ

1825.

БОРИС ГОДУНОВ.

'ДРАГОЦЕННОЙ ДЛЯ РОССИЯН ПАМЯТИ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА

сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностью посвящает

АЛЕКСАНДР ПУШКИН. КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ. (1598 года, 20 февраля)

Князья Шуйский и Воротынский.

Воротынский.

Наряжены мы вместе город ведать, Но, кажется, нам не за кем смотреть: Москва пуста; во след за патриархом К монастырю пошел и весь народ. Как думаешь, чем кончится тревога?

Шуйский.

Чем кончится? Узнать не мудрено: Народ еще повоет, да поплачет, Борис еще поморщится немного, Что пьяница пред чаркою вина, И наконец по милости своей Принять венец смиренно согласится; А там — а там он будет нами править По прежнему.

Воротынский.

Но месяц уж протек, Как, затворясь в монастыре с сестрою, Он, кажется, покинул всё мирское. Ни патриарх, ни думные бояре Склонить его доселе не могли; Не внемлет он ни слезным увещаньям, Ни их мольбам, ни воплю всей Москвы, Ни голосу Великого Собора Его сестру напрасно умоляли Благословить Бориса на державу; Печальная монахиня-царица, Как он тверда, как он неумолима. Знать сам Борис сей дух в нее вселил; Что ежели Правитель в самом деле Державными заботами наскучил И на престол безвластный не взойдет? Что скажешь ты?

Шуйский.

Скажу, что понапрасну Лилася кровь царевича-младенца; Что если так, Димитрий мог бы жить.

Воротынский.

Ужасное влодейство! Полно, точно ль Царевича сгубил Борис?

Шуйский

А кто же? Кто подкупал напрасно Чепчугова? Кто подослал обоих Битяговских С Качаловым? Я в Углич послан был Исследовать на месте это дело: Наехал я на свежие следы; Весь город был свидетель элодеянья; Все граждане согласно показали, И, возвратясь, я мог единым словом Изобличить сокрытого элодея.

Воротынский. '

Зачем же ты его не уничтожил?

Шуйский.

Он, признаюсь, тогда меня смутил Спокойствием, бесстыдностью нежданой; Он мне в глаза смотрел, как будто правый: Расспрашивал, в подробности входил —

И перед ним я повторил нелепость, Которую мне сам он нашептал.

Воротынский.

Не чисто, князь.

Шуйский.

А что мне было делать? Всё объявить Феодору? Но царь На всё глядел очами Годунова, Всему внимал ушами Годунова: Пускай его б уверил я во всем; Борис тотчас его бы разуверил, А там меня ж сослали б в заточенье, Да в добрый час, как дядю моего, В глухой тюрьме тихонько б задавили. Не хвастаюсь, а в случае конечно Никая казнь меня не устрашит; Я сам не трус, но также не глупец И в петлю лезть не соглашуся даром.

Воротынский.

Ужасное злодейство! Слушай, верно Губителя раскаянье тревожит: Конечно кровь невинного младенца Ему ступить мешает на престол.

Шуйский.

Перешагнет; Борис не так-то робок! Какая честь для нас, для всей Руси! Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, Зять палача и сам в душе палач, Возьмет венец и бармы Мономаха...

Воротынский.

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Шуйский.

Да, кажется.

Воротынский.

Ведь Шуйский, Воротынский..... 'Легко сказать, природные князья.

Шуйский.

Природные, и рюриковой крови,

Воротынский.

А слушай, князь, ведь мы б имели право Наследовать Феодору

Шуйский. ′

Да боле,

Чем Годунов.

Воротынский.

Ведь в самом деле!

Шуйский

Что ж ?

Когда Борис хитрить не перестанет, Давай народ искусно волновать, Пускай они оставят Годунова, Своих князей у них довольно, пусть Себе ь цари любого изберут.

Воротынский.

Не мало нас наследников Варяга, Да трудно нам тягаться с Годуновым: Народ отвык в нас видеть древню отрасль Воинственных властителей своих. Уже давно лишились мы уделов, Давно царям подручниками служим, А он умел и страхом и любовью И славою народ очаровать.

Шуйский (глядит в окно).

Он смел, вот всё — а мы..... Но полно. Видии Народ идет, рассыпавшись, назад — Пойдем скорей, узнаем, решено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Народ.

Один.

Неумолим! Он от себя прогнал Святителей, бояр и патриарха.

Они пред ним напрасно пали ниц; Его стращит сияние престола.

Другой.

О боже мой, кто будет нами править? О горе нам!

Третий

*Да вот верховный дьяк Выходит нам сказать решенье Думы.

Народ.

Молчать! молчать! дьяк думный говорит; Ш ш — слушайте!

Щелкалов (с Красного Крыльца).

Собором положили В последний раз отведать силу просьбы Над скорбною Правителя душой. Заутра вновь святейший патриарх, В Кремле отпев торжественно молебен, Поедшествуем хоругвями святыми, С иконами Владимирской, Донской, Воздвижется; а с ним синклит, бояре, Aа сонм дворян, да выборные люди И весь народ московский православный, Мы все пойдем молить царицу вновь, Да сжалится над сирою Москвою И на венец благословит Бориса. Идите же вы с богом по домам. Молитеся, да взыдет к небесам Усердная молитва православных.

(Народ расходится.)

девичье поле. Новодевичий монасты

Народ.

Один.

Теперь они пошли к царице в келью, Туда вошли Борис и патриарх С толпой бояр.

Другой.

Что слышно?

Третий.

Всё еще

Упрямится; однако есть надежда.

Баба с ребенком.

Ary! не плачь, не плачь; вот бука, бука Тебя возьмет! ary! ary!..... не плачь!

Один.

Нельзя ли нам пробраться за ограду?

Другой.

Нельзя. Куды! и в поле даже тесно, Не только там. Легко ли? Вся Москва Сперлася здесь; смотри: ограда, кровли, Все ярусы соборной колокольни, Главы церквей и самые кресты Унизаны народом.

> Первый. Право, любо!

> > Один.

Что там за шум?

Другой.

Послушай! что за шум? Народ завыл, там падают, что волны, За рядом ряд.... еще.... еще... Ну, брат, Дошло до нас, скорее! на колени!

Народ на коленах. Вой и плач. Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами! Будь наш отец, наш царь!

Один (тихо).

О чем там плачут?

Другой.

А как нам знать? то ведают бояре, Не нам чета.

Баба с ребенком.

Ну, что ж? как надо плакать, Так и затих! вот я тебе! вот бука! Плачь, баловень!

(Бросает его об вемь. Ребенок пищит.)

Ну, то-то же.

Один

Всс плачут,

Заплачем, брат, и мы.

Другой.

. Я силюсь, брат,

Да не могу.

Первый.

Я также. Нет ли луку? Потрем глаза.

Второй.

Hет, я слюней помажу. Что там еще?

Первый.

Да кто их разберет'я

Народ.

Венец за ним! он царь! он согласился! Борис наш царь! да здравствует Борис!

КРЕМЛЕВСКИЕ ПАЛАТЫ. Борис, патриарх, бояре.

Борис.

Ты, отче патриарх, вы все, бояре, Обнажена моя душа пред вами: Вы видели, что я приемлю власть Великую со страхом и смиреньем. Сколь тяжела обязанность моя! Наследую могущим Иоаннам — Наследую и ангелу-царю!..... О праведник! о мой отец державный! Воззри с небес на слезы верных слуг

И ниспошли тому, кого любил ты, Кого ты здесь столь дивно возвеличил, Священное на власть благословенье: Да правлю я во славе свой народ, Да буду благ и праведен, как ты.

От вас я жду содействия, бояре. Служите мне, как вы ему служили, Когда труды я ваши разделял, Не избранный еще народной волей.

Бояре.

Не изменим присяге, нами данной.

Борис.

Теперь пойдем, поклонимся гробам Почиющих властителей России, А там — сзывать весь наш народ на пир, Всех, от вельмож до нищего слепца; Всем вольный вход, все гости дорогие.

, (Уходит, за ним и бояре.)

Воротынский, *останавливая Шуйского*. Ты угадал.

Шуйский.

А что?

Воротынский.

Да здесь, намедни,

Ты помнишь?

Шуйский.

Нет, не помню ничего.

Воротынский.

Когда народ ходил в Девичье поле, Ты говорил —

Шуйский.

Теперь не время помнить, Советую порой и забывать. А впрочем я злословием притворным Тогда желал тебя лишь испытать,

Верней узнать твой тайный образ мыслей; Но вот — народ приветствует царя — Отсутствие мое заметить могут — Иду за ним.

Воротынский. Лукавый царедворец!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ В ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ. (1603 года.)

Отец Пимен, Григорий спящий.

Пимен пишет перед лампадой.

Еще одно, последнее сказанье -И летопись окончена моя, Исполнен долг, завещанный от бога Мне, грешному. Недаром многих лет Свидетелем господь меня поставил И книжному искусству вразумил; Когда-нибудь монах трудолюбивый Найдет мой труд усердный, безымянный, Засветит он, как я, свою лампаду — И, пыль веков от хартий отряхнув, Правдивые сказанья перепишет, Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу, Своих царей великих поминают За их труды, за славу, за добро 🛶 А за грехи, за темные деянья Спасителя смиренно умоляют.

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуяся, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходит до меня,
А прочее погибло невозвратно.....
Но близок день, лампада догорает — —
Еще одно, последнее сказанье (пишет),

Григорий пробуждается.

Всё тот же сон! возможно ль? в третий раз! Проклятый сон!... А всё перед лампадой Старик сидит да пишет — и дремотой Знать во всю ночь он не смыкал очей.

Как я люблю его спокойный вид. Когда, душой в минувшем погруженный, Он летопись свою ведет, и часто Я угадать хотел, о чем он пишет: О темном ли владычестве татар? О казнях ли свирепых Иоанна? О бурном ли новогородском вече? О славе ли отечества? напрасно: Ни на чело высоком, ни во взорах Нельзя прочесть его сокрытых дум; Всё тот же вид смиренный, величавый. Так точно дьяк, в приказах поседелый, Спокойно зрит на правых и виновных, Добру и злу внимая равнодушно, Не ведая ни жалости, ни гнева.

Пимен.

Проснулся брат.

Григорий.

Благослови меня,

Честный отец.

Пимен.

Благослови, господь, Тебя и днесь й присно и во веки.

Григорий.

Ты всё писал и сном не позабылся, А мой покой бесовское мечтанье Тревожило, и враг меня мутил: Мне снилося, что лестница крутая Меня вела на башню; с высоты Мне виделась Москва, что муравейник; Внизу народ на площади кипел И на меня указывал со смехом; И стыдно мне и страшно становилось — И, падая стремглав, я пробуждался... И три раза мне снился тот же сон. Не чудно ли?

Пимен.

Младая кровь играет; Смиряй себя молитвой и постом, И сны твои видений легких будут Исполнены. Доныне — если я,

Невольною дремотой обессилен, Не сотворю молитвы долгой к ночи — Мой старый сон не тих и не безгрешен; Мне чудятся то шумные пиры, То ратный стан, то схватки боевые, Безумные потехи юных лет!

Григорий.

Как весело провел свою ты младость! Ты воевал под башнями Казани, Ты рать Литвы при Шуйском отражал, Ты видел двор и роскошь Иоанна! Счастлив! а я от отроческих лет По келиям скитаюсь, бедный инок! Зачем и мне не тешиться в боях, Не пировать за царскою трапезой? Успел бы я, как ты, на старость лет От суеты, от мира отложиться, Произнести монашества обет И в тихую обитель затвориться.

Пимен

Не сетуй, брат, что рано грешный свет Покинул ты, что мало искушений Послал тебе всевышний. Верь ты мне: Нас издали пленяет слава, роскошь И женская лукавая любовь. Я долго жил и многим насладился; Но с той поры лишь ведаю блаженство. Как в монастырь господь меня привел. Подумай, сын, ты о царях великих: Кто выше их? Единый бог. Кто смеет Противу их? Никто. А что же? Часто Златой венец тяжел им становился: Они его меняли на клобук. Царь Иоанн искал успокоенья В подобии монашеских трудов. Его дворец, любимцев гордых полный, Монастыря вид новый принимал: Кромешники в тафьях и власяницах Послушными являлись чернецами. А грозный царь игумном богомольным. Я видел здесь — вот в этой самой келье (В ней жил тогда Кирилл многострадальный. Муж праведный. Тогда уж и меня Сподобил бог уразуметь ничтожность Мирских сует), здесь видел я царя.

Усталого от гневных дум и казней. Задумчив, тих сидел меж нами Грозный; Мы перед ним недвижимо стояли, И тихо он беседу с нами вел. Он говорил игумну и всей братье: «Отцы мои, желанный день придет, Предстану здесь алкающий спасенья. Ты, Никодим, ты, Сергий, ты, Кирилл, Вы все — обет примите мой духовный: Пониду к вам преступник окаянный И схиму здесь честную восприму, К стопам твоим, святый отец, припадши.» Так говорил державный государь, И сладко речь из уст его лилася — И плакал он. А мы в слезах молились. Да ниспошлет господь любовь и мир Его душе страдающей и бурной. 'А сын его Феодор? На престоле Он воздыхал о мирном житии Молчальника. Он царские чертоги Преобратил в молитвенную келью; Там тяжкие, державные печали Святой души его не возмущали. Бог возлюбил смирение царя, И Русь при нем во славе безмятежной Утешилась — а в час его кончины Свершилося неслыханное чудо: К его одру, царю едину зримый, Явился муж необычайно светел. И начал с ним беседовать Феодор И называть великим патриархом. И все кругом объяты были страхом. Уразумев небесное виденье, Зане святый владыка пред царем Во храмине тогда не находился. Когда же он преставился, палаты Исполнились святым благоуханьем, И лик его как солнце просиял — Уж не видать такого нам царя. О страшное, невиданное горе! Прогневали мы бога, согрешили: Владыкою себе цареубийцу Мы нарекли.

Григорий.

Давно, честный отец, Хотелось мне тебя спросить о смерти Димитрия царевича; в то время Ты, говорят, был в Угличе.

Пимен.

Ох, помню! Привел меня бог видеть элое дело, Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич На некое был услан послушанье, Пришел я в ночь. На утро в час обедни Вдруг слышу звон, ударили в набат, Крик, шум. Бегут на двор царицы. Я Спешу туда ж — а там уже весь город. Гляжу: лежит зарезанный царевич: Царица мать в беспамятстве над ним, Кормилица в отчаяньи рыдает, А тут народ остервенясь волочит Безбожную предательницу-мамку.... Вдруг между них, свиреп, от злости бледен, Является Иуда-Битяговский. «Вот, вот элодей!» раздался общий вопль, И вмиг его не стало. Тут народ Вслед бросился бежавшим трем убийцам: Укрывшихся злодеев захватили И привели пред теплый труп младенца, И чудо — вдруг мертвец затрепетал. «Покайтеся!» народ им завопил: И в ужасе под топором злодеи Покаялись — и назвали Бориса.

Григорий.

Каких был лет царевич убиенный?

Пимен.

Да лет семи; ему бы ныне было — (Тому прошло уж десять лет... нет, больше: Двенадцать лет) — он был бы твой ровесник И царствовал; но бог судил иное.

Сей повестью плачевной заключу
Я летопись свою; с тех пор я мало
Вникал в дела мирские. Брат Григорий,
Ты грамотой свой разум просветил,
Тебе свою труд передаю. В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей,
Угодников святые чудеса,
Пророчества и знаменья небесны—
А мне пора, пора уж отдохнуть

И погасить лампаду.... Но звонят К заутрене.... благослови, господь, Своих рабов!... подай костыль, Григорий.

(Уходит.)

Григорий.

Борис, Борис! всё пред тобой трепещет, Никто тебе не смеет и напомнить О жребии несчастного младенца — А между тем отшельник в темной келье Здесь на тебя донос ужасный пишет: И не уйдешь ты от суда мирского. Как не уйдешь от божьего суда.

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

Патриарх, игумен Чудова монастыря.

Патриаржа

И он убежал, отец игумен?

Игумен.

Убежал, святый владыко. Вот уж тому третий день.

Патриарх.

Пострел, окаянныи! Да какого он роду?

Игумен.

Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей; смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии; а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен; читал наши летописи, сочинял каноны святым; но знать грамота далася ему не от господа бога.....

Патриарх.

Уж эти мне грамотеи! что еще выдумал! буду царем на Москве! ах он сосуд диавольский! Однако нечего царю и докладывать об этом; что тревожить отца-государя? Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову али дьяку Ефимьеву; эдака ересь! буду царем на Москве!.... Поймать поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние. Ведь это ересь, отец игумен.

Игумен.

Ересь, святый владыко, сущая ересь.

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ.

Два стольника.

Первый.

Где государь?

Второй.

В своей опочивальне

Он заперся с каким-то колдуном.

Первый.

Так, вот его любимая беседа: Кудесники, гадатели, колдуньи. Всё ворожит, что красная невеста. Желал бы знать, о чем гадает он?

Второй.

Вот он идет, Угодно ли спросить?

Первый.

Как он угрюм!

(Уходят.)

∐арь входит.

Достиг я высшей власти;

Шестой уж год я царствую спокойно. Но счастья нет моей душе. Не так ли Мы смолоду влюбляемся и алчем Утех любви, но только утолим Сердечный глад мгновенным обладаньем, Уж охладев, скучаем и томимся?... Напрасно мне кудесники сулят Дни долгие, дни власти безмятежной — Ни власть, ни жизнь меня не веселят; Предчувствую небесный гром и горе. Мне счастья нет. Я думал свой народ В довольствии, во славе успокоить, Шедротами любовь его снискать — Но отложил пустое попеченье: Живая власть для черни ненавистна.

Они любить умеют только мертвых — Безумны мы, когда народный плеск Иль ярый вопль тревожит сердце наше! Бог насылал на землю нашу глад, Народ завыл, в мученьях погибая; Я отворил им житницы, я злато Рассыпал им, я им сыскал работы: Они ж меня, беснуясь, проклинали! Пожарный огнь их домы истребил, Я выстроил им новые жилища: Они ж меня пожаром упрекали! Вот черни суд: ищи ж ее любви. В семье моей я мнил найти отраду, Я дочь мою мнил осчастливить браком — Как буря, смерть уносит жениха..... И тут молва лукаво нарекает Виновником дочернего вдовства Меня, меня, несчастного отца!.... Кто ни умрет, я всех убийца тайный: Я ускорил Феодора кончину, Я отравил свою сестру царицу, Монахиню смиренную.... всё я! Ах! чувствую: ничто не может нас Среди мирских печалей успокоить; Ничто, ничто... едина разве совесть. Так, здравая, она восторжествует Над элобою, над темной клеветою. Но если в ней единое пятно. Единое случайно завелося. Гогда — беда! как язвой моровой Душа сгорит, нальется сердце ядом, Как молотком, стучит в ушах упрек, И всё тошнит, и голова кружится, И мальчики кровавые в глазах..... И рад бежать, да некуда.... ужасно! Да, жалок тот, в ком совесть не чиста.

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ.

Мисана и Варлаам, бродяги-чернецы; Григорий Отрепьев мирянином; хозяйка.

Хозяйка.

Чем-то мне вас потчевать, старцы честные?

` Варлаам.

Чем бог пошлет, хозяюшка. Нет ли вина?

Хозяйка.

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.

(Уходит.)

Мисаил.

Что ж ты закручинился, товарищ? Вот и граница Литовская, до которой так хотелось тебе добраться.

Григорий.

Пока не буду в Литве, до тех пор не буду спокоен.

Варлаам.

Что тебе Литва так слюбилась? Вот мы, отец Мисаил, да я грешный, как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино..... да вот и оно!...

Мисаил

Складно сказано, отец Варлаам.

Хозяйка входит.

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаил.

Спасибо, родная, бог тебя благослови.

(Монахи пьют; Варлаам ватягивает песню:

«Ах, люба ты, люба моя, Посмотри-тка ты, люба, на меня...»),

Варлаам (Григорию).

Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорий.

Не хочу.

Мисаил.

Вольному соля....

Варлаам.

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же чарочку за шинка-рочку....

«Посмотри-тка ты, люба, на меня.»

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить как мы, милости просим — нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ.

Григорий.

Пей, да про себя разумей, отец Варлаам!... Видишь, и я порой складно говорить умею.

Варлаам.

А что мне про себя разуметь?

Мисаил.

Оставь его, отец Варлаам.

Варлаам.

Да что он за постник? Сам же к нам навязался в товарищи, неведомо кто, неведомо откуда — да еще и спесивится: быть кобылу нюхал.....

(Пьет и поет.)

«Молодой чернец постригся».

Григорий хозяйке.

Куда ведет эта дорога?

Хозяйка.

В Литву, мой кормилец, к Луёвым горам.

Григорий.

А далече ли до Луёвых гор?

Хозяйка.

Недалече, к вечеру можно бы туда поспеть, кабы не заставы царские, да сторожевые приставы.

Григорий.

Как, заставы! что это значит?

Хозяйка.

Кто-то бежал из Москвы, а велено всех задерживать, да осматривать.

Григорий про себя.

Вот тебе, бабушка, Юрьев день.

Варлаам.

Эй, товарищ! да ты к козяйке присуседился. Знать не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим.

Мисайл.

Складно сказано, отец Варлаам...

Григорий.

'Да кого ж им надобно? Кто бежал из Москвы?

Хозяйка.

А господь его ведает, вор ли, разбойник — только здесь и добрым людям нынче прохода нет — а что из того будет? ничего; ни лысого беса не поймают: будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж вслкой мальчишка доведет до Луёвых гор. От этих приставов только и толку, что притесняют прохожих, да обирают нас бедных. (Слышен шум.) Что там еще? Ах, вот они, проклятые! дозором идут.

Григорий.

Хозяйка! нет ли в избе другого угла?

Хозяйка.

Нету, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозором ходят, а подавай им и вина и хлеба, и неведомо чего — чтоб им издохнуть, окаянным! чтоб им.....

(Входят приставы.)

Пристав.

Здорово, хозяйка!

Хозяйка.

[Добро пожаловать, гости дорогие, милости просим.

Один пристав другому.

Ба! да здесь попойка идет; будет чем поживиться. (Монахам.) Вы что за люди?

Варлаам.

Мы божии старцы, иноки смиренные, ходим по селениям, да собираем милостыню христианскую на монастырь.

Пристав Григорию:

А ты?

Мисаил.

Наш товарищ....

Григорий.

Мирянин из пригорода; проводил старцев до рубежа, отселе иду восвояси

Мисаил.

Так ты раздумал....

Григорий тихо.

Молчи.

Пристав.

Хозяйка, выставь-ко еще вина — а мы здесь со старцами попьем, да побеседуем.

Другой пристав тихо.

Парень-то, кажется, гол, с него взять нечего; за то старцы.....

Первый.

Молчи, сейчас до них доберемся. — Что, отцы мои? каково промышляете?

Варлаам.

Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства, думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда да и только. — Ох, плохо, знать пришли наши последние времена.....

Хозяйка плачет.

Господь помилуй и спаси!

(В продолжение Варлаамовой речи, первый пристав вначительно всматривается в Мисаила.)

Первый пристав.

Алёха! при тебе ли царский указ?

Второй.

При мне.

Первый.

Подай-ко сюда.

Мисаил.

Что ты на меня так пристально смотришь?

Первый пристав.

А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слыхал ли ты это?

Мисаил.

Не слыхал.

Пристав.

Не слыхал? ладно. А того беглого еретика царь приказал изловить и повесить. Знаешь ли ты это?

Мисаил.

Не знаю.

Пристав Варлааму.

Умеешь ли ты читать?

Варлаам.

Смолоду знал, да разучился.

Пристав Мисаилу.

А ты?

Мисаил.

Не умудрил господь.

Пристав.

Так вот тебе царский указ.

Мисаил.

На что мне его?

Пристав.

Мне сдается, что этот беглый еретик, вор, мошенник - ты.

Мисаил.

Я? помилуй! что ты!

Пристав.

Постой! держи двери. Вот мы сейчас и справимся.

Хозяйка.

Ах, они окаянные мучители! и старца то в покое не оставял!

Пристав.

Кто здесь грамотный?

Григорий выступает вперед.

Я грамотный.

Пристав.

Вот на! А у кого же ты научился?

Григорий.

У нашего пономаря.

Пристав дает ему указ.

Читай же вслух.

Григорий читает.

«Чудова монастыря недостойный чернец Григорий, из роду Отрепьевых, впал в ересь и дерзнул, наученный диаволом, возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями. А по справкам оказалось, отбежал он, окаянный Гришка, к границе Литовской....»

Пристав Мисаилу.

Как же не ты?

Григорий.

«И царь повелел изловить его....»

Пристав.

И повесить.

Григорий.

Тут не сказано повесить.

Пристав.

Врешь: не всяко слово в строку пишется. Читай: изловить и повесить.

Григорий.

«И повесить. А лет ему вору Гришке от роду.... (смотря на Варлаама) за 50, а росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое.....»

(Все глядят на Варлаама.)

Первый пристав.

Ребята! здесь Гришка! держите, вяжите его! Вот уж не думал, не гадал.

Варлаам, вырывая бумагу.

Отстаньте, сукины дети! что я за Гришка? как! 50 лет, борода седая, брюхо толстое! нет, брат! молод еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит. (Читает по складам.) «А лет е-му от ро-ду..... 20.» — Что брат? где тут 50? видишь 20.

Второй пристав.

Да, помнится, двадцать. Так и нам было сказано.

Первый пристав Григорию.

Да ты, брат, видно забавник.

(Во время чтения, Григорий стоит потупя голову, с рукою ва пазухой.)

Варлаам продолжает.

«А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая.» Да это, друг, уж не ты ли?

(Григорий вдруг вынимает кинжал; все перед ним расступаются, он бросается в окно.)

Приставы.

Держи! держи!

(Все бегут в беспорядке.)

МОСКВА ДОМ ШУЙСКОГО. Шуйский, множество гостей. Ужин.

Шуйский.

Вина еще.

(Встает, ва ним и все.)

Ну, гости дорогие, Последний ковш! Читай молитву, мальчик.

Мальчик.

Царю небес, везде и присно сущий, Своих рабов молению внемли: Помолимся о нашем государе, Об избранном тобой, благочестивом, Всех христиан царе самодержавном. Храни его в палатах, в поле ратном, И на путях, и на одре ночлега. Подай ему победу на враги, Да славится он от моря до моря, Да здравием цветет его семья, Да осенят ее драгие ветви Весь мир земной — а к нам, своим рабам, Да будет он, как прежде, благодатен, И милостив, и долготерпелив, Да мудрости его неистощимой Проистекут источники на нас; И, царскую на то воздвигнув чашу, Мы молимся тебе, царю небес.

Шуйский пьет.

Да здравствует великий государь! Простите же вы, гости дорогие; Благодарю, что вы моей хлеб-солью Не презрели. Простите, добрый сон.

(Гости уходят, он провожает их до дверей.)

Пушкин.

Насилу убрались; ну, князь Василий Иванович, я уж думал, что нам не удастся и переговорить.

Шуйский слугам.

Вы что рот разинули? Всё бы вам господ подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте вон. — Что такое, Афанасий Михайлович?

Пушкин.

Чудеса да и только.

Племянник мой, Гаврила Пушкин, мне Из Кракова гонца прислал сегодня.

Шуйский.

Ну.

Пушкин.

Странную племянник пишет новость.
Сын Грозного... постой. (Идет к дверям и осматривает.)
Державный отрок,
По манию Бориса убиенный....

Шуйский.

Да это уж не ново.

Пушкин.

Погоди:

Димитрий жив.

Шуйский.

Во-на! какая весть! Царевич жив! ну подлинно чудесно. Й только-то?

Пушкин.

Послушай до конца. Кто б ни был он, спасенный ли царевич, Иль некий дух во образе его, Иль смелый плут, бесстыдный самозванец, Но только там Димитрий появился.

Шуйский.

Не может быть.

Пушкин.

Его сам Пушкин видел, Как приезжал впервой он во дворец И сквозь ряды литовских панов прямо Шел в тайную палату короля.

Шуйский.

Кто ж он такой? откуда он?

Пушкин.

Не знают.

Известно то, что он слугою был У Вешневецкого, что на одре болезни Открылся он духовному отцу, Что гордый пан, его проведав тайну, Ходил за ним, поднял его с одра И с ним потом уехал к Сигизмунду.

Шуйский.

Что ж говорят об этом удальце?

Пушкин.

Да слышно, он умен, приветлив, ловок, По нраву всем. Московских беглецов Обворожил. Латинские попы С ним заодно. Король его ласкает, И говорят, помогу обещал.

Шуйский

Всё это, брат, такая кутерьма, Что голова кругом пойдет невольно. Сомненья нет, что это самозванец, Но, признаюсь, опасность не мала. Весть важная! и если до народа Она дойдет, то быть грозе великой.

Пушкин.

Такой грозе, что вряд царю Борису Сдержать венец на умной голове. И поделом ему: он правит нами, Как царь Иван (не к ночи будь помянут). Что пользы в том, что явных казней цет, Что на колу кровавом, всенародно Мы не поем канонов Иисусу, Чго нас не жгут на площади, а царь Своим жезлом не подгребает углей? Уверены ль мы в бедной жизии нашей? Нас каждый день опала ожидает. Тюрьма, Сибирь, клобук, иль кандалы, 'A там — в глуши голодна смерть, иль петля. Знатнейшие меж нами роды — где? Где Сицкие князья, где Шестуновы, Романовы, отечества надежда? Заточены, замучены в изгнанье Дай срок: тебе такая ж будет участь. Легко ль, скажи: мы дома, как Литвой, Осаждены нееврными рабами. Всё языки, готовые продать, Правительством подкупленные воры. Зависим мы от первого холопа Которого захочем наказать. Вот - Юрьев день задумал уничтожить. Не властны мы в поместиях своих. Не смей согнать ленивца! Рад не рад, Корми его; не смей переманить Работника! Не то, в Приказ Холопей. Ну, слыхано ль хоть при царе Иване

Такое эло? А легче ли народу? Спроси его. Попробуй самозванец Им посулить старинный Юрьев день, Так и пойдет потеха.

Шуйский.

Прав ты, Пушкин. Но знаешь ли? Об этом обо всем Мы помолчим до времени.

Пушкин.

Вестимо,

Энай про себя. Ты человек разумный; Всегда с тобой беседовать я рад, И если что меня подчас тревожит Не вытерплю, чтоб не сказать тебе. К тому ж твой мед, да бархатное пиво Сегодня так язык мне развязали.... Прощай же, князь.

Шуйский.

Прощай, брат, до свиданья.

(Провожает Пушкина.)

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ.

Царевич, чертит географическую карту. Царевна, мамка царевны.

Ксения целует портрет.

Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте, а темной могилке, на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.

Мамка.

И, царевна! девица плачет, что роса падет: взойдет солнце, росу высушит. Будет у тебя другой жених и прекрасный и приветливый. Полюбишь его, дитя наш е ненаглядное, забудешь Иване королевича.

Ксения.

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна.

(Входит Борис.)

Царь.

Что, Ксения? что, милая моя? В невестах уж печальная вдовица! Всё плачешь ты о мертвом женихе. Дитя мое! судьба мне не сулила Виновником быть вашего блаженства. Я, может быть, прогневал небеса, Я счастие твое не мог устроить. Безвинная, зачем же ты страдаешь? А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Феодор.

Чертеж земли московской; наше царство Из края в край. Вот видишь: тут Москва, Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море, Вот пермские дремучие леса, А вот Сибирь.

Царь.

А это что такое Узором здесь виется?

> Феодор. Это Волга.

Дарь.

Как хорошо! вот сладкий плод ученья! Как с облаков ты можешь обозреть Всё царство вдруг: границы, грады, реки. Учись, мой сын: наука сокращает Нам опыты быстротекущей жизни — Когда-нибудь, и скоро может быть, Все области, которые ты ныне Изобразил так хитро на бумаге, Все под руку достанутся твою — Учись мой сын, и легче и яснее Державный труд ты будешь постигать.

(Входит Семен Годинов.)

Вот Годунов идет ко мне с докладом. (Ксении.) Душа моя, поди в свою светлицу; Прости, мой друг. Утешь тебя господь.

(Ксения с мамкой уходят.)

Что скажешь мне, Семен Никитич?

Семен Годунов.

Нынче Ко мне, чем свет, дворецкий князь-Василья И Пушкина слуга пришли с доносом.

Цар**ь.**

Hy.

Семен Годунов.

Пушкина слуга донес сперва, Что поутру вчера к ним в дом приехал Из Кракова гонец — и через час Без грамоты отослан был обратно.

∐аρь.

Гонца схватить.

Семен Годунов.

Уж послано в догоню.

Царь.

О Шуйском что?

Семен Годунов.

Вечор он угощал Своих друзей, обоих Милославских, Бутурлиных, Михайла Салтыкова, Да Пушкина — да несколько других; А разошлись уж поздно. Только Пушкин Наедине с хозяином остался И долго с ним беседовал еще.

Царь.

Сейчас послать за Шуйским.

Семен Годунов.

Государь"

Он вдесь уже

Царь.

Позвать его сюда. (Годунов уходит.)

Царь.

Сношения с Литвою! это что?....
Противен мне род Пушкиных мятежный, А Шуйскому не должно доверять:
Уклончивый, но смелый и лукавый.....

(Входит Шуйский.)

Мне нужно, князь, с тобою говорить. Но, кажется, ты сам пришел за делом: И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйский.

Так, государь: мой долг тебе поведать Весть важную.

Царь.

Я слушаю тебя.

Шуйский тихо указывая на Феодора Но, государь....

Царь.

Царевич может знать, Что ведает князь Шуйский. Говори.

Шуйский.

Царь, из Литвы пришла нам весть...

Царь.

Не та ли,

Что Пушкину привез вечор гонец.

Шуйский.

Всё знает он!... Я думал, государь, Что ты еще не ведаешь сей тайны.

∐аρь.

Нет нужды, князь: хочу сообразить Известия; иначе не узнаем Мы истины.

Шуйский.

Я знаю только то, Что в Кракове явился самозванец И что король и паны за него. ∐арь.

Что ж говорят? Кто этот самозванец?

Шуйский.

Не ведаю.

Царь.

Но.... чем опасен он?

Шуйский.

Конечно, царь: сильна твоя держава, Ты милостью, раденьем и щедротой Усыновил сердца своих рабов. Но знаешь сам: бессмысленная чернь Изменчива, мятежна, суеверна, Легко пустой надежде предана, Мгновенному внушению послушна, Для истины глуха и равнодушна, А баснями питается она. Ей нравится бесстыдная отвага. Так если сей неведомый бродяга Литовскую границу перейдет, К нему толпу безумцев привлечет Димитрия воскреснувшсе имя.

Царь.

Димитрия!... как? этого младенца! Димитрия!... Царевич, удались.

' Шуйский.

Он покраснел: быть буре!...

Феодор.

Государь,

Дозволишь ли....

Царь.

Нельзя, мой сын, поди.

(Федор уходит.)

Димитрия!....

Шуйский.

Он ничего не знал.

Царь

Послушаи, князь: взять меры сей же час; Чтоб от Литвы Россия оградилась Заставами; чтоб ни одна душа Не перешла за эту грань; чтоб ваяц Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон Не прилетел из Кракова. Ступай.

Шуйский.

Иду.

Царъ.

Постой. Не правда ль, эта весть Затейлива? Слыхал ли ты когда, Чтоб мертвые из гроба выходили Допрашивать царей, царей законных, Назначенных, избранных всенародно. Увенчанных великим патриархом? Смешно? а? что? что ж не смеешься ты?

Шуйский.

Я, государь?...

Царь.

Послушай, князь Василий: Как я узнал, что отрока сего... Что отрок сей лишился как-то жизни, Ты послан был на следствие: теперь Тебя крестом и богом заклинаю, По совести мне правду объяви: Узнал ли ты убитого младенца И не было ль подмена? Отвечай

Шуйский.

Клянусь тебе....

Царь.

Нет, Шуйский, не клянись, Но отвечай: то был царевич?

Шуйский.

OH.

Царъ.

Подумай, князь. Я милость обещаю, Прошедшей лжи опалою напрасной Не накажу. Но если ты теперь Со мной хитришь, то головою сына Клянусь — тебя постигнет злая казнь, Такая казнь, что царь Иван Васильич От ужаса во гробе содрогнется.

Шуйский.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость. Перед тобой дерзну ли я лукавить? И мог ли я так слепо обмануться, Что не узнал Димитрия? Три дня Я труп его в соборе посещал, Всем Угличем туда сопровожденный. Вокруг него тринадцать тел лежало, Растерзанных народом, и по ним Уж тление приметно проступало, Но детский лик царевича был ясен И свеж и тих, как будто усыпленный; Глубокая не запекалась язва, Черты ж лица совсем не изменились. Нет, государь, сомненья нет: Димитрий Во гробе спит.

Царь спокойно.

Довольно, удались. (Шуйский уходит.)

Ух, тяжело!... дай дух переведу — Я чувствовал: вся кровь моя в лицо Мне кинулась — и тяжко опускалась..... Так вот зачем тринадцать лет мне сряду Всё снилося убитое дитя! Да, да — вот что! теперь я понимаю. Но кто же он, мой грозный супостат? Кто на меня? Пустое имя, тень — Ужели тень сорвет с меня порфиру, Иль звук лишит детей моих наследства? Безумец я! чего ж я испугался? На призрак сей подуй — и нет его. Так решено: не окажу я страха — Но презирать не должно ничего.... Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВ ДОМ ВИШНЕВЕЦКОГО. Самозванец и Pater Червичовский.

Самозванец.

Нет, мой отец, не будет затрудненья; Я знаю дух народа моего; В нем набожность не знает исступленья: Ему священ пример царя его. Всегда, к тому, ж, терпимость равнодушна. Ручаюсь я, что прежде двух годов Весь мой народ, вся Северная Церковь Признают власть Наместника Петра.

Pater.

Вспомоществуй тебе святый Игнатий, Когда придут иные времена. А между тем небесной благодати Таи в душе, царевич, семена. Притворствовать пред оглашенным светом Нам иногда духовный долг велит; Твои слова, деянья судят люди, Намеренья единый видит бог.

Самозванец.

Аминь, Кто там!

(Входит слуга.)

Сказать: мы принимаем.

(Отворяются двери; входит толпа русских и поляков.)

Товарищи! мы выступаем завтра
Из Кракова. Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братские знамена
Поднявшие на общего врага,
На моего коварного злодея,
Сыны славян, я скоро поведу
В желанный бой дружины ваши грозны.
Но между вас я вижу новы лица.

Гаврила Пушкин.

Они пришли у милости твоей Просить меча и службы

Самозванец.

Рад вам, дети. Ко мне, друзья.— Но кто, скажи мне, Пушкин, Красавец сей?

Пушкин.

Киязь Курбский.

Самозванец.

Имя громко! (Курбскому.) Ты родственник казанскому герою?

Курбский.

Я сын его.

Самозванец.

Сн жив еще?

Курбский.

Нет, умер.

Самозванец.

Великий ум! муж битвы и совета! Но с той поры, когда являлся он, Своих обид ожесточенный мститель, С литовцами под ветхий город Ольгин, Молва об нем умолкла.

Курбский.

Мой отец В Вольнии провел остаток жизни, В поместиях, дарованных ему Баторием. Уединен и тих, В науках он искал себе отрады; Но мирный труд его не утешал: Он юности своей отчизну помнил И до конца по ней он тосковал.

Самозванец.

Несчастный вожды! как ярко просиял Восход его шумящей, бурной жизни. Я радуюсь, великородный витязь, Что кровь его с отечеством мирится. Вины отцов не должно вспоминать; Мир гробу их! приближься, Курбский... Руку! — Не странно ли? сын Курбского ведет На трон, кого? да — сына Иоанна!... Всё за меня: и люди и судьба. Ты кто такой?

Поляк.

Собаньский, шляхтич вольный.

Самозванец.

Хвала и честь тебе, свободы чадо! Вперед ему треть жалованья выдать: Но эти кто? я узнаю на них Земли родной одежду. Это наши

Хрущов быет челом.

Так, государь, отец наш. Мы твои Усердные, гонимые холопья. Мы из Москвы, опальные, бежали К тебе, наш царь — и за тебя готовы Главами лечь, да будут наши трупы На царский трон ступенями тебе.

Самозванец.

Мужайтеся, безвинные страдальцы — Лишь дайте мне добраться до Москвы, А там Борис расплатится во всем. Ты кто?

Карела.

Казак. К тебе я с Дона послан От вольных войск, от храбрых атаманов, От казаков верховых и низовых, Узреть твои царевы ясны очи И кланяться тебе их головами.

Самозванец.

Я знал донцов. Не сомневался видеть В своих рядах казачьи бунчуки. Благодарим Донское наше войско. Мы ведаем, что ныне казаки Неправедно притеснены, гонимы; Но если бог поможет нам вступить На трон отцов, то мы по старине Пожалуем наш верный вольный Дон.

 Π о $ilde{\sigma}$ т приближается, кланяясь нивко и хватая Γ ришку за полу.

Великий принц, светлейший королевич!

Самозванец.

Что хочешь ты?

Поэт подает ему бумагу.

Примите благосклонио Сей бедный плод усердного труда.

Самозванец.

Что вижу я? Латинские стихи! Стократ священ союз меча и лиры, Единый лавр их дружно обвиваст. Родился я под небом полунощным, Но мне знаком латинской музы голос, И я люблю парнасские цветы. Я верую в пророчества пиитов. Нет, не вотще в их пламенной груди Кипит восторг: благословится подвиг, Егож они прославили заране! Приближься, друг. В мое воспоминанье Прими сей дар.

(Дает ему перстень!)

Когда со мной свершится Судьбы завет, когда корону предков Надену я, — надеюсь вновь услышать Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн. Миза gloriam coronat, gloriaque musam. 1) И так, друзья, до завтра, до свиданья.

Bce.

В поход, в поход! Да здравствует Димитрий, Да здравствует великий князь московский!

¹ Муза венчает славу, а слава — музу-

ЗАМОК ВОЕВОЛЫ МНИШКА В САМБОРЕ.

(Ряд освещенных комнат. Музыка.)

Вишневецкий, Мнишек.

Мнишек.

Он говорит с одной моей Мариной, Мариною одною занят он.....
А дело-то на свадьбу страх похоже;
Ну — думал ты, признайся, Вишневецкий, Что дочь моя царицей будет? а?

Вишневецкий.

Да, чудеса... и думал ли ты, Мнишек, Что мой слуга взойдет на трон московский?

Мнишек.

А какова, скажи, моя Марина! Я только ей промолвил: ну, смотри! Не упускай Димитрия!... и вот Всё кончено. Уж он в ее сетях.

(Музыка играет Польский. Самозванец идет с Мариною в первой паре.)

Марина тихо Димитрию.

Да, ввечеру, в одиннадцать часов, В аллее лип, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара.)

Кавалер.

Что в ней нашел Димитрий?

Дама.

Как! она

Красавица.

Кавалер.

Да, мраморная нимфа: Глаза, уста без жизни, без улыбки...

(Новая пара.)

Дама.

Он не красив, но вид его приятен, И царская порода в нем видна.

(Новая пара.)

Дама.

Когда ж поход?

Кавалер.

Когда велит царевич, Готовы мы; но видно, панна Мнишек С Димитрием задержит нас в плену.

Дама.

Приятный плен.

Кавалер.

Конечно, если вы..... (Расходятся. Комнаты пустеют.)

Миишек.

Мы, старики, уж нынче не танцуем, Мазурки гром не подзывает нас, Прелестных рук не жмем и не целуем — Ох, не забыл старинных я проказ! Теперь не то, не то, что прежде было. И молодежь, ей-ей — не так смела, И красота не так уж весела — Признайся, друг: всё как-то приуныло. Оставим их; пойдем, товарищ мой, Венгерского, обросшую травой, Велим отрыть бутылку вековую, Да в уголку потянем-ка вдвоем Душистый ток, струю, как жир, густую, А между тем посудим кой о чем. Пойдем же, брат.

Вишневецкий.

И дело, друг, пойдем.

НОЧЬ. САД. ФОНТАН.

Самозванец входит,

Вот и фонтан; она сюда придет. Я, кажется, рожден не боязливым: Перед собой вблизи видал я смерть, Пред смертию душа не содрогалась. Мне вечная неволя угрожала, За мной гнались — я духом не смутился И дерзостью неволи избежал. Но что ж теперь теснит мое дыханье? Что значит сей неодолимый трепет? Иль это дрожь желаний напряженных? Нет — это страх. День целый ожидал Я тайного свидания с Мариной. Обдумывал всё то, что ей скажу, Как обольщу ее надменный ум, Как назову московскою царицей -Но час настал — и ничего не помню. Не нахожу затверженных речей; Любовь мутит мое воображенье... Но что-то вдруг мелькнуло... шорох... тише... Нет, это свет обманчивой луны, И прошумел здесь ветерок.

Марина входит.

ЦаревичІ

Самозванец.

Она!.... Вся кровь во мне остановилась.

Марина.

Димитрий! Вы?

Самозванец.

Волшебный, сладкий голос! (Идет к ней.) Ты ль наконец? Тебя ли вижу я, Одну со мной, под сенью тихой ночи? Как медленно катился скучный день! Как медленно заря вечерня гасла! Как долго ждал во мраке я ночном!

Марина.

Часы бегут, и дорого мне время—Я элесь тебе назчачила свиданье

Не для того, чтоб слушать нежны речи Любовника. Слова не нужны. Верю, Что любишь ты; но слушай: я решилась С твоей судьбой и бурной и неверной Соединить судьбу мою; то в праве Я требовать, Димитрий, одного: Я требую, чтоб ты души своей Мне тайные открыл теперь надежды, Намеренья и даже опасенья; Чтоб об руку с тобой могла я смело Пуститься в жизнь — не с детской слепотой. Не как раба желаний легких мужа, Наложница безмолвная твоя— Но как тебя достойная супруга, Помощница московского царя.

Самозванец.

О, дай забыть, коть на единый час Моей судьбы заботы и тревоги! Забудь сама, что видишь пред собой Царевича. Марина! эри во мне Любовника, избранного тобою, Счастливого твоим единым взором. О, выслушай моления любви, Дай высказать всё то, чем сердце полно.

Марина.

Не время, князь. Ты медлишь — и меж тем Приверженность твоих клевретов стынет, Час от часу опасность и труды Становятся опасней и труднее, Уж носятся сомнительные слухи, Уж новизча сменяет повизну; А Годунов свои приемлет меры....

Самозванец.

Что Годунов? во власти ли Бориса Твоя любовь, одно мое блаженство? Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно На трон его, на царственную власть. Твоя любовь... что без нее мне жизнь, И славы блеск, и русская держава? В глухой степи, в землянке бедной — ты, Ты заменишь мне царскую корону, Твоя любовь....

Марина.

Стыдись; не забывай Высокого, святого назначенья: Тебе твой сан дороже должен быть Всех радостей, всех обольщений жизни, Его ни с чем не можешь ты равнять. Не юноше кипящему, безумно Плененному моею красотой, Знай: отдаю торжественно я руку Наследнику московского престола, Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванец.

Не мучь меня, прелестная Марина, Не говори, что сан, а не меня Избрала ты. Марина! ты не знаешь Как больно тем ты сердце мне язвишь — Как! ежели.... о страшное сомненье! Скажи: когда б не царское рожденье Назначила слепая мне судьба, Когда б я был не Иоаннов сын, Не сей, давно забытый миром отрок. Тогда б... тогда б любила ль ты меня?...

Марина.

Димитрий ты и быть иным не можешь; Другого мне любить нельзя.

Самозванец.

Нет! полно:

Я не хочу делиться с мертвецом Любовницей, ему принадлежащей. Нет, полно мне притворствовать! скажу Всю истину; так знай же: твой Димитрий Давно погиб, зарыт — и не воскреснет; А хочешь ли ты знать, кто я таков? Изволь; скажу: я бедный черноризец; Монашеской неволею скучая, Под клобуком, свой замысел отважный Обдумал я, готовил миру чудо — И наконец из келии бежал К украинцам, в ях буйные курени, Владеть конем и саблей научился; Явился к вам; Димитрием назвался И поляков безмозглых обманул.

Что скажешь ты, надменная Марина? Довольна ль ты признанием моим? Что ж ты молчишь?

Марина.

О стыд! о горе мне!

Самозванец тихо.

Куда завлек меня порыв досады! С таким трудом устроенное счастье Я, может быть, навеки погубил. Что сделал я, безумец? (Вслух.) Вижу, вижу: Стыдишься ты не княжеской любви. Так вымолви ж мне роковое слово; В твойх руках теперь моя судьба, Реши: я жду (бросается на колени).

Марина.

Встань, бедный самозванец. Не мнишь ли ты коленопреклоненьем, Как девочки доверчивой и слабой, Тщеславное мне сердце умилить? Ошибся, друг: у ног своих видала Я рыцарей и графов благородных; Но их мольбы я хладно отвергала Не для того, чтоб беглого монаха.....

Самозванец встает.

Не презирай младого самозванца; В нем доблести таятся, может быть, Достойные московского престола, Достойные руки твоей бесценной....

Марина.

Достойные позорной петли, дерзкий!

Самозванец.

Виновен я: гордыней обуянный, Обманывал я бога и царей, Я миру лгал; но не тебе, Марина, Меня казнить; я прав перед тобою. Нет, я не мог обманывать тебя. Ты мне была единственной святыней, Пред нейже я притворствовать не смел. Любовь, любовь ревнивая, слепая, Одна любовь принудила меня Всё высказать.

Марина.

Чем хвалится безумец! Кто требовал признанья твоего? Уж если ты, бродяга безымянный Мог ослепить чудесно два народа. Так должен уж, по крайней мере, ты Достоин быть успеха своего И свой обман отважный обеспечить Упорною, глубокой, вечной тайной Могу ль, скажи, предаться я тебе, Могу дь. забыв свой род и стыд девичий. Соединить судьбу мою с твоею, Когда ты сам с такою простотой, Так ветрено позор свой обличаешь? Он из любви со мною проболтался! Дивлюся: как перед моим отцом Из дружбы ты доселе не открылся, От радости пред нашим королем, Или еще пред паном Вишневецким Из верного усердия слуги.

Самозванец.

Клянусь тебе, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье.
Клянусь тебе, что никогда, нигде,
Ни в пиршестве за чашею безумства,
Ни в дружеском, заветном разговоре,
Ни под ножом, ни в муках истязаний
Сих тяжких тайн не выдаст мой язык.

Марина.

Клянешься ты! и так должна я верить. О, верю я! но чем, нельзя ль узнать, Клянешься ты? не именем ли бога, Как набожный приемый езуитов? Иль честию, как витязь благородный, Иль, может быть, единым царским словом, Как царский сын? не так ли? говори.

Димитрий гордо.

Тень Грозного меня усыновила, Димитрием из гроба нарекла, Вокоуг меня народы возмутила И в жертву мне Бориса обрекла -Царевич я. Довольно, стыдно мне Пред гордою полячкой унижаться. Прошай навек. Игра войны кровавой, Судьбы моей обширные заботы Тоску любви, надеюсь, заглушата О, как тебя я стану ненавидеть. Когда пройдет постыдной страсти жарТ Теперь иду — погибель иль венец Мою главу в России ожидает. Найду ли смерть, как воин в битве честной, Иль как злодей на плахе площадной. Не будешь ты подругою моей. Моей судьбы не разделишь со мною: Но-может быть, ты будешь сожалеть Об участи, отвергнутой тобою.

Марина.

А если я твой дерзостный обман Заранее пред всеми обнаружу?

Самозванец.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь? Что более поверят польской деве, Чем русскому царевичу? Но знай, Что ни король, ни папа, ни вельможи Не думают о правде слов моих. Димитрий я, иль нет — что им за дело? Но я предлог раздоров и войны. Им это лишь и нужно, и тебя, Мятежница, поверь, молчать заставят. Прощай,

Марина

Постой, царевич. Наконец
Я слышу речь не мальчика, но мужа.
С тобою, князь, она меня мирит.
Безумный твой порыв я забываю
И вижу вновь Димитрия. Но — слушай:
Пора, пора! проснись, не медли боле.
Веди полки скорее на Москву;
Очисти Кремль, садись на трон московский—

Тогда за мной шли брачного посла; Но — слышит бог — пока твоя нога Не оперлась на тронные ступени, Пока тобой не свержен Годунов, Любви речей не буду слушать я.

(Уходит.)

Самозванец.

Нет—легче мне сражаться с Годуновым, Или хитрить с придворным езуитом, Чем с женщиной—чорт с ними; мочи нет. И путает, и вьется, и ползет, Скользит из рук, шипит, грозит и жалит. Эмея! эмея!... Недаром я дрожал. Она меня чуть-чуть не псгубила. Но решено: заутра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

Князь Курбский и Самозванец, оба верхами.

Полки приближаются к границе.

Курбский, прискакав первый.

Вот, вот она! вот русская граница! Святая Русь, отечество! я твой! Чужбины прах с презреньем отряхаю С моих одежд, пью жадно воздух новый: Он мне родной! теперь твоя душа, О мой отец, утешится, и в гробе Опалыные возрадуются кости! Блеснул опять наследственный наш меч, Сей славный меч, гроза Казани темной, Сей добрый меч, слуга царей московских! В своем пиру теперь он загуляет За своего надёжу-государя!.....

Самовванец едет тихо с поникшей головой.

Как счастлив он! как чистая душа В нем радостью и славой разыгралась! О витязь мой! завидую тебе. Сын Курбского, воспитанный в изгнаньи, Забыв отцом снесенные обиды, Его вину за гробом искупив, Ты кровь излить за сына Иоанна Готовишься; законного царя Ты возвратить отечеству..... ты прав, Душа твоя должна пылать весельем.

Курбский.

Ужель и ты не веселишься духсм? Вот наша Русь: она твоя, царевич. Там ждут тебя сердца твонх людей: Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванец.

Кровь русская, о Курбский, потечет! Вы за царя подъяли меч, вы чисты. Я ж вас веду на братьев; я Литву Позвал на Русь; я в красную Москву Кажу врагам ваветную дорогу!... Но пусть мой грех падет не на меня, А на тебя, Борис-цареубийца! Вперед!

Курбский.

Вперед! и горе Годунову!

(Скачут. Полки переходят через границу.)

ЦАРСКАЯ ДУМА.

Царь, патриарх и бояре.

Царь.

Возможно ли? расстрига, беглый инок и На нас ведет злодейские дружины, Дерзает нам писать угрозы! Полно, Пора смирить безумца! Поезжайте, Ты, Трубецкой, и ты, Басманов; помощь Нужна моим усердным воеводам. Бунтовщиком Чернигов осажден. Спасайте град и граждан.

Басманов.

Государь,
Трех месяцев отныне не пройдет,
И замолчит и слух о самозванце;
Его в Москву мы привезем, как зверя
Заморского, в железной клетке. Богом
Тебе клянусь.

(Уходит с Трубецким.)

Царь.

Мне свейский государь Через послов союз свой предложил; Но не нужна нам чуждая помога; Своих людей у нас довольно ратных, Чтоб отразить изменников и ляха. Я отказал.

Щелкалов! разослать Во все концы указы к воеводам. Чтоб на коня садились и людей По старине на службу высылали; В монастырях подобно отобрать Служителей причетных. В прежии годы. Когда бедой отечеству грозило, Отшельники на битву сами шли: Но не хотим тревожить ныне их: Пусть молятся за нас они: таков Указ царя и приговор боярский. Теперь вопрос мы важный разрешим: Вы знаете, что наглый Самозванец Коварные промчал повсюду слухи: Повсюду им разосланные письма Посеяли тревогу и сомненье; На площадях мятежный бродит шопот. Умы кипят.... их нужно остудить: Предупредить желал бы казни я, Но чем и как? решим теперь. Ты первый. Святый отец, свою поведай мысль.

Патриарж.

Благославен всевышний, поселивший Дух милости и кроткого терпенья В душе твоей, великий государь; Ты грешному погибели не хочешь, Ты тихо ждешь, да пройдет заблужденье: Оно пройдет и солнце правды вечной Всех озарит.

Твой верный богомолец, В делах мирских не мудрый судия, Дерзает днесь подать тебе свой голос: Бесовский сын, расстрига окаянный, Прослыть умел Димитрием в народе; Он именем царевича, как ризой Украденной, бесстыдно облачился: Но стоит лишь ее раздрать—и сам Он наготой своею посрамится.

Сам бог на то нам средство посылает: Знай, государь: тому прошло имес лет, В тот самый год, когда тебя господь Благословил, на царскую державу—В вечерний час ко мне пришел однажды Простой пастух, уже маститый старец, И чудную поведал он мне тайну:

«В младых летах, сказал он, я ослеп. И с той поры не знал ни дня, ни ночи, До старости: напрасно я лечился И зелием и тайным нашептаньем; Напрасно я ходил на поклоненье В обители к великим чудотворцам; Напрасно я из кладязей святых Кропил водой целебной темны очи-Не посылал господь мне исцеленья. Вот наконец утратил я надежду, И к тьме своей привык, и даже сны Мне виданных вещей уж не являли, 'А снилися мне только звуки. Раз В глубоком сне, я слышу, детский голос Мне говорит: встань, дедушка, поди Ты в Углич-град, в собор Преображенья; Там помолись ты над моей могилкой, Бог милостив — и я тебя прощу. — Но кто же ты? — спросил я детский голос. «Царевич я Димитрий. Царь небесный Приял меня в лик ангелов своих. И я теперь великий чудотворец! Иди. старик».—Проснулся я и думал: Что ж? может быть и в самом деле, бог Мне позднее дарует исцеленье. Пойду — и в путь отправился далекий. Вот Углича достиг я, прихожу В святый собор, и слушаю обедню, И, разгорясь душой усердной, плачу Так сладостно, как будто слепота Из глаз моих слезами вытекала. Когда народ стал выходить, я внуку Сказал: Иван, веди меня на гроб Царевича Димитрия. И мальчик Повел меня — и только перед гробом Я тихую молитву сотворил, Глаза мои прозрели; я увидел И божий свет, и внука, и могилку.» Вот, государь, что мне поведал старец. (Общее смущение. В продолжение сей речи Борис несколько рав отирает лицо платком.) Я посылал тогда нарочно в Углич, И сведано, что многие страдальцы Спасение подобно обретали У гробовой царевича доски.

Вот мой совет: во Кремль святые моши Перенести, поставить их в соборе Архангельском; народ увидит ясно Тогда обман безбожного злодея, И мощь бесов исчезнет, яко прах.

(Молчание.)

Князь Шуйский.

Святый отец, кто ведает пути Всевышнего? Не мие его судить. Нетленный сон и силу чудотворства Он может дать младенческим останкам, Но надлежит народную молву Исследовать прилежно и бесстрастно; А в бурные ль смятений времена Нам помышлять о столь великом деле? Не скажут ли, что мы святыню дер ко В делах мирских орудием творим? Народ и так колеблется безумно, И так уж есть довольно шумных толков: Умы людей не время волновать Нежданною, столь важной новизность.

Сам вижу я: необходимо слуг Рассеянный расстригой уничтожить, Но есть на то иные средства — прощ Так, государь — когда изволишь ты, Я сам явлюсь на площади народной, Уговорю, усовещу безумство И злой обман бродяги обнаружу.

Царь.

Да будет так! Владыко патриарх, Прошу тебя пожаловать в палату: Сегодня мне нужна твоя беседа.

(Уходит. За ним и все бояре.)

Один боярин тихо другому.

Заметил ты, как государь бледнел И крупный пот с лица его закапал?

Другой

Я — признаюсь — не смел поднять очей, Не смел вздохнуть, не только шевелиться.

Первый.

А выручил князь Шуйский. Молодец!

РАВНИНА БЛИЗ НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО.

(1604 года, 21 декабря.)

Битва.

Вонны бегут в беспорядке.

Беда, беда! Царевич! ляхи! вот они! вог они! (Входят капитаны Маржерет и Вальтер Ровен.)

Маржерет.

Куда, куда? Allons...1) пошоль назад!

Один из беглецов.

Сам пошоль, коли есть охота, проклятый басурман.

Маржерет.

Quoi? quoi? 2)

Другой.

Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные.

Маржерет.

Qu'est-ce a dire pravostavni?.. Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu. Mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour foutre le camp.

В. Розен.

Es ist Schande.

¹⁾ Hyl 2) 4to? 410?

Маржерет.

Ventre-saint-gris! le ne bouge plus d'un pas-puisque le vin est tiré il faut le boire. Qu'en dites-vous, Mein Herr?

B. Posen

Sie haben Recht.

Маржерет.

Tudieu, il y fait chaudl Ce diable de Samozvanetz, comme il s'appelle, est un bougre qui a du poil au cul. Qu'en pensez vous. Mein Herr?

В. Ровен.

Oh, ia!

Маржерет.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff qui aurait fait une sortie.

В. Розен.

Ich glaube das.

(Входят немиы.)

Маржерет.

Ha, ha! voici nos Allemands. Messieurs!.. Mein Herr, dites leur donc de se rallier et, sacrebleu, chargeons!

В. Ровен.

Sehr gut. Halt.

(Немиы строятся.)

Marsch!

Немпы идит.

Hilf gott! 8)

(Сражение. Рисские снова вегит.)

Маржерет. Тысячу дьяволов! Я не сдвинусь отсюда ни на шаг раз дело начато, надо его кончить. Что вы скажете на это, мейн герр?

В. Розен. Вы правы.

Маржерет. Чорт, дело становится жарким! Этот дьявол — самозванед, как его навывают, порос щетиной под квостом. Как вы полагаете, Кадэт нйэм

В. Розен. О, да! Маржерет. Вот, глядите, глядите! Завязался бой на задах неприятеля. Это наверное ударил молодец Басманов.

В. Ровен. Я так полагаю.

Маржерет. А. вот и наши немцы. Господиі.. Мейн герр, велите же им построиться и, чорт возьми, нападем!

В. Ровен. Отлично. Стой!... Марш!... С нами бог!

³⁾ Маржерет. Что это вначит - «православные»?.. Рвань окаянная, проклятая сволочь! Черт возьми, мейн герр (сударь), я прямо взбешен: можно подумать, что у них нет рук, чтобы драться, а только ноги, чтобы удирать. В. Розен. Позор.

Ляхи.

Победа! Победа! Слава царю Димитрию!

Димитрий верхом.

Ударить отбой! Мы победили. Довольно; щадите русскую кровь. Отбой! $(T\rho y 6\pi \tau, 6 b b \tau 6 a \rho a 6 a h b i.)$

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД СОБОРОМ В МОСКВЕ,

Один.

Скоро ли царь выйдет из собора?

Другой.

Обедня кончилась; теперь идет молебствие.

Первый.

Что? уж проклинали того?

Другой.

Я стоял на паперти и слышал, как дьякон завопил: Грищка Отрепьев — анафема!

Первый.

Пускай себе проклинают; царевичу дела нет до Отрепьева.

Другой.

А царевичу поют теперь вечную память.

Первый.

Вечную память живому! Вот ужо им будет, безбожникам.

Третий.

Чу! шум. Не царь ли?

Четвертый

Нет; это юродивый.

(Входит Юродивый в желевной шапке, обвешанный веригами, окруженный мальчишками.)

Мальчишки.

Николка, Николка — железный колпак!.... тррррр.....

Старужа.

Отвяжитесь, бесенята, от блаженного. — Помолись, Николка, за меня грешную.

Юродивый.

Дай, дай, дай копеечку.

Старуха.

Вот тебе копеечка; помяни же меня.

Юродивый садится на вемь и поег.

Месяц светит, Котенок плачет, Юродивый, вставай, Богу помолися!

(Мальчишки окружают его снова.)

Один из них.

Здравствуй, Николка, что же ты шапки не снимаешь? (Щелкает его по желевной шапке.) Эк она эвенит!

Юродивый.

А у меня копеечка есть.

Мальчишка.

Неправда! ну, покажи.

(Вырывает копеечку и убегает.)

Ю родивый плачет.

Взяли мою копеечку, обижают Николку!

Народ.

Царь, царь идет.

(Царь выходит из собора. Боярин впереди раздает нищим милостыню. Бояре.)

Юродивый.

Борис, Борис! Николку дети обижают.

Царь.

Подать ему милостыню. О чем он плачет?

Юродивый.

Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича.

Бояре.

Поди прочь, дурак! схватите дурака!

Царь.

Оставьте его. Молись за меня, бедный Николка. (Уходит.)

Юродивый, ему вслед.

Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода — богородица не велит.

CEBCK.

Самозванец, окруженный своими.

Самозванец.

Где пленный?

Лях.

Здесь.

Самозванец.

Позвать его ко мне.

(Входит русский пленник.)

Кто ты?

Пленник.

Рожнов, московский дворянин.

Самозванец

Давно ли ты на службе?

Пленник.

С месяц будет.

Самозванец.

Не совестно, Рожнов, что на меня Ты подня у меч?

Пленник.

Как быть, не наша воля.

Самозванец.

Сражался ты под Северским?

Пленник.

Я прибыл

Недели две по битве из Москвы.

Самозванеца

Что Годунов?

Пленник

Он очень был встревожен Потерею сражения и раной Мстиславского, и Шуйского послал Начальствовать над войском.

Самозванец.

А зачем Он отозвал Басманова в Москву?

Пленник.

Царь наградил его заслуги честью Й золотом. Басманов в царской думе Теперь сидит.

Самозванец.

Он в войске был нужнее. Ну, что в Москве?

Пленник.

Всё, слава богу, тихо.

Самозванец.

Что? Ждут меня?

Пленник.

Бог знает. О тебе
Там говорить не слишком нынче смеют.
Кому язык отрежут, а кому
И голову — такая право притча!
Что день, то казнь. Тюрьмы битком набиты.
На площади, где человека три
Сойдутся — глядь — лазутчик уж и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиков допрашивает сам.
Как раз беда; так лучше уж молчать.

Самозванец.

Завидна жизнь Борисовых людей! Ну, войско что?

Пленник.

Что с ним? одето, сыто, Довольно всем.

Самозванец

Да много ли его?

Пленник.

Бог ведает.

Самозванец.

А будет тысяч тридцать?

Пленник.

Да наберешь и тысяч пятьдесят.

(Самозванец задумывается. Окружающие смотрят друг на друга.)

Самозванец.

I-Iy! обо мне как судят в вашем стане?

Пленник.

А говорят о милости твоей, Что ты-дескать (будь не во гнев) и вор, А молодец.

Самозванец, смеясь.

Так это я на деле Им докажу: друзья, не станем ждать Мы Шуйского; я поздравляю вас: На завтра бой.

(Уходит.)

Bce.

Да здравствует Димитрий!

Лях.

На завтра бой! их тысяч пятьдесят, А нас всего едва ль пятнадцать тысяч: С ума сошел.

Другой.

Пустое, друг: поляк Один пятьсот москалей вызвать может.

Пленник.

Да, вызовешь! а как дойдет до драки, Так убежишь от одного, хвастун.

Лях.

Когда б ты был при сабле, дерзкий пленник, То я тебя (указывая на свою саблю) вот этим бы смирил.

Пленник.

Наш брат русак без сабли обойдется: Не хочешь ли вот этого

(показывая кулак),

безмозглый!

(Лях гордо смотрит на него и молча отходит. Все смеются.)

AEC.

Ажедмитрий, Пушкин.

(В отдалении лежит конь издыхающий.)

Джедимитрий.

Мой бедный конь! как бодро поскакал Сегодня он в последнее сраженье, И раненый как быстро нес меня. Мой бедный конь.

Пушкин, про себя.

Hу, вот о чем жалсет, $O\bar{6}$ лошади! когда всё наше войско Π обито в прах!

Самозванец.

Послушай, может быть, От раны он лишь только заморился И отдохнет.

Пушкин.

Куда! он издыхает.

Самозванец *идет к своему коню*. Мой бедный конь!... что делать? снять узду Да отстегнуть подпругу. Пусть на воле Издохнет он.

(Равувдывает и расседлывает коня. Входят несколько ляхов.)

Здорово, господа!
Что ж Курбского не вижу между вами?
Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили;
Но меч его всех выше подымался,
А грозный клик все клики заглушал.
Где ж витязь мой?

'Лях.

Он лег на поле смерти.

Самозванец.

Честь храброму и мир его душе! Как мало нас от битвы уцелело! Изменники! злодеи-запорожцы, Проклятые! вы, вы сгубили нас. Не выдержать и трех минут отпора! Я их ужо! десятого повешу, Разбойники!

Пушкин.

Кто там ни виноват, Но всё-таки мы начисто разбиты, Истреблены.

Самозванец.

А дело было наше; Я было смял передовую рать — Да немцы нас порядком отразили; А молодцы! ей-богу, молодцы, Люблю за то; из них уж непременно Составлю я почетную дружину.

Пушкин.

А где-то нам сегодня ночевать?

Самозванец.

Да здесь, в лесу. Чем это не ночлег? Чем свет, мы в путь; к обеду будем в Рыльске. Спокойна ночь.

(Ложится, кладет седло под голову и васыпает.)

Пушкин.

Приятный сон, царевич! Разбитый в прах, спасаяся побегом, Беспечен он, как глупое дитя: Хранит его конечно провиденье; И мы, друзья, не станем унывать.

МОСКВА. ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ. Борис, Босмаков.

Царь.

Он побежден, какая польза в том? Мы тщетною победой увенчались. Он вновь собрал рассеянное войско И нам со стен Путивля угрожает.

Что делают меж тем герои наши? Стоят у Кром, где кучка казаков Смеются им из-под гнилой ограды. Вот слава! нет, я ими не доволен; Пошлю тебя начальствовать над ними; Не род, а ум поставлю в воеводы; Пускай их спесь о местничестве тужит; Пора презреть мне ропот знатной черни И гибельный обычай уничтожить.

Басманов.

Ах, государь, стократ благословен Тот будет день, когда Разрядны книги С раздорами, с гордыней родословной Пожрет огонь!

Царь.

День этот недалек; Лишь дай сперва смятение народа Мне усмирить.

Басманов

Что на него смотреть;
Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызет свои бразды;
На власть отца так отрок негодует:
Но что ж? конем спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.

Царь.

Конь иногда сбивает седока, Сын у отца не вечно в полной воле. Лишь строгостью мы можем неусыпной Сдержать народ. Так думал Иоанн, Смиритель бурь, разумный самодержец, Так думал и его свирепый внук. Нет, милости не чувствует народ: Твори добро — не скажет он спасибо; Грабь и казни — тебе не будет хуже.

(Входит боярин.)

Yro?

Боярин.

Привели гостей иноплеменных.

Царь.

Иду принять; Басманов, погоди, Останься здесь: с тобой еще мне нужно Поговорить,

(Уходит.)

Басманов.

Высокий дух державный. Дай бог ему с Отрепьевым проклятым Управиться, и много, много он Еще добра в России сотворит. Мысль важная в уме его родилась Не надобно ей дать остыть. Какое Мне поприще откроется, когда Он сломит рог боярству родовому! Соперников во брани я не знаю; У царского престола стану первый.... И может быть..... Но что за чудный шум?

(Тревога. Бояре, придворные служители в беспорядке бегут, встречаются и шепчутся.)

Один

За лекарем!

Другой.

Скорее к патриарху.

Третий.

Царевича, царевича зовет!

Четвертый.

Духовника!

Басманов.

Что сделалось такое?

Пятый.

Царь занемог.

Шестой.

Царь умирает.

Басманов.

Боже!

Пятый.

На троне он сидел и вдруг упал; Кровь хлынула из уст и из ушей.

(Царя выносят на стуле; все царское семейство, все бояре.)

Царь.

Подите все — оставьте одного Царевича со мною. (Все удаляются.) Умираю; Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас Ты царствовать начнешь... о, боже, боже! Сейчас явлюсь перед тобой — и душу Мне некогда очистить покаяньем. Но чувствую — мой сын, ты мне дороже **Душевного спасенья...** так и быть! Я подданным рожден, и умереть Мне подданным во мраке б надлежало: Но я достиг верховной власти — чем? Не спрашивай. Довольно: ты невинен, Ты царствовать теперь по праву станешь, А я за всё один отвечу богу. О милый сын, не обольщайся ложно, Не ослепляй себя ты добровольно. В дни бурные державу ты приемлешь: Опасен он, сей чудный Самозванец, Он именем ужасным ополчен... Я, с давних лет в правленьи искушенный. Мог удержать смятенье и мятеж: Передо мной они дрожали в страхе: Возвысить глас измена не дерзала: Но ты младой, неопытный властитель. Как управлять ты будешь под грозой, Тушить мятеж, опутывать измену? Но бог велик! Он умудолет юность. Он слабости дарует силу... слушай: Советника во-первых избери Надежного, холодных, зрелых лет, Любимого народом — а в боярах Почтенного породой или славой — Хоть Шуйского. Для войска ныне нужен Искусный вождь: Басманова пошли И с твердостью снеси боярский ропот. Ты с малых лет сидел со мною в Думе. Ты знаешь ход державного правленья;

Не изменяй теченья дел. Привычка Душа держав. Я ныне должен был Восстановить опалы, казни — можешь Их отменить: тебя благословят. Как твоего благословляли дядю. Когда престол он Грозного приял. Со временем и понемногу снова Затягивай державные бразды. Теперь ослабь, из рук не выпуская — Будь милостив, доступен к иноземцам, Доверчиво их службу принимай. Со строгостью храни устав церковный: Будь молчалив; не должен царский голос На воздухе теряться попустому: Как звон святой, он должен лишь вещать Велику скорбь или великий праздник. О милый сын! ты входишь в те лета, Когда нам кровь волнует женский лик. Храни, храни святую чистоту Невинности и гордую стыдливость: Кто чувствами в порочных наслажденьях В младые дни привыкнух утопать, Тот, возмужав, угрюм и кровожаден, И ум его безвременно темнеет. В семье своей будь завсегда главой; Мать почитай, но властвуй сам собою — Ты муж и царь; люби свою сестру — Ты ей один хранитель остаешься.

Феодор на коленях.

Нет, нет — живи и царствуй долговечно: Народ и мы погибли без тебя.

Царь. -

Всё кончено — глаза мои темнеют, Я чувствую могильный хлад...

(Входит патриарх, святители, ва ними все бояре. Царицу ведут под руки, царевна рыдает.)

Кто там?

А! схима... так! святое постриженье..... Ударил час! в монахи царь идет: И темный гроб моею будет кельей..... Повремени, владыка патриарх, Я царь еще: внемлите вы, бояре: Се тот, кому приказываю цаст

Целуйте крест Феодору... Басманов, Друзья мои... при гробе вас молю Ему служить усердием и правдой! Он так еще и млад и непорочен. Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

Царь.

Я доволен.

Простите ж мне соблазны и грехи И вольные и тайные обиды..... Святый отец, приближься, я готов.

(Пачинается обряд пострижения. Женщин в обмороке выносят.)

CTABKA.

Басмаков вводит Пушкина.

Басманов.

Войди сюда и говори свободно. И так тебя ко мне он посылает?

Пушкин.

Тебе свою он дружбу предлагает И первый сан по нем в московском царстве.

Басманов.

Но я и так Феодором высоко Уж вознесен, начальствую над войском: Он для меня презрел и чин разрядный, И гнев бояр — я присягал ему.

Пушкин.

Ты присягал наследнику престола Законному; но если жив другой, Законнейший?...

Басманов.

Послушай, Пушкин, полно, Пустого мне не говори; я знаю, Кто он такой.

Пушкин.

Россия и Литва Димитрием давно его признали, Но впрочем я за это не стою. Выть может, он Димитрий настоящий, Быть может, он и самозванец; только Я ведаю, что рано или поздно Ему Москву уступит сын Борисов.

Басманов.

Пока стою за юного царя, Дотоле он престола не оставит; Полков у нас довольно, слава богу! Победою я их одушевлю, А вы, кого против меня пошлете? Не казака ль Карелу? али Мнишка? Да много ль вас, всего-то восемь тысяч.

Пушкин.

Ошибся ты: и тех не наберешь. Я сам скажу, что войско наше дрянь, Что казаки лишь только селы грабят, Что поляки лишь хвастают, да пьют, А русские... Да что и говорить — Перед тобой не стану я лукавить: Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов? Не войском, нет, не польскою помогой, 'A мнением — да, мнением народным. Димитрия ты помнишь торжество И мирные его завоеванья, Когда везде без выстрела ему Послушные сдавались города. 'A воевод упрямых чернь вязала? Ты видел сам: охотно ль ваши рати Сражались с ним; когда же? при Борисе! А нынче ль?... нет, Басманов, поздно спорить И раздувать холодный пепел Срани: Со всем твоим умом и твердой волей Не устоишь; не лучше ли тебе Дать первому пример благоразумный, Димитрия царем провозгласить И тем ему навеки удружить?, Как думаешь?

Басманов.

Узнаете вы завтра.

Пушкин.

Решисъ.

Басманов.

Прощай.

Пушкин.

Подумай же, Басманов.

(Уходит.)

Басманов

Он прав, он прав; везде измена вреет:
Что делать мне? Ужели буду ждать,
Чтоб и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный,
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!
Доверенность младого венценосца
Предательством ужасным ваплатить!
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятеж и ваговор,
Но мне ли, мне ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бедствия народны...

(Задумывается.)

Сюда! кто там? (Свищет.) Коня! трубите сбор.

ДОБНОЕ МЕСТО.

Пушкин, идет окруженный народом,

Народ.

Царевич нам боярина послал. Послушаем, что скажет нам боярин. Сюда! сюда!

Пушкин на амвоне.

Московские граждане, Вам кланяться царевич приказал.

(Кланяется.)

Вы знаете, как промысел небесный Царевича от рук убийцы спас;

Он шел казнить влодея своего, Но божий суд уж поразил Бориса. Димитрию Россия покорилась; Басманов сам с раскаяньем усердным Свои полки привел ему к присяге. Димитрий к вам идет с любовью, с миром. В угоду ли семейству Годуновых Подымете вы руку на царя Эаконного, на внука Мономаха?

Народ

Вестимо, нет.

Пушкин.

Московские граждане! Мир ведает, сколь много вы терпели Под властию жестокого пришельца: Опалу, казнь, бесчестие, налоги, И тоуд, и глад — всё испытали вы. Димитрий же вас жаловать намерен. Бояр, дворян, людей приказных, ратных, Гостей, купцов — и весь честной народ. Вы дь станете упрямиться безумно И милостей кичливо убегать? Но он идет на парственный престол Своих отцов — в сопровожденыи грозном. Не гневайте ж царя и бойтесь бога, Целуйте крест законному владыке; Смиритеся, немедленно пошлите К Димитрию во стан митрополита, Бояр, дьяков и выборных людей, Да бьют челом отцу и государю.

(Сходит. Шум народный.)

Народ.

Что толковать? Боярин правду молвил. Да здравствует Димитрий наш отец!

Мужик на амвоне.

Народ! народ! в Кремль! в парские палаты! Ступай! вязать Борисова щенка!

Народ (несется толпою).

Вязать! топить! Да здравствует Димитрий! Да гибнет род Бориса Годунова!

кремль. ДОМ БОРИСОВ. СТРАЖА У КРЫЛЦА.

Феодор под окном.

Нищий.

Дайте милостыню, Христа ради!

Стража.

Поди прочь, не велено говорить с заключенными.

Феодор.

Поди, старик, я беднее тебя, ты на воле.

(Ксения под покрывалом подходит также к окну.)

Один из народа.

Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке.

Другой.

Есть о ком жалеть? Проклятое племя!

Первый.

Отец был элодей, а детки невинны.

Другой.

Яблоко от яблони недалеко падает.

Ксения.

Братец, братец, кажется, к нам бояре идут.

Феодор.

Это Голицын, Мосальский. Другие мне незнакомы.

Ксения.

Ах, братец, сердце замирает.

(Голицын, Мосальский, Молчанов и Шерефединов. За ними трое стрельцов.)

Народ.

Расступитесь, расступитесь. Бояре идут.

(Они входят в дом.)

Один из народа.

Зачем они пришли?

Другой.

А верно приводить к присяге Феодора Годунова.

Третий.

В самом деле? слышишь, какой в доме шум! Тревога! дерутся!

Народ.

Слышишь? визг! это женский голос — взойдем! — Двери заперты — крики замолкли.

(Отворяются двери. Мосальский является на крыльце.)

Мосальский.

Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (Народ в ужасе молчит.) Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Народ безмольствует.

конец.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(Сцены из Ченстоновой траги-комедии: (The caveteous Knigth.) (Иван подает ему шлем).

сцена і

(в башне)

Альбер и Иван.

Альбер.

Во что бы то ни стало, на турнире Явлюсь я. Покажи мне шлем, Иван.

(Иван подает ему шлем)

Пробит насквозь, испорчен. Невозможно Его надеть. Достать мне надо новый. Какой удар! проклятый граф Делорж!

Иван.

И вы ему порядком отплатили: Как из стремян вы вышибли его, Он сутки замертво лежал — и вряд ли Оправился.

Альбер.

А всё ж он не в убытке; Его нагрудник цел венецианский, А грудь своя: гроша ему не стоит; Другой себе не станет покупать. Зачем с него не снял я шлема тут же! А снял бы я, когда б не было стыдно Мне дам и герцога. Проклятый граф! Он лучше бы мне голову пробил.

И платье нужно мне. В последний раз Все рыцари сидели тут в атласе Да бархате; я в латах был один За герцогским столом. Отговорился Я тем, что на турнир попал случайно. А нынче что скажу? О, бедность, бедность! Как унижает сердце нам она! Когда Делорж копьем своим тяжелым Пробил мне шлем и мимо проскакал, А я с открытой головой пришпорил 🏅 Эмира моего, помчался вихрем И бросил графа на двадцать шагов, Как маленького пажа: как все дамы Привстали с мест, когда сама Клотильда, Закрыв лицо, невольно закричала И славили герольды мой удар: Тогда никто не думал о причине И храбрости моей и силы дивной! Взбесился я за поврежденный шлем; Геройству что виною было? — Скупость — 'Да! заразиться здесь нетрудно ею Под кровлею одной с моим отцом. Что бедный мой Эмир?

. Иван.

Он всё хромает. Вам выехать на нем еще нельзя.

Альбер.

Ну, делать нечего: куплю гнедова. Недорого и просят за него.

Иван.

Недорого, да денег нет у нас.

Альбер.

Что ж говорит бездельник Соломон?

Иван.

Он говорит, что более не может Взаймы давать вам денег без заклада.

Альбер.

Заклад! а где мне взять заклада, дьявол!

Иван.

Я сказывал.

Альбер.

Что ж он?

Иван.

Кряхтит да жмется.

Альбер.

Да ты б ему сказал, что мой отец Богат и сам как жид, что рано ль, поздно ль Всему наследую.

Иван.

Я говорил.

Альбер.

Что ж?

Иван.

Жмется да кряхтит.

Альбер

Какое горе!

Иван.

Он сам хотел притти.

Альбер.

Ну, слава богу.

Без выкупа не выпущу его.

(Стучат в дверь)

Кто там?

(Входит жид)

Жид.

Слуга ваш низкий.

Альбер.

А, приятель! Проклятый жид, почтенный Соломон, Пожалуй-ка сюда: так ты, я слышу, Не веришь в долг.

Жид.

Ах, милостивый рыцарь, Клянусь вам: рад бы... право не могу. Где денег взять? весь разорился я, Всё рыцарям усердно помогая. Никто не платит. Вас хотел просить, Не можете ль хоть часть отдать...

Альбер.

Разбойник!

Да если б у меня водились деньги, С тобою стал ли б я возиться? Полно, Не будь упрям, мой милый Соломон; Давай червонцы. Высыпи мне сотню, Пока тебя не обыскали.

Жид.

Сотню! Когда б имел я сто червонцев!

Альбер.

Слушай:

Не стыдно ли тебе своих доузей Не выручать?

Жид.

Клянусь вам...

Альбер.

Полно, нолно. Ты требуешь заклада? что за вздор! Что дам тебе в заклад? свиную кожу? Когда б я мог что заложить, давно Уж продал бы. Иль рыцарского слова Тебе, собака, мало?

Жид.

Ваше слово,

Пока вы живы, много, много значит. Все сундуки фламандских богачей Как талисман оно вам отопрет. Но если вы его передадите Мне, бедному еврею, а меж тем Умрете (боже сохрани), тогда В моих руках оно подобно будет Ключу от брошенной шкатулки в море.

Альбер.

Ужель отец меня переживет?

Жид.

Как знать? дни наши сочтены не нами; Цвел юноша вечор, а нынче умер, И вот его четыре старика Несут на сгорбленных плечах в могилу. Барон здоров. Бог даст — лет десять, двадцать И двадцать пять и тридцать проживет он.

Альбер.

Ты врешь, еврей: да через тридцать лет Мне стукнет пятьдесят, тогда и деньги На что мне пригодятся?

Жил.

Деньги? — Деньги Всегда, во всякий возраст нам пригодны; Но юноша в них ищет слуг проворных И не желея шлет туда, сюда. Старик же видит в них друзей надежных И бережет их как зеницу ока.

Альбер.

О! мой отец не слуг и не друзей В них видит, а господ; и сам им служит, И как же служит? как алжирский раб, Как пес цепной. В нетопленной конуре Живет, пьет воду, ест сухие корки, Всю ночь не спит, все бегает да лает — А золото спокойно, в сундуках Лежит себе. Молчи! когда-нибудь Оно послужит мне, лежать забудет.

Жид.

Да, на бароновых похоронах Прольется больше денег, нежель слез Пошли вам бог скорей наследство.

Альбер.

Amen. 1

Жид.

А можно б...

Альбер.

YTO?

Жид.

Так, думал я, что средство

Такое есть...

'Альбер.

Какое средство?

Жид.

Так -

Есть у меня знакомый старичок, Еврей, аптекарь бедный...

Альбер.

Ростовщик Такой же как и ты, иль почестнее?

Жил.

Нет, рыцарь, Товий торг ведет иной — Он составляет капли... право, чудно, Как действуют они.

Альбер.

А что мне в них?

¹ ARRED.

Жид.

В стакан воды подлить... трех капель будет, Ни вкуса в них, ни цвета не заметно; А человек без рези в животе, Без тошноты, без боли умирает.

Альбер.

Твой старичок торгует ядом.

Жид.

/Да —

И ядом.

Альбер.

Что ж? взаймы на место денег Ты мне предложишь склянок двести яду, За склянку по червонцу. Так ли, что ли?

Жид

Смеяться вам угодно надо мною — Нет; я хотел... быть может вы... я думал, Что уж барону время умереть.

Альбер.

Как! отравить отца! и смел ты сыну... Иван! держи его. И смел ты мне!... Да энаешь ли, жидовская душа, Собака, вмей! что я тебя сейчас же На ворогах повешу.

Жид.

Виноват!

Простите: я шутил.

Альбер. Иван, веревку.

Жид.

Я... я шутил. Я деньги вам принес.

Альбер.

Bon, necl

(Жид уходит).

Вот до чего меня доводит
Отца родного скупость! Жид мне смел
Что предложить! Дай мне стакан вина,
Я весь дрожу... Иван, однако ж деньги
Мне нужны. Сбегай за жидом проклягым
Возьми его червонцы. Да сюда
Мне принеси чернильницу. Я плут
Расписку дам. Да не вводи сюда
Иуду втого... Иль нет, постой,
Его червонцы будут пахнуть ядом,
Как сребренники пращура его...
Я спрашивал вина.

Ивап.

У нас вина —

Ни капли нет.

Альбер.

'А то, что мне прислал В подарок из Испании Ремон?

Иван.

Вечор я снес последнюю бутылку Больному кузнецу.

Альбер.

Да, помню, знаю... Так дай воды. Проклятое житье! Нет, решено — пойду искать управы У герцога: пускай отца заставит Меня держать как сына, не как мышь, Рожденную в подполье.

сцена іі

(подвал).

Барон.

Как молодой повеса ждет свиданья С какой нибудь развратницей лукавой, Иль дурой им обманутой, так я

Весь день минуты ждал, когда сойду В подвал мой тайный, к верным сундукам. Счастливый день! могу сегодня я В шестой сундук (в сундук еще неполный) Горсть волота накопленного всыпать. Не много кажется, но понемногу Сокровища растут. Читал я где-то, Что царь однажды воинам своим Велел снести земли по горсти в кучу, И гордый холм возвысился — и царь Мог с вышины с весельем озирать И дол. покрытый белыми шатрами, И море, где бежали корабли. Так я, по горсти бедной принося Привычну дань мою сюда в подвал, Вознес мой холм — и с высоты его Могу взирать на всё, что мне подвластно. Что не подвластно мне? как некий демон Отселе править миром я могу; Лишь захочу — воздвигнутся чертоги; В великолепные мои сады Сбегутся нимфы резвою толпою; И музы дань свою мне принесут, И вольный гений мне поработится, И добродетель и бессонный труд Смиренно будут ждать моей награды. Я свисну, и ко мне послушно, робко Вползет окровавленное злодейство, И руку будег мне лизать, и в очи Смотреть, в них знак моей читая воли. Мне всё послушно, я же — ничему; Я выше всех желаний: я спокоен: Я знаю мощь мою: с меня довольно Сего сознанья... (смотрит на свое золото). Кажется немного.

А скольких человеческих забот, Обманов, слез, молений и проклятий Оно тяжеловесный представитель! Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче Вдова мне отдала его, но прежде С тремя детьми полдня перед окном Она стояла на коленях воя. Шел дождь, и перестал, и вновь пошел, Притворщица не трогалась; я мог бы Ее прогнать, но что-то мне шептало, Что мужнин долг она мне принесла И не захочет завтра быть в тюрьме. А втот? этот мне принес Тибо — Где было взять ему ленивцу, плуту?

Украл конечно, или, может быть, Там на большой дороге, ночью, в роще... Да! если бы все слезы, кровь и пот, Пролитые за всё, что здесь хранится, Из недр земных все выступили вдруг, То был бы вновь потоп — я захлебнулся б В моих подвалах верных. Но пора.

(Хочет отпереть сундук.)

Я каждый раз, когда хочу сундук Мой отпереть, впадаю в жар и трепет. Не страх (о, нет! кого бояться мне? При мне мой меч, за злато отвечает Честной булат), но сердце мне теснит Какое-то неведомое чувство... Нас уверяют медики: есть люди, В убийстве находящие приятность. Когда я ключ в замок влагаю, то же Я чувствую, что чувствовать должны Они, вонзая в жертву нож: приятно И страшно вместе. (Отпирает сундук.) Вот мое блаженство!

(Всыпает деньги.)

Ступайте, полно вам по свету рыскать, Служа страстям и нуждам человека. Усните здесь сном силы и покоя, Как боги спят в глубоких небесах. Хочу себе сегодня пир устроить: Зажгу свечу пред каждым сундуком, И все их отопру, и стану сам Средь них глядеть на блещущие груды.

: (Зажигает свечи и отпирает сундуки один за другим.)

Я царствую! — Какой волшебный блеск! Послушна мне, сильна моя держава; В ней счастие, в ней честь моя и слава! Я царствую — но кто вослед за мной Приимет власть над нею? Мой наследник! Безумец, расточитель молодой, Развратников разгульных собеседник! Едва умру, он, он! сойдет сюда Под эти мирные, немые своды С толпой ласкателей, придворных жадных. Украв ключи у трупа моего, Он сундуки со смехом отопрет. И потекут сокровища мои В атласные, дырявые карманы. Он разобьет священные сосуды,

Он грязь елеем царским напоит — Он расточит... А по какому праву? Мне разве даром это всё досталось, Или шутя, как игроку, который Гремит костьми, да груды загребает? Кто знает, сколько горьких воздержаний, Обузданных страстей, тяжелых дум, Дневный забот, ночей бессонных мне Всё это стоило? Иль скажет сын. Что сердце у меня обросло мохом, Что я не знал желаний, что меня И совесть никогда не грызла, совесть, Когтистый зверь, скребящий сердце, совесть, Незванный гость. докучный собеседник. Заимодавец грубый, эта ведьма, От коей меркнет месяц и могилы Смущаются и мертвых высылают? — Нет, выстрадай сперва себе богатство, А там, посмотрим, станет ли несчастный То расточать, что кровью приобрел. О, если б мог от взоров недостойных Я скрыть подвал! о. если б из могилы Придти я мог, сторожевою тенью Сидеть на сундуке и от живых Сокровища мои хранить как ныне!

сцена III

(во дворце)

Альбер, герцог.

Альбер.

Поверьте, государь, терпел я долго Стыд горькой бедности. Когда б не крайность, Вы б жалобы моей не услыхали.

Герцог.

Я верю, верю: благородный рыцарь, Таков как вы, отца не обвинит Без крайности. Таких развратных мало... Спокойны будьте: вашего отца Усовещу наедине, без шуму. Я жду его. Давно мы не видались. Он был друг деду моему. Я помню, Когда я был еще ребенком, он Меня сажал на своего коня

И покрывал своим тяжелым шлемом Как будто колоколом. —

(Смотрит в окно.)

Это кто?

Не он ли?

Альбер.

Так. он. государь.

Герцог.

Подите ж

В ту комнату. Я кликну вас.

(Альбер уходит; входит барон.)

Барон.

Я рад вас видеть бодрым и здоровым.

Барон.

Я счастлив, государь, что в силах был По приказанью вашему явиться.

Герцог.

Давно, барон, давно расстались мы. Вы помните меня?

Барон.

Я, государь?
Я как теперь вас вижу. О, вы были Ребенок резвый. — Мне покойный герцог Говаривал: Филипп (он звал меня Всегда Филиппом), что ты скажешь? а? Лет через двадцать, право, ты да я, Мы будем глупы перед этим малым... Пред вами то-есть....

Герцог.

Мы теперь знакомство Возобновим. Вы двор забыли мой.

Барон.

Стар, государь, я нынче: при дворе Что делать мне? Вы молоды; вам любы

Турниры, праздники. А я на них Уж не гожусь. Бог даст войну, так я Готов, кряхтя, взлеэть снова на коня; Еще достанет силы старый меч За вас рукой дрожащей обнажить.

Перцог.

Барон, усердье ваше нам известно; Вы деду были другом; мой отец Вас уважал. И я всегда считал Вас верным, храбрым рыцарем — но сядем. У вас, барон, есть дети?

Барон.

Сын один.

Герцог.

Зачем его я при себе не вижу? Вам двор наскучил, но ему прилично В его летах и званьи быть при нас.

Барон.

Мой сын не любит шумной, светской жизни; Он дикого и сумрачного нрава — Вкруг замка по лесам, он вечно бродит Как молодой олень.

Герцог.

Не хорошо Ему дичиться. Мы тотчас приучим Его к весельям, к балам и турнирам. Пришлите мне его; назначьте сыну Приличное по званью содержанье... Вы хмуритесь, устали вы с дороги, Быть может.

Барон.

Государь, я не устал; Но вы меня смутили. Перед вами Я б не котел сознаться, но меня Вы принуждаете сказать о сыне То, что желал от вас бы утаить. Он, государь, к несчастью, недостоин

Ни милостей, ни вашего вниманья. Он молодость свою проводит в буйстве, В пороках низких...

Герцог.

Это потому, Барон, что он один. Уединенье И праздность губят молодых людей. Пришлите к нам его: он позабудет Привычки, зарожденные в глуши.

Барожа

Простите мне, но право, государь, Я согласиться не могу на это...

Герцог.

Но почему ж?

Барон.

Увольте старика...

Герцог.

Я требую: откройте мне причину Отказа вашего.

Барон.

На сына я

Сердит.

Герцог.

За что?

Барон.

Ва элое преступленье.

Герцог.

А в чем оно. скажите, состоит?

Барон.

Увольте, герцог...

Герцог.

Это очень странно,

Или вам стыдно за него?

Барон.

Да... стыдно...

Герцог.

Но что же сделал он?

Барон.

Он... он меня

Хотел убить.

Герцог.

Убить І так я суду Его предам, как черного злодея.

Барон.

Доказывать не стану я, хоть знаю, Что точно смерти жаждет он моей, Хоть знаю то, что покушался он Меня...

Герцог.

Что?

Барон.

Обокрасть,

(Альбер бросается в комнату.)

Альбер

Барон, вы лжете.

Герцог (сыну)

Как смели вы?..

Барон.

Ты здесь! ты, ты мне смел!... Ты мог отцу такое слово молвить!... Я лгу! и перед нашим государем!... Мне, мне... иль уж не рыцарь я?

Альбер.

Вы лжец.

Барон.

И гром еще не грянул, боже правый! Так подыми ж, и меч нас рассуди! (Бросает перчатку, сын поспешно ее подымает.)

Альбер.

Благодарю. Вот первый дар отца.

Герцог.

Что видел я? что было предо мною? Сын принял вызов старого отца! В какие дни надел я на себя Цепь герцогов! Молчите: ты, безумец, Й ты, тигренок! Полно. (Сыну) Бросьте это; Отдайте мне перчатку эту (отнимает ее).

Альбер (a parte) ¹ Жаль.

Герцог.

Так и впился в нее когтями! — изверг! Подите: на глаза мои не смейте Являться до тех пор, пока я сам Не призову вас. (Альбер выходит.)
Вы старик несчастный. Не стыдно ль вам...

Барон.

Простите, государь... Стоять я не могу... мои колени Слабеют... душно!.. Где ключи? Ключи, ключи мои!

Герцог.

Он умер. Боже!

Ужасный век, ужасные сердца!

В сторону.

1830

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ.

СЦЕНА І.

(Комната).

Сальери.

Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет — и выше. Для меня Так это ясно, как простая гамма. Родился я с любовию к искусству; Ребенком будучи, когда высоко Звучал орган в старинной церкви нашей, Я слушал и заслушивался — слезы Невольные и сладкие текли. Отверг я рано праздные забавы; Науки, чуждые музыке, были Постылы мне: упрямо и надменно От них отрекся я и предался Одной музыке. Труден первый шаг И скучен первый путь. Преодолел Я ранние невзгоды. Ремесло Поставил я подножием искусству; Я сделался ремесленник: перстам Придал послушную, сухую беглость И верность уху. Звуки умертвив, Музыку я разъял, как труп. Поверил Я алгеброй гармонию. Тогда Уже дерзнул, в науке искушенный, Предаться неге творческой мечты. Я стал творить; но в тишине, но в тайне, Не смея помышлять еще о славе. Нередко, просидев в безмолвной келье $\mathcal{A}$ ва, три дня, позабыв и сон и пищу, Вкусив восторг и слезы вдохновенья, Я жег мой труд и холодно смотрел,

Как мысль моя и звуки, мной рожденны. Пылая, с легким дымом исчезали. Что говорю? Когда великий Глюк Явился и открыл нам новы тайны (Глубокие, пленительные тайны). Не бросил ли я все, что прежде знал, Что так любил, чему так жарко верил, И не пошел ли бодро вслед за ним Безропотно, как тот, кто заблуждался И встречным послан в сторону иную? Усильным, напряженным постоянством Я наконец в искусстве безграничном Достигнул степени высокой. Слава Мне улыбнулась: я в сердцах людей Нашел созвучия своим созданьям. Я счастлив был: я наслаждался мирно Своим трудом, успехом, славой; также Трудами и успехами друзей, Товарищей моих в искусстве дивном. Нет! никогда я зависти не знал. О. никогда! — ниже, когда Пиччини Пленить умел слух диких парижан, Ниже, когда услышал в первый раз Я Ифигении начальны звуки. Кто скажет, чтоб Сальери гордый был Когда-нибудь завистником презренным, Змеей, людьми растоптанною, вживе Песок и пыль грызущею бессильно? Никто!... А ныне — сам скажу — я ныне Завистник. Я завидую; глубоко, Мучительно завидую. — О небо! Где ж правота, когда священный дар, Когда бессмертный гений — не в награду Любви горящей, самоотверженья, Тоудов, усердия, молений послан — А озаряет голову безумца, Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

(Входит Моцарт)

Моцарт.

'Ага! увидел ты! А мне хотелось Тебя нежданной шуткой угостить.

Сальери.

Ты здесь! — Давно ль?

Моцарт.

Сейчас. Я шел к тебе,

Нес кое-что тебе я показать;
Но, проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрипку... Нет, мой друг, Сальери!
Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал... Слепой скрипач в трактире
Разыгрывал voi che sapete 1. Чудо!
Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.
Войди!

(Входит слепой старик со скрипкой.)

Из Моцарта нам что-нибудь! (Старик играет арию из Дон-Жуана; Моцарт хохочет).

Сальери.

И ты смеяться можешь?

Моцарт.

Ах, Сальери!

Ужель и сам ты не смеешься?

Сальери.

Нет.

Мне не смешно, когда маляр негодный Мне пачкает Мадону Рафаэля, Мне не смешно, когда фигляр презренный Пародией бесчестит Алигьери. Пошёл, старик.

Моцарт.

Постой же: вот тебе,

Пей за мое здоровье.

(Старик уходит).

Ты, Сальери, Не в духе нынче. Я приду к тебе В другое время.

Сальери.

Что ты мне принес?

¹ Voi che sapete — вы, которые знаете. (Ария Керубино из оперы Моцарта «Свадьба Фигаро»).

Моцарт.

Нет — так, безделицу. Намедни ночью Бессонница моя меня томила, И в голову пришли мне две, три мысли. Сегодня их я набросал. Хотелось Твое мне слышать мненье; но теперь Тебе не до меня.

Сальери.

Ах, Моцарт, Моцарт! Когда же мне не до тебя? Садись; Я слушаю.

Моцарт (за фортепиано)

Представь себе... кого бы? Ну, коть меня — немного помоложе; Влюбленного — не слишком, а слегка — С красоткой, или с другом — хоть с тобой — Я весел... Вдруг: виденье гробовое, Незапный мрак иль что-нибудь такое... Ну, слушай же.

(Играет)

Сальери.

Ты с этим шел ко мне И мог остановиться у трактира И слушать скрипача слепого! — Боже! Ты, Моцарт, недостоин сам себя.

Моцарт.

Что ж, хорошо?

Сальери.

Какая глубина! Какая смелость и какая стройность! Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь; Я знаю, я.

Моцарт.

Ба! право? может быть... Но божество мое проголодалось.

Сальери.

Послушай: отобедаем мы вместе В трактире Золотого Льва.

Моцарт.

Пожалуй;

Я рад. Но дай, схожу домой, сказать Жене, чтобы меня она к обеду Не дожидалась.

(Уходит.)

Сальери.

Жду тебя; смотри ж.

Нет! не могу противиться я доле Судьбе моей: я избран, чтоб его Остановить — не то, мы все погибли, Мы все, жрецы, служители музыки, Не я один с моей глухою славой... Что пользы, если Моцарт будет жив И новой высоты еще достигнет? Подымет ля он тем искусство? Нет; Оно падет опять, как он исчезнет: Наследника нам не оставит он. Что пользы в нем? Как некий херувим, Он несколько занес нам песен райских, Чтоб, возмутив бескрылое желанье В нас, чадах праха, после улететь! Так улетай же! чем скорей, тем лучше.

Вот яд, последний дар моей Изоры. Осьмнадцать лет ношу его с собою — И часто жизнь казалась мне с тех пор Несносной раной, и сидел я часто С врагом беспечным за одной трапезой, И никогда на шопот искушенья Не преклонился я, хоть я не трус, Хотя обиду чувствую глубоко, Хоть мало жизнь люблю. Всё медлил а. Как жажда смерти мучила меня, Что умирать? я мнил: быть может, жизнь Мне принесет незапные дары; Быть может, посетит меня восторг И творческая ночь и вдохновенье; Быть может, новый Гайден сотворит Великое — и наслажуся им... Как пировал я с гостем ненавистным, Быть может, мнил я, злейшего врага Найду; быть может, элейшая обида В меня с надменной грянет высоты — Тогда не пропадешь ты, дар Изоры.

И я был прав! и наконец нашел Я моего врага, и новый Гайден Меня восторгом дивно упоил! Теперь — пора! Заветный дар любви, Переходи сегодня в чашу дружбы.

сцена и.

(Особая комната в трактире; фортепиано). Моцарт и Сальери (за столом).

Сальери.

Что ты сегодня пасмурен?

Моцарт. Я? Нет!

Сальери.

Ты верно, Моцарт, чем-нибудь расстроен? Обед хороший, славное вино, А ты молчишь и хмуришься.

Моцарт.

Признаться,

Мой Requiem меня тревожит.

Сальери.

Λ1

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцарт.

Давно, недели три. Но странный случай... Не сказывал тебе я?

Сальери.

Нет.

Моцарт.

Так слушай:

Недели три тому, пришел я поздно

¹ Requiem — реквием (католическая заупокойная обедня).

Домой. Сказали мне, что заходил За мною кто-то. Отчего — не знаю, Всю ночь я думал: кто бы это был? И что ему во мне? Назавтра тот же Зашел и не застал опять меня. На третий день играл я на полу С моим мальчишкой. Кликнули меня; Я вышел. Человек, одетый в черном, Учтиво поклонившись, заказал Мне Requiem и скрылся. Сел я тотчас И стал писать — и с той поры за мною Не приходил мой черный человек; А я и рад: мне было б жаль расстаться С моей работой, хоть совсем готов Уж Requiem. Но между тем я...

Сальери.

Что?

Моцарт.

Мне совестно признаться в этом...

Сальери.

В чем же?

Моцарт.

Мне день и ночь покоя не дает Мой черный человек. За мною всюду Как тень он гонится. Вот и теперь Мне кажется, он с нами сам-третей Сидит.

Сальери.

И, полно! что за страх ребячий? Рассей пустую думу. Бомарше Говаривал мне: «слушай, брат Сальери, Как мысли черные к тебе придут, Откупори шампанского бутылку, Иль перечти Женитьбу Фигаро.»

Моцарт.

Да! Бомарше ведь был тебе приятель; Ты для него Тарара сочинил, Вещь славную. Там есть один мотив... Я всё твержу его, когда я счастлив... Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери, Что Бомарше кого-то отравил?

Сальери.

Не думаю: он слишком был смешон Для ремесла такого.

Моцарт.

Он же гений, Как ты, да я. А гений и злодейство Две вещи несовместные. Не правда ль?

Сальери.

Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта)

Ну, пей же.

Моцарт.

За твое

Здоровье, друг, за искренний союз, Связующий Моцарта и Сальери, Двух сыновей гармонии.

(Пьет)

Сальери.

Постой.

Постой, постой!... Ты выпил!... без меня?

Моцарт (бросает салфетку на стол)

Довольно, сыт я.

(Идет к фортепиано),

Слушай же, Сальери,

Мой Requiem. (Играет)
Ты плачешь?

Сальери.

Эти слезы

Впервые лью: и больно и приятно, Как будто тяжкий совершил я долг,

Как будто нож целебный мне отсек Страдавший член! Друг Моцарт, эти слезы... Не замечай их. Продолжай, спеши Еще наполнить звуками мне душу...

Моцарт.

Когда бы все так чувствовали силу Гармонии! Но нет: тогда б не мог И мир существовать; никто б не стал Заботиться о нуждах низкой жизни; Все предались бы вольному искусству. Нас мало избранных, счастливцев праздных. Пренебрегающих презренной пользой, Единого прекрасного жрецов. Не правда ль? Но я нынче нездоров, Мне что-то тяжело; пойду, засну. Прощай же!

Сальери.

До свиданья.

(Один)

Ты заснешь Надолго, Моцарт! Но ужель он прав, И я не гений? Гений и злодейство Две вещи несовместные. Неправда: А Бонаротти? или это сказка Тупой, бессмысленной толпы — и не был Убийцею создатель Ватикана?

1830

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello O statua gentilissima.

Del gran' Comandatore!..

...Ah, Padrone!

Don Giovanni¹,

СЦЕНА І.

Дон Гуан и Лепорелло.

Дон Гуан.

Дождемся ночи здесь. Ах, наконец Достигли мы ворот Мадрита! Скоро Я полечу по улицам знакомым, Усы плащем закрыв, а брови шляпой. Как думаешь? узнать меня нельзя?

Лепорелло.

Да, Дон Гуана мудрено признать! Таких как он такая бездна!

Дон Гуан.

Шутишь?

Да кто ж меня узнает?

λ e π ο ρ e λ λ ο.

Первый сторож, Гитана, или пьяный музыкант, Иль свой же брат, нахальный кавалер, Со шпагою под-мышкой и в плаще.

¹ Лепорелло: О, любезнейшая статуя великого командора! Ай, барин! [Из либретто Да Понте к опере Моцарта «Дон Жуан».]

Что за беда, коть и узнают! Только б Не встретился мне сам король. А впрочем Я никого в Мадрите не боюсь.

Лепорелло

А завтра же до короля дойдет, Что Дон Гуан из ссылки самовольно В Мадрит явился — что тогда. скажите, Он с вами сделает?

Дон Гуан.

Пошлет назад. Уж верно головы мне не отрубят. Ведь я не государственный преступник. Меня он удалил, меня ж любя, Чтобы меня оставила в покое Семья убитого...

Лепорелло.

Ну то-то же! Сидели б вы себе спокойно там.

Дон Гуан.

Слуга покорный! Я едва, едва
Не умер там со скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо?.. точный дым.
А женщины? Да я не промевяю,
Вот видишь ли, мой глупый Лепорелло,
Последней в Андалузии крестьянки
На первых тамошних красавиц — право.
Они сначала нравилися мне
Глазами синими да белизною,
Да скромностью — а пуще новизною;
Да слава богу, скоро догадался —
Увидел я, что с ними грех и знаться —
В них жизни нет, всё куклы восковые;
А наши!.. Но послушай, это место
Знакомо нам; узнал ли ты его?

Лепоредло

Как не узнать: Антоньев монастырь Мне памятен. Езжали вы сюда, А лошадей держал я в этой роще.

Проклятая, признаться, должность! Вы Приятнее здесь время проводили, Чем я, поверьте.

Дон Гуан вадумчиво.

Бедная Инеза Ее уж нет! как я любил ее!

Лепорелло

Инеза! — черноглазая... О, помню, Три месяца ухаживали вы За ней; насилу-то помог лукавый.

Дон Гуан.

В июле... ночью. Странную приятность Я находил в ее печальном взоре И помертвелых губах. Это странно. Ты, кажется, ее не находил Красавицей. И точно, мало было В ней истинно-прекрасного. Глаза, Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда Уж никогда я не встречал. А голос У ней был тих и слаб — как у больной. А муж ее был негодяй суровый, Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

Лепорелло.

Что ж, вслед за ней другие были.

Дон Гуан.

Правда.

Лепорелло.

А живы будем, будут и другие.

Дон Гуан.

И то.

Хепорелло.

Теперь которую в Мадрите Отыскивать мы будем? Дон Гуан. О, Лауру!

Я прямо к ней бегу являться.

Λепорелл**о. Д**ело.

Дон Гуан.

К ней прямо в дверь — а если кто-нибудь Уж у нее — прошу в окно прыгнуть.

Лепорелло.

Конечно. Ну, развеселились мы. Недолго нас покойницы тревожат. Кто к нам идет? (Входит монах.)

Монах.

Сейчас она приедет Сюда. Кто здесь? Не люди ль Доны Анны?

Лепорелло.

Нет, сами по себе мы господа, Мы здесь гуляем.

Дон Гуан.

А кого вы ждете?

Монах.

Сейчас должна приехать Дона Анна На мужнину гробницу.

Дон Гуап.

Дона Анна Де-Сольва! как! супруга командора Убитого... не помню кем?

Монах.

Развратным, Бессовестным, безбожным Дон Гуаном.

Лепорелло.

Ого! вот как! Молва о Дон Гуане И в мирный монастырь проникла даже, Отшельники хвалы ему поют.

Монах.

Он вам знаком, быть может?

Лепорелло.

Нам? нимало.

А где-то он теперь?

Монах.

Его здесь нет,

Он в ссылке далеко.

Лепорелло.

И слава богу. Чем далее, тем лучше. Всех бы их, Развратников, в один мешок да в море.

Дон Гуан.

Что, что ты врешь?

Лепорелло.Молчите: я нарочн**о...**

Дон Гуан.

Так эдесь похоронили командора?

Монах.

Здесь. Памятник жена ему воздвигла И приезжает каждый день сюда За упокой души его молиться И плакать.

Дон Гуан.

Что за странная вдова! И не дурна?

Монах.

Мы красотою женской, Отшельники, прельщаться не должны Но лгать грешно; не может и угодник В ее красе чудесной не сознаться.

Дон Гуан.

Недаром же покойник был ревнив. Он Дону Анну взаперти держал, Никто из нас не видывал ее. Я с нею бы хотел поговорить.

Монах.

О, Дона Анна никогда с мужчиной Не говорит.

Дон Гуан

А с вами, мой отец?

Монах.

Со мной иное дело; я монах. Та вот она.

(Входит Дона Анна.)

Дона Анна.

Отец мой, отоприте.

Монах.

Сейчас, сеньора; я вас ожидал.

(Дона Анна идет ва монахом.)

Лепорелло.

Что, какова?

Дон Гуан.

Ее совсем не видно Под этим вдовьим черным покрывалом, Чуть узенькую пятку я заметил.

'Лепорелло.

Довольно с вас. У вас воображенье B минуту дорисует остальное;

Оно у вас проворней живописца, Вам всё равно, с чего бы ни начать. С бровей ли, с ног ли.

Дон Гуан

Слушай, Лепорелло,

Я с нею познакомлюсь.

Лепорелло.

Вот еще!

Куда как нужно! — Мужа повалил Да хочет поглядеть на вдовьи слезы. `Бессовестный!

Дон Гуан.

Однако, уж и смерклось. Пока луна над нами не взошла И в светлый сумрак тьмы не обратила, Взойдем в Мадрит.

 Λ епорелло <npo себя>.

Испанский гранд, как вор, Ждет ночи и луны боится — боже! Проклятое житье! Да долго ль будет Мне с ним возиться? Право, сил уж нет!

CUEHA II.

(Комната. Ужин у Лауры.)

Первый гость.

Клянусь тебе, Лаура, никогда С таким ты совершенством не играла. Как роль свою ты верно поняла!

Второй.

Как развила ее! с какою силой!

Третий,

С каким искусством!

240

Лаура.

Да, мне удавалось Сегодня каждое движенье, слово, Я вольно предавалась вдохновенью. Слова лились как будто их рождела Не память рабская, но сердце...

Первый.

Правда.

Да и теперь глаза твои блестят И щеки разгорелись, не проходит В тебе восторг. Лаура, не давай Остыть ему бесплодно; спой, Лаура, Спой что-нибудь.

Лаура.

Подайте мне гитару.

(Π oe τ).

Bce.

O brava! brava! чудно! бесподобно!

Первый.

Благодарим, волшебница. Ты сердце Чаруешь нам. Из наслаждений жизни Одной любви музыка уступает; Но и любовь — мелодия... взгляни: Сам Карлос тронут, твой угрюмый гость.

Второй.

Какие звуки! сколько в них души! А чьи слова, Лаура?

Лаура.

Дон Гуана.

Дон Карлос.

Что? Дон Гуан!

Лаура.

Их сочинил когда-то . Мой верный друг, мой ветреный любовник.

Дон Карлос.

Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец, А ты, ты дура!

Лаура.

Ты с ума сошел? Да я сейчас велю тебя зарезать Моим слугам, хоть ты испанский гранд.

Дон Карлос (встает).

Зови же их.

Первый.

Лаура, перестань; Дон Карлос, не сердись. Она забыла...

Лаура.

Что? что Гуан на поединке честно Убил его родного брата? Правда: жаль, Что не его.

Дон Карлос.

Я глуп, что осердился.

Лаура.

Ara! сам сознаешься, что ты глуп. Так помиримся.

Дон Карлос.

Виноват, Лаура,

Прости меня. Но знаешь: не могу Я слышать это имя равнодушно...

Άауρа.

А виновата ль я, что поминутно Мне на язык приходит это имя?

Гость.

Ну, в знак, что ты совсем уж не сердита, Лаура, спой еще.

λаура.

Да, на прощанье. Пора, уж ночь. Но что же я спою? А, слушайте. (Поет).

Bce.

Прелестно, бесподобно!

Лаура.

Прощайте ж, господа.

Гости.

Прощай, Лаура.

(Выходят. Лаура останавливает Дон Карлоса.)

Лаура.

Ты, бешеный, останься у меня, Ты мне понравился; ты Дон Гуана Напомнил мне, как выбранил меня И стиснул зубы с скрежетом.

Дон Карлос.

Счастливец!

Пак ты его любила?

(Лаура делает утвердительный внак.)

Очень?

Лаура.

Очень.

Дон Карлос.

И любишь и теперь?

Лаура.

В сию минуту? Нет, не люблю. Мне двух любить нельзя. Теперь люблю тебя. —

Дон Карлос.

Скажи, Лаура,

Который год тебе?

Лаура

Осьмнадцать лет.

Дон Карлос.

Ты молода.... и будешь молода Еще лет пять иль шесть. Вокруг тебя Еще лет шесть они толпиться будут, Тебя ласкать, лелеять и дарить И серенадами ночными тешить, И за тебя друг друга убивать На перекрестках ночью. Но когда Пора пройдет; когда твои глаза Впадут и веки, сморщась, почернеют, И седина в косе твоей мелькнет, И будут называть тебя старухой, Тогда — что скажешь ты?

'λаура.

Тогда? Зачем Об этом думать? что за разговор? Иль у тебя всегда такие мысли? Приди — открой балкон. Как небо тихо! Недвижим теплый воздух — ночь лимоном И лавром пахнет, яркая луна Блестит на синеве густой и темной — И сторожа кричат протяжно: я с н о!... А далеко, на севере — в Париже — Быть может, небо тучами покрыто, Холодный дождь идет и ветер дует. — А нам какое дело? Слушай, Карлос. Я требую, чтоб улыбнулся ты... Ну, тот-то ж!

Дон Карлос.

Милый демон!

(Стучат.)

'Дон Гуан. Гей! Лаура!

Лаура.

Кто там? чей это голос?

'Дон Гуан. Отопри...

Άауρа.

Ужели!... боже!...

(Отпирает двери, входит Дон Гуан.)

Дон Гуан. Здравствуй...

Λ a y ρ a.

Дон Гуан!...

Как! Дон Гуан!...

(Лаура килается ему на шею.)

Дон Гуан.

Лаура, милый друг!...

Целует ее.)

Кто у тебя, моя Лаура?

Дон Карлос.

Я.

Дон Карлос.

Дон Гуан.

Вот нечаянная встреча! Я завтра весь к твоим услугам. —

Дон Карлос.

Нет!

Теперь — сейчас.

Лаура.

Дон Карлос, перестаньте! Вы не на улице — вы у меня — Извольте выдти вон.

Дон Карлос (ее не слушая.)

Я жду. Ну что ж,

Ведь ты при шпаге.

Дон Гуана

Ежели тебе Не терпится, изволь (быются).

Лаура.

Ай! Ай! Гуан!..

(Кидается на постелю. Дон Карлос падает.)

Вставай, Лаура. Кончено.

Лаура.

Что там?

Убит? прекрасно! в комнате моей! Что делать мне теперь, повеса, дьявол? Куда я выброшу его?

Дон Гуан.

Быть может, Он жив еще. (Осматривает тело.)

Лаура.

Да! жив! гляди, проклятый, Ты прямо в сердце ткнул — небось, не мимо, И кровь нейдет из треугольной ранки, А уж не дышит — каково?

Дон Гуан.

Что делать?

Он сам того хотел.

λауρа.

Эх, Дон Гуан, Досадно, право. Вечные проказы— А всё не виноват... Откуда ты? Давно ли здесь?

Дон Гуан.

Я только-что приехал И то тихонько-я ведь не прощен...

Лаура.

И вспомнил тотчас о своей Лауре? Что хорошо, то хорошо. Да полно. Не верю я. Ты мимо шел случайно И дом увидел.

Дон Гуан.

Нет, моя Лаура, Спроси у Лепорелло. Я стою За городом, в проклятой венте. Я Лауры Пришел искать в Мадрите.

(Целует ее.)

Лаура.

Друг ты мой!.. Постой!.. при мертвом!.. что нам делать с ним?

Дон Гуан.

Оставь его — перед рассветом, рано, Я вынесу его под епанчею И положу на перекрестке.

Лаура.

Только

Смотри — чтоб не увидели тебя. Как хорошо ты сделал, что явился Одной минутой позже! у меня Твои друзья здесь ужинали. Только Что вышли вон. Когда б ты их застал!

Дон Гуан.

Лаура, и давно его ты любишь?

Лаура.

Кого? ты видно бредишь.

Дон Гуан.

А признайся:

А сколько раз ты изменяла мне В моем отсутствии?

Лаура.

А ты, повеса?

Дон Гуан.

Скажи... Нет, после переговорим!

сцена ііі.

(Памятник Командора.).

Дон Гуан.

Всё к лучшему: нечаянно убив $\mathcal {A}$ он Карлоса, отшельником смиренным Я скрылся здесь — и вижу каждый день Мою прелестную вдову, и ею — Мне кажется, замечен. — До сих пор Чинились мы друг с другом; но сегодня Впущуся в разговоры с ней; пора. С чего начну? «Осмелюсь»... или нет: «Сеньора»... ба! что в голову придет, То и скажу, без предуготовленья, Импровизатором любовной песни... Пора б уж ей приехать. Без нее — Я думаю — скучает командор. Каким он здесь представлен исполином! Какие плечи! что за Геркулес! А сам покойник мал был и тщедущен, Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку $\mathcal{A}$ о своего он носу дотянуть. Когда за Ескурьялом мы сошлись, Наткнулся мне на шпагу он и замер Как на булавке стрекоза — а был Он горд и смел — и дух имел суровый... А! вот она. (Входит Дона Анна.)

Дона Анна.

Опять он здесь. Отец мой, Я развлекла вас в ваших помышленьях — Простите.

Дон Гуан.

Я просить прощенья должен У вас, сеньора. Может, я мешаю Печали вашей вольно изливаться.

Дона Анна.

Нет, мой отец, печаль моя во мне, При вас мои моленья могут к небу Смиренно возноситься — я прошу И вас свой голос с ними съединить.

Дон Гуан.

Мне, мне молиться с вами, Дона Анна! Я не достоин участи такой. Я не дерэну порочными устами Мольбу святую вашу повторять — Я только издали с благоговеньем Смотрю на вас, когда, склонившись тихо, Вы черные власы на мрамор бледный Рассыплете — и мнится мне, что тайно Гробницу эту ангел посетил, В смущенном сердце я не обретаю Тогда молений. Я дивлюсь безмольно И думаю — счастлив, чей хладный мрамор Согрет ее дыханием небесным И окроплен любви ее слезами.

Дона Анна.

Какие речи — странные!

Дон Гуан. Сеньора?

Дона Анна.

Мне... Вы забыли.

Дон Гуан.

Что? что недостойный Отшельний я? что грешный голос мой Не должен здесь так громко раздаваться?

Дона Анна.

Мне показалось... я не поняла...

Дон Гуан.

'Ах, вижу я: вы всё, вы всё узнали!

Дона Анна.

Что я узнала?

Дон Гуан.

Так, я не монах— У ваших ног прощенья умоляю...

Дона Анна.

О боже! встаньте, встаньте... Кто же вы?

Несчастный, жертва страсти безнадежной.

Дона Анна.

О боже мой! и здесь, при этом гробе! Подите прочь.

Дон Гуан.

Минуту, Дона Анна,

Одну минуту!

Дона Анна.

Если кто взойдет!...

Дон Гуан.

Решетка заперта. Одну минуту!

Дона Анна.

Ну? что? чего вы требуете?

Дон Гуан.

Смерти!
О, пусть умру сейчас у ваших ног,
Пусть бедный прах мой здесь же похоронят,
Не подле праха, милого для вас,
Не тут, не близко — дале где-нибудь,
Там — у дверей — у самого порога,
Чтоб камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб
Пойдете кудри наклонять и плакать.

Дона Анна.

Вы не в своем уме.

Дон Гуан.

Или желать Кончины, Дона Анна, знак безумства? Когда б я был безумец, я б хотел В живых остаться, я б имел надежду Любовью нежной тронуть ваше сердце; Когда б я был безумец, я бы ночи

Стал провождать у вашего балкона, Тревожа серенадами ваш сон; Не стал бы я скрываться, я напротив Старался быть везде б замечен вами; Когда б я был безумец, я б не стал Страдать в безмолвии...

Дона Анна.

И так-то вы

Молчите?

Дон Гуан.

Случай, Дона Анна, случай Увлек меня— не то вы б никогда Моей печальной тайны не узнали.

Дона Анна.

И любите давно уж вы меня?

Дон Гуан.

Давно или недавно, сам не знаю, Но с той поры лишь только знаю цену Мгновенной жизни, только с той поры И понял я, что значит слово счастье.

Дона Анна.

Подите прочь — вы человек опасный.

Дон Іуан.

Опасный! чем?

Дона Анна.

Я слушать вас боюсь.

Дон Гуан.

Я замолчу; лишь не гоните прочь Того, кому ваш вид — одна отрада. Я не питаю дерзостных надежд. Я ничего не требую, но видеть Вас должен я, когда уже на жизнь Я осужден.

Дона Анна.

Подите — здесь не место Таким речам, таким безумствам. Завтра Ко мне придите. Если вы клянетесь Хранить ко мне такое ж уваженье. Я вас приму — но вечером — позднее — Я никого не вижу с той поры, Как овдовела...

Дон Гуан.

Ангел. Дона Анна! Утешь вас бог, как сами вы сегодня Утешили несчастного страдальца.

Дона Анна.

Подите ж прочь.

Дон Гуан. Еще одну минуту.

Дона Анна.

Нет, видно мне уйти... к тому ж моленье Мне в ум нейдет. Вы развлекли меня Речами светскими; от них уж ухо Мое давно, давно отвыкло. Завтра Я вас приму,

Дон Гуан.

Еще не смею верить, Не смею счастью моему предаться... Я завтра вас увижу! — и не эдесь, И не украдкою!

Дона Анна.

Да, завтра, завтра. Как вас зовут?

Дон Гуан.

Диего де Кальвадо.

Дона Анна.

Прощайте, Дон Диего. (Уходит.)

Лепореллов (Лепорелло входит.)

Лепорелло.

Что вам угодно?

Дон Гуан.

Милый Лепорелло! Я счастлив! «Завтра» — «вечером позднее»... Мой Лепорелло, завтра — приготовь... Я счастлив как ребенок!

Лепорелло.

С Доной Анной

Вы говорили? может быть она Сказала вам два ласкового слова Или ее благословили вы?

Дон Гуан.

Нет, Лепорелло, нет! она свиданье, Свиданье мне назначила!

Лепорелло.

Неужто!

О вдовы, все вы таковы!

Дон Гуан.

 ${\sf R}$ счастлив ${\sf R}$ петь готов, я рад весь мир обнять.

Хепорелло.

А командор? что скажет он об этом?

Дон Гуан.

Ты думаешь, он станет ревновать? Уж верно нет; он человек разумный И верно присмирел с тех пор, как умер.

Лепорелло.

Нет; посмотрите на его статую.

Что ж?

Лепорелло.

Кажется, на вас она глядит И сердится.

Дон Гуан.

Ступай же, Лепорелло, Проси ее пожаловать ко мне — Нет, не ко мне, — а к Доне Анне, завтра

Лепорелло.

Статую в гости звать! зачем?

Дон Гуан.

Уж верно

Не для того, чтоб с нею говорить — Проси статую завтра к Доне Анне Притти попозже вечером и стать У двери на часах.

Лепорелло.

Охота вам

Шутить, и с кем!

Дон Гуан. Ступай же!

Лепорелло.

Ho...

Дон Гуан.

Ступай!

Лепорелло.

Преславная, прекрасная статуя! Мой барин, Дон Гуан, покорно просит Пожаловать... Ей-богу, не могу, Мне страшно.

Дон Гуан. Трус! вот я тебя!..

Лепорелло.

, Позвольте. Мой барин, дон Гуан, вас просит завтра Притти попозже в дом супруги вашей И стать у двери...

(Статуя кивает головой в внак согласия.)

Aŭi

Дон Гуана Что там?

Лепорелло.

Ай, ай!...

Ай, ай!.. Умру!

Дон Гуан

Что сделалось с тобою?

Лепорелло (кивая головой).

Статуя... ай!...

Дон Гуан.

Ты кланяешься!

Лепорелло.

Нет.

Не я. она!

Дон Гуан.

Какой ты вздор несещь?

Лепорелло.

Подите сами.

Дон Гуан.

Ну, смотри ж, бездельник. (Статуе). Я, командор, прошу тебя притти К твоей вдове, где завтра буду я, И стать на стороже в дверях. Что? будешь?

(Статуя кивает опять.)

О боже!

Лепорелло.

Что? я говорил...

Дон Гуан.

Уйдем.

CLIEHA IV.

(Комната Доны Анны.) Дон Гуан и Дона Анна

Дона Анна.

Я приняла вас, Дон Диего; только Боюсь, моя печальная беседа Скучна вам будет. Бедная вдова, Всё помню я свою потерю. Слезы С улыбкою мешаю, как апрель. Что ж вы молчите?

Дон Гуан.

Наслаждаюсь молча, Глубоко мыслью быть наедине С прелестной Доной Анной, здесь — не там, Не при гробнице мертвого счастливца — И вижу вас уже не на коленах Пред мраморным супругом.

Дона Анна.

Дон Диего, Так вы ревнивы — муж мой и во гробе Вас мучит?

Дон Гуан.

Я не должен ревновать. Он вами выбран был.

Дона Анна.

Нет, мать моя Велела мне дать руку Дон Альвару, Мы были бедны, Дон Альвар богат.

Дон Гуан.

Счастливец! он сокровища пустые Принес к ногам богини, вот за что

Вкусил он райское блаженство! Если б Я прежде вас узнал — с каким восторгом Мой сан, мои богатства, всё бы отдал, Всё за единый благосклонный взгляд! Я был бы раб священной вашей воли, Все ваши прихоти я б изучал, Чтоб их предупреждать, чтоб ваша жизнь Была одним волшебством беспрерывным. Увы! — Судьба судила мне иное.

Дона Анна.

Диего, перестаньте: я грешу, Вас слушая — мне вас любить нельзя, Вдова должна и гробу быть верна. Когда бы знали вы, как Дон Альвар Меня любил! о, Дон Альвар уж верно Не принял бы к себе влюбленной дамы, Когда б он овдовел — он был бы верен Супружеской любви.

Дон Гуан.

Не мучьте сердца Мне, Дона Анна, вечным поминаньем Супруга. Полно вам меня казнить, Хоть казнь я заслужил, быть может.

Дона Анна.

Чем же?

Вы узами не связаны святыми Ни с кем — не правда ль? Полюбив меня, Вы предо мной и перед небом правы.

Дон Гуан.

Пред вами! Боже!

Дона Анна.

Разве вы виновны Передо мной? Скажите, в чем же?

Дон Гуан.

Нет.

Нет, никогда.

Дона Анна.

Диего, что такое? Вы предо мной не правы? в чем, скажите?

Нет! ни за что!

Дона Анна.

Я вас прошу, я требую...

Дон Гуан. Нет, нет.

Дона Анна.

А! Так-то вы моей послушны воле! А что сейчас вы говорили мне? Что вы б рабом моим желали быть. Я рассержусь, Диего: отвечайте, В чем предо мной виновны вы?

Дон Гуан.

Не смею.

Вы ненавидеть станете меня.

Дона Анна.

Нет, нет. Я вас заранее прощаю, Но знать желаю.

Дон Гуан.

Не желайте знать Ужасную, убийственную тайну.

Дона Анна.

Ужасную! вы мучите меня. Я страх как любопытна — что такое? И как меня могли вы оскорбить? Я вас не знала — у меня врагов И нет и не было. Убийца мужа Один и есть.

Дон Гуан (про себя).

Идет к развязке дело! Скажите мне: несчастный Дон Гуан Вам незнаком? Дона Анна.

Нет, отроду его

Я не видала.

Дон Гуан.

Вы в душе к нему Питаете вражду?

Дона Анна.

По долгу чести. Но вы отвлечь стараетесь меня От моего вопроса, Дон Диего — Я требую...

Дон Гуан.

Что если б Дон Гуана Вы встретили?

Дона Анна.

Тогда бы я влодею Кинжал вонзила в сердце.

Дон Гуап.

Дона Анна,

Где твой кинжал? вот грудь моя.

Дона Анна.

Диего!

Что вы?

Дон Гуан.

Я не Диего, я Гуан.

Дона Анна.

О боже! нет, не может быть, не верю.

Дон Гуан.

Я Дон Гуан.

Дона Анна.

Не правда.

Я убил

Супруга твоего; и не жалею О том — и нет раскаянья во мне.

Дона Анна.

Что слышу я? Нет, нет, не может быть.

Дон Гуан.

Я Дон Гуан и я тебя люблю.

Дона Анна (падая).

Где я?.. где я?.. мне дурно, дурно.

Дон Гуан.

НебоІ

Что с нею? что с тобою, Дона Анна? Встань, встань, проснись, опомнись: твой Диего, Твой раб у ног твоих.

Дона Анна.

Оставь меня.

(Слабо.) О, ты мне враг — ты отнял у меня Всё, что я в жизни...

Дон Гуан.

Милое созданье! Я всем готов удар мой искупить, У ног твоих жду только приказанья, Вели — умру; вели — дышать я буду Лишь для тебя...

Дона Анна. Так это Дон Гуан...

Дон Гуан.

Не правда ли — он был описан вам Злодеем, извергом — о, Дона Анна? Молва, быть может, не совсем неправа, На совести усталой много зла,

Быть может, тяготеет. Так, разврата Я долго был усердный ученик, Но с той поры как вас увидел я, Мне кажется, я весь переродился. Вас полюбя, люблю я добродетель И в первый раз смиренно перед ней Дрожащие колена преклоняю.

Дона Анна.

О, Дон Гуан красноречив — я знаю, Слыхала я; он хитрый искуситель. Вы сущий демон. Сколько бедных женщин Вы погубили?

Дон Гуан.

Ни одной доныне Из них я не любил.

Дона Анна.

И я поверю, Чтоб Дон Гуан влюбился в первый раз, Чтоб не искал во мне он жертвы новой!

Дон Гуан.

Когда б я вас обманывать хотел, Признался ль я, сказал ли я то имя, Которого не можете вы слышать? Где ж видно тут обдуманность, коварство?

Дона Анна.

Кто знает вас? — Но как могли притти Сюда вы! Здесь узнать могли бы вас, И ваша смерть была бы неизбежна.

Дон Гуан.

Что значит смерть? за сладкий миг свиданья Безропотно отдам я жизнь.

Дона Анна.

Но как же Отсюда вытти вам, неосторожный!

Дон Гуан (целуя ей руки).

И вы о жизни бедного Гуана Заботитесь! Так ненависти нет В душе твоей небесной, Дона Анна?

Дона Анна.

Ах, если б вас могла я ненавидеть! Однако ж надобно расстаться нам.

Дон Гуан.

Когда ж опять увидимся?

Дона Анна.

Не знаю,

Когда-нибудь

Дон Гуан.

А завтра?

Дона Анна.

Где же?

Дон Гуан.

Злесь.

Дона Анна.

О, Дон Гуан, как сердцем я слаба.

Дон Гуан.

В залог прощенья мирный поцелуй...

Дона Анна.

. Пора, поди

Дон Гуан.

Один, холодный, мирный...

Дона Анна.

Какой ты неотвязчивый! на, вот он. Что там за стук?.. о, скройся, Дон Гуан.

Прощай же, до свиданья, друг мой милый. (Уходит и вбегает опять).

Άι....

Дона Анна.

Что с тобой? А!....

(Входит статуя командора. Дона Анна падает.)

Статуя.

Я на зов явился.

Дон Гуан.

О боже! Дона Анна!

Статуя.

Брось ее, Всё кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан.

Дон Гуан.

Я? нет. Я звал тебя и рад, что вижу.

Статуя.

Дай руку.

Дон Гуан.

Вот она.... О, тяжело Пожатье каменной его десницы! Оставь меня, пусти, пусти мне руку.... Я гибну — кончено — о, Дона Анна!..

(Проваливаются.)

1830

ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих мужчин и женщин.)

Молодой человек.

Почтенный председатель! я напомню О человеке, очень нам знакомом. О том, чьи шутки, повести смешные, Ответы острые и замечанья, Столь едкие в их важности забавной. Застольную беседу оживляли И разгоняли мрак, который ныне Зараза, гостья наша, насылает На самые блестящие умы. Тому два дня, наш общий хохот славил Его рассказы; не возможно быть, Чтоб мы в своем веселом пированьи Забыли Джаксона! Его здесь кресла Стоят пустые, будто ожидая Весельчака — но он ушел уже В холодные, подземные жилища... Хотя красноречивейший язык Не умолкал еще во прахе гроба; Но много нас еще живых, и нам Причины нет печалиться. И так Я предлагаю выпить в его память, С веселым звоном оюмок, с восклицаньем, Как будто б был он жив.

Председатель.

Он выбыл первый Из круга нашего. Пускай в молчаньи Мы выпьем в честь его.

Молодой человек Да будет так!

(Все пьют молча.)

Председатель.

Твой голос, милая, выводит звуки Родимых песен с диким совершенством; Спой, Мери, нам, уныло и протяжно, Чтоб мы потом к веселью обратились Безумнее, как тот, кто от земли Был отлучен каким-нибудь виденьем.

Мери (поет).

Было время, процветала В мире наша сторона: В воскресение бывала Церковь божия полна; Наших деток в шумной школе Раздавались голоса, И сверкали в светлом поле Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела; Школа глухо заперта; Нива праздно перезрела; Роща темная пуста; И селенье, как жилище Погорелое, стоит; Тихо всё — одно кладбище Не пустеет, не молчит:

Поминутно мертвых носят, И стенания живых Боязливо бога просят Успокоить души их! Поминутно места надо, И могилы меж собой, Как испуганное стадо, Жмутся тесной чередой!

Если ранняя могила Суждена моей весне, Ты, кого я так любила, Чья любовь отрада мне, Я молю: не приближайся К телу Дженни ты своей;

Уст умерших не касайся; Следуй издали за ней.

И потом оставь селенье! Уходи куда-нибудь, Где б ты мог души мученье Усладить и отдохнуть. И когда зараза минет, Посети мой бедный прах; А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах!

Председатель.

Благодарим, задумчивая Мери, Благодарим за жалобную песню! В дни прежние чума такая ж, видно, Холмы и долы ваши посетила, И раздавались жалкие стенанья По берегам потоков и ручьев, Бегущих ныне весело и мирно Сквозь дикий рай твоей земли родной; И мрачный год, в который пало столько Отважных, добрых и прекрасных жертв, Едва оставил память о себе В какфй-нибудь простой пастушьей песне, Унылой и приятной... Нет! ничто Так не печалит нас среди веселий, Как томный, сердцем повторенный звук!

Мери.

О, если б никогда я не певала Вне хижины родителей своих! Они свою любили слушать Мери; Самой себе я, кажется, внимаю Поющей у родимого порога — Мой голос слаще был в то время: он Был голосом невинности...

Луиза.

Не в моде Теперь такие песни! Но всё ж есть Еще простые души: рады таять От женских слез, и слепо верят им. Она уверена, что взор слезливый Ее неотразим — а если б то же О смехе думала своем, то верно

Всё б улыбалась. Вальсингам хвалил Крикливых северных красавиц: вот Она и расстоналась. Ненавижу Волос шотландских этих желтизну.

Председатель.

Послушайте: я слышу стук колес!

(Едет телега, наполненная мертвыми телами. Негр управляет ею.)

Ага! Луизе дурно; в ней, я думал, По языку судя, мужское сердце. Но так-то: нежного слабей жестокий, И страх живет в душе, страстьми томимой! Брось, Мери, ей воды в лицо. Ей лучше.

Мери.

Сестра моей печали и позора, Приляг на грудь мою.

Луиза.

(приходя в чувство).

Ужасный демон Приснился мне: весь черный, белоглазый... Он звал меня в свою тележку. В ней Лежали мертвые — и лепетали Ужасную, неведомую речь... Скажите мне: во сне ли это было? Проехала ль телега?

Молодой человек.

Ну, Луиза, а вся наша

Развеселись: хоть улица вся наша Безмолвное убежище от смерти, Приют пиров ничем невозмутимых, Но знаешь! эта черная телега Имеет право всюду разъезжать — Мы пропускать ее должны! Послушай Ты, Вальсингам: для пресеченья спороь И следствий женских обмороков, спой Нам песню — вольную, живую песню, — Не грустию шотландской вдохновенну, А буйную, вакхическую песнь, Рожденную за чашею кипящей.

Председатель.

Гакой не знаю — но спою вам гимн Я в честь чумы: я написал его Прошедшей ночью, как расстались мы. Мне странная нашла охота к рифмам Впервые в жизни! Слушайте ж меня: Охриплый голос мой приличен песне. —

Многие.

Гимн в честь чумы! Послушаем ero! Гимн в честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

Председатель (пост).

Когда могущая зима, Как бодрый вождь, ведет сама На нас косматые дружины Своих морозов и снегов, Навстречу ей трещат камины, И весел зимний жар пиров.

Царица грозная, Чума Теперь идет на нас сама И льстится жатвою богатой; И к нам в окошко день и ночь Стучит могильною лопатой... Что делать нам? и чем помочь?

Как от проказницы-зимы, Запремся также от Чумы! Зажжем огни, нальем бокалы; Утопим весело умы И, заварив пиры да балы, Восславим царствие Чумы.

Есть упоение в бою, И бездны мрачной на краю, И в разъяренном океане Средь грозных волн и бурной тьмы, И в аравийском урагане, И в дуновении Чумы.

Всё, всё, что гибелью грозит, Для сердца смертного таит Неизъяснимы наслажденья — Бессмертья, может быть, залог! И счастлив тот, кто средь волненья Их обретать и ведать мог.

И так—хвала тебе, Чума! Нам не страшна могилы тьма, Нас не смутит твое призванье! Бокалы пеним дружно мы, И девы-розы пьем дыханье — Быть может — полное Чумы!

(Входит старый священник.)

Священник.

Безбожный пир, безбожные безумцы! Вы пиршеством и песнями разврата Ругаетесь над мрачной тишиной, Повсюду смертию распространенной! Средь ужаса плачевных похорон, Средь бледных лиц, молюсь я на кладбище, А ваши ненавистные восторги Смущают тишину гробов — и землю Над мертвыми телами потрясают! Когда бы стариков и жен моленья Не освятили общей, смертной ямы,—Подумать мог бы я, что нынче бесы Погибший дух безбожника терзают И в тъму кромешную тащат со смехом.

Несколько голосов,

Он мастерски об аде говорит! Ступай, старик! ступай своей дорогой!

Священник.

Я заклинаю вас святою кровью Спасителя, распятого за нас: Прервите пир чудовищный, когда Желаете вы встретить в небесах Утраченных возлюбленные души — Ступайте по своим домам!

Председатель.

У нас печальны — юность любит радость.

Священник.

Ты ль это, Вальсингам? Ты ль самый тот, Кто три тому недели, на коленях, Труп матери, рыдая, обнимал И с воплем бился над ее могилой? Иль думаешь: она теперь не плачет, Не плачет горько в самых небесах, Взирая на пирующего сына В пиру разврата, слыша голос твой, Поющий бешеные песни между Мольбы святой и тяжких воздыханий? Ступай за мной!

Председатель.

Зачем приходишь ты Меня тревожить? Не могу, не должен Я за тобсй итти: я здесь удержан Отчаяньем, воспоминаньем страшным. Сознаньем беззаконья моего И ужасом той мертвой пустоты, Которую в моем дому встречаю -И новостью сих бешеных веселий. И благодатным ядом этой чаши. И ласками (прости меня господь) Погибшего, но милого созданья... Тень матери не вызовет меня Отселе — поздно — слышу голос твой, Меня зовущий — признаю усилья Меня спасти... старик! иди же с миром; Но проклят будь, кто за тобой пойдет!

Многие.

Bravo, bravo! достойный председатель! Вот проповедь тебе! пошел! пошел!

Священник.

Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель (встает).

Клянись же мне, с поднятой к небесам, Увядшей, бледною рукой, оставить В гробу навек умолкнувшее имя! О, если б от очей ее бессмертных Скрыть это зрелище! Меня когда-то Она считала чистым, гордым, вольным — И знала рай в объятиях моих... Где я! Святое чадо света! вижу Тебя я там, куда мой падший дух Не досягнет уже...

Женский голос.

Он сумасшедщий: Он бредит о жене похороненной!

Священник.

Пойдем, пойдем...

Председатель.

Отец мой, ради бога,

Оставь меня.

Священник.

Спаси тебя господь!

Прости, мой сын.

(Уходит. Пир продолжается. Председатель остается, погруженный в глубокую вадумчивость.)

1833

РУСАЛКА.

БЕРЕГ ДНЕПРА. МЕЛЬНИЦА.

Мельник, дочь его.

Мельник.

Ох, то-то все вы, девки молодые, Все глупы вы. Уж если подвернулся К вам человек завидный, непростой, Так должно вам его себе упрочить. А чем? разумным, честным поведеньем, Заманивать то строгостью, то лаской; Порою исподволь обиняком О свадьбе заговаривать — а пуще. Беречь свою девическую честь — Бесценное сокровище; она — Что слово — раз упустишь, не воротишь. А коли нет на свадьбу уж надежды, То всё-таки, по крайней мере, можно Какой-нибудь барыш себе — иль пользу Родным да выгадать; подумать надо: «Не вечно ж будет он меня любить И баловать меня» — Да нет! куда Вам помышлять о добром деле! кстати ль? Вы тотчас одуреете; вы рады Исполнить даром прихоти его, Готовы целый день висеть на шее У милого дружка — а милый друг Глядь и пропал, и след простыл; а вы Осталися ни с чем: ох, все вы глупы! Не говорил ли я тебе сто раз: Эй, дочь, смотри; не будь такая дура, Не прозевай ты счастья своего, Не упускай ты князя, да спроста Не погуби самой себя. — Что ж вышло?.... Сиди теперь, да вечно плачь о том, Чего уж не воротишь.

Дочь,

Почему же Ты думаешь, что бросил он меня?

Мельник.

Как, почему? да сколько раз, бывало, В неделю он на мельницу езжал? А? всякий божий день, а иногда И дважды в день — а там все реже, реже Стал приезжать — и вот девятый день Как не видали мы его. Что скажешь?

Дочь.

Он занят; мало ль у него заботы? Ведь он не мельник — за него не станет Вода работать. Часто он твердит, Что всех трудов его труды тяжеле,

Мельник

Да, верь ему. Когда князья трудятся, И что их труд? травить лисиц и зайцев, Да пировать, да обижать соседей, Да подговаривать вас, бедных дур. Он сам работает; куда как жалко! А за меня вода!.. а мне покою Ни днем, ни ночью нет, а там посмотришь: То здесь, то там нужна еще починка, Где гниль, где течь. — Вот если б ты у князя Умела выпросить на перестройку Хоть несколько деньжонок, было б лучше.

Дочь.

Axl

Мельник.

Что такое?

Дочь.

Чу! Я слышу топот Его коня.... Он, он!

Мельник.

Смотри же, дочь Не забывай моих советов, помни.....

Дочь.

Вот он, вот он.

(Входит князь. Конюший уводит его коня.)

Князь,

Здорово, милый друг. Здорово, мельник.

Мельник.

Милостивый князь, Добро пожаловать. Давно, давно Твоих очей мы светлых не видали. Пойду тебе готовить угощенье.

(Уходит.)

Дочь.

Ах, наконец, ты вспомнил обо мне! Не стыдно ли тебе так долго мучить Меня пустым, жестоким ожиданьем? Чего мне в голову не приходило? Каким себя я страхом не пугала? То думала, что конь тебя занес В болото или пропасть, что медведь Тебя в лесу дремучем одолел, Что болен ты, что разлюбил меня — Но слава богу! жив ты, невредим, И любишь всё попрежнему меня, Не правда ли?

Князь.

Попрежнему, мой ангел. Нет, больше прежнего —

Она

Однако ты

Печален; что с тобою?

Князь.

Я печален? Тебе так показалось — нет, я весел Всегда, когда тебя лишь вижу.

Нет.

Когда ты весел, издали ко мне Спешишь и кличешь — где моя голубка, Что делает она? а там целуешь И вопрошаешь: рада ль я тебе И ожидала ли тебя так рано — А нынче — слушаешь меня ты молча. Не обнимаешь, не целуешь в очи, Ты чем-нибудь встревожен верно. Чем же? Уж на меня не сердишься ли ты?

Князь.

Я не хочу притворствовать напрасно. Ты права: в сердце я ношу печаль Тяжелую — и ты ее не можешь Ни ласками любовными рассеять, Ни облегчить, ни даже разделить.

Она.

e.

Но больно мне с тобою не грустить Одною грустью — тайну мне поведай. Позволишь — буду плакать; не позволишь, — Ни слезкой я тебе не досажу.

Князь.

Зачем мне медлить? чем скорей, тем лучше. Мой милый друг, ты знаешь, нет на свете Блаженства прочного: ни знатный род, Ни красота, ни сила, ни богатство, Ничто беды не может миновать. И мы — не правда ли, моя голубка? Мы были счастливы; по крайней мере Я счастлив был тобой, твоей любовью И что вперед со мною ни случится, Где б ни был я, всегда я буду помнить Тебя, мой друг; того, что я теряю, Ничто на свете мне не заменит.

Она

Я слов твоих еще не понимаю, Но уж мне страшно. Нам судьба грозит, Готовит нам неведомое горе, Разлуку, может быть.

Князь.

Ты угадала, Разлука нам судьбою суждена.

Она.

Кто нас разлучит? разве за тобою Идти во след я всюду не властна? Я мальчиком оденусь. Верно буду Тебе служить, дорогою, в походе Иль на войне — войны я не боюсь — Лишь видела б тебя. — Нет, нет, не верю! Иль выведать мои ты мысли хочешь, Или со мной пустую шутку шутишь.

Князь.

Нет, шутки мне на ум нейдут сегодня; Выведывать тебя не нужно мне; Не снаряжаюсь я ни в дальный путь, Ни на войну. — Я дома остаюсь, Но должен я с тобой навек проститься.

Она.

Постой, теперь я понимаю всё... Ты женишься! (Князь молчит.) Ты женишься!

Князь.

Что делать?

Сама ты рассуди. Князья не вольны, Как девицы — не по сердцу они Себе подруг берут, а по расчетам Иных людей, для выгоды чужой — Твою печаль утешит бог и время; Не забывай меня; возьми на память Повязку; дай, тебе я сам надену. Еще с собой привез я ожерелье — Возьми его. — Да вот еще: отцу Я это посулил. Отдай ему.

(Дает ей в руки мешок с волотом.)

Прощай.

OHA

Постой; тебе сказать должна я Не помню что.

Князь.

Припомни.

Она.

Для тебя Я все готова.... нет не то... Постой — Нельзя, чтобы навеки в самом деле Меня ты мог покинуть... Всё не то... Да!.. вспомнила: сегодня у меня Ребенок твой под сердцем шевельнулся.

Князь.

Несчастная как быть? хоть для него Побереги себя; я не оставлю Ни твоего ребенка, ни тебя. Современем, быть может, сам приеду Вас навестить. Утешься, не крушися. Дай обниму тебя в последний раз.

(Уходя.)

Ух! кончено — душе как-будто легче. Я бури ждал, но дело обошлось Довольно тихо. (Уходит. Она остается неподвижною.)

Мельник (входит).

Не угодно ль [будет] Пожаловать на мельницу... да где же он? Скажи, где князь наш? ба, ба, ба! какая Повязка! вся в каменьях дорогих! Так и горит! и бусы!.... Ну, скажу: Подарок царский. Ах он благодетель! А это что? мошонка! уж не деньги ль? Да что же, ты стоишь, не отвечаешь, Не вымольишь словечка? али ты От радости нежданной одурела, Иль на тебя столбняк нашел?

√Дочь.

Не верю,

Не может быть. Я так его любила, Или он зверь? иль сердце у него Косматое?

Мельник.

О ком ты говоришь?

Дочь.

Скажи, родимый, как могла его Я прогневить? в одну недельку разве Моя краса пропала? иль его Отравой опоили?

Мельник.

Что с тобою?

Дочь

Родимый, он уехал. — Вон он скачет!— И я, безумная, его пустила, Я за полы его не уцепилась, Я не повисла на узде коня! Пускай же б он с досады отрубил Мне руки по локоть, пускай бы тут же Он растоптал меня своим конем!

Мельник.

Ты бредишь!

Дочь.

Видишь ли, князья не вольны, Как девицы, не по сердцу они Берут жену себе.... а вольно им, Небось, подманивать, божиться, плакать И говорить: тебя я повезу В мой светлый терем, в тайную светлицу И наряжу в парчу и в бархат алый. Им вольно бедных девушек учить С полуночи на свист их подыматься, И до зари за мельницей сидеть — Им любо сердце княжеское тешить Бедами нашими, а там прощай, Ступай, голубушка, куда захочешь, Люби, кого замыслишь.

Мельник. Вот в чем дело.

Дочь.

[Да кто, скажи, разлучница моя?] Я доберусь — я ей скажу, злодейке: Отстань от князя — видишь, две волчихи Не водятся в одном овраге.

Мельник.

ДураІ

Уж если князь берет себе невесту, Кто может помешать ему? Вот то-то. Не говорил ли я тебе...

Дочь.

И мог он Как добрый человек со мной прощаться. И мне давать подарки — каково! — И деньги! выкупить себя он думал! Он мне хотел язык засеребрить, Чтоб не прошла о нем худая слава И не дошла до молодой жены. Да бишь, забыла я — тебе отдать Велел он это серебро, за то, Что был хорош ты до него, что дочку За ним пускал таскаться, что ее Держал не строго... В прок тебе пойдет Моя погибель. (Отдает ему мешок.)

Отец (в слезах).

До чего я дожил!
Что бог привел услышать — Грех тебе
Так горько упрекать отца родного.
Одно дитя ты у меня на свете,
Одна отрада в старости моей.
Как было мне тебя не баловать?
Бог наказал меня за то, что слабо
Я выполнил отцовский долг.

Дочь.

Ох, душно!

Холодная эмея мне шею давит... Змеей, эмеей опутал он меня, Не жемчугом. (Рвет с себя жемчуг.)

Мельник.

Опомнись.

Дочь.

Так бы я Разорвала тебя, эмею-элодейку, Проклятую разлучницу мою!

Мельник.

Ты бредишь, право, бредишь.

Дочь (сымает с себя повявку).

Вот венец мой, Венец позора! вот чем нас венчал Лукавый враг, когда я отреклася Ото всего, чем прежде дорожила. Мы развенчались. — Сгинь ты, мой венец!

(Бросает повявки в Днепо.)

Теперь всё кончено... (Бросается в реку.)

Старик (падая), Ох., горе, горе!

КНЯЖЕСКИЙ ТЕРЕМ.

Свадьба. Молодые свдят ва столом. Гости. Хор девушек.

Сват.

Веселую мы свадебку сыграли. Ну, здравствуй, князь с княгиней молодой! Дай бог вам жить в любови да совете, А нам у вас почаще пировать. Что ж, красные девицы, вы примолкли? Что ж, белые лебедушки, притихли? Али все песенки вы перепели? Аль горлышки от пенья пересохли?

Х ο ρ.

Сватушка, сватушка, Бестолковый сватушка!
По невесту ехали — В огород заехали, Пива бочку пролили, Всю капусту полили, Тыну поклонилися, Верее молилися: Верея ль, вереюшка, Укажи дороженьку По невесту ехати. Сватушка, догадайся, За мошоночку принимайся;

В мошне денежка шевелится, К красным девушкам норовится.

Сват.

Насмешницы, уж выбрали вы песню! На, на, возьмите, не корите свата.

(Дарит девушек.)

Один голос.

По камушкам, по желтому песочку. Пробегала быстрая речка, В быстрой речке гуляют две рыбки, Две рыбки, две малые плотицы. А слышала ль ты, рыбка-сестрица, Про вести-то наши, про речные? Как вечор у нас красна девица топилась, Утопая, мила друга проклинала?

Сват.

Красавицы! да это что за песня? Она, кажись, не свадебная; нет. Кто выбрал эту песню? а?

Девушки.

Не я —

Не я — не мы...

Сват.

Да кто ж пропел ее?

(Шопот и смятение между девушками.)

Князь.

Я знаю кто.

(Встает иво стола и говорит тихо конюшему)

Она сюда прокралась; Скорее выведи ее. Да сведай, Кто смел ее впустить.

(Конюший подходит к девушкам.)

Князь (садится, про себя).

Она, пожалуй, Готова здесь наделать столько шума,

Что со стыда не буду знать, куда И спрятаться.

Конюший.

Я не нашел ее.

Киязь.

Ищи. Она, я знаю, здесь. Она Пропела эту песню.

Гость.

Ай да мед!
И в голову и в ноги так и бьет — Жаль горек: подсластить его б не худо.

(Молодые целуются. Слышен слабый крик.)

Князь.

Она! вот крик ее ревнивый. (Конюшему.) Что?

Конюший.

Я не нашел ее нигде.

Князь.

Дурак.

Дружко (вставая).

Не время ль нам княгиню выдать мужу, Да молодых в дверях осыпать хмелем?

(Все встают.)

Сваха.

Вестимо, время. Дайте ж петуха.

(Молодых кормят жареным петухом, потом осыпают хмелем — и ведут в спальню.)

Сваха.

Княгиня душенька, не плачь, не бойся, Послушна будь.

(Молодые уходят в спальню, гости все расходятся, кроме свахи и дружка.)

Дружко.

Где чарочка? всю ночь Под окнами я буду раз'езжать, Так укрепиться мне вином не худо.

Сваха наливает ему чарку.

На, кушай, на здоровье.

Дружко.

Ух! спасибо.

Всё хорошо, не правда ль, обошлось? И свадьба хоть куда—

Сваха.

Да, слава богу, Всё хорошо — одно не хорошо.

Дружко.

4 TO?

Сваха.

Да не к добру пропели песню Не свадебную, а бог весть какую,

Дружко.

Уж эти девушки — никак нельзя им Не попроказить. — Статочно ли дело Мутить нарочно княжескую свадьбу. Пойти-ко мне садиться на коня. Прощай, кума. (Уходит.)

Сваха.

Ох, сердце не на месте! Не в пору сладили мы эту свадьбу.

СВЕТЛИЦА

Княгиня и мамка.

Княгиня.

Чу — кажется, трубят; нет, он не едет. Ах, мамушка, как был он женихом, Он от меня на шаг не отлучался,

С меня очей, бывало, не сводил. Женился он, и всё пошло не так. Теперь меня ранёшенько разбудит И уж велит себе коня седлать; Да до ночи, бог ведает, где ездит. Воротится, чуть ласковое слово Промолвит мне, чуть ласковой рукой По белому лицу меня потреплет.

Мамка.

Княгинюшка, мужчина что петух: Кири куку! мах мах крылом и прочь. А женщина, что бедная наседка, Сиди себе, да выводи цыплят. Пока жених — уж он не насидится, Ни пьет, ни ест, глядит не наглядится. Женился — и заботы настают: То надобно соседей навестить, То на охоту ехать с соколами, То на войну нелегкая несет, Туда, сюда — а дома не сидится.

Княгиня.

Как думаешь? уж нет ли у него Вазнобы тайной —

Мамка.

Полно, не греши: Да на кого тебя он променяет? Ты всем взяла: красою ненаглядной, Обычаем и разумом. Подумай: Ну в ком ему найти, как не в тебе, Сокровища такова?

Княгиня.

Когда б услышал бог мои молитвы И мне послал детей. К себе тогда б Умела вновь я мужа привязать — — — А! полон двор охотниками. Муж Домой приехал. Что ж его не видно.

(Входит ловчий.)

Что князь, где он?

Ловчий.

Князь приказал домой

Отъехать нам.

Княгиня.

А где ж он сам?

Ловчий.

Остался

Один в лесу на берегу Днепра.

Княгиня.

И князя вы осмелились оставить Так одного; усердные вы слуги! Сейчас назад, сейчас к нему скачите Сказать ему, что я прислала вас.

(Ловчий уходит.)

Ах боже мой! в лесу ночной порою И дикий зверь и лютый человек И леший бродит — долго ль до беды. Скорей зажги свечу перед иконой.

Мамка.

Бегу, мой свет, бегу — —

днепр. ночь.

Русалки.

Весёлой толпою С глубокого дна Мы ночью всплываем — Нас греет луна.]

Любо нам порой ночною Дно речное покидать, Любо вольной головою Высь речную разрезать, Подавать друг дружке голос, Воздух звонкий раздражать, И зеленый, влажный волос В нем сушить и отряхать.

Одна

Тише, тише! под кустами Что-то кроется во мгле. Другая.

Между месяцем и нами Кто-то ходит по земле.

(Прячутся.)

Князь.

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —
Вот мельница! Она уж развалилась;
Веселый шум ее колес умолкнул;
Стал жернов — видно, умер и старик.
Дочь бедную оплакал он не долго.
Тропинка тут вилась — она заглохла.
Давно-давно сюда никто не ходит —
Тут садик был с забором — неужели
Разросся он кудрявой этой рощей?
Ах, вот и дуб заветный, здесь она,
Обняв меня, поникла и умолкла — —
Возможно ли?.. (Идет к деревьям, листья сыплются.)

Что это значит? листья Поблекнув вдруг свернулися и с шумом Посыпались как пепел на меня. Передо мной стоит он гол и чери, Как дерево проклятое—

(Входит старик, в лохмотьях и полунагой.)

Старик.

Здорово,

Здорово, зять —

Князь.

Кто ты?

Старик.

Я здешний ворон.

Князь.

Возможно ль? Это мельник.

Старик.

Что за мельник!

Я продал мельницу бесам запечным,

ONCO AUN ANTON

А денежки отдал на сохраненье Русалке, вещей дочери моей. Они в песку Днепра-реки зарыты, Их рыбка-одноглазка стережет.

Князь.

Несчастный, он помешан. Мысли в нем Рассеяны как тучи после бури.

Старик.

Зачем вечор ты не приехал к нам? У нас был пир, тебя мы долго ждали.

Князь.

Кто ждал меня?

Старик.

Кто ждал? вестимо, дочь. Ты знаешь, я на всё гляжу сквозь пальцы И волю вам даю: сиди она С тобою хоть всю ночь, до петухов, Ни слова не скажу я.

Князь.

Бедный мельник!

Старик.

Какой я мельник, говорят тебе, Я ворон, а не мельник. Чудный случай: Когда (ты помнишь?) бросилась она В реку, я побежал за нею следом И с той скалы прыгнуть хотел, да вдруг Почувствовал, два сильные крыла Мне выросли внезапно из-под мышек И в воздухе сдержали. С той поры То здесь, то там летаю, то клюю-Корову мертвую, то на могилке Сижу, да каркаю.

Князь.

Какая жалость! Кто ж за тобою смотрит?

Старик.

Да, за мною Присматривать нехудо. Стар я стал И шаловлив. За мной, спасибо, смотрит Русалочка.

Князь.

Кто?

Старик.

Внучка.

Князь.

Невозможно
Понять его. Старик, ты здесь в лесу
Иль с голоду умрешь, иль зверь тебя
Заест. Не хочешь ли пойти в мой терем
Со мною жить?

Старик.

В твой терем? нет! спасибо! Заманишь, а потом меня, пожалуй, Удавишь ожерельем. Здесь я жив И сыт и волен. Не хочу в твой терем.

(Уходит.)

Князь.

И этому всё я виною! Страшно Ума лишиться. Легче умереть: На мертвеца глядим мы с уваженьем, Творим о нем молитвы. Смерть равняет С ним каждого. Но человек, лишенный Ума, становится не человеком. Напрасно речь ему дана, не правит Словами он, в нем брата своего Зверь узнает, он людям в посмеянье; Над ним всяк волен, бог его не судит. Старик несчастный! вид его во мне Раскаянья все муки растравил!

Ловчий.

Вот он. Насилу-то его сыскали! --

Князь.

Зачем вы здесь?

Ловчий.

Княгиня нас послала.

Она боялась за тебя.

Князь.

Несносна

Ee заботливость! иль я ребенок, Что шагу мне ступить нельзя без няньки?

(Уходит. Русалки показываются над водой.)

Русалки.

Что сестрицы? в поле чистом Не догнать ли их скорей? Плеском, хохотом и свистом Не пугнуть ли их коней?

Поздно. Рощи потемнели, Холодеет глубина, Петухи в селе пропели, Закатилася луна——

Одна

Погодим еще, сестрица.

Другая.

Нет, пора, пора, пора, Ожидает нас царица, Наша строгая сестра —

(Скрываются.)

ДНЕПРОВСКОЕ ДНО.

Терем русалок.

(Русалки прядут около своей царицы.)

Старшая русалка.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце село. Столбом луна блестит над нами. Полно, Плывите вверх под небом поиграть. Да никого не трогайте сегодня: Ни пешехода щекотать не смейте. Ни рыбакам их невод отягчать Травой и тиной — ни ребенка в воду

Заманивать рассказами о рыбках.

(Входит русалочка.)

Где ты была?

Дочь.

На землю выходила Я к дедушке. — Всё просит он меня Со дна реки собрать ему те деньги, Которые когда-то в воду к нам Он побросал. — Я долго их искала; А что такое деньги, я не знаю — Однако же я вынесла ему Пригоршню раковинок самоцветных: Он очень был им рад.

Русалка.

Безумный скряга! Послушай, дочка. Нынче на тебя Надеюсь я. На берег наш сегодня Придет мужчина. Стереги его И выдь ему навстречу. Он нам близок, Он твой отец.

Дочь.

Тот самый, что тебя Покинул и на женщине женился?

Русалка.

Он сам; к нему нежнее приласкайся И расскажи всё то, что от меня Ты знаешь про свое рожденье; также И про меня. И если спросит он, Забыла ль я его иль нет, скажи, И всё его я помню и люблю И жду к себе. Ты поняла меня?

Дочь.

О, поняла.

Русалка.

Ступай же.

(Одна.)

С той поры, Как бросилась без памяти я в воду Отчаянной и презренной девчонкой, И в глубине Днепра-реки очнулась Русалкою холодной и могучей, Я каждый день о мщеньи помышляю, И ныне, кажется, мой час настал.

БЕРЕГ.

Князь.

Невольно к этим грустным берегам Меня влечет неведомая сила. Всё здесь напоминает мне былое И вольной, красной юности моей Любимую, коть горестную повесть. Здесь некогда любовь меня встречала Свободная, кипящая любовь; Я счастлив был, безумец!.. и я мог Так ветрено от счастья отказаться. Печальные, печальные мечты Вчерашняя мне встреча оживила. Отец несчастный! как ужасен он! Авось опять его сегодня встречу, И согласится он оставить лес И к нам переселиться...

(Русалочка выходит на берег.)

Что я вижу!

Откуда ты, прекрасное дитя?

1835.

<СЦЕНЫ ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН>.

Мартын,

Послушай, Франц: в последний раз говорю тебе как отец: я долго терпел твои проказы; а долее терпеть не намерен. Уймись или худо будет.

Франц,

Помилуй, батюшка; за что ты на меня сердишься? Я, кажется, ничего не делаю.

Мартын,

Ничего не делаю! то-то и худо, что ничего не делаешь. Ты ленивец, даром хлеб ешь да небо коптишь. На что ты надеешься? на мое богатство? Да разве я разбогател, сложа руки да сочиняя глупые песни? Как минуло мне четырнадцать лет, покойный отец дал мне два крейцера в руку, да два пинка в гузно, да примолвил: ступай-ка, Мартын, сам кормиться, а мне и без тебя тяжело. С той поры мы уж и не видались; слава богу, нажил я себе и дом и деньги и честное имя — а чем? бережливостию, терпением, трудолюбием. Вот уж мне и за пятьдесят, и пора бы уж отдохнуть да тебе передать и счетные книги и весь дом. А могу ли о том и подумать? Какую могу иметь к тебе доверенность? Тебе бы только гулять с господами, которые нас презирают, да забирают в долг товары. Я знаю тебя, ты стыдишься своего состояния. — Но слушай, Франц. Коли ты не переменишься, не отстанешь от дворян, да не примешься порядком за свое дело - то, видит бог, выгоню тебя из дому, а своим наследником назначу Карла Герца, моего подмастерья. —

Франц.

Твоя воля, батюшка; делай, как хочешь.

Мартын.

То-то ж; смотри —

(Входит брат Бертольд.)

Мартын.

Вот и другой сумасброд. Зачем пожаловал?

Бертольд.

Здравствуй, сосед. Мне до тебя нужда.

Мартын.

Нужда! Опять денег?

Бертольд.

'Да... не можешь ли одолжить полтораста гульденов?

Мартын.

Как не так - где мне их взять? Я ведь не клад.

Бертольд.

Пожалуй — не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадшие.

Мартын.

Как не пропадшие? Мало ли я тебе передавал денег? куда они делись?

Бертольд.

В дело пошли; но теперь прошу тебя уж в последний раз.

Мартын.

Об этих последних разах я слышу уж не в первый раз.

Бертольд.

Нет, право. Последний мой опыт не удался от безделицы— теперь уж я все расчислил; опыт мой не может не удаться.

Мартын.

Эх, отец Бертольд! Коли бы ты не побросал в алхимический огонь всех денег, которые прошли через твои руки — то был бы богат. Ты сулишь мне сокровища, а сам приходишь ко мне за милостыней. Какой тут смысл?

Бертольд.

Золота мне не нужно, я ищу одной истины —

Мартын.

А мне чорт ли в истине, мне нужно золото.

Бертольд.

Так ты не хочешь поверить мне еще?

Мартын.

Не могу и не хочу —

Бертольд.

Так прощай же, сосед.

Мартын.

Прощай.

Бертольд.

Пойду к барону Раулю, авось даст он мне денег.

Мартын.

Барон Рауль? да где взять ему денег? Вассалы его разорены. — А слава богу, нынче по большим дорогам не так-то легко наживаться.

Бертольд.

Я думаю, у него деньги есть, потому что у герцога затевается турнир, и барон туда отправляется. Прощай.

Мартын.

И ты думаешь, даст он тебе денег?

Бертольд.

Может быть и даст.

Мартын.

И ты употребишь их на последний опыт?

Бертольд.

Непременно.

Мартын.

А если опыт не удастся?

Бертольд.

Нечего будет делать. Если и этот опыт не удастся, то алхимия вздор.

Мартын.

А если удастся?

Бертольд.

Тогда... я возвращу тебе все суммы с лихвой и благодарностию, которые занял у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

Мартын.

Зачем барону, а не мне?

Бертольд.

И рад бы, да не могу: ты знаешь, что я обещался пресвятой богородице разделить мою тайну с тем, кто поможет мне при последнем и решительном моем опыте.

Мартын,

Эх, отец Бертольд, охота тебе разоряться. Куда ж ты? — постой! Ну, так и быть. На этот раз дам тебе денег взаймы. Бог с тобою. Но смотри ж, сдержи свое слово. Пусть этот опыт будет последним и решительным.

Бертольд.

Не бойся. Другого уж не понадобится....

Мартын.

Погоди же здесь; сейчас тебе вынесу — сколько бишь, тебе надобно?

Бертольд.

Полтораста гульденов.

Мартын.

Полтораста гульденов.... Боже мой! и еще в какие крутые времена.

(Бертольд и Франц.)

Бертольд

Здравствуй, Франц, о чем ты задумался?

Франц.

Как мне не задумываться? сейчас отец грозился меня выгнать и лишить наследства.

Бертольд.

За что это?

Франц.

За то, что я знакомство веду с рыцарями.

Бертольд.

Он не совсем прав, да и не совсем виноват.

Франц.

Разве мещанин недостоин дышать одним воздухом с дворянином? Разве не все мы произошли от Адама?

Бертольд.

Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель были первые братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем — и они не были равны перед богом. В первом семействе уже мы видим неравенство и зависть.

Франц.

Виноват ли я в том, что не люблю своего состояния? что честь для меня дороже денет 3

Бертольд.

Всякое состояние имеет свою честь и свою выгоду — дворянин воюет и красуется. Мещанин трудится и богатеет. Почтен дворянин за решеткою своей башни — купец в своей лавке...

(Входит Мартын).

Мартын.

Вот тебе полтораста гульденов — смотри ж, тешу тебя в последний раз.

Бертольд.

Влагодарен, очень благодарен. Увидишь, не будешь раскаиваться.

Мартын.

Постой! Ну, а если опыт тебе удастся, и у тебя будет и золота и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнию?

Бертольд.

Займусь еще одним исследованием: мне кажется, есть средство открыть perpetuum mobile 1.

Мартын.

Что такое perpetuum mobile?

Бертольд.

Регреtuum mobile, то есть вечное движение. Если найду вечное движение, то я не вижу границ творчеству человеческому... видишь ли, добрый мой Мартын: делать золото задача заманчивая, открытие, может быть, любопытное — но найти регреtuum mobile.... o!...

Мартын.

Убирайся к чорту с твоим perpetuum mobile!... Ей-богу, отец Бертольд, ты хоть кого из терпения выведешь. Ты требуешь денег на дело, а говоришь бог знает что. Невозможно. Экий он сумасброд!

Бертольд.

Экий он брюзга!

. (Расходятся в разные стороны).

¹ <Вечный двигатель.>

Чорт побери наше состояние! — Отец у меня богат — а мне какое дело? Дворянин, у которого нет ничего, кроме зазубренного меча да заржавленного шлема, счастливее и почетнее отца моего. Отец мой сымает перед ним шляпу — а тот и не смотрит на него. — Деньги! потому что деньги достались ему не дешево, так он и думает, что в деньгах вся и сила. — Как не так! — если он так силен, попробуй отец ввести меня в баронский замок! Деньги! деньги рыцарю не нужны — на то есть мещане — как прижмет их, так и забрызжет кровь червонцами — — Чорт побери наше состояние! — Да по мне лучше быть последним минстрелем — этого, по крайней мере, в замке принимают — — госпожа слушает его песни, наливает ему чашу и подносит из своих рук — —

Купец, сидя за своими книгами, считает, считает — клянется, китрит перед всяким покупщиком — «Ей-богу, сударь, самый лучший товар, дешевле нигде не найдете». — Врешь ты, жид. — «Никак нет, честью вас уверяю».... Честью! — Хороша честь! — А рыцарь — он волен как сокол — он никогда не горбился над счетами — он идет прямо и гордо — он скажет слово,

ему верят --

Да разве это жизнь? — Чорт ее побери! — Пойду лучше в минстрели.

Однако, что это сказал монах? Турнир в * и туда едет барон — ах, боже мой! там будет и Клотильда. Дамы обсядут кругом, трепеща за своих рыцарей — трубы затрубят — выступят герольды, рыцари объедут поле, преклоняя копья перед балконом своих красавиц — трубы опять затрубят — рыцари разъедутся — помчатся друг на друга... дамы ахнут — боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнире — никогда герольды не возгласят моего имени, презренного мещанского имени — никогда Клотильда не ахнет...

Деньги! кабы знал он, как рыцари презирают нас, несмотря на наши деньги...

Альбер.

А! это Франц, на кого ты раскричался?

Франц.

Ах, сударь, вы меня слышали — я сам с собою рассуждал —

Альбер.

А о чем рассуждал ты сам с собою?

Франц.

Я думал, как бы мне попасть на турнир -

Альбер.

Ты хочешь попасть на турнир?

Франц.

Точно так —

Альбер.

Ничего нет легче — у меня умер мой конюший — хочешь ли на его место?

Франц.

Как! бедный ваш Яков умер? отчего ж он умер?

Альбер.

Ей-богу, не знаю — в пятницу он был здоровешенек — вечером воротился я поздно (я был в гостях у Ремона и порядочно подпил) — Яков сказал что-то..... я рассердился и ударил его — помнится, по щеке — а может быть и в висок — однако, нет: точно по щеке — Яков повалился — да уж и не встал — я лег не раздевшись — а на другой день узнаю что мой бедный Яков — умре́.

Франц.

Ай, рыцарь! видно, пощечины ваши тяжелы.

Альбер.

На мне была железная рукавица. — Ну что же, хочешь быть чонм конюшим?

Франц (почесывается).

Вашим конюшим?

Альбер.

Что же ты почесываешься? — соглашайся. — Я возьму тебя на турнир, — ты будеш жить у меня в замке. Быть оруженосцем у такого рыцаря, как я, не шутка: ведь уж это ступень. Современем, — как знать — тебя посвятим и в рыцари — многие так начинали.

Франц.

А что скажет мой отец?

Альбер.

А ему какое дело до тебя?

Франц.

Он меня наследства лишит —

Альбер.

А ты плюнь — тебе ж будет легче —

Франц.

И я буду жить у вас в замке? — —

Альбер.

Конечно. — Ну, согласен?

Франц.

Вы не будете давать мне пощечин?

Альбер.

Нет, нет — не бойся — а хоть и случится такой грех — что за беда? — не все ж конюшие убиты до смерти.

Франц.

И то правда: коли случится такой грех — посмотрим, кто кого...

Альбер.

Что? что ты говоришь, я тебя не понял.

Франц.

Так, я думал сам про себя-

Альбер.

Ну, что ж — соглашайся — —

Франц.

Извольте — согласен —

Альбер.

Нечего было и думать. Достань же себе лошадь и приходи ко мне — —

Берта и Клотильда.

Клотильда.

Берта, скажи мне что-нибудь, мне скучно.

Берта.

О чем же я буду вам говорить? — не о нашем ли рыцаре?

Клотильда.

О каком рыцаре?

Берта.

О том, который остался победителем на турнире —

Клотильда.

О графе Ротенфельде. Нет, я не хочу говорить о нем; вот уже две недели, как мы возвратились — а он и не думал приехать к нам; это с его стороны неучтивость —

Берта.

Погодите — я уверена, что он будет завтра...

Клотильда.

Почему ты так думаешь? —

Берта.

Потому, что я его во сне видела.

Клотильда.

И, боже мой! Это ничего не значит. Я всякую ночь вижу его во сне.

Берта.

Это совсем другое дело — вы в него влюблены.

Клотильда.

Я влюблена! Прошу пустяков не говорить. — Да и про графа Ротенфельда толковать тебе нечего. — Говори мне о ком-нибудь другом.

Берта.

О ком же? О конюшем братца, о Франце?

Клотильда.

Пожалуй, говори мне о Франце.

Берта.

Вообразите, сударыня, что он от вас без ума —

Клотильда.

Франц от меня без ума? — кто тебе это сказал?

Берта.

Никто, я сама заметила; когда вы садитесь верхом, он всегда держит вам стремя; когда служит за столом, он не видит никого, кроме вас; если вы уроните платок, он всех проворнее его подымет — а на нас и не смотрит — —

Клотильда.

Или ты дура, или Франц вредерзкая тварь — — (Входят Альбер, Ротенфельд и Франц).

Альбер.

Сестра, представляю тебе твоего рыцаря, граф приехал погостить в нашем замке —

Γ ραφ.

Позвольте, благородная девица, недостойному вашему рыцарю, еще раз поцеловать ту прекрасную руку, из которой получил я драгоценнейшую награду —

Клотильда.

Граф, я рада, что имею честь принимать вас у себя... Братец, я буду вас ожидать в северной башне — — (Уходит.)

 $\Gamma \rho a \phi$.

Как она прекрасна!

Альбер.

Она предобрая девушка — Граф, что же вы не раздеваетесь — где ваши слуги? Франц! разуй графа. (Франц медлит.) Франц, разве ты глух?

2000

Франц.

Я не всемирный слуга, чтобы всякого разувать. — —

Граф,

Ого, какой удалец!

Альбер

Грубиян! (замахивается.) я тебя прогоню!

Франц.

Я сам готов оставить замок —

Альбера

Мужик, подлая тварь! Извините, граф, я с ним управаюсь — Вон!... (Толкает его в спину.) Чтобы духу твоего здесь не было —

Граф.

Пожалуйста, не трогайте этого дурака; он, право, не стоит...

Клотильда.

Братец, мне до тебя просьба.

Альбер,

Чего ты хочешь?

Клотильда,

Пожалуйста, прогони своего конюшего Франца, он осмелился мне нагрубить....

Альбер

Как! и тебе? . . . Жаль же, что я уж его прогнал; он от меня так скоро б не отделался. — Да что ж он сделал?

Клотильда

Так, ничего. Если ты уж его прогнал, так нечего и говорить. — Скажи, братец, долго ли граф пробудет у нас?

Альбер.

Думаю, сестра, что это будет зависеть от тебя. — Что ж ты краснеешь? . . . .

" Клотильда.

Ты все шутишь — а он и не думает —

Альбер.

Не думает? о чем же?

Клотильда.

Aх, братец, какой ты несносный! — Я говорю, что граф обомне и не думает —

Альбер.

Посмотрим, посмотрим — что будет, то будет.

Франц

Вот наш домик.... Зачем было мне оставлять его для гордого замка? — Здесь я был хозяин, — а там — слуга — и для чего? ... для гордых взоров наглой, благородной девицы. — Я переносил унижения, я унизился в глазах моих — я сделался слугою того, кто был моим товарищем, я привык сносить детские обиды глупого, избалованного повесы — — я не примечал ничего..... Я, который не хотел зависеть от отца — я стал зависим от чужого — И чем это все кончилось? — боже — кровь кидается в лицо — кулаки мои сжимаются.... О, я им отомщу, отомщу...

Как-то примет меня отец? — (Стучится.)

Карл (выходит;

Кто там так бодро стучит?—А, Франц, это ты.—(Про себя.) Вот чорт принес! —

Франц.

Здравствуй, Карл; отец дома?

Карл.

Ах, Франц — давно же ты здесь не был — Отец твой с месяц, как уж помер.

Франц

Боже мой! Что ты говоришь?.. Отец мой умер!—Невозможно.

Карл.

Так-то возможно, что его и схоронили.

Франц.

Бедный, бедный старик!... И мне не дали знать, что он боленможет быть, он умер с горести — он меня любил; он чувствовал сильно. Карл — и ты не мог послать за мною! — он меня бы благословил — —

Карл.

Он осердился на приказчика и выпил сгоряча три бутылки пива, оттого и умер. Знаешь ли что еще, Франц? Ведь он лишил тебя наследства — а отдал все свое имение....

Франц.

Кому?

Карл.

Не смею тебе сказать — ты такой вспыльчивый —

Франц.

Знаю: тебе...

Карл.

Бог видит, я не виноват. — Я готов был бы тебе всё отдать — потому что, видишь ли, хоть закон и на моей стороне—однако, вот, по совести, чувствую, что все-таки сын наследник отца, а не подмастерье.... Но, видишь, Франц — — я ждал тебя, а ты не приходил — я и женился — —а вот теперь, как женат, уж я и не знаю, что делать... и как быть — —

Франц.

Владей себе моим наследством, Карл, я у тебя его не требую. — На ком ты женат?

Карл.

На Юлии Фурст, мой добрый Франц, на дочери Иоганна Фурста, нашего соседа — — я тебе ее покажу. Если хочешь остаться, то у меня есть порожний уголок...

Франц.

Нет, благодарствуй, Карл — кланяйся Юлии — и вот отдай ей эту серебряную цепочку — от меня на память....

Карл.

Добрый Франц! — Хочешь с нами отобедать? — мы толькочто сели за стол —

Франц

Не могу, я спешу...

Карл.

Куда же?

Франц.

Так, сам не знаю — прощай.

Карл

Прощай, бог тебе помоги — (Φ рану уходит.) А какой он добрый малый — и как жаль, что он такой беспутный! — Ну, теперь я совершенно покоен; у меня не будет ни тяжбы, ни хлопот.

Вассалы, вооруженные косами и дубинами.

Франц.

Они проедут через эту лужайку — смотрите же, не робеть; — подпустите их как можно ближе, продолжая косить — рыцари на вас гаркнут — и наскачут — тут вы размахнитесь косами, по лошадиным ногам — а мы из лесу и приударим... чу!...—Вот они.

(Франц с частью вассалов скрывается за лес.)

Косари поют:

Ходит во поле коса, Зеленая полоса Вслед за ней ложится — Ой, ходи, моя коса. Сердце веселится —

(Несколько рыцарей, между ними Альбер и Ротенфельд.)

Рыцари.

Гей, вы — долой с дороги! (Вассалы сымают шляпы и не трогаются.)

Альбер.

⁴Долой, говорят вам!.... Что это значит, Ротенфельд? они ни с места.

Ротенфельд.

А вот, пришпорим лошадей да потопчем их порядком....

Косари.

Ребята, не робеть...

(Лошади раненые падают с седоками, другие бесятся.)

Франц (бросается из васады).

Вперед, ребята! У! у!...

Одинрыцарь (другому).

Плохо, брат — их более ста человек —

Другой.

Ничего, нас еще пятеро верхами --

Рыцари.

Подлецы, собаки, вот мы вас!

Вассалы.

Yl yl yl

(Сражение. Все рыцари падают один ва другим.)

Вассалы. (Бьют их дубинами, косами).

Наша взяла!... Кровопийцы! разбойники! гордецы поганые! Теперь вы в наших руках....

Франц.

Который из них Ротенфельд? — Друзья, подымите забрала где Альбер? —

(Едет другая толпа рыцарей.)

Один из них.

Господа! посмотрите, что это значит? здесь дерутся —

Другой.

Это бунт — подлый народ бьет рыцарей —

рыцари.

Господа! господа! Копья в упор!.. Пришпоривай!... (Наехавшие. рыцари нападают на вассалов.)

Вассалы.

Беда! Беда! Это рыцари!.. (Разбегаются).

Франц.

Куда вы! Оглянитесь, их нет и десяти человек!..

(Он ранен; рыцарь хватает его за ворот.)

Рыцарь.

Постой, брат.... успеешь им проповедать

ИстуаК

И эти подлые твари могли победить благородных рыцарей — смотрите — один, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужас!

(Лежащие рыцари встают один за другим.)

Рыцари.

Как! вы живы?

Альбер.

Благодаря железным латам.... (Все смеются.) Ага! Франц, это ты, — дружок? Очень рад, что встречаю тебя..... Господа рыцари! благодарим за великолушную помощь.

Один из рыцарей.

Не за что; на нашем месте вы бы сделали то же самое —

Альбер.

Смею ли просит вас в мою замок дни на три, отдохнуть после сражения и дружески попировать.

Рыцари.

Извините, что не можем воспользоваться вашим благородным гостеприимством. Мы спешим на полороны Эльсбергского принца— и боимся опоздать....

Альбера

По крайней мере — сделайте мне честь у меня отужниать.

Рыцари.

С удовольствием — Но у вас нет лошадей — позвольте предложить вам наших — мы сядем за вами, как освобожденные красавицы (садятся). А этого молодца, так и быть, довезем уж до первой виселицы... Господа, помогите его привязать к репице моей лошади...

замок ротенфельда.

(Рыцари ужинают.)

Один рыцарь.

Славное вино!

Ротенфельд.

Ему более ста лет... Прадед мой поставил его в погреб, отправляясь в Палестину, где и остался; этот поход ему стоил двух замков и ротенфельдской рощи, которую продал он за бесценок какому-то епископу.

Рыцарь.

Славное вино! — За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!..

Рыцари.

За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!..

Клотильда.

Благодарю вас, рыцари..., За здоровье ваших дам... (Пьет.)

Ротенфельд.

За здоровье наших избавителей!

Рыцари.

За здоровье наших избавителей!

Один из рыцарей.

Ротенфельд! праздник ваш прекрасен; но ему чего-то недостает — —

Ротенфельд.

Знаю, кипрского вина; что делать — все вышло на прошлой неделе.

Рыцарь.

Нет, не кипрского вина; недостает песен миннезингера —

Ротенфельд.

Правда, правда.... Нет ли в соседстве миннезингера; ступайте-ка в гостинницу...

Альбер.

. Да чего ж нам лучше? Ведь Франц еще не повешен — кликнуть его сюда —

Ротенфельд.

И в самом деле, кликнуть сюда Франца!

Рыцарь.

Кто этот Франц?

Ротенфельд.

Да тот самый негодяй, которого вы взяли сегодня в плен.

Рыцарь.

Так он и миннезингер?

Альбер.

О! всё, что вам угодно. Вот он.

Ротенфельд.

Франц! рыцари хотят послушать твоих песен, коли страх не отшиб у тебя памяти, а голос еще не пропал.

Франц.

Чего мне бояться? Пожалуй, я вам спою песню моего сочинения. Голос мой не задрожит, и язык не отнялся.

Ротенфельд.

Посмотрим, посмотрим. Ну — начинай...

Франц (поет).

Жил на свете рыцарь бедный, Молчаливый и простой, С виду сумрачный и бледный,

Духом смелый и прямой.
Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

С той поры, сгорев душою, Он на женщин не смотрел, Он до гроба ни с одною Молвить слова не хотел.

Он себе на шею четки Вместо шарфа навязал, И с лица стальной решетки Ни пред кем не подымал.

Полон чистою любовью, Верен сладостной мечте, А. М. D. своею кровью Начертал он на щите.

И в пустынях Палестины, Между тем как по скалам Мчались в битву паладины Именуя громко дам,—

Lumen coelum, sancta rosa! Восклицал он, дик и рьян, И как гром его угроза Поражала мусульман.

Возвратясь в свой замок дальный, Жил он строго заключен; Все безмолвный, все печальный, Как безумец умер он.

(Восклицанья.)

Рыцари.

Славная песня; да она слишком заунывна. Нет ли чего повеселее?

Франц

Извольте; есть повеселее.

Ротенфельд,

Люблю за то, что не унывает! — Вот тебе кубок вина —

Франц.

Воротился ночью мельник... Жонка! что за сапоги? —

¹ <Свет небес, святая роза!>.

Ах ты, пьяница, бездельник! Где ты видишь сапоги? Иль мутит тебя лукавый? Это ведра. — Ведра? право? — Вот уже сорок лет живу, Ни во сне, ни на яву Не видал до этих пор Я нигде на ведрах шпор.

Рыцари.

Славная песня! прекрасная песня! — ай-да миннезингер!

Ротенфельд.

А все-таки я тебя повещу.

Рыцари.

Конечно — песня песнею, а веревка веревкой. Одно другому не мешает.

Клотильда.

Господа рыцари! я имею просьбу до вас — обещайтесь не отказать —

Рыцарь.

Что изволите приказать?

Другой.

Мы готовы, во всем повиноваться.

Клотильда.

Нельзя помиловать этого бедного человека? — — он уже довольно наказан и раной и страхом виселицы —

Ротенфельд.

Помиловать его!... Да вы не знаете подлого народа. Если не пугнуть их порядком да пощадить их предводителя, то они завтра же взбунтуются опять...

Клотильда.

Нет, я ручаюсь за Франца — Франц! не правда ли, что если тебя помилуют, то уже более бунтовать не станешь? —

Франц (в чрезвычайном смущении).

Сударыня... Сударыня...

Рыцарь.

Ну, Ротенфельд, — что дама требует, в том рыцарь не может отказать. Надобно его помиловать.

Рыцари.

Надобно его помиловать.

Ротенфельд.

Так и быть: мы его не повесим — но запрем его в тюрьму, и даю мое честное слово, что он до тех пор из нее не выдет, пока стены замка моего не подымутся на воздух и не разлетятся...

Рыцари.

Быть так....

Клотильда.

Однако....

Ротенфельд.

Сударыня, я дал честное слово.

Франц.

Как, вечное заключение! Да по мне лучше умереть.

Ротенфельд.

Твоего мнения не спрашивают — отведите его в башню.... (Φ ранца уводят.)

Франц.

Однако ж я ей обязан жизнию.

<ЧЕРНОВОЙ ПЛАН ЭТОЙ ПЬЕСЫ>

Un riche marchand de drap. Son fils (poëte), amoureux d'une jeune demoiselle noble. Il fuit et se fait écuyer dans le chateau du père, vieux chevalier. La jeune demoiselle le dèdaigne. Le frère arrive avec un prétendent. Humiliation du jeune homme. Il est chassé par le frère à la prière de la demoiselle.

Il arrive chez le drapier. Colère et sermon du vieux bourgeois. Arrive frère Berthold. Le drapier le sermonne aussi. On

saisit frère Berthold et on l'enferme en prison.

Berthold en prison s'occupe d'Alchimie — il découvre la poudre. — Rêvolte des paysans, fomentée par le jeune poète — Siège du chateau. [Bertholde] le fait sauter. Le chevalier — la mediocrité personnifiée — est tué d'une balle —.

La pièce finit par des reflexions — et par l'arrivée de Faust sur le queu du diable (découverte de l'imprimerie, autre artillerie).

Бертольд в тюрьме занимается алхимией — он изобретает порох. — Восстание крестьян, возбужденное молодым поэтом. Осада замка. Бертольд взрывает его. Рыцарь (воплощенная посредственность) убит пулею. Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола (изобре-

тение книгопечатания - своего рода артиллерии).

¹ Перевод:

Богатый торговец сукном. Сын его (поэт), влюблен в знатную девицу. Он бежит и становится конюхом в замке отца <девицы>, старого рыцаря. Молодая девушка им пренебрегает. Является брат с претендентом на ее руку. Унижение молодого человека. Он приходит к суконщику. Гнев и увещания старого мещанина. Является брат Бертольд. Суконщик журит и его. Брата Бертольда хватают и сажнот в тюрьму.

ОТРЫВКИ И ПЛАНЫ.

1. «СКАЖИ, КАКОЙ СУДЬБОЙ...» (1821).

— Скажи, какой судьбой друг другу мы попались? В одном углу живем — а месяц не видались. Откуда и куда?

— Я шел к тебе, сестра —

Хотелось мне с тобой увидеться.

— Пора.

Ей-богу, занят был —

— Да чем?

— Делами, службой.

Конечно, — я бы мог Пуститься в [свет]... Нет, нет. Избави бог! — По счастью модный круг теперь совсем не в моде. Ты знаешь ли, <?> [мы жить привыкли] на свободе, Не ездим в общество, не знаем наших дам, Мы вас оставили на жертву [старикам], Любезным баловням осьмнадцатого века — А впрочем, — не найдешь живого человека В отборном обществе...

— Хвалиться есть ли чем! Что тут хорошего? Ну, я прощаю тем, Которые, пустясь в пятнадцать лет на волю Привыкли — как же быть, — лишь к пороху [да к] полю; Казармы нравятся им больше наших зал — Но ты, который ввек в биваках не живал, Который не видал походной пыли сроду —

Зачем перенимать у них пустую моду? Какая нужда в том?

— В кругу своем они О дельном говорят, читают Жомини. — Да ты не читывал с тех пор, как ты родился. Ты шлафорком одним да трубкою пленился, Ты жить не можешь там, где должен быть одет, Где [вечно] не куришь, где только банка нет —

НАБРОСКИ ПЛАНА ЭТОЙ КОМЕДИИ (действующие лица названы именами тогдашних петербургских актеров):

1.

Вальберхова вдова — Сосницкий ее брат — Брянский любовник Вальберховой—Рамазанов, Боченков...—Сосницкий дает завтрак — изъяснения — Пополам — Начинается игра — Сосницкий все проигрывает, гнет Величкина 1 на карту — отчаянье его.

2.

Сосницкий и Вальберхова.

Вальберхова Играл? — Играл — Долго ли тебе быть бог знает где? Добро — либералы, да ты-то что? — зачем не в свете? — Да вся молодежь. Вы все бранчивы — скучно, то ли дело, играть — Скоро ли отстанешь? — Никогда. Сестрица, милая <?>, уезжай, у меня будет завтрак — Игра? — Нет — Прощай.

Сосницкий и Величкин.

Сосницкий—Карты. Величкин—проиграется — Сосницкий—Полно врать — я поспею — Величкин и Брянский;—Брянский и Вальберхова — Брянский и Рамазанов — узнаёт — уговариваются.

3

Вальберхова Что за шум? Величкин Играют. Вальберхова— а Брянский? Величкин Там же. Вальберхова Поди за Брянским. Брянский и Вальберхова— Я пополам— ему урок— он проигрывает. Сосницкий в отчаянии. Брянский.—Величкин уговаривает— тот его ставит на карту—проигрывает—Величкин плачет. Сосницкий—также. Брянский и Рамазанов.—Конец.

4.

Брянский, Рамаванов; Сосницкий: Вы здесь, а мне ничего не сказали —

^{1 &}lt;Повидимому, старый крепостной слуга.>

- Мочи нет устал проигрался —
- Пора в театр; наш друг дает завтрак он застрелится —

5.

— Я шел к тебе, сестра. — Покорно благодарю, в одном доме мы неделю не видались. Что ты делал? — Занят был — сегодня я дома; уезжай, пожалуйста, тебе надо быть у тетки — я даю завтрак. — Бог знает какое общество, зачем тебя нет в свете и проч.

2. ВАДИМ. «ТЫ ВИДЕЛ НОВГОРОД...» (1822).

Вадим.

Ты видел Новгород; ты слышал глас народа; Скажи, Рогдай — жива ль славянская свобода? Иль князя чуждого покорные рабы Решились оправдать гонения судьбы?

Рогдай.

Вадим, надежда есть; народ нетерпеливый, Старинной вольности питомец горделивый, Досадуя, влачит позорный свой ярем; Как иноземный гость, неведомый никем, Являлся я в домах, на стогнах и на вече — Вражду к правительству я зрел на каждой встоече — Уныние везде; торговли глас утих, Встревожены умы, таится пламя в них. Младые граждане кипят и негодуют — Вадим, они тебя с надеждой именуют...

Вадим.

Безумные:.. Давно ль, они в глазах моих Встречали торжеством властителей чужих И вольные главы под иго преклоняли — Изгнанью моему давно ль рукоплескали.... Теперь зовут меня — а завтра, может, вновь.... Неверна их вражда, неверна их любовь Но я не изменю —

<ЧЕРНОВОЙ ПЛАН ТРАГЕДИИ О ВАДИМЕ.>

Вадим влюблен; Рогнеда дочь Гостомысла, она невеста Громвала — славянина Рюрика.

Вадим и его шайка таятся близ могилы Гостомысла. Вадим был во дворце и в городе и назначил свиданье Рогнеде.

Рогнеда, раскаянье ее, воспоминания, является Вадим.

Рогнеда, Рюрик и Громвал.

Рюрик и Громвал — презренье к народу самовластья — Громвал его защищает.

Вадим в Йовгороде на вече. Вестник — толпа — Рюрик! —

Рогнеда открывает заговор — бунт — бой —

Вадим перед Рюриком —

Вадим и Громвал — свиданье — друзья детства...

С планом трагедии тесно связан и ПЛАН ПОЭМЫ О ВАДИМЕ. Отрывок из поэмы, напечатанный самим Пушкиным, см. в нашем издании: т. І. № 235.

Вечер—русский берег—ладья — рыбак — Вадим — не спит он <?> утром васыпает —рыбак кочет его убить—Вадим видит во сне набеги, Гостомысла, Рюрика и Рогнеду — вновь на л<адье> идет — к Новгороду — (Нева).

Могила Гостомысла — он находит там друга: І сцена трагедии. — Заговорщики собираются — клянутся умереть за свободу Новгорода. Тризна, обряды, Вадим назначает свиданье Рогнеде.

Свадебный пир. Рюрик выдает свою дочь за Стимида, искусного полководца — гости садятся за столы, скатерти — невестя видит — Вадим в числе гостей; пьют вдоровье Рюрика, братьев. жениха и невесты, варягов; — Вадим не пьет — почему? — пьет здоровье верных граждан и новгородцев...

3. «ОНА МЕНЯ ЗОВЕТ...» (1828).

— Она меня зовет: поеду или нет?
Всё слезы, жалобы, упреки... мочи нет —
Откланяюсь, пора — она мне надоела.
К тому ж и без нее мне слишком много дела:
Я нынче отыскал за Каменным мостом
Вдову с племянницей, пойду туда пешком
Под видом будто бы невинного гулянья...
Ах! Матушка идет... Предвижу увещанья —
А, здравствуйте, maman 1—

— Куда же ты, постой. Я шла к тебе, мой друг, мне надобно с тобой

О деле говорить.
— Я знал.

— [Возьми ж терпенье].

^{1 &}lt;Маменька.>

Мой друг, не нравится твое мне поведенье. — А в чем же?

— Да во всем — во-первых, ты жены Не видишь никогда — вы как разведены. Адель всегда одна — [всё дома] — ты в карете. На скачке <?>, в опере, на балах, вечно в свете — Или уже нельзя с женою посидеть? — Ла. право. некогда —

— Ты дома б мог иметь Обеды, вечера — ты должен бы представить Жену свою везде... пора, пора исправить Привычки прежние. Нельзя ли сам собой, Озвыкнуть, наконец, от жизни холостой? Я сделаю тебе другое замечанье —

наброски плана этой пьесы:

ACTE I

Scène premiere: Derville reçoit un rendez-vous [pour le soir] Derville et sa mère— exposition Derville et sa femme, scule, Adèle et Charles. NB. Scene V.

ACTE II

Adèle seule — et un domestique, qui apporte une miniature — Adèle seule Scène VII Adèle et sa belle mère—scène IX

ACTE III

Charles seul—sa cousine—le fait Scène II—Charles, Derville et sa femme Charles et M-me Derville—explications Scène VIII—le mari—la belle mère Scène IX— Charles seul—scène X

ACTE IV

Scène 5. Un billet—la belle mère—6—M-r Derville—7, 8, 9 10, 11, 12, 13, 14, 15

ACTE V

La derniere 1

.-.

1 Перевод: Акт І. Сцена 1. Дервилю назначено свиданье [вечером]. Дервиль и его мать — экспозиция. Дервиль и его жена — одна — Адель и Шарль — NB. Сцена 5.

Акт II. Адель одна — и слуга, который приносит миниатюру — Адель одна. Сцена 7. Адель и ее свекровь — Сцена 9.

4. «НАСИЛУ ВЫЕХАТЬ РЕШИЛИСЬ...» (1820 е годы).

— Насилу выехать решились из Москвы. Здорова ль. душенька?

— Здоровы ль, сударь, вы?

Смешно: ни надписи, ни подписи — кому же? Вдове? — не может быть! ну кто соперник мой? А! верно Сонюшке! — смиреннице такой! Пора [ей] хлопотать <о муже>

Ну, как живете в подмосковной? Что Ольга Павловна?

> — Мы ждали, ждали вас, Мы думали, [ваш] жар любовный Уж и погас.

Вэдыхали <неразб.> смотрели беспрестанно... Не мчится, не <неразб.>

> — Спетить бы слишком было странно — Я не любовник, а жених.

А что ее сестра?

— [Ей], кажется, не скучно: Эльвиров с нею неразлучно —

— Aга —

— Вчера был здесь, сегодня ждем его — Так точно, от него. Что с вами?

— Ничего.

— Ей-богу сердце не на месте. -- Пожалуй, милая, вот это письмещо Тихонько подложи...

— Кому?

— Моей невесте —

Да. Ольге Павловне — что смотришь мне в лицо? Не прямо в руки ей, конечно — Не проболтайся ж, друг сердечный. [— Ей-богу, вас понять нельзя]. Она ведь знает вашу руку --

— Aа [это написал не я].

— Вот что!... вы выдумали штуку,

Хотите испытать невесту?

— Как не так! Мне? ревновать? избави боже!

Акт III. Шарль один — его кузина — событие. Сцена 11. Шарль, Дервиль и его жена — Шарль и госпожа Дервиль — объяснения. Сцена 8. Муж, свекровь — Сцена 9. Шарль один Сцена 10. Акт IV. Сцена 5. Записка — свекровь — 6 — господин Дервиль — 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 — Акт V. — последняя.

Но всё ж, дитя, я не дурак —

— А что же?

— Браслеты я купил — прикажешь — покажу?... Вот Ольге Павловне обновка —

А знаешь ли, что я тебе <скажу?>.

Дарю ее тебе, примерная плутовка.

— Помилуйте, да мне — и думать [я не] смела... Мне совестно — я вся горю —

Покорно вас благодарю.

— Я так <неразб.>

— Послушай!... улетела!...

5. «ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ БУДУ В ПАРИЖЕ...» (1830-ые годы).

Графиня (одна, держит письмо).

«Через неделю буду в Париже непременно».... Письмо от 12-го, сегодня 18-ое; он приедет завтра! Боже мой, что мне делать?

(входит Дервиль)

Дорвиль.

Здравствуйте, мой ангел. Каково вам сегодня? Послушайте, что я вам скажу: умора... Что с вами? вы в слезах!

Графиня.

Вы чудовище.

Дорвиль.

Опять! Ну что за беда? Всё дело останется в тайне. Слава богу, никто ничего не подозревает: все думают, что у вас водяная. На-днях всё будет кончено. Вы для виду останетесь еще недель шесть в своей комнате, потом опять явитесь в свет, и все вам обрадуются.

Графиня.

Удивляюсь вашему красноречию. А муж?

Дорвиль.

 Γ раф ничего не узнает. Мужья никогда ничего не узнают. Месяца через три он приедет к нам из армии; мы примем его как ни в чем не бывало; одного боюсь: он в вас опять влюбится — и тогда....

Графиня.

Прочтите это письмо.

Дорвиль.

Ах, бег мой!

Графиня.

Нечего глаза таращить. Я пропала — вы погубили меня.

Дорвиль.

Ангел мой! я в отчаянии. Что с нами будет!

Графиня.

С нами! с вами ничего не будет, а меня граф убъет.

Дорвиль.

Кто его звал? Какая досада.

Графиня.

Досада! Вам досадно потому, что вам некуда будет ездить на вечер, пока не заведете себе другой любовницы (баронесы Д'Овре, например. Несносная мигушка!) (Передравнивает ее), Видите, что вы чудовище: я гибну, а вы смеетесь.

Дорвиль.

Я не допущу его до Парижа; я поеду навстречу к графу. Мы поссоримся; я вызову его на дуэль и проколю его.

Графиня.

Какой ужас! Я не позволю вам проколоть моего мужа. От для меня был всегда так добр. Я перед ним кругом виновата; я могла забыть все свои обязанности, изменить ему... и для кого?.. для изверга, который не посовестился... оставьте меня говорят вам, оставьте меня.

Дорвиль.

Поезжайте в свою деревню, в Британию.

Графиня.

Это зачем? разве граф за мною не поскачет?

Дорвиль.

Скройтесь в мой замок.

Графиня.

Вот еще! а шум? а соблазн? но может быть вам того и надобно. Вы хотите, чтоб весь свет узнал о моем бесчестии: самолюбие ваше того требует.

Дорвиль

Как вы несправедливы! но что же нам делать?

Графиня.

Вот до чего довели вы меня! ах, Дорвиль! я говорила вам, вы не хотели мне верить; вы поставили на своем; посмотрите, что из втого вышло.... Нечего ко мне ласкаться; подите прочь. Дорвиль, Дорвиль! перестаньте. Вы с ума сошли. Ах!... Постойте; какая прекрасная мысль!

Дорвиль.

Что такое?

Графиня.

Я умру со стыда, но нет иного способа.

Дорвиль.

Что ж такое?

Графиня.

После узнаете.

6. «ОТ ЭТИХ ЗНАТНЫХ ГОСПОД...» (1830-ые годы).

— От этих знатных господ покою нет и нашему брату тюремщику. Простых людей, слава богу, мы вешаем каждую пятницу, и никогда с ними никаких хлопот. Прочтут им приговор, священник причастит их на скорую руку — дадут бутылку вина — коли есть жена или ребятишки, коли отец или мать еще живы, впустишь их на минуту, а чуть лишь слишком завоют или заболотаются, так и вон милости просим. На рассвете придет за ними Жак, палач, и все кончено. А вот посадили к нам графа Конрада, так я и жизни не рад.—Я у него на посылках. Принеси то-то, скажи то, кликни того-то. Начальство поминутно меня требует: все ли у тебя исправно? Да не ушел ли он? да не зарезался бы

он? да доволен ли он? Чорт побери знатных господ! А с тех пор, как судьи приговорили его к смерти — так тюрьма моя сделалась трактиром, — ей богу, трактиром. И друзья, и родня, и знакомые — все лезут с ним прощаться — отпирай всякому да смотри за всеми, да не смей никого обидеть — и хоть бы что-нибудь в руку перепало — да нет, все народ благородный — свободен от всех податей. Право ни на что не похоже! Слава богу, что утром отрубят ему голову — а уж эту ночь напляшешься — — (стучат) Это кто стучится? (идет к дверям и отворяет окошечко) Что вам надобно?

Слуга за дверью.

Отворяй, графиня с дочерью!

Тюремщик.

А где пропуск?

Слуга (бросает ему бимагу).

На! скорее ж! поворачивайся! —

Тюремщик.

Сейчас, сейчас! экая каторга!

(отворяет двери. Входит графиня и дочь ея; обе в черном платье. Тюремщик им низко кланяется).

<план этой пьесы>

Un grand seigneur, coupable de haute trahison et condamné

à mort, attend dans sa prison le jour de l'exécution.

Le bourreau et son fils tous deux présents aux adieux de la noble famille. La fille s'évanouit, le jeune homme la porte des secours.

Scène de l'échafaud.

Le jeune homme rentre chez ses parents pour les maudire et les quitter pour la vie. Colère du vieux bourreau.

Le jeune entre au service du prince. Il fait son chemin.

Il est fait chevalier etc.

Il revoit dans un tournois la fille du condamné etc.

Il obtient sa main etc. 1

Вельможа, совершивший важную измену и присужденный к смерти, ждет в тюрьме дня своей казни.

¹ Перевод:

Палач и его сын присутствуют вдвоем при прощании знатного семейства. Дочь падает в обморок, молодой человек оказывает ей помощь. Сцена эшафота.

7. «И ТЫ ТУТ БЫЛ...» (1830-е годы).

- И ты тут был?
- Расскажи, как это случилось.
- Изволь я только расплатился с хозяином и хотел уже выйти, как вдруг слышу страшный шум; и граф сюда входит со всею своею свитою. Я скорее снял шляпу и по стенке стал пробираться до дверей. но он увидел меня и спросил, что я за человек. — Я Гаспар Дик, кровельщик, готовый к вашим услугам, милостивый граф, отвечал я с поклоном, -- и стал пятиться к дверям, но он опять со мной заговорил и безо всякого ругательства: «А сколько ты вырабатываешь в день, Гаспар Дик?» Я призадумался — зачем этот вопрос? Не думает ли он о новом налоге? На всякий случай я отвечал ему осторожно: милостивый граф — день на день не похож; в иной выработаешь пять и шесть копеек, а в другой и ничего. — «А женат ли ты, Гаспар Дик?» — Я тут опять призадумался. Зачем ему знать, женат ли я? Однако отвечал ему смело: женат. — «И дети есть?» — И дети есть. — (Я решился говорить всю правду, ничего не утанвая). — Тогда граф оборотился к своей свите и сказал: «Господа, я думаю, что будет ненастье: моя абервильская рана что-то начинает ныть -Поспешим до дождя доехать: велите скорее седлать лошадей» —

8. ПЛАН НЕНАПИСАННОЙ ДРАМЫ О ПАПЕССЕ ИОАННЕ (1833—1834).

Acte I.

La fille d'un honnête artisan, étonnée de son savoir, la mère vulgaire, n'y voyant rien de bon. Gilbert invite un savant à venir voir sa fille—le prodige de famille. Préparatifs où la mère est seule à faire tout.

Le savant (le dèmon du savoir) arrive au milieu de tout le monde invité par Gilbert¹ — Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Commérage des femmes, joie du père soucis et orgueil de la fille. Elle fait <tout> pour aller en Angleterre (?) étudier à l'université.

Acte II.

Jeanne à l'université sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol. — Amour, jalousie,

Молодой человек возвращается к родителям, чтобы проклясть их и покичуть навсегда. Гнев старого палача.

Молодой человек поступает на службу к князю. Он выходит в люди. Он делается рыцарем и т. д.

Он встречает на турнире дочь осужденного и т. д.

Он получает её руку и т. д.

¹ Позднейшая приписка на полях рукописи:

La passion du savoir. — Elle devant St. Simon — L'ambition. [Страсть к знанию. — Она перед св. Симоном. — Честолюбие.]

duel — en récit. Jeanne soulient une thèse et est fait docteur, Jeanne prieur d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Les moines se plaignent...

Jeanne à Rome, cardinal. Le pape meurt — elle est faite pape

Acte III.

Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne, son condisciple. Leur reconnaissance. Elle le ménace de l'Inquisition, et lui d'un éclat. Il pénètre jusqu'à elle. Elle devient sa maîtresse. Elle accouche entre le Colisée et le couvent de**. Le diable l'emporte.

* * *

Si c'est un drame, il rappellera trop la Faust—il vaut mieux en faire un poëme dans le style de Christabel, ou bien en octaves. 1

1 Перевод:

- Акт І. Дочь честного ремесленника, который дивится ее учености, простоватая мать, не видящая в этом ничего хорошего. Жильбер приглашает ученого посмотреть на его дочь чудо в семье. Приготовасния, в которых матери приходится все делать одной. Ученый (демон внания) появляется среди народа, приглашенного Жильбером. Он говорить с одной Жанной и уходит. Пересуды женщин; радость отца, заботы и гордость дочери. Она делает «все», чтобы поехать в Англию (?) учиться в университете.
- Акт II. Жанна в университете под именем Жана Маинцского. Она сближается с молодым испанским дворянином. Любовь, ревность, дуэль в расскаве. Жанна защищает диссертацию и становится доктором. Жанна настоятель монастыря; строгий устав, который она там вводит. Монахи жалуются... Жанна в Риме, кардиналом. Папа умирает ее делают папой.
- Акт III. Жанна начинает скучать. Приезжает испанский посланник, ее товарищ в годы ученья. Они узнают друг друга. Она грозит ему инквизицией, а он скандалом. Он пробирается к ней. Она становится его любовницей. Она рожает между Колизеем и монастырем **. Дъявол ее уносит.

* * *

Если это будет драма она слишком будет напоминать Фауста — лучше сделать из этого поэму в стиле Кристабель, или же в октавах.

ПЬПУОЖЕНИЯ

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА.

Текст печатается по изданию «Поэмы и повести Александра Пушкина. Часть первая. С. Петербург. 1835».

Во втором издании «Руслана и Людмилы» (1828) было помещено слодующее предисловие, исключенное Пушкиным в издании 1835 года:

прелисловие.

Автору было двадцать лет от роду, когда кончил он Руслана и Людмилу. Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царскосельского лицея и продолжал ее среди самой рассеянной жизни. Этим до некоторой степени можно извинить ее недостатки.

При ее появлении в 1820 году тогдашние журналы наполнились критиками более или менее снисходительными ¹. Самая пространная писана г. В. и помещена в «Сыне Отечества». Вслед за нею появились вопросы неизвестного. Приведем из них некоторые.

«Начнем с первой песни. Commençons par le commencement: 2 «Зачем Финн дожидался Руслана?

«Зачем он рассказывает свою историю, и как может Руслан в таком несчастном положении с жадностию внимать рассказы (или по русски рассказам) старца?

«Зачем Руслан присвистывает, отправляясь в путь? Показывает ли это огорченного человека? Зачем Фарлаф с своею трусостию поехал пскать Людмилы? Иные скажут: за тем чтобы упасть в грязный ров: et puis on en rit et cela fait toujours plaisir. 3

«Справедливо ли сравнение, стр. 53, которое вы так хвалите? Слу«

чалось ли вам это видеть?

«Зачем маленький карла с большою бородою (что, между прочим, совсем не забавно) приходил к Людмиле? Как Людмиле пришла в голову странная мысль схватить с колдуна шапку (впрочем в испуге чего не наделаешь?), и как колдун позволил ей это сделать?

Напрасно говорят, что критика легка: Я критику читал Руслана и Людмилы: Хотя у меня довольно силы, Но для меня она ужасна как тяжка (Примеч. Пушк.)

¹ Одна из них подала повод к эпиграмме, приписываемой К ***

^{*} Начнем с самого начала.

И затем смеются, что всегда бывает приятно.

«Каким образом Руслан бросил Рогдая, как ребенка, в вод», когда.

Не знаю, как Орловский нарисовал бы это. «Зачем Руслан говорит, увидевши поле битвы (которое совершенный hois d'oevre 1, зачем говорит он:

О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?
Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?..
Времен от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасенья! и проч.?

«Так ли говорили русские богатыри? И похож ли Руслан, говорящий о траве забвенья и вечной темноте времени, на Руслана, который чрез минуту после восклицает с важностью сердитой:

Молчи, пустая голова! Хоть лоб широх, да мозгу мало! Я еду, еду, не свищу, А как наеду, не спущу! . . . Энай наших! и проч.?

«Зачем Черномор, доставши чудесный меч, положил его на поле, под

головою брата? Не лучше ли бы было взять его домой?

«Зачем будить двенадцать спящих дев и поселять их в какую-то степь, куда, не внаю как, заехал Ратмир? Долго ли он пробыл там? Куда поехал? Зачем сделался рыбаком? Кто такая его новая подруга? Вероятно ли, что Руслан, победив Черномора и пришед в отчаяние, не находя Людмилы, махал до тех пор мечем, что сшиб шапку с лежащей на земле супруги?

«Зачем карла не вылез из котомки убитого Руслана? Что предвещает

сон Руслана? Зачем вто множество точек после стихов:

Шатры белеют на холмах?

«Зачем, разбирая «Руслана и Людмилу», говорить об «Илиаде» и «Эненде»? Что есть общего между ними? Как писать (и кажется сериозпо), что речи Владимира, Руслана, Финна и проч. нейдут в сравнение с Омеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю, и которых многие другие также не понимают. Если вы нам объясните их, то мы скажем: cujusvis hominis est errare: nullius, nisi insipientis, in errore perseverare 2. (Philippis. XII. 2).»

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais 3.

Конечно, многие обвинения сего допроса основательны, особенно последний. Некто взял на себя труд отвечать на оные. Его антикритика остроумна и забавна.

Впрочем, нашлись рецензенты совсем иного разбора. На прим. в «Вестнике Европы», № 11, 1820, мы находим следующую благонамеренную статью.

¹ Нечто постороннее (вставной эпизод).

³ Твои «почему»? — сказал бог, — никогда не кончатся.

² Всякому человеку свойственно ошибаться, но лишь глупцу — упорствовать в ошибке.

«Тенерь прошу обратить ваше вниманне на новый ужасный предмет, каторый, как у Камоэнса Мыс бурь, выходит из недр морских и показывается посреди океана Российской словесности. Пожалуйте напечатайте мое письмо: быть может, люди, которые грозят нашему терпению новым бедствием, опомнятся, рассмеются и оставят намерение сделаться изобрета-

телями нового рода русских сочинений.

«Дело вот в чем: вам известно, что мы от предков получили небольшое бедное наследство литературы, т.-е. с казки и песни народные. Что о них сказать? Если мы бережем старинные монеты, даже самые безобразные, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности наших предков? Без всякого сомнения. Мы любим воспоминать все, относящееся к нашем младенчеству, к тому счастливому времени детства, когда какая нибудь песня или сказка служила нам невинною забавой и составляла все богатство познаний? Видите сами, что я не прочь от собирания и изыскания русских сказок и песен; но когда узнал я, что наши словесники приняли старинные песни совсем с другой стороны, громко закричали о величии, плавности, силе, красотах, богатстве наших старинных песен, начали переводить их на немецкий язык, и, наконец, так влюбились в сказки и песени, что в стихотворениях XIX века заблистали Ерусланы и Бовы на новый манер, то я вам слуга покорный.

Чего доброго ждать от повторения более жалких, нежели смешных лепетаний?.. Чего ждать, когда наши поэты начинают пародировать К и р ш у

Данилова?

Возможно ли просвещенному, или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда сму предлагают новую поэму, писанную в подражание Е р услан у Лазаревичу? Извольте же заглянуть в 15 и 16 №. Сы на О течества. Там неизвестный пиит на образчик выставляет нам огрывок из поэмы своей Людмила и Руслан (не Еруслан ли?). Не знаю, что будет содержать целая поэма, но образчик хоть кого выведет из терпения. Пиит оживляет мужичка сам с ноготь, а борода с локоть, придает ему сще босконечные усы (С. От. стр. 121), показывает нам ведьму, шапочку невидимку и проч. Но вот, что всего драгоценнее: Руслан наезжает в поле на побитую рать, видит богатырскую голову, под которою лежит меч-кладенец; голова с ним разглагольствует, сражается... Живо помню, как все это, бывало, я слушал от няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать от поэтов нынешнего времени!... Для большей точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть с тар и не но го нашего песнословия, поэт и в выражениях уподобился Ерусланову раскащику, например:

Всех удавлю вас бородою!...

Каково?..

. . . . . . Объехал голову кругом И стал пред носом молчаливо. Щекотит ноздри копием...

Картина, достойная Кирши Данилова! Далее: чихнула голова, за нею и эхо чихает... Вот, что говорит рыцарь:

Я еду, еду не свищу, А как наеду, не спущу...

Потом витязь ударяет в щеку тяжкой рукавицей... Но увольте меня от подобного описания; и позвольте спросить: если бы в Московское Благородное Собрание как нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: в дорово, ребята! Неужели бы стали таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне старику сказать публике, посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова

появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещен-

ным, отвратительна, а ни мало не смешна и не забавна. Dixi. 1>

Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из увенчанных, первоклассных, отечественных писателей, который, прочитав «Руслана и Людмилу», сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувства; вижу только чувственность. Другой (а может быть и тот же) увенчанный, первоклассный отечественный писатель приветствовал сей первый опыт молодого повта следующим стихом:

Мать дочери велит на эту сказку плюнуть.

12 февраля, 1828.

Во втором и следующих изданиях поэмы есть существенные огличия от первого издания (1820). Приводим наиболее вначительные варианты этого издания.

В первой песне после стиха «Герой, я не люблю тебяl» (стр. 46)

следовало:

Руслан, не знаешь ты мученья Любви, отверженной на век. Увы! Ты не сносил презренья. И что же, странный человек! И ты ж тоскою сердце губишь, Счастливец! Ты любим, как любишь.

Во второй песне, после стиха «Сердиться глупо и грещно» было еще четверостишье:

Ужели бог нам дал одно В подлунном мире наслажденье? Вам остаются в утешенье Война и музы и вино.

После стихов «Но светлый терем — не отрада, когда не видим друга в нем» в первом издании было:

Вы знаете, что наша дева
Была одета в эту ночь,
По обстоятельствам, точь в точь
Как наша прабабушка Ева. —
Наряд невинный и простой!
Наряд Амура и природы!
Как жаль, что вышел он из моды!
Пред изумленною княжной
Три девы, красоты чудесной,
В одежде легкой и прелестной
Явились, молча подошли,
И поклонились до земли.

Вместо стиха «Повсюду роз живые ветки» и следующих (песнь вторая, стр. 56) было:

Повсюду роз живые ветки Цветут и дышат по тропам, Усеянным песком алмазным; Игривым и разнообразным Волшебством дивный сад блестит. Но безутешная Людмила Идет, идет и не глядит; Ей роскошь светлая постыла, Ей грустен неги пышный вид;

¹ Я сказал (кончил).

После стихов «Однако в воды не прыгнула и дале продолжала путь» была целая строфа:

О люди, странные созданья! Меж тем, как тяжкие страданья Тревожат, убивают вас, Обеда лишь наступит час — И вмиг вам жалобно доносит Пустой желудок о себе, И им заняться тайно просит. Что скажем о такой судьбе? И ты, прекрасная Людмила,

и т. д.

В четвертой песне вместо стиха «Мужьям, девицам молодым» и следующих (стр. 70) было напечатано:

Мужьям, девицам молодым Их замыслы не так ужасны. Не прав фернейский злой крикун! Всё к лучшему: теперь колдун Иль магнетизмом лечит бедных И девушек худых и бледных, — Дела достойные похвал! Но есть волшебники другие, Которых ненавижу я:

Я Т. Д.

После слов «И что ж, возможио ль?... нам солгали!» до конца строфы чло еще 6 стихов:

И что ж? возможно ли?.. нам солгали! Дерзну ли истину вещать? Дерзну ли ясно описать Не монастырь уединенный, Не робких инокинь собор, Но... трепещу! В душе смущенный, Дивлюсь — и потупляю взор.

Заключительная строфа четвертой песни была в первом издании распространеннее. После слов «Что будет с бедною княжной?» читалось:

О страшный вид! Волшебник хилый Ласкает сморщенной рукой Младые прелести Людмилы; К ее пленительным устам Прильнув увядшими устами, Он, вопреки своим годам, Уж мыслит хладными трудами Сорвать сей нежный, тайный цвет, Хранимый Лелем для другого; Уже.... но бремя поздних лет Тягчит бесстыдника седого -Стоная, дряхлый чародей В бессильной дерзости своей Поед сонной девой упалает; В нем сердце ноет, плачет он, Но вдруг раздался рога звон

Т Т. Д.

В пятой песне после стиха «Укор невнятный лепетала»... (стр. 83) следовало:

В руках Руслана чародей Томился в муках ожиданья;

И князь не мог отвесть очей От непонятного созданья... Но головы в тот самый час Кончалось долгое страданье:

A T A.

В шестой песне, вместо описания восстания печенегов, в соответствующем месте, начиная со стиха «Весь Киев новою тревогой» было:

Весь Киев новою тревогой Смутился! Клики, шум и вой Повсюду разнеслись! Граждане Бегут, стеснились на стенах; И видят: в утреннем тумане Шатры белеют на холмах...

Но в это время вещий Финн

RT A.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК.

Текст посвящения, искаженного цензурой в изданиях при жизня Пушкина, восстановлен по автографу Пушкинского Дома Академии Наук СССР (так называемая «Чегодаевская рукопись»). В издании 1835 года посвящение читалось так:

Прими с улыбкою, мой друг, Свободной музы приношенье: Тебе я посвятил пустынной лиры пенье И вдохновенный свой досуг. Когда мне бедствия грозили,

Я при тебе еще спокойство находил, Я сердцем отдыхал: друг друга мы любили, И бури надо мной свирепость утомили: Я в мирной пристани бого благословил.

Во дни печальные разлуки Мои вадумчивые звуки Напоминали мне Кавказ,

Где пасмурный Бешту, пустынник величавый, Аулов и полей властитель пятиглавый,

Был новый для меня Парнас. Забуду ли кремнистые вершины, Гремучие ключи, увядшие равнины, Пустыни знойные, края, где ты со мной

Делил души младые впечатленья; Где рыскает в горах воинственный разбой,

И дикий гений вдохновенья Таится в тишине глухой! Ты вдесь найдешь воспоминанья, Быть может, милых сердцу дней, Противоречия страстей,

Мечты знакомые, внакомые страданья,
И тайный глас души моей.
Мы в жизни разно шли: в объятиях покоя
Едва, едва расцвел, и след отца-герся
В поля кровавые, под тучи вражых стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел;
Отечество тебя ласкало с умиленьем,
Как жертву милую, надежды верный цвет.
Я рано скорбь узнал, узнал людей и свет;

Но, сердце укрепив терпеньем, Я ждал беспечно лучших дней,

И счастие моих друвей Мне было сладким утешеньем.

В издании 1828 года предисловие читается так: «Сия повесть снисходительно принятая публикою, обязана своим успехом верному, котя слегка означенному, изображению Кавказа и горских иравов. Автор также соглашается с общим голосом критиков, справедливо осудивших характер пленника, некоторые отдельные черты и проч.».

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ. НАБРОСКИ ПЛАНА ПОЭМЫ.

ı.

Вечером — девица плачет, подговаривает, молодцы готовы отплыть; есаул — где то наш атаман — они плывут и поют ......

Под Астраханью, разбивают корабль купеческий; он берет себе другую; та сходит с ума; новая не любит и умирает, он пускается на все влодейства, есаул предает его. —

IL I

- I. Разбойники, история двух братьев —
- II. Атаман и с ним дева; хлад его etc.; песнь на Волге —
- III. Купеческое судно, дочь купца —
- IV. Сходит с ума —

ГРАФ НУЛИН.

Наиболее значительные варианты по рукописи Онегинского собрания:

В постеле лежа, Вальтер Скотта Глазами пробегает он: Но граф душевно развлечен; Неугомонная вабота Его тревожит; мыслит он: God dam! неужто я влюблен? Что если б можно... вот вабавно. Я, кажется, ей что то мил. Однако б это было славно --И Нулин свечку погасил. Ему не спится. Бес не дремлет, И графа неизвестный жар Сильней час от часу объемлет: Он весь кипит как самовар. Пока не повернула крана Хозяйка нежною рукой, Иль как отверстие волкана, Или... сравнений под рукой У нас довольно, но сравнений Не любит мой степенный гений -Живей без них рассказ простой.

Вместо стихов «так иногда лукавый кот» и след. — в рукописи строфа:

Граф местной памяти орган Имел по Галевой примете:
Он в темноте, как и при свете, Нашел бы дверь, окно, диван;
Он чуть дыханье переводит

Желаньем пламенным томим (Или боязнью). Пол под ним Скрыпит. Украдкой он подходит К бевмолвной спальне: «здесь она! Ждет нетерпения полна, И умолить се не трудно!»... Глядит - однако ж это чудно: Дверь вапертаі Герой слегка Жмет ручку медную замка. Дверь тихо-тихо уступает. Глядит - в таву свеча горит, Ховяйка мирно почивает Иль притворяется что спит. Надеясь твердо на прощенье, Граф падает к ее ногам. Прошу и петербургских дам Себе представить пробужденье Натальи Павловны моей, Прошу решить что делать ей.

Стиху «но вот его позвали к чаю» предшествовала строфа:

К хозяйке как ему явиться, Не покраснев? что скажет ей — Не лучше ль в путь скорей пуститься, Но не готово колесо — Какая мука это всё! За чьи грехи я погибаю?

ПОЛТАВА.

Первому изданию поэмы (1829) было предпослано следующее ПРЕДИСЛОВИЕ.

Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага; утвердила русское владычество на юге; обеспечила новые заведения на севере, и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем.

Ошибка шведского короля вошла в пословицу. Его упрекают в неосторожности, находят его поход в Украину безрассудным. На критиков не угодишь, особенно после неудачи. Карл однако ж сим походом избегнул славной ошибки Наполеона: он не пошел на Москву. И мог ли он ожидать, что Малороссия, всегда беспокойная, не будет увлечена примером своего Гетмана и не возмутится противу недавнего владычества Петра, что Левенгаупт три дня сряду будет разбит, что наконец 25 т. шведов, предводительствуемых своим королем, побегут перед нарвскими беглецами? Сам Петр долго колебался, избегая главного сражения, яко зело опасного дела. В сем походе Карл XII менее, нежели когда нибудь, вверялся своему счастию: оно уступило гению Петра.

Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церковию анафеме, не может избегнуть и проклятия человечества.

Некто в романтической повести изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим пред вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица.

31 января. 1829.

домик в коломне.

В бумагах Пушкина сохранилось следующее начало первовачального наброска «Домика в Коломне»:

Пока меня без милости бранят
За цель моих стихов — иль за бесцелье;
И важные особы мне твердят,
Что ремесло повта — ее безделье,
Что славы прочной я добьюся вряд,
Что хмель корош, но каково похмелье,
И что пора б уж было мне давно
Исправиться, коть вто мудрено.

Пока сердито требуют журналы, Чтоб я воспел победы россиян И написал скорее мадригалы На бой морской, на бегство персиян, [А русские Камиллы, Аннибалы Вперед идут]

В рукописи, содержащей полный текст предисловия, за III строфой с пропуском в нумерации следовали сперва следующие строфы.

VII.

Октавы трудны (взяв уловку лисью Сказать я мог, что кисел виноград). Мне видно с ними над Парнасской высью Век не бывать. Не лучше ли назад Скорей вести свою дружину рысью? Уж рифмами кой-как они бренчат — Кой-как уж до конца октаву вту Я дстянул. Стыд русскому пооту!

VIII.

Но возвратиться всё ж я не кочу К четырестопным ямбам, мере низкой. С гекзаметром... о с ним я не шучу: Он мне не в мочь. А стих Александрийской?... Уж не его ль себе я залучу? Извивистый, проворный, длинный, склизкой И с жалом даже — точная змия; Мне кажется, что с ним управлюсь я.

IX.

Он выняньчен был мамкою не дурой — (За ним смотрел степенный Буало), Шагал он чинно, стянут был цезурой, Но пудреной пиитике на вло Растреплен он свободною цензурой — Учение не в прок ему пошло — Нидо с товарищи, друзья натуры, Его гулять пустили без цезуры.

От школы прежней он уж далеко, Он предался совсем другим уставам. Как резвая покойница Жоко Александрийский стих по всем составам Развинчен, гнется, прыгает легко, Ломается, на диво костоправам — Они ворчат: уймется ль негодяй, Какой повеса! Экой разгильдяй!...

XI.

О, что б сказал поэт ваконодатель. Гроза несчастных, мелких рифмачей, И ты, Расин, бессмертный подражатель, Певец влюбленных женщин и царей, И ты, Вольтер, философ и ругатель, И ты, Делиль, парнасский муравей, Что б вы сказали, сей соблази увидя — Наш век обидел вас, ваш стих обидя.

XII.

У нас его недавно стали гнать (Кто первый — можете у Телеграфа Спросить и хорошенько всё узнать—) Он годен, говорят, для впиграфа Да можно им, порою, украшать Гробницы или мрамор кенотафа; До наших мод, благодаря судьбе, Мне дела нет; беру его себе.

5 октября (1830).

После этой строфы следовала приписка: «Сии октавы служили вступлением к шуточной поэме уже уничтоженной».

После исключения предыдущих строф между строфами III и IV находились еще две строфы:

IV.

У нас война. Красавцы молодые! Вы, хрипуны (но хрип ваш приумолк) Сломали ль вы походы боевые? Видали ль в Персии Ширванский полк? Уж люди! мелочь, старички кривые, А в деле всяк из них, что в стаде волк. Все с ревом так и лезут в бой кровавой, Ширванский полк могу сравнить с октавой.

V.

Поэты юга, вымыслов отцы, Каких чудес с октавой не творили? Но мы ленивцы, робкие певцы, На мелочах мы рифмы заморили, Могучие нам чужды образцы, Мы новых стран себе не покорила,

И наших дней изнеженный поэт Чуть смыслит свой уравнивать куплет —

Строфы эти зачеркнуты в рукописи, но нумерация не исправлена. После строфы VIII (в рукописи X) следовало:

XI.

И там копышутся себе в грязв Густой, болотистой, прохладной, клейкой. Кто с жабой, кто с лягушками в связи, Кто раком пятится, кто вьется вмейкой... Но, Муза, им и в шутку не грози — Не то тебя покроем телогрейкой Оборванной, и вместо похвалы Поставим в угол Северной пчелы.

XII.

Иль наглою, безнравственной, мишурной Тебя в Москве журналы прозовут, Или Газетою Литературной Ты будеть призвана на барский суд. Ведь нынче время споров, брани бурной, Друг на друга словесники идут. Друг друга жмут, друг друга колют, губят, И хором про свои победы трубят —

XIII.

Читатель, можешь там глядеть на всех, Но издали и смейся то над теми, То над другими: верх земных утех Из-за угла смеяться надо всеми. Но сам в толпу не суйся... или смех Плохой уж выдет: шутками однеми Тебя как шапками и враг и друг Соединясь все закидают вдруг.

XIV.

Тогда давай бог ноги... Потому-то Здесь имя подписать я не хочу — Порой, я стих повертываю круто, Всё ж видно, не впервой я им верчу, А как давно? того и не скажу-то. На критиков я еду, не свищу, Как древний богатырь — а как наеду.... Что ж? поклонюсь и приглашу к обеду.

XV.

Покаместь, можете принять меня За старого, обстреленного волка Или за молодого воробья, За новичка, в котором мало толка. У вас в шкапу, быть может, мне, друзья, Отведена особенная полка — А может быть впервой хочу послать Свою тетрадку в мокрую печать. —

Когда б никто меня под легкой маской (По крайней мере долго) не узнал! Когда бы за меня своей указкой, Другого критик строго пощелкал! Уж то-то б неожиданной развязкой Я все журналы после взвелновал! Но полно, будет ли такой мне праздник? Нас мало. Не укроется проказник.

После втих строф — еще две, вачеркнутые в рукописи:

А вероятно, не заметят нас, Меня с октавами моими купно. Однако ж нам пора. Ведь я рассказ Готовил — а шучу довольно крупно И ждать напрасно заставляю вас. Язык мой враг мой: всё ему доступно. Он обо всем болтать себе привык!... Фригийский раб, на рынке взяв язык,

* _ *

Сварил его (у господина Копа Коптят его). Езоп его потом Принес на стол... Опять! вачем Езопа Я вплел с его вареным языком В мои стихи — что вся прочла Европа, — Нет нужды вновь беседовать о том, — Насилу-то рифмач я безрассудной Отделался от сей октавы трудной.

«АНДЖЕЛО».

«Анджело» представляет собою пересказ трагедии Шекспира «Мера за меру». Сохранился в копии отрывок сделанного Пушкиным перевода первой сцены трагедии. Вероятно этот перевод был сделан раньше поэмы.

[Дук].

Вам объяснять правления начала Излишним было б для меня трудом. Не нужно вам ни чьих советов. Превыше сами вы всего — мне только Во всем на вас осталось положиться. Порочный дух народа, ход правленья Постигли вы верней, чем кто б то ни был Вот вам наказ; желательно б нам было, Чтоб от него не отшатнулись вы. Позвать нам Анджело. — Каков он будет, По мненью вашему, на нашем месте? Вы внаете, что нами он назначен Нас ваменить в отсутствие — что мы И милостью и страхом облекли Наместника всей нашей власти; что же Об нем вы мните?

[Эскал].

Если в целом свете Сей почести достоин кто нибудь, Так это Анджело. — [Дук]. Вот он идет.

[Анджело].

Послушен вашей милостивой воле, Спешу принять я ваше предложенье.

Часть Первая, строфа V. Вместо стихов 9—12 первоначально читалось:

Моею строгостью гнушаться в вашей воле. Висеть в бездействии законы не должны, Как розга на детей, для виду только, в школе, Не долго будут их бояться шалуны.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОЭМА О ТАЗИТЕ.

Черновое продолжение поэмы:

Но с неприязненною думой Ему внимал старик угрюмый, Главою белой покачал, Махнул рукой и отвечал:

— Ты мой рассудок искушаешь, Иль испытуя, иль шутя — Какой безумец, сам ты знаешь, Отдаст [любимое] дитя, Тому, кто в бой вступить не смеет, Кто робок даже пред рабом, Кто мстить за брата не умеет, Кто изгнан и проклят отцом? Ступай, оставь меня в покое! —

Глубоко в сердце молодое
Тяжелый <?> врезался укор.
Тазит сокрылся. С этих пор
Ни с кем не вел <?> он <?> разговора, <?>
[И никогда на деву гор]
[Не подымал несчастный взора] 1

Но под отеческую сень Не возвратился сын изгнанный. Исчезла ночь, и снова день, ...вечер [хладный] <и> туманный

Сидит недвижный, одинокий....
Вариант начала поэмы (написанный другим размером)

Не для тайного совета, [Не для битвы] до рассвета, Не для встречи кунака, Не для свадебной потехи Рано съехались адехи [К сакле]

Хищник смелый, сын Гасуба, Вся надежда старика, Близ развалин Татартуба Пал от пули казака...

¹ Чтение последних трех стихов — предположительно.

планы:

Ī.

Обряд похорон. — Уздень и меньшой сын. — I день — дань — почта — грузинский купец. — II — орел — казак. — III — отец его гонит. — Юпоша и монах. — Любовь — отвергнутый. — Битва — монах.

II.

- 1. Похороны.
- 2. [Три дня] Черкес христианип. 3. Купец.
- 4. [Kазак] раб.
- 5. Убийца.
- 6. Изгнание.
- 7. Любовь.
- 8. Сватовство.
- 9. Отказ.
- 10. [Священник] Миссионер.
- 11. Война.
- 12. Сражение. 13. Смерть. 14. Эпилог,

БОРИС ГОДУНОВ.

Сцены, не включенные Пушкиным в основной текст.

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ. 1 Григорий и злой Чернец.

Григорий.

Что за скука, что за горе наше бедное житье! День приходит, день проходит — видно, слышно всё одно: Только видишь черны рясы, только слышишь колокол, Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать нечего — соснешь; Ночью долгою до света всё не спится чернеду. Сном забудешься, так душу грезы черные мутят; Рад, что в колокол ударят, что разбудят костылем. Нет, не вытерплю! нет мочи. Чрез ограду да бегом. Мир велик: мне путь дорога на четыре стороны, Поминай как звали.

Чернец.

Правда: ваше горькое житье. Вы разгульные, лихие, молодые чернецы.

Григорий.

Хоть бы хан опять нагрянул! хоть Литва бы поднялась! Так и быть! пошел бы с ними переведаться мачем.

¹ После сцены: «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

Что, когда бы наш царевич из могилы вдруг воскрес И вскричал: А где вы, дети, слуги верные мои? Вы подите на Бориса, на злодея моего, Изловите супостата, пригедите мне его!——

Чернец.

Полно! не болтай пустого: мертвых нам не воскресить! Нет, царевичу инос, видно, было суждено — Но послушай: если дело затевать, так затевать....

Григорий.

Что такое?

Чернец.

Если б я был так же молод, как и ты, Если б ус не пробивала уж лихая седина — — Понимаешь?

Григорий.

Нет, нисколько.

Чернец.

Слушай: глупый наш народ Легковерен; рад дивиться чудесам и новизне; А бояре в Годунове помнят равного себе; Племя древнего Варяга и теперь любезно всем. Ты царевичу ровесник... если ты хитер и тверд.... Понимаешь? (Молчание).

Григорий.

Понимаю.

Чернец.

Что же скажещь?

Григорий.

Решено!

Я Димитрий, я царевич.

Чернец.

Дай мне руку: будешь царь.

ПОСЛЕ СЦЕНЫ VI 1

Где ж он? где старец Леонид? Я эдесь один и всё молчит, Холодный дух в лицо мне дует И ходит холод по главе...

Что ж это? что же знаменует? Беда ли мне, беда Москве? Беда тебе, Борис лукавый! Царевич тению кровавой Войдет со мной в твой светлый дом. Беда тебе! главы преступной Ты не спасешь ни покаяньем Ни Мономаховым венцом.—

ЗАМОК ВОЕВОДЫ МНИШКА В САМБОРЕ. 1

(Уборная Марины.)

Марина, Рузя убирает ее, служанки.

Марина (перед веркалом). Ну, что ж? готово ли? нельзя ли поспешить?

Рузя.

Позвольте: наперед решите выбор трудный:
Уто вы наденете, жемчужную ли нить
Иль полумесяц изумрудный?

Марина.

Алмазный мой венец.

Рузя.

Прекрасно! помните? его вы надевали, Когда изволили вы ездить во дворец. На бале, говорят, как солнце вы блистали. Мужчины ахали, красавицы шептали.... В то время, кажется, вас видсл в первый раз Хоткевич молодой, что после застрелился. А точно, говорят: на вас

Кто ни ваглянул, тут и влюбился.

Марина

Нельзя ли поскорей.

Рузя.

¹ После сцены: «Краков. Дом Вишневецкого».

Димитрий поведет московскую царицу Вы не оставите меня?

Марина.

Ты разве думаешь — царицей буду я?

Рузя.

А кто ж, когда не вы? кто смеет красотою Равняться здесь с моею госпожою? Род Мнишков — ничьему еще не уступал; Умом — превыше вы похвал.... Счастлив, кого ваш взор вниманья удостоит, Кто сердца вашего любовь себе присвоит — Кто б ни был он, хоть наш король, Или французский королевич — Не только нищий ваш царевич, Бог весть какой, бог весть отколь.

Марина.

Он точно царский сын и признан целым светом.

Рузя.

А всё ж он был прошедшею зимой У Вишневецкого слугой.

Марина

Скрывался он.

Рузя.

Не спорю я об этом— А только знаете ли вы, Что говорят о нем в народе? Что будто он дьячок, бежавший из Москвы, Известный плут в свосм приходе.

Марина.

Какие глупости!

Рузя.

О я не верю им—
Я только говорю, что должен он конечно
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другим.

Служанка вбегает.

Уж гости съехались.

Марина.

Вот видишь: ты до света Готова пустяки болтать. А между тем я не одета....

Сейчас, готово всё.

(Служанки суетятся.)

Марина

Мне должно всё узнать.

ЦАРСКИЕ ПАЛАТЫ ¹

Ксения (держит портрет).

Что ж уста твои Не промолвили, Очи ясные Не прогляпули? Аль уста твои Затворилися, Очи ясные Закатилися?...

Братец — а братец! скажи: королевич похож был на мой образок?

Феодор.

Я говорю тебе, что похож.

Пропущенные стихи из сцены: «КРАКОВ. ДОМ ВИШНЕВЕЦКОГО». См. стр. 305.

Лишь дайте мне добраться до Москвы, А там уже Борис со мной и с вами Расплатится. Что ж нового в Москве?

Хрущев.

Всё тихо там еще. Но уж народ Спасение царевича проведал, Уж грамоту твою везде читают, Все ждут тебя. Недавно двух бояр Борис казнил за то, что за столом Они твое здоровье тайно пили.

Самозванец.

О добрые, несчастные бояре! Но кровь за кровы! и горе Годунову! Что говорят о нем?

Хрущев.

Он удалился
В печальные свои палаты. Грозен
И мрачен он. Ждут казней. Но недуг
Его грызет. Борис едва влачится,
И думают, его последний час
Уж недалек.

¹ Исключенное начало сцены.

Самозванец.

Как враг великодушный, Борису я желаю смерти скорой; Не то — беда влодею. А кого Наследником наречь намерен он?

Хрущев.

Он замыслов своих не объявляет, Но кажется, что молодого сына, Феодора — он прочит нам в цари.

Самовванец.

В расчетах он, быть может, ошибется. См. стр. 306.

И я люблю парнасские цветы (читает про себя).

Хрущев тихо Пушкину.

Кто сей?

Пушкин.

Пиит.

Хрущев.

Какое ж это званье?

Пушкин.

Как бы сказать? по русски — виршеписец Иль скоморок.

Самозванец.

Прекрасные стихи!

Окончание «Бориса Годунова» в рукописи.

Народ.

Да здравствует царь Димитрий Ивановичі 7 ноября 1825.

Конец комедии в нейже первая персона царь Борис Годунов. Слава отцу и сыну и святому духу. Аминь.

РУСАЛКА.

Первоначальный конец сцены «Княжеский терем».

Дружко.

Уж эти девушки — никак нельзя им He попроказить. Статочно ли дело Мутить нарочно кияжескую свадьбу

(Слышен крик).

Га! это что? да это голос князя! (девушка под покрывалом переходит черев комнату).
Ты видела?

CBaxa

Да, видела.

Княвь (выбегает).

Держите! Гоните со двора ее долой! Вот след ее — с нее вода течет.

Дружко.

Да, так, вода. Юродивая, видно, Нечаянно сюда прокралась — слуги Над ней смеясь, ее, внать окатили.

Князь.

Ступай, прикрикни ты на них. Как смели Над нею издеваться и ко мне Впустить eel (Уходит).

Дружко.

Ей богу это странно— Кто там? (входят слуги). Зачем пустили эту девку?

Слуга

Какую?

Дружко.

Мокрую.

Слуга

Мы мокрых девок

Не видели.

Дружко.

Куда ж она девалась?

Слуга.

Не ведаем.

. Сваха.

Ох, сердце замирает. Нет, это не к добру.

Дружко.

Ступайте вон. Да никоге, смотрите, не впускайте. А я пойду садиться на коня. Ей богу, странно (уходит).

Сваха.

Сердце зак ирает! Не даром песню чудную пропели, Не даром чудеса творятся. Чем то Всё это кончится? Нет, это не к добру.

II.

Стихи пропущенные в сцене «Светлица»:

Мамка.

Ну в ком ему найти, как не в тебе Сокровища такого?

Княгиня.

Я слыхала,

Что будто бы до свадьбы он любил Какую то красавицу, простую Дочь мельника.

Мамка.

Да, так и я слыхала Тому давно, годов уж пять иль больше; Но девушка, как слышно, утопилась, Так нечего об ней и поминать.

Княгиня.

Уже одну любил он да покинул, Так и меня покинуть может он.

III.

Сохранился отрывок III сцены («Светлица»), написанный народным стихом:

Княгиня княгинюшка, Дитя мое милое, Что сидншь невесело, Головку повесила? Ты не весь головушку, Не печаль меня старую, Свою няню любимую.

— Ах, нянюшка, нянюшка, милая моя — Как мне не тужить, как веселой быть? Была я в девицах, друг любил меня, Вышла за него, разлюбил меня. Бывало дружок мой целый день сидит Супротив меня, глядит на меня, глядит на меня, глядит на меня, не смигивает. Аюбовные речи пошептывает — А нынче дружок мой ни свет ни заря Разбудит меня, да сам на коня, [Весь день по гостям] разгуливает. Приедет, не молвит словечушка мне Он ласкового, приветливого —

— Дитя мое, дитятко, не плачь, не тужи. Не плачь, не тужи, сама рассуди: Удал добрый молодец, что вольный петух - Мах-мах крылом, запел, полетел; А красная девица, что наседочка: Сиди да сиди, цыплят выбоди —

— Уж нет ли у него зазнобы кажой? Уж нет ли на меня разлучницы?

— Полно те, милая, сама рассуди — Ты всем то взяла, всем то хороша, Лица красотой, умом-разумом, Лебединою походочкой, Соловьиной поговорочкой, Тихим ласковым обычаем...

СЦЕНЫ ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН.

Сохоанилось два наброска начала пьесы, написанных стихами:

Ох горе мне, Мартын, Мартын. Клянусь, ей-ей, ты мне не сын — Моя [покойница сшалила] В кого она тебя родила? Мой прадед был честной бочар Он передал свой сыну дар Дед <перавб.> отец был <тоже>... прости им боже! Я тож, — а ты, а ты то что?

H.

— Эй, Франц, я говорю тебе в последний раз: Я больше не хочу терпеть твоих проказ. Уймись или потом поплачешь, будь уверен. — Да что ж я делаю?

— Ты? вовсе ничего, [И в том и беда.] Ты кажется намерен Хлеб даром есть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	$Cm\rho$.		$Cm\rho$.
От редакции Статья	5	Моцарт и Сальери. (Ред. П. Е. Щеголев)	356
Н. С. Ашукина	7	Каменный гость. (Ред. П. Е.	
		Щеголев)	365
ПОЭЙРІ		Пир во время чумы. (Ред.	395
Руслан и Людмила. (Редакти-	,	Русалка. (Ред. С. М. Бонди)	403
ровал П. Е. Щеголев)	37	Сцены из рыцарских вре-	422
Кавказский пленник. (Ред. П. Е.		мен>, (Ред. C. M. Бонди) .	423
Щеголев)	98	ОТРЫВКИ И ПЛАНЫ	
Гавринанада. (Ред. Б. В. Тожа-	117	1. «Скажи, какой судьбой друг	
шевский) Братья-разбойники. (Ред. П. Е.		другу мы попались» (Ред.	
Щеголев)		С. М. Бонди)	446
Бахчисарайский фонтан. (Ред.	136	2. Вадим. (Ты видел Новго- род). (Ред. С. М. Бонди)	448
П. Е. Шеголев)	152	3. «Она меня вовет: поеду или	
Граф Нулин. (Ред. В. А. Ма-		нет». (Ред. С. М. Бонди)	449
нуйлов)	169 178	4. «Насилу выехать решились из	
Полтава. (Ред. П. Е. Щеголев) Домик в Коломне. (Ред. Б. В.	170	Москвы». (Ред. С. М. Бон-	451
Томашевский)	215	5. «Через неделю буду в Па-	
Анджело. (Ред. Б. В. Томашев-		рижс». (Ред. С. М. Бонди) .	452
ский)	225	6. «От этих знатных господ по- кою нет». (Ред. С. М. Бон-	
Щеголев)	243	Au)	454
<h>Неоконченная поэма о Тави-</h>		7. «И ты тут был?» (Ред.	
те.> (Ред. С. М. Бонди)	255	С. М. Бонди)	456
Программы и планы 263-	203	8. План драмы о папессе Иоан- не. (Ред. Ю. Г. Оксман)	456
1. К поэме о Бове. (1822.) (Ред. М. К. Авадовский).	263	and the same and a same and	
2. К поэме о Мстиславе.	200	ПРИЛОЖЕНИЯ	
(1822.) (Ред. С. М. Бон-		Руслан и Людмила	438
ди)	264	Кавказский пленник	463
С. М. Бонди)	265	Братья разбойники	464
4. План. (1829). (Ред. С. М.		Граф Нулин	464 465
Бонди)вваявая	265	Домик в Коломне	466
		Анджело	469
ДРАМЫ		< Неоконченная поэма о Та-	470
Борис Годунов. (Ред. Б. В.		Борис Годунов	471
Томашевский)	269	Русалка	476
Скупой рыцарь. (Ред. П. Е. Ще-	340	<Сцены из рыцарских вре-	479
	270	MeH>	417